

Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.

Чарльз Тилли

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

CONTENTION
and DEMOCRACY
in EUROPE,
1650–2000

CHARLES TILLY
Columbia University

Cambridge University Press

БОРЬБА
И ДЕМОКРАТИЯ
В ЕВРОПЕ,
1650–2000 гг.

ЧАРЛЬЗ ТИЛЛИ

Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА КАЛИНИНА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 321.7:94(4)
ББК 63.3(2)6-3
Т407

Составитель серии и научный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Тилли, Ч.
Т407 **Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. [Текст] /**
пер. с англ. А. А. Калинина; Гос. ун-т — Высшая школа
экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы
экономики, 2010. — 456 с. — (Политическая теория). —
1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0734-6 (в пер.).

В книге известного американского исторического социолога Чарльза Тилли (1929–2008) предлагается всесторонний анализ отношений между демократизацией и политической борьбой. Последовательное сравнение истории Великобритании и Франции показывает, что демократизация в Европе стала результатом борьбы, во время которой лишь немногие участники сознательно стремились создать демократические институты. Поэтому условия демократизации всякий раз оказываются различными и зависят от конкретной исторической ситуации, предшествующих событий, международного окружения, наличествующих форм политической организации и сложившихся общественных отношений.

Книга предназначена политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 321.7:94(4)
ББК 63.3(2)6-3

ISBN 978-5-7598-0734-6 (рус.)
ISBN 0-521-53713-4 (англ.)

© Charles Tilly 2004
All rights reserved.
© Оформление.
ЗАО «Олимп—Бизнес», 2009
© Дизайн обложки.
Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

Оглавление

<i>О книге</i>	VI
<i>Об авторе</i>	VII
<i>Отзывы о книге</i>	VIII
<i>Предисловие</i>	X
<i>Глава 1. Борьба и демократия</i>	1
<i>Глава 2. Режимы и соответствующие им формы борьбы</i>	67
<i>Глава 3. Недемократическая борьба в Европе, 1650–1850 гг.</i>	111
<i>Глава 4. Франция</i>	150
<i>Глава 5. Британские острова</i>	207
<i>Глава 6. Швейцария как особый случай</i>	263
<i>Глава 7. Демократия и другие европейские режимы, 1815–2000 гг.</i>	326
<i>Глава 8. Европа и мир</i>	384
<i>Библиография</i>	411

О книге

В книге «Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.» дан анализ взаимозависимости демократизации, противоположного ей процесса (далее называемого де-демократизацией) и политики борьбы. Написанная на основе последних теоретических открытий, книга строится на постоянном сравнении истории Франции и Великобритании с 1650 г. — своеобразном трамплине для более широких обобщений в масштабах всей Европы. Книга показывает, что демократизация — результат борьбы, в ходе которой, как это происходило во Франции и Великобритании в XIX столетии, очень немногие действующие лица предпринимали осознанные попытки создать демократические институты (если такие люди вообще были). Книга демонстрирует, что условия, благоприятствующие демократизации, меняются от эпохи к эпохе и от региона к региону, будучи производными от предшествующей истории, международной ситуации, имеющихся моделей политической организации и доминирующих моделей социальных отношений. Обзор европейской истории свидетельствует о том, что процесс демократизации подвержен срывам в де-демократизацию, периодам свертывания демократии.

Об авторе

Чарлз Тилли — финансируемый фондом Джозефа Л. Баттенви-зера профессор социальных наук Колумбийского университета. Ранее Ч. Тилли преподавал в Университете штата Делавэр, Гарвардском университете, Университете Торонто, Мичиганском университете и в Новой школе социальных исследований. Ч. Тилли — член Национальной академии наук, Американской академии искусств и наук и Американского философского общества. Среди его многочисленных трудов — три книги, недавно изданные Cambridge University Press: «Dynamics of Contention» («Динамика борьбы», в соавторстве с Дугом Макадамом и Сиднеем Тарроу), «Silence and Voice in the Study of Contentions Politics» («Изучение политики борьбы: молчание и голоса», в соавторстве с Роналдом Аминзаде) и «The Politics of Collective Violence» («Политика коллективного насилия»).

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

Эта великолепная книга посвящена изучению механизмов, благодаря которым история демократизации Европы и история борьбы, происходившей в европейских странах на протяжении нескольких веков, оказались тесно переплетены. В книге практически нет и страницы, которая не содержала бы интригующих доказательств, сравнений, раскрывающих суть описываемых процессов, пробуждающих мысль догадок или говорящих за себя данных. Посылки, на которых построена книга, и содержащиеся в ней выводы глубоко оригинальны и ставят под сомнение многие традиционные истины.

*Джон Маркофф,
Питтсбургский университет*

Чарлз Тилли написал смелую и важную книгу. Все, кто стремится постичь историческую логику процессов демократизации, должны прочитать эту книгу.

*Марсел ван дер Линден,
Международный институт социальной истории,
Амстердам*

В этой книге Чарлз Тилли расширяет свой уже исключительный вклад в изучение демократизации. Отвергая ограничения узких посылок, согласно которым демократия может стать результатом только уникальных историй или конституций, Тилли разворачивает анализ разнообразных механизмов, сосредоточивая внимание на борьбе, неравенстве, доверии, на сетях и участии. Результат этого исследования напоминает нам о неопределенности, изменчивости, разнообразии путей к демократии, на которые зачастую вступают непреднамеренно, уже пройденных путей и еще ждущих своего часа. Такому ученому, с его глубокой историческое мышления, нет равных, как нет и аналогов его подходу к самой важной теме нашего времени.

Энтони Маркс, Амхерст-колледж

Новая блистательная и тщательно выверенная книга Чарлза Тилли, основанная на детальном сравнительно-историческом исследовании, рассказывает нам о различных путях к демократии, пролегающих через разнообразные формы политической борьбы. Выстроив свою теорию в духе Баррингтона Мура и показав, что в общем и целом процесс демократизации и де-демократизации — результат множества восстаний, столкновений, революций и реакций, имевших место в европейском контексте, Чарлз Тилли смог разработать новую модель построения демократии, которую следует серьезно изучить всем политическим лидерам мира.

Пьер Бирнбаум, Парижский университет

Великолепный свод накопленных за целую жизнь, полученных в результате тяжелого исследовательского труда знаний о демократизации конфликта. Тонкие нюансы отлично уравниваются яркими обобщениями. Это — историческая социология в ее лучшем и самом мудром виде.

Джеймс Скотт, Йельский университет

Предисловие

Читатели, одаренные (или обремененные) долгой памятью, поймут, что эта книга — вторжение в область, которую некогда прошел вдоль и поперек мой блистательный учитель Баррингтон Мур-младший. Моя книга отличается от яркой, вдохновляющей книги Мура «Social Origins of Dictatorship and Democracy» («Социальные истоки диктатуры и демократии») тем, что я делаю акцент на демократизации и де-демократизации, отказываясь от анализа, выполненного задним числом (т. е. от результата к причине), и перехожу от прямого и подробного сопоставления Великобритании и Франции к объяснению вариаций, имевших место в Европе в целом. Другие почитатели Баррингтона Мура (например, Дитрих Рюшмейер, Ивлин Хубер и Джон Стивенс), как правило, следовали за своим учителем, сосредоточившись на объяснении долгосрочных результатов и выяснении причин, в силу которых в разных странах в конце концов сложились разные политические режимы. Хотя в этой книге, безусловно, прослеживается воздействие прошлого конкретных стран на их современную политическую жизнь, она должна привлечь внимание тем, что построена преимущественно на выявлении механизмов и процессов, которые способствуют демократизации, замедляют ее, а то и обращают вспять. Моя ра-

бота сфокусирована не столько на истоках и итогах, сколько на траекториях, путях движения. Тем не менее всякий знакомый с трудом Мура увидит, как сделанный им акцент на политических последствиях борьбы перенесен в исследования его учеников.

Позвольте быть откровенным. Как и у самого Баррингтона Мура, у меня нет трепетного, до слез на глазах, отношения к реально существующим демократиям. За исключением очень немногих революционных моментов, я не знаю ни одного европейского государственного режима, прошлого или нынешнего, в котором малое число богатых и обладающих хорошими связями людей — я хочу сказать, мужчин, — не обладали бы непропорционально большим влиянием на правительство. Во всех известных мне формально демократических режимах были и есть заклеянные меньшинства, уязвимые для правительственного произвола. Режим, существующий в моей собственной стране, США, я считаю глубоко порочной демократией, постоянно тяготеющей к де-демократизации. Она отлучает значительные сегменты собственного населения от публичной политики, вписывает в жизнь страны различные формы социального неравенства, препятствует воле народа и отказывается предоставлять своим гражданам равную защиту. В этой книге слово «демократический» означает всего лишь «менее недемократический» по сравнению с большинством других режимов, т. е. до какой-то степени отличный от мелкой тирании и монолитного авторитаризма, которые на протяжении последних пяти тысяч лет были двумя обычными формами правления во всем мире.

Позвольте также обозначить три затруднения, с которыми я столкнулся при написании книги. Я говорю о множественности масштабов, разнообразии литературы и объяснениях, несовместимых с общепринятыми. Мой способ решать эти проблемы может вызвать у некоторых читателей недоумение. Во-первых, множественность масштабов. Я анализирую некую переменную производную очень разных масштабов: европейский континент

как единое целое на протяжении весьма длительных периодов, крупные регионы Европы на протяжении столетий, целые страны за периоды от 20 до 350 лет, области внутри стран (например, Англия, Ирландия и Шотландия в рамках Британских островов) в течение разных по длительности периодов, конкретные кризисы, эпизоды и фигуры в определенные моменты. Ни на одном из этих уровней я не собирал непрерывных, всеобъемлющих данных по всем объектам. Углубившись в исследование, я быстро отбросил первоначальный план построить рейтинги демократизации всех европейских политических режимов, эпоха за эпохой, с 1650 по 2000 г.; я осознал, что задача не в том, чтобы предоставить скрупулезное, последовательное объяснение единой переменной, а в том, чтобы проследить сложный процесс на многих уровнях. В результате у представленных мною доказательств постоянно меняется масштаб, и я не стремлюсь зафиксировать каждую деталь.

Теперь — о второй проблеме. Книга написана на основе обширной и по большей части разрозненной литературы, посвященной европейской истории, демократизации и политической борьбе. Специалисты по этим отраслям, скорее всего, сочтут, что я приуменьшил значение их любимых разделов литературы, и, таким образом, по-видимому, потребуют от моих наблюдений и доводов большей оригинальности, чем нужно, не говоря уже о возражениях, которые тот или иной аналитик может выдвинуть против моих описаний и объяснений. Перспектива такой критики вызывает у меня сожаление. Но я считаю, что альтернатива — полное цитирование источников и дотошное рассмотрение литературы по каждому сюжету или вопросу — оказалась бы еще хуже. Выбери я этот путь — и объем книги стал бы вдвое больше при той же плотности печати. При работе над книгой об истории Европы с 1650 г. я по необходимости постоянно обращался к опубликованным статьям, монографиям, сводным трудам, справочникам и энциклопедиям, для того чтобы прояснить события, установить даты,

определить места, события или действующие лица. Однако, за исключением случаев, когда мне кажется, что читателям могут потребоваться некоторые подтверждения, я ссылаюсь на такие публикации только при непосредственном цитировании или при заимствовании уникальных данных.

Мое решение ограничить цитирование и историографические обзоры — это в том числе и сопротивление искушению открыто занять ту или иную сторону в спорах специалистов. Например, только знатоки французской истории легко заметят, что в главе 4 я в основном отвергаю выдвинутую моим покойным другом Франсуа Фюре ревизионистскую интерпретацию Французской революции и ее последствий (в этой главе даже возрождена концепция буржуазной революции, поношением которой занималось целое поколение французских историков). Поскольку я много писал о европейской историографии, теориях политической борьбы, революциях и демократизации, читатели, интересующиеся моей позицией в крупных дискуссиях, могут без труда удовлетворить свое любопытство. А пока они извлекут пользу из упорядоченности этой книги.

Третья сложность — это подрывная сила моих объяснений. С точки зрения здравого смысла и общественных наук индивидуальные предрасположенности и намерения — это фундаментальные причины социальных процессов. Культурологи, феноменологи, бихевиористы и методологические индивидуалисты — все единодушно утверждают, что намерения и склонности индивидов определяют и объясняют их действия. Индивидуальные действия затем интегрируются в социальные процессы вроде демократизации или де-демократизации. Мои многолетние сетования по поводу объяснения исторических процессов намерениями отдельных людей, увы, практически не повлияли на доминирующие методы. Поэтому вместо проповеди книга попросту взрывает и опровергает преобладающие подходы. Насколько разумнее здесь объясняются процессы демократизации и де-демократизации в Европе — судить читателям.

Предлагаемые мною объяснения разрушительны в трех отношениях. Первый аспект этого разрушения представлен в таблицах 1.1–1.3. С точки зрения механизмов и процессов, которыми я предлагаю объяснять демократизацию, 1) индивидуальные предрасположенности — это результат, а не причина, 2) отношениям отдается предпочтение перед механизмами окружающей среды и познания, 3) механизмы вроде посредничества действуют на том же уровне, что и объясняемые нами социальные процессы, а не тяготеют к мелким уровням, как в химической модели молекулярных процессов. Даже среди меньшинства специалистов по социальным наукам, горячо приветствующих концепцию механизмов как объяснений, эти три положения считаются подрывающими основы. Работая над книгой, я решил, что, поскольку все мои прежние увещания особой пользы не принесли, лучше просто продолжать объяснять и предоставить читателям возможность самим судить о том, насколько разрушительны результаты исследования. Соответственно, порой я сравниваю свои объяснения с теми, что предлагают мои коллеги, но не пытаюсь привлечь внимание к логическим противоречиям между этими трактовками.

Кроме того, я подавил искушение развертывать каждый довод и включать в него вопросы концептуализации, измерений, объяснений и теоретической разработки. В некоторых моих более ранних работах, например, выполнена концептуализация революционных процессов, которые сопоставлены в мельчайших подробностях, но в этой книге я довольствуюсь простой характеристикой революций. Читатели, считающие, что я слишком поверхностно касаюсь этих вопросов, могут ознакомиться с более пространным их изложением в следующих публикациях:

- 1993 European Revolutions, 1492–1992. Oxford: Basil Blackwell.
- 1993 Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834 // Social Science History, 17, p. 253–280.

- 1995 Democracy Is a Lake // The Social Construction of Democracy / Eds. George Reid Andrews, Herrick Chapman. New York: New York University Press; Basingstoke: Macmillan.
- 1995 To Explain Political Processes // American Journal of Sociology, 100, p. 1594–1610.
- 1997 Parliamentarization of Popular Contention in Great Britain, 1758–1834 // Theory and Society, 26, p. 245–273.
- 1998 Democracy, Social Change, and Economies in Transition // Transforming Post-Communist Political Economies / Eds. Joan M. Nelson, Charles Tilly, Lee Walker. Washington: National Academy Press.
- 1998 Armed Force, Regimes, Contention, and Democratization in Europe since 1650 // Research Monograph 19, Center for the Study of Democracy, University of California, Irvine; www.democ.uci.edu/democ.
- 1998 Regimes and Contention // Columbia International Affairs On-line (CIAO). Working paper, www.columbia.edu/sec/dlc/ciao/wps/sites/css.html.
- 1999 Why Worry about Citizenship? // Expanding Citizenship, Reconfiguring States / Eds. Michael P. Hanagan, Charles Tilly. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.
- 2000 Process and Mechanisms of Democratization // Sociological Theory, 18, p. 1–16.
- 2001 Mechanisms in Political Processes // Annual Review of Political Science, 4, p. 21–41.
- 2001 *Tilly Charles, McAdam Doug, Tarrow Sidney*. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press.
- 2001 Democracy (Vol. 2), Collective Action (Vol. 3), Social Class (Vol. 3) // Encyclopedia of European Social History, 6 vols. / Ed. Peter N. Stearns. New York: Scribner's.
- 2001 Historical Analysis of Political Processes // Handbook of Sociological Theory / Ed. Jonathan H. Truner. New York: Kluwer/Plenum.

- 2001 Historical Sociology // International Encyclopedia of the Behavioral and Social Sciences. Amsterdam: Elsevier, vol. 10, p. 6753–6757.
- 2001 Public Violence // International Encyclopedia of the Behavioral and Social Sciences. Amsterdam: Elsevier, vol. 124, p. 16206–16211.
- 2002 Neure angloamerikanische Sozialgeschichte // Kompas der Geschitswissenschaft / Eds. Günther Lottes, Joachim Eibach. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- 2002 Event Catalogs as Theories // Sociological Theory, 20, p. 248–254.
- 2002 Stories, Identities, and Political Change. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.
- 2003 The Politics of Collective Violence. Cambridge: Cambridge University Press.

Внимательные читатели заметят, что я заимствовал ряд идей и фактов — например, календари революционных ситуаций, приведенные в главах 3–5, взяты из книги «European Revolutions» («Европейские революции»), — не сославшись на соответствующие публикации. Повторяю: такие ссылки на все мои ранние высказывания по проблемам, рассматриваемым в этой книге, просто обременили бы ее без пользы для читателя. Более существенные совпадения с ранними публикациями имеют место в двух случаях: 1) когда я включаю в книгу целые абзацы из ранних работ; 2) когда я в процессе работы над книгой публиковал из нее отрывки. В результате эта книга частично пересекается с указанными ниже публикациями:

- 1992 Cities, Bourgeois, and Revolution in France // Liberté, égalité, fraternité: Bicentenaire de la grande révolution française / Ed. M'hammed Sabour. Joensuu, Finland: Joensuun Yliopisto. University of Joensuu Publications in Social Sciences, 14.
- 1995 Citizenship, Identity and Social History; The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere // Citizenship, Identity and

- Social History / Ed. Charles Tilly. Cambridge: Cambridge University Press.
- 1998 Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions — Local, National, and International — Including Identities. Several Divagations from a Common Path, Beginning with British Struggle over Catholic Emancipation, 1780–1829, and Ending with Contemporary Nationalism // *Theory and Society*, 27, p. 453–480.
- 2000 *Struggle, Democratization, and Political Transformation // Paradigms of Social Change: Modernization, Development, Transformation, Evolution* / Eds. Waltraud Schelkle, Wolf-Hagen Krauth, Martion Kohli, Georg Elwert. Frankfurt and New York: Campus Verlag and St. Martin's.

Замечу, что глава 7 представляет собой значительно расширенный вариант моих статей, опубликованных в сборнике: *Doug McAdam, Sidney Tarrow, Charles Tilly. Dynamics of Contention*. Cambridge University Press, 2001. Кроме того, в этой главе полностью воспроизведен текст соответствующего раздела из указанного сборника.

Я благодарю за предложения, информацию, критические замечания и советы Рона Аминзаде, Вейна те Браке, Карменсу Галло, Майкла Ханагана, Сиднея Тарроу, Николаса Толудиса, Такеши Вада, Вивиану Зелизер, двух анонимных читателей рукописи из издательства Кембриджского университета и слушателей моих лекций в Брандербургской академии наук, Корнеллском университете, Женевском университете и в Американской социологической ассоциации. Участие в работе комитета по одобрению диссертации Марка Лернера (см. [Lerner, 2003]*) позволило мне получить неограниченный доступ к непревзойденным знаниям Лернера по истории кантонов Швиц, Цюрих и Во и последовать его рекомендациям по поводу ошибок в

* Подробная библиография приведена в конце книги. — *Примеч. ред.*

моей трактовке истории Швейцарии. Правда, я подвергся серьезному испытанию: я с трудом удержался от того, чтобы не позаимствовать ценные мысли из выдающейся работы этого молодого специалиста по истории демократизации Европы. Стефани Сэксон тщательно отредактировала текст моей книги, а Роберт Свонсон составил к ней отличный четкий указатель. Фонд национальной науки, Фонд Меллона и Центр прогрессивных исследований в поведенческих науках совместно спонсировали две встречи и множество заседаний в Центре, во время которых я сформулировал замысел этой книги и частично написал ее.

Борьба и демократия

В отличие от современных газет, «Leeds Mercury» отводила первые страницы исключительно частным объявлениям, официальным сообщениям и отчетам о положении на рынке. Однако к четвертой странице газета (за 30 марта 1871 г.), как обычно, погрузилась в обсуждение злободневных политических вопросов. Автор редакционной статьи заявлял:

Результаты парижских выборов дают Коммуне такую власть, какую, надо полагать, можно извлечь из незаконных действий, попустительствующих революции. Впрочем, это попросту власть узурпации, основанная на голосах меньшинства, ибо большинство воздержалось от осуществления своих прав и тем самым от видимости одобрения действий, протестовать против которых или противодействовать которым у него не нашлось мужества. Победа была одержана так, как частенько одерживают подобные победы, — благодаря бессовестному применению силы во имя свободы. На какой-то момент Партия Беспорядка, Анархии, Революции и Тирании восторжествовала, и возможно, что победители, с лозунгами свободы, равенства и братства на устах, еще какое-то время удержатся у власти с помощью Террора, который снова — еще для одного поколения — превратит французское республиканство в бранное слово.

Автор редакционной статьи в «Leeds Mercury» сплел воедино три темы, которые часто упоминали комментаторы французских событий XIX–XX веков, прежде всего британские и французские противники революций: сравнение текущей борьбы с революцией 1789 г., ассоциирование революции с террором и утверждение, что, если революция и произошла, она вряд ли может отражать волю большинства.

После пространных рассуждений в том же ключе в статье высказывается язвительное, но в конечном счете устрашающее замечание:

В настоящее время у Коммуны нет законной власти. Коммуна — не больше и не меньше, чем революционный орган, и, поскольку правительство не свергнуто, претензии Коммуны на власть нельзя признать, не создавая этим опасности для законного правительства страны. Вполне вероятно, что существуют достаточные основания для того, чтобы требовать реформирования муниципальной системы управления, действующей в Париже и крупных городах Франции. Действительно, необходимость реформы признана, и, если бы насилие, спровоцированное Коммуной, не возмутило общественное мнение, такая реформа должна была бы вскоре произойти; но право Парижа на автономию, на независимость от Национального правительства — это недопустимое право. Это требование, не имеющее ни малейшего оправдания. Слишком много причин опасаться того, что за ним скрывается намерение возложить бремя налогов на богатых и обеспечить бедных работой за счет государства и тем самым сделать собственность не благословением, а проклятием. До тех пор пока эти теории остаются теориями, Франция может позволить себе смеяться над ними. Это — мечтания грезящих наяву. К сожалению, именно такие люди стоят у власти в Париже, и они, по всей вероятности, попытаются осуществить свои мечты на практике, слепо и любой ценой преследуя свои цели.

Редакционная статья заканчивалась пророчеством: Коммуна оставит после себя наследие «нужды и нищеты, от которых

пострадают все, но сильнее всех бедняки» [Leeds Mercury, 1871, 30 March, p. 4–5]. И снова, по утверждению этой газеты, французы обнаружили присущую им склонность к революционному авантюризму. С точки зрения гордящихся своей праведностью британцев, победы, достигнутые с помощью насилия, приведут лишь к долговременным поражениям здравого мышления и нарушениям демократического порядка.

Что произошло? В 1848 г. французские революционеры заменили монархию республикой, которая дала работу многим безработным и значительно расширила права рабочих, в том числе предоставила им почти всеобщее избирательное право для мужчин. В конце 1851 г. Луи Наполеон Бонапарт (племянник Наполеона I) совершил переворот и уничтожил республику, а на следующий год создал собственную империю. Переворот Луи Наполеона положил начало 18 годам урбанизации, индустриализации, политической консолидации, а к концу этого периода — и либерализации со все более неупорядоченным правлением. Война с Пруссией стала концом власти Луи Наполеона. 1 сентября 1870 г. командующий французской армией генерал Макмагон капитулировал в сражении при Седане, а Наполеон III попал в плен к пруссакам. Через три дня сравнительно мирная революция положила конец империи, учредила республику и создала правительство национальной обороны в Париже. Но прусские войска продолжали бить своих врагов-французов, и 5 января пруссаки начали решительную осаду Парижа. На протяжении трех недель германская артиллерия бомбардировала город.

19 января 90 тысяч национальных гвардейцев и солдат регулярной армии под командованием охваченного сомнениями и колебаниями генерала Трошю предприняли поразительно бездарную попытку прорваться сквозь боевые порядки пруссаков и достичь Версаля. 28 января национальное правительство Франции подписало перемирие, сдав парижские форты немцам. Но парижане, мобилизованные политическими клубами и связан-

ные с Центральным комитетом Национальной гвардии, начали организовывать в городе сопротивление и самоуправление. В Париже и в других частях страны радикалы вели агитацию за продолжение войны с Пруссией и за децентрализованные и демократические формы правления. Находившееся в Бордо новое национальное правительство, во главе которого стоял Адольф Тьер, прекратило выплату денежного довольствия Национальной гвардии. Оно также прибегло к безрезультатным мерам, призвав парижан возобновить выплату аренды и вернуться к своим привычным обязанностям.

Стремясь сломить сопротивление парижан, Тьер приказал своим войскам захватить пушки Национальной гвардии. Предпринятая армией попытка выполнить этот приказ в ночь на 18 марта заставила парижан выйти на улицы, привела к убийству двух армейских генералов на Монмартре и спровоцировала то, что «Leeds Mercury» вскоре назовет еще одной революцией. В этот момент Центральный комитет Национальной гвардии занял здание парижской мэрии, фактически образовав муниципальное правительство. В результате общегородских выборов, состоявшихся в воскресенье 26 марта, к власти пришли революционные вожди и 28 марта провозгласили Париж автономной Коммуной. Коммуна управляла Парижем через структуру, созданную на основе объединявших соседей революционных комитетов и окружных подразделений Национальной гвардии, опиравшейся на многочисленные народные объединения, до тех пор, пока через два месяца правительственные войска не ворвались в город и не завоевали его, сражаясь за каждую улицу [Gaillard, 1971; Gould, 1995; Greenberg, 1971; Gullickson, 1996; Jonson, 1996; Lafargue, 1997; Lissagaray, 1969; Rougerie, 1964].

Выступая во Фри Трейд Холле в Манчестере почти ровно через год после провозглашения Коммуны, лидер британских консерваторов Бенджамин Дизраэли сравнивал законы о парламентской реформе, принятые в Англии в 1832 и 1867 гг.:

Лорд Грей, принимая закон 1832 г., который, несомненно, был актом, достойным государственной мудрости, совершил огромную и, как одно время казалось, непоправимую ошибку. Этим законом он укрепил законное влияние аристократии и предоставил средним классам значительные и удовлетворительные права; но он не только не предусмотрел какого-либо представительства рабочего класса в государственном строе Англии, но и полностью уничтожил те древние права, которыми рабочие пользовались с незапамятных времен. Джентльмены, это стало первопричиной чартизма и той электоральной напряженности, которая то сильнее, то слабее проявлялась в Англии в течение 35 лет [Times, 1872, 4 April, p. 5].

Дизраэли говорил правильно. Возобновление долгой кампании за парламентскую реформу в 1830 г. вызвало массовую мобилизацию активистов из среднего и рабочего классов, что вылилось в кризис, на который британское правительство в конце концов отреагировало принятием закона 1832 г. о парламентской реформе. Этот закон не только лишил основную массу рабочих права голоса на парламентских выборах, одновременно наделив избирательным правом многих хозяев и купцов, прежде этого права не имевших, но и повысил имущественный ценз в ряде городских избирательных округов, где ранее многие простые рабочие участвовали в выборах членов парламента. Опиравшееся на рабочих чартистское движение, неоднократно усиливавшееся в период с 1838 по 1848 г. только для того, чтобы сойти на нет в год революции во Франции, действительно представляло тех, кого реформа 1832 г. лишила избирательного права. Несмотря на то что чартизм возник в обстановке многочисленных конфликтов между рабочими и капиталистами, это движение было направлено не на обеспечение прав рабочих, а на демократическую реформу, в том числе на всеобщее избирательное право для мужчин.

Более того, на практике парламентская реформа 1832 г. дала электоральные преимущества либералам, а не их соперни-

кам-консерваторам. По закону о парламентской реформе 144 членов парламента избирали собственники, проживавшие в сельских округах (графствах), 323 — выдвигали собственники в городах, а четырех членов парламента избирали должностные лица университетов. В целом либералы успешнее действовали в городских избирательных округах и в графствах, где проживало много людей, владевших собственностью в городах. В этом смысле консерваторы 1867 г. не без оснований могли считать парламентскую реформу 1832 г. несправедливым решением, которое привело к тому, что их вероятные сторонники получили неадекватно низкое представительство. Если бы консерваторам удалось «продать» новую парламентскую реформу, которая привела бы к перераспределению мест в парламенте в пользу численно выросшего сельского электората (в сельских округах у землевладельцев были хорошие шансы получить голоса своих арендаторов и рабочих), то консервативная партия смогла бы увеличить свое электоральное могущество. Кроме того, у консерваторов была определенная противоречивая заинтересованность в предоставлении права голоса рабочему классу. Умеренное увеличение числа рабочих, имевших право голоса, пошло бы, скорее всего, на пользу либералам, которые привлекли бы на свою сторону квалифицированных рабочих, на тот момент извлекавших из программ либеральной партии более непосредственные выгоды. Однако распространение избирательного права и на разнорабочих вполне могло усилить позиции консерваторов, взявших на себя роль покровителей, благодаря расколу в самом рабочем классе.

Либералы были сильно заинтересованы в расширении городского электората и его парламентского представительства. С 1832 по 1866 г. результаты выборов в графствах и в городах оставались неизменными. Однако в течение того же периода рост стоимости собственности в сельской местности и развитие городской капитализации привели к тому, что многим удалось преодолеть избирательный имущественный ценз. Таким обра-

зом, экономическое развитие увеличило численность сельских избирателей на 47%, а городских избирателей — на 82%, тогда как количество членов парламента, избираемых от каждого из городских и сельских округов, оставалось неизменным. Это означало, что в округах, отдававших свои симпатии либералам, число избирателей на одного члена парламента росло быстрее, чем в округах, где доминировали консерваторы. Поэтому сдвиг к представительству, пропорциональному численности населения округов, и особенно к увеличению числа членов парламента от городов, был выгоден либералам. Начиная с 1865 г. Союзы парламентарской реформы и организации сходного толка побуждали радикалов из среднего класса и рабочих-активистов к проведению общенациональной кампании митингов и демонстраций с требованием парламентарской реформы. Все эти события послужили контекстом для развернувшейся в парламенте сложной борьбы, в ходе которой в 1866 г. либералы не смогли провести подготовленный их лидерами законопроект о парламентарской реформе, а консерваторам в 1867 г. удалось добиться принятия своего варианта реформы, пусть и с многочисленными дополнениями.

Дизраэли, руководивший консерваторами в парламенте во время принятия закона 1867 г. о реформе, издевался над либералами, которые давно говорили о реформе, но ничего не делали, для того чтобы осуществить ее. Консерваторы, заявил Дизраэли, оказались более решительными.

Итак, джентльмены, каков результат? В 1848 г. произошла французская революция и была установлена республика. Невозможно забыть о впечатлении, какое эти события произвели на нашу страну. Я вспоминаю тот день, когда в Лондоне женщины не могли выйти из своих домов, когда на Вестминстерском мосту были развернуты орудия. Год назад во Франции произошла очередная революция и снова установлена республика самого устрашающего характера. Что произошло в Англии? Вам не удалось бы найти и полдюжины собрав-

шихся на улице ропщущих людей. Почему? Потому что англичане получили то, что хотели получить. Они были довольны и благодарны [Times, 1872, 4 April, p. 5].

Таким образом, пока Франция давала уроки революции, Британия давала уроки демократии. Или, по крайней мере, так часто похвалялись англичане.

Разумеется, за пять лет до того многие консерваторы, в том числе ярые члены консервативной партии в парламенте, смотрели на законопроект о парламентской реформе как на пролог к революции. Тогда, говоря о Дизраэли, лорд Карнарвон в сердцах заявил: «Если вы заимствуете политическую этику у политического авантюриста, то можете следовать его принципам, но все ваши представительные учреждения рухнут вам под ноги» [Evans, 1983, 351]. После принятия закона о парламентской реформе численность избирателей увеличилась почти вдвое, что позволило большинству рабочих-домовладельцев голосовать на парламентских выборах. Так было положено начало периоду, на протяжении которого и либералам, и консерваторам приходилось учитывать воздействие их политики на электоральное поведение рабочих. Маневры Дизраэли на заключительной стадии борьбы за принятие закона о парламентской реформе и сделанные им уступки привели к тому, что законопроект оказался намного радикальнее того, который отстаивали даже ведущие либералы. Тем не менее задним числом правящие классы Британии поздравили себя с тем, что им удалось избежать революции путем рассчитанного расширения электората и тем самым политического пространства в целом. При этом они часто указывали на дурной пример, который подавали беспокойные французы по ту сторону Английского канала.

Объяснить борьбу, демократизацию и взаимосвязь этих процессов

Как бы мы ни оценивали представления англичан о самих себе, сравнение политической жизни Франции и Великобритании во времена Парижской коммуны действительно обнаруживает впечатляющие национальные различия в формах, динамике и результатах политической борьбы. Это сравнение ставит вопрос об основах демократической политики. Мы пустились в плавание по реке, образованной слиянием исследований, с одной стороны, национальных различий в политической борьбе, а с другой — разнообразия истоков демократии. Если смотреть на реку с верховьев, то эта книга посвящена объяснению различных траекторий развития политической борьбы — политики, в которой люди выдвигают согласованные требования, касающиеся интересов других участников политической жизни. А если смотреть с низовьев, то речь идет о разнообразии истоков демократических учреждений. Если мне удастся выполнить свою задачу, я покажу, что эти два потока можно разделить лишь для исследовательских целей, а на самом деле они сливаются друг с другом до неразличения. Объяснить разнообразие форм политической борьбы — значит объяснить демократию как несчастый, обусловленный множеством обстоятельств исход этой борьбы.

Сопоставление истории Франции и Великобритании в период с 1825 по 1871 г. представляет собою некий срез европейского мира, который я пытаюсь объяснить в этой книге. Во Франции: движение от революции к революции через краткий, бурный демократический эксперимент; возвращение к авторитарному правлению; фаза робкой демократизации и усиливающейся борьбы, за которой следуют война, развал режима и новые революционные выступления. В Британии: массовое движение за религиозное равноправие и парламентскую реформу, которое увенчивается скромными уступками прежним аутсай-

дерам и ужесточением контроля над инакомыслящими ирландцами; широкие, но в конечном счете безрезультатные кампании за политические права рабочих; формирование воинствующего националистического движения в Ирландии; борьба, которую удалось успешно сдержать в определенных рамках и итогом которой становится известная демократизация если не в Ирландии, то, по крайней мере, в Великобритании. В истории Франции и Британии мы видим тесное взаимодействие массовой борьбы и изменений режима, сказывающихся на степени его демократизации.

История Франции и Великобритании XIX века вряд ли исчерпывает весь спектр форм политической борьбы и демократии. С точки зрения мира XXI века, в котором существуют ЮАР, Словения, Коста-Рика, Индия, Канада и Португалия (все эти страны считаются своеобразными демократиями), в опыте Франции и Британии обнаруживается значительное сходство и прослеживаются взаимосвязи — сходные и взаимодействующие модели законодательства в отношении организованных рабочих, поддержания общественного порядка, расширения избирательного права, формирования правительств, ответственных перед населением, создания политических партий и многого другого. Политические лидеры и активисты двух стран постоянно общались, порой заимствуя друг у друга решения одинаковых проблем, но чаще расходясь друг с другом. И все же Франция и Британия, двигаясь различными, но постоянно связанными с борьбой путями, создали сравнительно сильные, жизнеспособные демократические режимы, дали модели политической организации, оказавшие значительное влияние на другие страны, и накопили опыт борьбы в ее демократических и недемократических формах, вызывающий пристальный интерес у поколений исследователей.

Объяснение сходств и различий истории демократизации во Франции и Британии после 1650 г. — разумная точка отсчета для более широких обобщений. Поскольку государственные

устройства европейских стран и их прямые отростки, пересаженные на другую почву, породили большинство современных институтов, считающихся демократическими, любая правильная интерпретация нескольких последних столетий истории борьбы и демократии в Европе хотя бы отчасти обещает помочь выявить возможные истоки демократии в других странах. В этой книге последовательное сравнение истории Франции и Британии примерно с 1650 г. — трамплин, позволяющий сделать более общие сравнения в пределах Европы. Именно из этой исходной точки совершается прыжок к рассуждениям, касающимся остального мира.

Центральные тезисы книги, сформулированные без определения понятий и в самом общем виде, таковы.

1. Различные комбинации принуждения, капитала и обязательств в разных регионах способствуют формированию существенно различающихся типов режимов и определяют вектор трансформации режимов в каждом отдельном регионе.
2. Траектории трансформации режимов в двухмерном пространстве, определяемом а) степенью дееспособности правительств и б) степенью защищенности консультаций, оказывают серьезное воздействие на перспективы развития и характер демократии в каждой конкретной стране.
3. В долгосрочной перспективе дееспособность правительства и защищенность консультаций усиливают друг друга, по мере того как, с одной стороны, экспансия государства порождает сопротивление, переговоры с целью достижения соглашений и временные урегулирования, а с другой — защищенные консультации расширяют сферу вмешательства государства, что, в свою очередь, способствует усилению дееспособности.

4. В крайних случаях, если дееспособность правительств усиливается быстрее, чем возрастает защищенность консультаций, путь к демократии (если он вообще существует) проходит через авторитаризм; если же консультации опережают в развитии дееспособность режима, путь пролегает через рискованную зону наращивания государственной мощи.
5. Хотя принятые демократизирующимися режимами организационные формы — выборы, сроки полномочий выборных лиц, территориальное представительство, собрания, принимающие решения в результате совместных размышлений, и т. д. — часто копируют или адаптируют институты, имевшие серьезные прецеденты в правовых укладах деревень, городов, регионов или в государственных режимах соседних стран, они почти никогда не возникают непосредственно из предшествующих институтов.
6. Создание гражданства — совокупности прав и обязательств, связывающих целые категории подданных режима с агентами правительства, — является необходимым, но недостаточным условием демократизации.
7. В режимах, обладающих высокой дееспособностью, иногда формируется недемократическое гражданство, которое по мере массовой интеграции граждан режимом сокращает демократию или препятствует ее развитию.
8. Тем не менее, при прочих равных условиях, исторический прецедент гражданства в общем способствует демократизации.
9. Создание гражданства и демократизация зависят от изменений в трех сферах (категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике), а также от взаимодействия этих изменений.

10. Закономерности демократизации заключаются не в единообразной общей последовательности или в достаточных условиях, но в повторяющемся действии причинно-следственных (каузальных) механизмов, которые в разных сочетаниях и последовательности производят изменения в категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике.
11. При особых обстоятельствах (их можно конкретизировать) революция, завоевания, конфронтация и колонизация ускоряют и усиливают действие некоторых из этих крайне важных каузальных механизмов.
12. Действие почти всех важных каузальных механизмов, способствующих развитию демократии, сопряжено с борьбой масс — наделенные политическими полномочиями деятели предъявляют публичные коллективные требования другим деятелям, в том числе агентам правительственной власти, в виде системы коррелятов, причин и следствий.
13. В процессе демократизации спектр средств и методов политической борьбы (совокупности доступных массам форм выдвижения требований) смещается от преимущественно узколокальных, партикуляристских, разделяющих социум надвое взаимодействий, определяемых по большей части органичными сущностями, к преимущественно космополитичным, сложносоставным и автономным взаимодействиям, определяемым в большинстве своем отвлеченными сущностями.

Задача книги — провести эту линию доказательств с помощью широких, но тщательно выверенных исторических сравнений опыта европейских народов в период с 1650 по 2000 г.

После столь многообещающих — или угрожающих! — заявлений я, пожалуй, заберу часть своих обещаний назад. В лучшем

случае задачи книги — сделать доступным и приемлемым описанный здесь подход. Книга предлагает обоснованные интерпретации политической истории европейских стран и прослеживает параллели между этими интерпретациями и доводами в их пользу. В этой работе нет ни систематических доказательств приведенных выше 13 тезисов, ни решительных опровержений конкурирующих объяснений. Книга просто демонстрирует, что действия различных каузальных механизмов требуют более подробных объяснений, которые показывают, например, что тактические союзы между инакомыслящими властью имущими и политическими аутсайдерами при известных обстоятельствах способствуют демократизации, несмотря на отсутствие у союзников четких демократических программ. Я главным образом стремлюсь показать, что демократизация — это результат борьбы, в ходе которой (как в Великобритании и Франции XIX столетия) лишь немногие ее участники сознательно пытаются создать демократические институты (если среди участников этой борьбы вообще были люди, ставившие перед собой подобные цели).

Теоретически и методически это очень рискованный подход. Он основан на допущении, что демократия возникает случайным, необязательным образом в самом разгаре политической борьбы и не является продуктом устоявшихся характерологических особенностей или конституционных новаций, проведенных за короткий период. Ревнителю политической культуры, с одной стороны, и демократизации как правовой реформы — с другой, частенько держат пари против этой посылки. Более того, мои исследования дают основания предполагать, что социальное устройство мира не описывается общими законами, повторяющимися крупномасштабными последовательностями или регулярными взаимоотношениями переменных. Не следует искать некий единый набор обстоятельств или постоянно воспроизводящуюся последовательность событий, повсеместно порождающих демократию.

Не следует также выискивать политических деятелей, сумевших воплотить в жизнь свои демократические устремления. Вместо этого надо исследовать фундаментальные, повторяющиеся каузальные механизмы, в разных сочетаниях и в разных контекстах приводящие к разным результатам (чуть ниже я вернусь к обсуждению этих механизмов).

Следовательно, благоприятствующие демократизации обстоятельства существенно меняются от эпохи к эпохе и от региона к региону, являясь производными от предшествующей истории, международной обстановки, моделей политической организации и господствующих социальных отношений. В итоге к демократии открывается не один общий путь, а множество путей. Если все эти посылки верны, то последовательное сравнение исторического опыта разных народов при пристальном внимании к повторяющимся каузальным механизмам и их комбинациям сулит успешное постижение причин демократизации. Если же они ложны, приведенный в книге обзор европейского опыта демократизации все же будет небесполезным для других исследователей.

Работы моих коллег, анализирующие процесс демократизации, определяют замысел и контекст этой книги. Со времен Аристотеля западные мыслители неоднократно задавались двумя фундаментальными вопросами. Во-первых, каковы взаимосвязи демократизации и человеческого благосостояния? Во-вторых, при каких условиях и какими средствами создаются долговременные демократические режимы? В последние годы западные аналитики искали универсальные ответы на эти вопросы, которые одновременно объясняли бы опыт давно образовавшихся демократий и бурную историю демократизации и дедемократизации во всем мире после Второй мировой войны, а также обеспечивали бы схему укрепления демократии в современном мире. Что касается благосостояния, то, например, исследователи демократии изучили обнадеживающую вероятность того, что демократические режимы реже воюют друг с другом,

чем с режимами других типов. Отсюда — вывод о том, что в долгосрочной перспективе демократизация мира снизит угрозу войн в глобальном масштабе [Gowa, 1999]. И все же большинство теоретиков исходят из посылки, утверждающей, что демократия сама по себе является благом и, следовательно, увеличивает благосостояние человечества просто в процессе своего формирования.

Когда речь заходит об истоках прочных, долговременных демократических режимов, разногласия достигают наивысшей точки, но в том, что касается проблемы объяснений, сложилось молчаливое согласие. В общем и целом современные теоретики отвергли концепции демократизации как постепенно накапливающегося осадка длительных социальных процессов или как комплекса политических изменений, происходящих поэтапно, в разном порядке и разными путями. Они отдали предпочтение представлениям о том, что при определенных обстоятельствах некоторый единообразный и стремительный процесс превращает режимы из недемократических в демократические. Большинство аналитиков попытались уточнить эти условия и выявить важнейший, определяющий процесс. В результате эмпирические исследования демократизации превратились в мешанину сравнений различных параметров и аспектов демократических и недемократических режимов (например, есть ли какой-то критический уровень благосостояния, отделяющий демократические режимы от недемократических) и тщательных анализов обстоятельств, предшествовавших или сопутствовавших переходу от недемократических режимов к демократическим (например, всегда ли неспособность военных лидеров справиться с национальными кризисами ускоряет процесс демократизации).

С какого рода объяснениями связаны такие попытки? Эти объяснения можно условно разделить на четыре категории: необходимые условия, переменные, последовательности и совокупности (кластеры). Доводы, касающиеся *необходимых условий*,

иногда перерастают в уточнение *достаточных условий* демократизации — выявление обстоятельств, при которых режимы всегда демократизируются. В случае успеха не просто выявляется некий общий закон, но и определяются условия, необходимые для продвижения новых демократических режимов. Например, пользующийся заслуженной известностью обобщающий труд Рюшемейера, Стивенса и Стивенса [Rueschemeyer, Stephens, and Stephens, 1992, 75–78] допускает вариации в зависимости от региона и эпохи, но тем не менее завершается общей формулировкой необходимых и, возможно, достаточных условий: международное распространение демократических идей и практик; степень национального единства; автономное, эффективное государство; экономический рост; зарождение подчиненных классов в силу этого роста; растущая организационная плотность гражданского общества; мобилизация подчиненных классов на борьбу за коллективные права и политическое участие. Рут Беринс Колльер следующим образом обобщает выводы этих ученых:

Демократия — результат борьбы между господствующими и подчиненными классами и, следовательно, результат баланса классовых сил. Демократизация происходит тогда, когда классы, добивающиеся демократии, прежде всего рабочий класс, оказываются сильнее классов, противящихся демократии, отвергающих ее требования и вызванное ими давление. Правда, в этом объяснении есть место и для демократических инициатив со стороны других классов, направленных на кооптацию в ответ на угрозу, исходящую от рабочего класса [Collier, 1999, 10].

Таким образом, Рюшемейер и его соавторы по меньшей мере оговаривают условия, необходимые для демократизации. Они близко подошли к тому, чтобы сформулировать достаточные условия.

Другие исследователи уделяют внимание *переменным* и их сочетаниям. В 1991 г. Сэмюэль П. Хантингтон опубликовал кни-

гу «The Third Wave» («Третья волна»). Выдвинутые в ней идеи спровоцировали новую волну исследований и теорий. Хантингтон относит начало демократизации к 70-м годам XX века и выявляет пять важнейших переменных. Это: 1) делегитимация авторитарных режимов вследствие провалов их внутренней и внешней политики; 2) глобальный экономический рост и увеличение населения, нуждающегося в демократии; 3) продвижение католической церкви к политической реформе; 4) сдвиги в политике, которую субъекты международных отношений (прежде всего, Европейский союз, США и Россия) проводили по отношению к авторитарным режимам, и 5) нарастание по спирали демонстрационных эффектов [Huntington, 1991, 45–46]. Но вместо того чтобы рассматривать эти переменные как комплекс необходимых условий демократизации, Хантингтон считает их факторами, по-разному сказывающимися на демократизации. В частности, он утверждал, что «политика и внешние силы» сдерживали воздействие экономического роста на демократизацию в Чехословакии и Восточной Германии [Huntington, 1991, 63].

Доказательства от *последовательности* постоянно искушают аналитиков, изучающих демократизацию. Так, многие из них выделяют четыре стадии, каждая из которых является необходимой предпосылкой для следующей: формирование предварительных условий, выход из авторитаризма, переход к демократии и консолидация демократии (см., например, [Sørensen, 1998, 24–63] и критические отзывы на эту работу в книге [Carothers, 2002]). Обычно теоретики считают стадию формирования предварительных условий длительным процессом. Далее, они представляют три следующие стадии (выход из авторитаризма, переход к демократии и ее консолидация) как результат решений и взаимодействий главных субъектов политики. И наоборот, обращение этого процесса вспять (например, выход из хрупкой демократии в новый авторитаризм) — результат развала условий для перехода на следующую стадию в сочетании с

недемократическими решениями и взаимодействиями главных субъектов политики (см., в частности, [Diamond, 1999, 64–116]). Известное утверждение Хуана Линца и Алфреда Степана гласит:

С поведенческой точки зрения демократия становится «единственной игрой в городе», когда ни одна значительная политическая группа не делает серьезных попыток свергнуть демократический режим или отделиться от государства. При таком положении вещей поведение правительства, избранного на стадии демократического перехода, уже не определяется тем, как избежать развала демократии. С мировоззренческой точки зрения демократия становится «единственной игрой в городе», когда даже в условиях жесточайших политических и экономических кризисов подавляющее большинство людей верит, что любые дальнейшие политические изменения могут происходить только в рамках демократических формул. С конституционной точки зрения демократия становится «единственной игрой в городе», когда все субъекты в государстве привыкают к тому, что политические конфликты разрешаются в соответствии с установленными нормами и что нарушения этих норм окажутся, скорее всего, безрезультатными и дорогостоящими. Короче, на стадии консолидации демократия становится обыденным явлением, глубоко проникшим в общественное, институциональное и даже психологическое бытие, а также в расчеты на достижение успеха [Linz and Stepan, 1996, 5].

Линц и Степан утверждают, что консолидированный режим рухнет только под воздействием новых обстоятельств, «в условиях которых демократический режим не может разрешить комплекс проблем, недемократическая альтернатива получает значительную поддержку, а люди, прежде бывшие лояльными к демократическому режиму, начинают вести себя нелояльно или полулояльно по отношению к конституции» [Linz and Stepan, 1996, 6]. Таким образом, консолидация создает механизм, действие которого может обратить вспять лишь исключительная сила.

Кластерные трактовки демократизации утверждают, что условия, причины и последовательность этого процесса существенно изменяются от периода к периоду, от региона к региону или от одного типа режима к другому. Следовательно, можно отважиться на обобщения в отношении какого-то одного кластера (например, одной из волн Хантингтона), но не демократизации в целом, во всех ее проявлениях. Так, Барбара Геддес рассматривает недавние случаи демократизации как переход от различных типов авторитарных режимов, а затем доказывает, что определяющие процессы протекают по-разному в зависимости от того, является ли авторитарный режим режимом личной власти, военным, однопартийным или смешанным. По ее словам,

переходы от военного правления обычно начинаются с расколов в правящей военной элите, что отмечено в значительной части литературы, посвященной переходам к демократии в Латинской Америке. В однопартийных режимах и режимах личной власти, напротив, у враждующих фракций более сильные мотивы для сотрудничества друг с другом. Однопартийные режимы очень устойчивы и имеют тенденцию рушиться под воздействием внешних событий, а не внутренних расколов. Режимы личной власти также сравнительно неуязвимы для внутренних расколов, за исключением ситуаций, когда бедственные экономические условия подрывают материальную основу лояльности таким режимам. Впрочем, они особенно уязвимы в случае смерти или насильственного свержения вождя [Geddes, 1999, 122].

Тем самым Геддес комбинирует доводы, касающиеся необходимых условий и последовательности, используя схемы стратегических ситуаций — игр, подразумевающих решения тех, кто уже обладает определенной властью. Другие аналитики, придерживающиеся кластерного подхода, ставят акцент на вариативности в зависимости от региона и эпохи (см., например, [Bratton and van de Walle, 1997; Collier, 1999; Markoff, 1996b]).

Анализ, представленный в этой книге, во многом опирается на традицию объяснения через необходимые условия и кластеры, в целом отвергая доказательства, основанные на переменных и последовательности. Сохраняя определенную дистанцию, я очень многое заимствую из классической трактовки необходимых условий, предложенной Робертом Далом [Dahl, 1998]. И все же я порываю с большинством ныне существующих версий анализа демократизации по четырем пунктам.

Во-первых, моя работа отрицает существование стандартной последовательности событий при переходе от недемократических режимов к демократическим. Вместо этого я утверждаю, что к демократии ведет множество различных путей, поскольку критически важные механизмы включаются в самых разнообразных комбинациях и последовательностях.

Во-вторых, по сходным причинам я отвергаю предположение о том, что существует некий общий набор достаточных условий для демократии (однако книга предлагает некоторые необходимые условия).

В-третьих, в отличие от многих исследований, в которых стадия перехода к демократии соотнесена с характеристиками режима в момент перехода или непосредственно перед ним, я отвергаю представления о том, что решающие причины демократизации начинают действовать непосредственно перед тем моментом, когда режим преодолевает четкую грань между демократической и недемократической политикой, или в такой момент. Поэтому в книге уделено мало внимания сравнениям по принципу «да—нет». Вместо этого я сосредоточиваюсь на длительных процессах, способствующих или препятствующих демократизации.

В-четвертых, хотя я согласен с тем, что многие политические режимы сохраняются потому, что, несмотря на их изъяны, люди приписывают им определенную ценность, я отрицаю представления об исключительной стабильности демократии, в силу чего демонтаж ее может случиться якобы только в результате кризиса и развала. Хотя за последние века демокра-

тия действительно стала преобладающей формой правления, де-демократизация происходит часто и во многих странах.

Повторяю: даже если эти принципы неверны, в книге, во всяком случае, собраны тщательно выверенные данные о разнообразии опыта европейских народов. Поскольку большая часть работ о демократизации в современном мире трактуют демократизацию в Европе как спокойный, упорядоченный и понятный процесс, такой вклад в историческую литературу должен оправдать появление этой книги.

Что мы пытаемся объяснить? Демократизация означает *расширение и уменьшение неравенства в отношениях между агентами правительств и населением, подчиненным власти правительства; активизацию имеющих обязательную силу консультаций с подвластным населением по вопросам персонального состава органов управления, ресурсов и государственной политики; защищенность населения (в особенности меньшинств) от произвола агентов правительства*. Иными словами, можно говорить об усилении или ослаблении защищенности консультаций и называть высокие уровни защищенности консультаций демократическими характеристиками. Демократизация — это не достижение полного, несомненно демократического функционирования политической системы, а любой значительный сдвиг к более высоким уровням защищенности консультаций. Де-демократизация, которую я буду описывать и объяснять ниже, означает любой существенный сдвиг от защищенности консультаций.

Это определение акцентирует важность политических процессов, в то время как ряд теоретиков, подчеркивая такие результаты действий правительства, как справедливость, общность и благосостояние, отдают предпочтение *субстантивным* определениям. Другие теоретики предпочитают *конституционные* определения, делая упор на значение механизмов представительства, суды и законы. В последние годы большинство за-

падных исследователей демократизации склоняются к *процедурным* определениям. В сущности, такие формулировки в конечном счете выводятся из минималистского понимания демократии, выдвинутого Йозефом Шумпетером [Schumpeter, 1942], и придают исключительное значение институту состоятельных выборов на государственные должности (обзоры определений и критериев см. [Collier and Levitsky, 1997; Geddes, 1999; Inkeles, 1991; Lijphart, 1999; Przeworski et al, 2000, 55–59; Vanhanen, 2000]). Я готов отстаивать преимущества для целей сравнительно-исторического анализа определений, сфокусированных на политических процессах [Tilly, 2001a, 2001b, 2003a]. Впрочем, здесь выбор подхода не имеет особого практического значения: в масштабах Европы после 1650 г. применение субстантивных, конституционных, процедурных критериев и критериев политического процесса дает сходные классификации реально существующих режимов.

Хотя демократия, несомненно, зиждется на разделяемых большинством представлениях и практиках, демократия не сводится к особенностям сознания, совокупности законов или к общей культуре. Демократия заключается в активных, имеющих смысл социальных отношениях между отдельными лицами и группами, связанными с конкретными правительствами. Ниже приводится огромное количество примеров того, что, помимо прочего, демократия всегда соотносится с конкретным режимом: так, демократия иногда преобладает в семьях, цехах и деревнях, в свою очередь составляющих часть явно недемократических систем более высокого уровня. Более того, в безусловно демократической политической жизни иногда участвуют внутренне недемократичные партии, профессиональные союзы и объединения. Хотя заимствование демократических практик (вроде конкурентных выборов) играет важную роль в историях демократизации, в этой книге внимание сосредоточено на демократии и демократизации на национальном уровне, уровне государств.

Понимание демократизации, основанное на анализе политических процессов, предполагает ряд различий — между публичной политикой, политической борьбой и отношениями граждан и агентов власти. Эти три категории накладываются друг на друга, образуя комплекс. *Публичная политика* охватывает все внешне видимые взаимодействия конституированных политических деятелей (тех, у кого есть имя и положение внутри режима), в том числе агентов правительства. В рамках публичной политики *политическая борьба* охватывает все дискретные, коллективные выдвижения требований в среде конституированных политических деятелей. Большую часть всех политических взаимодействий составляет неконфликтная политика, включающая в себя сбор налогов, перепись населения, военную службу, распространение политической информации, государственное распределение благ, внутреннюю организационную деятельность конституированных политических деятелей и сопряженные со всем этим процессы, которые в основном протекают вне рамок дискретного публичного коллективного выдвижения требований. Хотя осуществление таких сравнительно неконфликтных политических действий по совокупности влияет на демократизацию и де-демократизацию, я утверждаю, что политическая борьба играет в таких переменах более непосредственную роль.

Поскольку конфликтная и неконфликтная политика накладываются друг на друга, *отношения между гражданами и агентами власти* охватывают все взаимодействия между подданными определенного государства и его официальными агентами. (Позднее я докажу, что полноценное гражданство возникает только в ограниченном круге политических режимов, но, называя всех подданных определенного режима его «гражданами» и применяя понятие «отношения граждан и агентов власти» ко всем режимам, я избегаю множества лишних слов.) Демократизация состоит из комплекса изменений в отношениях между гражданами и агентами власти: расширения таких отношений,

их уравнивания, защищенности и подчинения консультациям, имеющим обязательную для всех силу. Различия между публичной политикой, политической борьбой и отношениями между гражданами и агентами власти имеют значение постольку, поскольку демократизация вращается вокруг сдвигов в отношениях между гражданами и агентами власти. Эти сдвиги зависят от более общих изменений публичной политики и являются результатом политической борьбы.

Каким образом? Решающие изменения социальных отношений, лежащих в основе демократизации, происходят в трех взаимодействующих секторах: публичной политике, категориальном неравенстве и в сетях доверия. В ходе демократизации основная масса населения, подчиненного власти правительства, приобретает примерно равные права на участие в публичной политике — процессе, который, в свою очередь, устанавливает обязательные, защищенные и сравнительно равные требования, предъявляемые к агентам правительства, к деятельности правительства и к ресурсам, находящимся в распоряжении правительства. В тех сферах общественной жизни, которые создают или поддерживают участие в политике, происходит снижение категориального неравенства. (В отличие от личного неравенства, категориальное неравенство предусматривает различие и противопоставление таких групп, как женщины—мужчины, черные—белые—азиаты и мусульмане—индуисты—сикхи.)

В дополнение к изменениям публичной политики и категориального неравенства (и в связи с этими изменениями) демократизации способствуют и определенные изменения сетей доверия. Происходят значительные сдвиги в зоне межличностных сетей, которым люди доверяются в тех случаях, когда решаются на рискованные долговременные предприятия вроде браков, дальних торговых экспедиций, членства в ремесленных цехах, инвестирования сбережений и долгого специализированного образования. Развитие таких сетей идет от уклонения от государственного контроля к частичной зависимости от агентов

власти, берущих на себя долгосрочные обязательства. Подобная «частичная зависимость» не требует непосредственных связей частных лиц с правительством; эти связи осуществляются через партии, профессиональные союзы, общины или иные организации, которые, в свою очередь, полагаются на разрешение правительства, его терпимость, поддержку или защиту. Люди создают ассоциации, которые одновременно организуют рискованные предприятия и ведут переговоры с властями, инвестируют семейные средства в государственные ценные бумаги, отдают сыновей на военную службу, заручаются помощью правительства в осуществлении религиозных обязательств, организуют взаимопомощь по каналам получивших признание профсоюзов и т. д.

Сдвиги в противоположном направлении ведут к дедемократизации: размножение сетей доверия, изолированных от политики, подрывает дееспособность правительства, снижает у граждан мотивы к сотрудничеству с правительством в рамках демократических процессов, которые оказываются дорогостоящими в краткосрочной перспективе, ослабляет защищенность основной массы граждан и увеличивает возможности богатых и могущественных в собственных интересах осуществлять селективное вмешательство в политику.

Я хочу остановиться на том, что моя система аргументов *не* предполагает. Она *не* предполагает, что чем больше общественная жизнь поглощена государством и чем сильнее государство доминирует в общественной жизни, тем демократичнее становится государство. Сети доверия как средства содействия демократии достигают максимальной эффективности тогда, когда включенные в них люди могут не без оснований ожидать, что агенты власти выполнят свои обязательства, но при этом сохраняют возможность отказать агентам власти в доверии и наказать тех должностных лиц, которые работают плохо. Когда люди полностью изолируют свои сети доверия от публичной политики, у них есть сильные побудительные мотивы уклонять-

ся от ответственности за действия правительства и добиваться краткосрочной частной выгоды за счет долгосрочного общего блага. При таких обстоятельствах в деятельности правительства на регулярной основе принимают участие только те немногие, кто может направить ресурсы правительства на свои личные цели. Таким образом, на определенном высоком уровне интеграция сетей доверия в политическую жизнь дает простым людям стимулы и средства, для того чтобы отслеживать деятельность правительства по производству общественных благ, а также принимать в ней участие. Как я полагаю, по достижении такого уровня дальнейшая интеграция сетей доверия будет снижать демократию (чего часто опасаются либертарианцы и анархисты); но, поскольку ни один демократический режим пока не достиг этой точки, у нас нет доказательств, подтверждающих правильность данной гипотезы.

Не означают мои доводы и того, что неравенство разных групп населения, подчиненного режиму, фатальным образом препятствует демократизации или что коллективные действия, предпринимаемые представителями подчиненных категорий населения, угрожают демократии. Как мы еще увидим, в Европе защищенность консультаций порой усиливалась, несмотря на рост материального неравенства. Важнейший вопрос состоит в том, переходит ли категориальное неравенство непосредственно в устойчивые размежевания в публичной политике, в результате чего политические организации, права, обязанности и отношения с агентами правительства жестко определяются классом, полом, этническим происхождением и т. д. Такое отражение категориального неравенства в публичной политике сдерживает демократизацию или обращает ее вспять.

Дееспособная, устойчивая демократия возникает только на пересечении позитивных изменений в интеграции сетей доверия, в изоляции неравенства и во внутренних преобразованиях публичной политики. Большинство перемен в публичной политике, напротив, дают недемократические результаты. Более

того, возвратное движение в любой из трех указанных плоскостей, например организация участвующих в публичной политике блоков на основе явного категориального неравенства, способствует свертыванию демократизации. Таким образом, проблема объяснения состоит в том, чтобы понять, как, почему и когда происходит редкое совпадение изменений категориального неравенства, сетей доверия и публичной политики, способствующих демократии.

Вопросы «как?», «почему?» и «когда?» указывают на необходимость поиска надежных каузальных механизмов — повторяющихся мелких событий, всегда одинаково изменяющих отношения между оговоренными элементами общественной жизни. В разной последовательности и сочетаниях каузальные механизмы складываются в *процессы*, комбинации механизмов, порождающие в целом сходные результаты. Здесь нас интересуют процессы, которые приводят к разделению или слиянию категориального неравенства и публичной политики, к интеграции или разделению сетей доверия и публичной политики и к сдвигам в отношениях граждан и агентов власти в сторону широких, равных, обязательных и защищенных взаимодействий или в противоположном направлении. (Ниже перечислены восемь типов процессов.)

Каузальные механизмы можно условно разделить на когнитивные события, события, связанные с окружающей средой, и события, касающиеся отношений. Когнитивные механизмы предполагают последовательные сдвиги в индивидуальном или коллективном восприятии, как это происходит, например, когда появление новых представлений об источнике несправедливости усиливает чувствительность людей к этой несправедливости. Механизмы, влияющие на окружающую среду, меняют отношения между социальными единицами и естественной, нерукотворной средой их существования, как это бывает, когда истощение почв снижает урожаи культур в какой-нибудь деревне. Механизмы отношений трансформируют взаимодействия

лиц, групп и социальных ситуаций, как это происходит, когда члены прежде изолированных друг от друга религиозных общин начинают заключать браки. Предпринимаемый в этой книге поиск объяснений демократизации и де-демократизации со-

Таблица 1.1. Механизмы, отделяющие категориальное неравенство от публичной политики

-
1. Ликвидация мер правительственного контроля (например, юридических ограничений на обладание собственностью), которые поддерживают существующие неравные отношения между социальными группами; например, тотальная конфискация и распродажа церковной собственности подрывает традиционную власть церкви.
 2. Уравнивание активов и/или благосостояния различных категорий населения в целом; например, растущий спрос на продукцию крестьянских хозяйств ведет к расширению слоя крестьян-середняков.
 3. Сокращение или ограничение государством вооруженных формирований, контролируемых частными лицами; например, роспуск личных дружин феодальных магнатов ослабляет власть знати над рядовыми гражданами.
 4. Принятие мер, изолирующих публичную политику от категориального неравенства; например, введение тайного голосования, оплаты должностных лиц, свободный и равный доступ кандидатов к средствам массовой информации способствует формированию коалиций на межгрупповой основе.
 5. Формирование политически активных коалиций и ассоциаций, преодолевающих категориальное неравенство; например, мобилизации в масштабах регионов, направленные против захвата собственности правительствами, стирают грани между социальными категориями.
 6. Расширение политического участия, прав или обязательств размывает границы социальных категорий; например, аннексия государством территорий с социально разнородным населением способствует развитию политической жизни, в которой участвуют представители разных социальных групп.

Негативные варианты этих механизмов (например, умножение дружин, контролируемых частными лицами, и формирование политических коалиций или ассоциаций на узкоклассовой основе) способствуют интеграции категориального неравенства в политическую жизнь и тем самым обращают демократизацию вспять.

К процессам, сочетающим эти механизмы, относятся: а) уравнивание категорий (главным образом, механизмы 1–3); б) ограждение политики от категориального неравенства (главным образом, механизмы 3–6).

средоточен на механизмах отношений, уделяя при этом должное внимание когнитивным и средовым механизмам.

В таблицах 1.1–1.3 перечислены механизмы, которые постоянно генерируют благоприятствующие демократии изменения неравенства, сетей доверия и публичной политики. Механизмы под рубрикой «неравенство» образуют две группы: механизмы, подрывающие прежние формы категориального неравенства; механизмы, препятствующие интеграции форм категориального неравенства в публичную политику. В истории демократизации Европы механизмы второго рода играли гораздо более существенную роль, чем механизмы из первой группы. Собственно говоря, на фоне одновременного развития капитализма материальное неравенство населения европейских стран зачастую обострялось в ходе демократизации. Поэтому механизмы изоляции неравенства стали крайне важными для европейской демократии. Например, во Франции и Великобритании XIX века, несмотря на усиление материального неравенства, коалиции представителей разных классов в конце концов способствовали демократизации. Пример тому — конкуренция британских либералов и консерваторов за голоса рабочих, с которой мы начали.

Таблица 1.2. Механизмы интеграции сетей доверия в публичную политику

-
-
1. Дезинтеграция существующих обособленных сетей доверия; например, упадок способности покровителей обеспечивать своих клиентов товарами и защитой способствует уходу клиентов из системы отношений «покровитель—клиент».
 2. Расширение категорий населения, не имеющих доступа к эффективным сетям доверия, обеспечивающим их основные долгосрочные рискованные предприятия; например, рост числа безземельных наемных работников приводит к появлению слоев населения, лишенных покровителей и живущих вне отношений взаимопомощи.
-
-

Таблица 1.2 (окончание)

3. Появление новых долгосрочных опасных перспектив и угроз, с которыми существующие сети доверия не справляются; например, нарастание военного конфликта, вспышки голода, заболеваний и/или бандитизма явно превосходят возможности покровителей, диаспор и местных общин обеспечивать защиту своих членов.
4. Создание внешних гарантий исполнения государственных обязательств; например, оккупанты, отнявшие власть у ослабевшего правительства, обязуются осуществить перестройку, обеспечивая поддержку правительству, оказывающему защиту от грабителей.
5. Заметные собрания, на которых правительство принимает обязательства, благоприятствующие широким новым слоям населения; например, создание твердых гарантий вознаграждения рекрутам побуждает семьи отдавать сыновей на военную службу.
6. Поглощение или разрушение правительством прежде автономных сетей отношений между покровителями и их клиентами; например, предоставление региональным этническим лидерам государственных должностей привлекает на сторону государства бывших клиентов этих лидеров.
7. Увеличение ресурсов, выделяемых государством на снижение рисков и/или на компенсацию убытков; например, учреждение поддерживаемой государством системы страхования от катастроф вовлекает граждан в сотрудничество с агентами правительства и/или конституированными субъектами политики.
8. Циклы «изъятия—сопротивление—переговоры»: агенты власти требуют передать им ресурсы, контролируемые негосударственными сетями и направляемые на негосударственные цели; обладатели этих ресурсов оказывают сопротивление, вспыхивает борьба, а затем происходит урегулирование, по условиям которого люди отдают ресурсы, но взамен получают заслуживающие доверия гарантии ограничения подобных изъятий в будущем; например, урегулирование налоговых бунтов скрепляется соглашениями о том, кто должен платить налоги, в каком размере и на каких условиях.

Негативные варианты этих механизмов (например, отказ правительства от выполнения обязательств, данных ранее защищенным группам населения, и сокращение ресурсов, выделяемых правительством на снижение риска и/или на компенсацию убытков) способствуют отключению сетей доверия от публичной политики и тем самым ведут к свертыванию демократизации.

Процессы, объединяющие эти механизмы: а) распад изолированных сетей доверия (преимущественно механизмы 1–3); б) создание политически взаимосвязанных сетей доверия (преимущественно механизмы 4–8).

Таблица 1.3. Механизмы, увеличивающие широту, равенство, гарантированность и защищенность взаимных обязательств граждан и агентов власти

1. Формирование коалиций сегментов правящих классов с конституированными субъектами политики, не имеющими доступа к власти; например, инакомыслящие буржуа заручаются поддержкой лишенных политических прав рабочих, тем самым содействуя вовлечению этих рабочих в политическую жизнь.
2. Кооптация центральной властью или устранение ранее автономных политических посредников; например, региональные лидеры присоединяются к правящим коалициям и тем самым принимают на себя обязательства реализовывать правительственные программы.
3. Посредничество коалиций в отношениях между неравноправными категориями и/или различными сетями доверия; например, региональные союзы, возникшие для противодействия захвату местных активов правительством, используются в борьбе за другие политические цели.
4. Ликвидация неправительственных сетей отношений «покровитель—клиент» или их изоляция от правительства; например, потеря государственного покровительства региональными религиозными лидерами превращает других политических деятелей в более значимых союзников и покровителей.
5. Циклы «мобилизация—подавление—переговоры»: деятели, отлученные от власти, предпринимают коллективные действия, угрожающие выживанию правительства и/или правящих классов; попытки правительства подавить такие выступления оказываются неудачными, разворачивается борьба; урегулирование конфликтов дает мобилизованным деятелям политический статус и/или права; например, достигнутое в результате переговоров урегулирование сопротивления захватам земли правительством устанавливает соглашения о правах собственности.
6. Насажение сверху единообразных структур и процедур государственного управления в пределах всей подвластной правительству территории; например, создание единообразных общенациональных систем налогообложения увеличивает вероятность равенства, наглядности и согласованности.
7. Бюрократические ограничения действий прежде автономных вооруженных отрядов; например, включение наемников в национальные армии снижает их способность действовать в качестве независимых политических фигур.

Негативные варианты этих механизмов (например, увеличение численности автономных политических посредников и создание особых режимов благоприятствования некоторым сегментам населения) способствуют сокращению широты, равенства, гарантированности и/или за-

Таблица 1.3 (окончание)

щищенности взаимных обязательств, следовательно, способствуют де-демократизации.

Процессы, комбинирующие эти механизмы: а) расширение (механизмы 1–5); б) уравнивание (механизмы 2, 3 и 6); в) усиление коллективного контроля (механизмы 1, 4, 6 и 7); г) воспрепятствование произволу (механизмы 1 и 5–7).

Однако взаимосвязь между категориальным неравенством, публичной политикой и демократизацией усложняется парадоксом: при некоторых обстоятельствах действия, участники которых объединены принадлежностью к одной категории, временно упрочивают неравенство в публичной политике, хотя способствуют становлению демократии в долгосрочной перспективе [Tilly, 2002b, 2003b]. Это случается при совпадении трех условий: 1) исключение из политики проходит точно по границам категорий населения, например, по границам между классами, вероисповеданиями, расами или полами; 2) представители отлученной от политики категории мобилизуются именно как представители такой категории; они не образуют единый фронт со всеми исключенными и не вступают в коалиции с диссидентами из категорий, участвующих в политической жизни; 3) категория, ранее исключенная из политики, затем распадается, раскалывается или постепенно ассимилируется в существующие политические категории, не обретая собственного политического статуса. В Европе исключение из политической жизни часто проходило по линиям, разделяющим категории населения (прежде всего по границам между классами, вероисповеданиями и полами). Часто случалась и мобилизация исключенных категорий. Но это редко приводило к становлению новой отдельной категории. Это обусловлено тем, что обычно либо власть имущие кооптировали один слой аутсайдеров и подавляли остальных, либо диссиденты внутри категории всту-

пали в союз с аутсайдерами. Долгосрочный результат был таким же: уменьшение присутствия категориального неравенства в публичной политике.

По-другому развивалась история сетей доверия. Сети доверия, оставшиеся изолированными от политической жизни и правительственного вмешательства, мешали демократизации, стимулируя противодействие правительственным инициативам и уменьшая заинтересованность граждан в эффективности правительства. На протяжении весьма длительных исторических периодов такое положение дел было обычным: за исключением привилегированного меньшинства, чьи сети доверия фактически контролировались правительством, люди ревностно защищали от государственного вмешательства и политики свои сети доверия, основанные на кровном родстве, языке, вероисповедании, профессии и взаимопомощи.

Тем не менее эта веками существовавшая ситуация резко изменилась благодаря двум кластерам механизмов: механизмов, подрывавших способность существующих изолированных сетей обеспечивать защиту долговременных рискованных предприятий, и механизмов, в силу которых субъекты публичной политики (например, профсоюзы) и сами правительства оказывались более привлекательными и/или более надежными гарантами таких предприятий. Во Франции и Великобритании XIX столетия пролетаризация и урбанизация ослабляли старые сети доверия, способствовали политизации других сетей доверия и вовлекали правительства в предоставление новых гарантий кредита, выживания семей и свободы вероисповедания. Хотя, как мы увидим далее, на протяжении XIX века обе страны пережили вспышки массовой борьбы за сети доверия, построенные на основе вероисповедания; в конечном счете и во Франции, и в Великобритании произошел распад одних изолированных сетей доверия и, по меньшей мере, частичная интеграция других.

Третья группа крайне важных механизмов демократизации действовала на двух уровнях: механизмы, перечисленные в таблице 1.3, трансформировали политику в целом, но эти изменения в политической жизни сказывались на отношениях между гражданами и агентами власти. Эти механизмы изменяют взаимодействия конституированных политических деятелей, что, в свою очередь, влияет на отношения между гражданами и агентами правительства. Такие изменения способствуют широте и уравниванию отношений граждан и агентов правительства, усиливают обязательность коллективных решений и укрепляют защиту каждой из сторон от произвольных действий другой стороны. Соответствующие механизмы вводят широкие категории людей (в пределе — всех граждан) в приблизительно эквивалентные властные позиции в политике. Привилегии, связывающие конкретных посредников или определенные категории населения с конкретными агентами правительства, играют меньшую роль, тогда как права и обязанности, которыми пользуются широкие слои населения и целые классы агентов правительства, приобретают важное значение. Во Франции и Великобритании XIX века действие подобных механизмов привело не только к расширению избирательного права, но и к уравниванию прав на собрания, объединения и выдвижение требований.

Механизмы трех видов соединяются в восемь основополагающих процессов.

Изоляция публичной политики от категориального неравенства

1. Уравнивание категорий населения.
2. Создание защиты политики от категориального неравенства.

Интеграция сетей доверия в публичную политику

3. Ликвидация изолированных сетей доверия.
4. Создание сетей доверия, связанных с политикой.

Изменения публичной политики, трансформирующие взаимодействия граждан и агентов правительства

5. Расширение политического участия.
6. Уравнивание политического участия.
7. Усиление коллективного контроля.
8. Ограничение произвола.

Две основные идеи моей книги таковы: во-первых, механизмы, перечисленные в таблицах 1.1–1.3, в разных сочетаниях и в разной последовательности стимулируют эти процессы; во-вторых, для того чтобы последовала демократизация, должен иметь место по меньшей мере один из процессов из первых двух рубрик (категориальное неравенство и сети доверия) и *все* процессы под третьей рубрикой (изменения публичной политики). Таким образом, мы сталкиваемся с вопросом: дает ли этот перечень причин подлинное объяснение вариаций демократизации и де-демократизации в различных частях Европы в период с 1650 по 2000 г.?

Изменения в категориальном неравенстве, сетях доверия, публичной политике и в отношениях граждан и агентов правительства занимают в нашем объяснении, по всей видимости, разные места. Демократизация *состоит* из сдвигов, которые происходят в отношениях граждан и агентов власти и ведут к расширению этих взаимодействий, к большему равенству участвующих в них сторон, более интенсивным консультациям и большей защищенности. Это так по определению. Но механизмы, перечисленные в таблице 1.3, требуют не просто иначе сформулированного определения демократизации. Прежде чем оказать воздействие на отношения между гражданами и агентами правительства, большинство этих механизмов сначала вызывает изменения отношений между лицами, действующими *вне* правительства. Затем позитивные разновидности этих механизмов воздействуют на отношения между гражданами и агентами правительства, расширяя и уравнивая их, усиливая

коллективный контроль граждан над инструментами управления и защищенность граждан от произвола агентов правительства. Изменения, затрагивающие категориальное неравенство и сети доверия, способствуют демократизации более косвенным образом и медленнее; они меняют контекст, в котором происходят трансформации политической жизни.

Изменения в политической жизни, неравенстве и сетях доверия определенно взаимодействуют друг с другом. На протяжении большей части истории их взаимодействие блокирует демократизацию. Например, в большинстве случаев возрастание дееспособности правительств побуждает людей, уже обладающих значительной политической властью, использовать действия правительства в своих интересах, а участников сетей доверия — укреплять эти сети и энергично защищать их от правительственного вмешательства. Успешная деятельность такого рода тормозит или блокирует демократию. Если брать за образец Европу, то следует сказать, что даже налаженные демократии всегда уязвимы для сдвигов вспять; либо богатое меньшинство подрывает демократические процессы; либо стремящееся к мщению большинство отлучает от политической жизни уязвимые меньшинства.

Тем не менее, если рассматривать историю Европы после 1650 г., оказывается, что каузальные процессы под рубриками «неравенство», «сети доверия» и «публичная политика» иногда протекают однонаправленно, постепенно накапливая мелкие сдвиги для усиления защищенности консультаций. Например, осажденные участники политической борьбы заключают тактические союзы с противниками, что, как правило, способствует изменению деятельности правительств, сокращению политически значимых форм неравенства, интеграции сетей доверия в публичную политику. На региональном уровне такая интеграция происходила на протяжении XVII века во Франции, когда местные властители в ответ на проводимую королевской властью политику централизации стали создавать собственные кли-

ентелы и даже оказывать поддержку народным восстаниям. На государственном уровне это происходило в XIX веке в Британии, когда радикальные реформаторы, уже получившие право голоса, заручались поддержкой слоев, не имевших избирательного права. Усиление (зачастую временное) защищенности консультаций часто оказывается результатом крупных политических конфликтов.

Какого рода конфликтов? В истории Европы после 1650 г. четыре повторяющихся явления — революция, завоевание, конфронтация и колонизация — запускают множество способствующих демократии механизмов. Все эти события сопровождаются потрясением социальных основ.

Революции? Как показывают английская «славная революция» 1688–1689 гг. и русская революция 1905 г., они не всегда способствуют движению к широкому, равноправному гражданству, имеющим обязательную силу консультациям и защищенности. Давайте рассматривать революции как крупный раскол в сфере контроля над средствами управления, сопровождающийся существенными перемещениями власти над правительством. По сравнению с прежними режимами большинство революций, произошедших за последние несколько веков, привели по меньшей мере к некоторому подобию демократизации в том смысле, в каком мы рассматриваем ее в этой книге. Почему? Потому что революции, как правило, запускают еще более широкий спектр способствующих демократии механизмов, чем завоевания, колонизации и конфронтации.

Например, без образования коалиций между сегментами правящих классов и конституированными политическими фигурами или силами, оказавшимися отлученными от власти, революции происходят редко, если это вообще возможно. Но они также обычно ликвидируют или инкорпорируют неправительственные сети отношений «покровитель—клиент», ограничивают деятельность прежде автономных вооруженных отрядов, уравнивают активы и/или благосостояние всего населения и

обрушиваются на существующие сети доверия. Порой революции сносят старые сети, блокирующие демократизацию, и способствуют образованию правящих коалиций с гораздо более широким представительством, чем их предшественники.

Завоевание — это осуществляемая внешней силой насильственная реорганизация существующих систем публичной политики, неравенства и доверия. В истории демократизации Европы наиболее примечательный пример — завоевания французской революционной и наполеоновской армий за пределами Франции, оставившие после падения Наполеона в большей части Западной Европы правительства, созданные по полудемократической французской модели. Восстановление Франции, Германии, Италии и Японии на более или менее демократических основах после Второй мировой войны соперничает в этом отношении с подвигами французских революционеров. Завоевание содействует демократизации тем, что включает целый ряд способствующих демократии механизмов, в том числе (и в первую очередь) уничтожение старых сетей доверия и предоставление внешних гарантий того, что новые правительства выполнят свои обязательства.

Конфронтация дает хрестоматийные примеры демократизации: олигархии реагируют на вызов со стороны исключенных из политики деятелей расширением гражданства, уравниванием прав граждан, усилением имеющих обязательную силу консультаций и/или усилением защищенности граждан. В Британии XIX века реакция правителей на массовые мобилизации протестантов, не принадлежавших к государственной церкви (диссентеров), католиков, купцов и квалифицированных рабочих примерно соответствовала этой модели, но вовсе не всегда — и уж точно не в Ирландии (конфликты, возникавшие в Ирландии, подробнее рассмотрены в главе 5). Конфронтация содействует демократизации в тех случаях, когда она создает новые коалиции на основе доверия и ослабляет методы принуждения, поддерживающие существующую систему неравенства.

Колонизация, при которой все население колонии перемещено из метрополии, часто способствует демократизации, хотя обычно происходит ценой уничтожения, изгнания или подчинения автохтонного населения колоний. За исключением России и прилегающих к ней территорий, самые значительные случаи внутренней колонизации в Европе произошли намного раньше рассматриваемого нами периода, т. е. до 1650 г. [Bartlett, 1993]. Но европейцы колонизировали остальной мир и иногда насаждали демократические институты на неевропейских территориях. Так, заселение европейцами Канады, США, Австралии и Новой Зеландии начиналось при олигархических режимах, широко использовавших принуждение. Поселенцы, энергично уничтожавшие мешавшее им местное население, тем не менее быстро двигались к широкому гражданству, равноправию граждан, имеющим обязательную силу консультациям и к защищенности всех членов переселенческих общин.

Не будем забывать о том, насколько все реально существующие демократии не дотягивают до максимально возможных показателей по всем этим четырем направлениям. Если судить по этим критериям, на государственном уровне нигде и никогда не существовало режима, даже отдаленно напоминавшего демократию. В конце концов, бóльшая часть северных территорий будущих США была колонизирована ценой уничтожения и изгнания индейцев, а бóльшая часть южных — ценой насаждения плантационного рабства. Тем не менее колонизация такого рода создает новое качество — не просто потому, что переносит на новую почву политические институты, содержащие рудименты демократии, но и потому, что ослабляет исключительную важность сетей отношений «покровитель—клиент» и способствует относительному равенству материального положения колонистов.

Народы Европы шли к демократии очень разными путями. После 1800 г. Британия двигалась к демократии преимущественно через конфронтации, но таков же был и путь Сканди-

навин. Франция дает пример демократизации через революции, но бóльшая часть Европы прошла, пусть временно, сходный цикл в 1848 г. Важную роль в Европе сыграли и завоевания: в 90-х годах XVIII века, когда французские революционные армии насаждали новые режимы, и после Второй мировой войны, когда победившие союзники реорганизовывали государственный строй побежденных стран. В самой Франции победа союзников помогла воссоздать демократические институты после четырех лет авторитарного правления, но процесс воссоздания демократии сопровождался массовой борьбой, часто принимавшей насильственные формы и продолжавшейся с 1944 по 1947 г. Британия стала великим колонизатором, принесшим демократию в районы поселения европейцев в Северной Америке, Карибском бассейне, Австралии и Новой Зеландии, хотя в большинстве остальных британских колоний были установлены недемократические режимы.

Хотя революции и завоевания в краткосрочной перспективе обычно сопряжены с более явным и массовым кровопролитием, чем колонизация или конфронтации, все четыре процесса сопровождаются длительной политической борьбой. Иногда правители предпринимали упреждающие действия в ответ на еще не реализовавшиеся угрозы массовых выступлений, но в формировании демократических институтов важную и непосредственную роль играли открытые массовые выступления. Не следует полагать, что народные массы обычно выдвигали хорошо сформулированные проекты демократических реформ или откликались на такие проекты; многие шаги к демократии начинались как акты сопротивления центральной власти и предпринимались во имя недемократических привилегий и форм общественной организации — доказательством этого служит расширение британского электората в 1867 г. Поначалу эта мера была спроектирована Дизраэли и консерваторами ради достижения политической победы над либералами. Или задумаемся над тем, насколько часто в Европе требования обойти или за-

менить наследственных политических посредников развертывались в программы прямого представительства и народного суверенитета.

Не все конфронтации, завоевания, колонизации или революции каким-либо образом способствуют демократии; это зависит от того, какие именно механизмы активируются тем или иным процессом. Пристально рассматривая демократизацию, мы сталкиваемся с неупорядоченным, импровизационным, сопряженным с борьбой процессом, в рамках которого преемственность и кумулятивные эффекты обусловлены в большей мере ограничениями, налагаемыми общими, но не сформулированными явным образом представлениями и существующими общественными отношениями, нежели какими-либо четко сформулированными представлениями о будущем.

Стоящая перед нами проблема объяснения схематически представлена на рисунке 1.1. Эта схема игнорирует обратные связи и выявляет только те главные каузальные связи, исследованию которых посвящена эта книга. Мы рассматриваем революции, завоевания, конфронтации и колонизацию главным образом способами, какими они запускают и трансформируют сопряженное с борьбой выдвижение требований, а не отслеживанием идеологического наследия этих процессов и вызванных ими изменений в организации общества. Мы следим за воздействием, которое сопряженное с борьбой выдвижение требований оказывает на сети доверия, категориальное неравенство и публичную политику, время от времени отмечая, что на сети доверия и категориальное неравенство помимо сопряженного с борьбой выдвижения требований влияют и другие факторы (на рисунке 1.1 влияние этих факторов показано внешними стрелками). Особенно внимательно мы изучаем воздействие, которое по совокупности оказывают изменения сетей доверия, категориального неравенства и политической жизни на отношения граждан и агентов власти. В области отношений между гражданами и агентами власти мы наблюдаем политические измене-

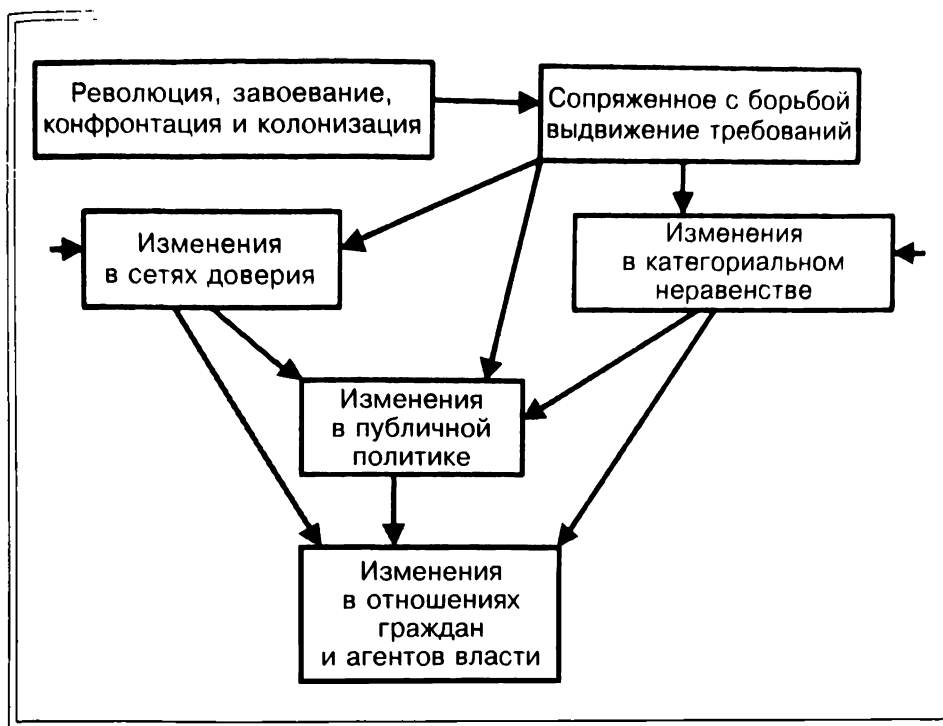

Рисунок 1.1. Составные части объяснения демократизации и де-демократизации

ния, составляющие демократизацию или де-демократизацию. Рассматривая каждое из этих соединений, мы стремимся прояснить и проверить механизмы и процессы, сочетание которых обычно вызывает важные переменны. Для выполнения этих задач мы и исследуем истории европейских государств после 1650 г.

Истории демократизации

Рассматриваемые в европейской перспективе, истории борьбы и демократии во Франции и Великобритании имеют очень много общего. Общие условия, характерные для европейских

режимов XVII века, — спектр от авторитарного правления (высокая дееспособность правительства в сочетании с малой защищенностью консультаций) до фрагментированной тирании (при которой нет ни сильного правительства, ни защищенных консультаций, а потенциалом принуждения на локальном уровне обладают многие лица и организации). На протяжении XVII века Франция и Британия дрейфовали между двумя этими крайностями, но большую часть столетия пребывали в состоянии, которое было ближе к авторитарному правлению, нежели к фрагментированной тирании. Централизованные государства в обеих странах демонстрировали поразительные способности к восстановлению после опустошительных гражданских войн, сменявшихся новыми этапами авторитаризма.

Разумеется, в глаза бросаются различия между историями Франции и Британии (политическая история этих стран с XVII по XX век подробно рассмотрена в главах 4 и 5). С 1640 по 1690 г. обе страны пережили глубокие революционные кризисы. Из кризиса середины XVII века французское государство вышло более сильным, чем оно было в начале столетия. Например, к 80-м годам XVII века Людовик XIV подумывал о ликвидации политической автономии, дарованной протестантам Людовиком XIII в 20-х годах того же столетия. В Британии дела приняли совершенно иной оборот: революция и голландские модели государственного управления вызвали глубокую реорганизацию публичной политики, в том числе и такое усиление власти парламента, что в следующем столетии монархам приходилось тратить немало сил на то, чтобы подбирать состав парламента, улаживать его и бороться с ним.

В 90-х годах XVIII века Франция и Британия поменялись ролями. Во Франции в общенациональном масштабе произошла одна из самых быстрых и глубоких реорганизаций управления, какие когда-либо и где-либо случались, тогда как в Британии режим боролся с радикалами и революционерами. Затем, после окончания войн с Францией, в Британии массы резко

возобновили свои требования. В течение XIX века режимы, существовавшие во Франции, неоднократно сталкивались с революционными выступлениями, порой приводившими к революционным переходам к новым режимам, тогда как британский режим выживал и изменялся в условиях постоянной борьбы, не вылившейся, однако, в революцию (впрочем, в Ирландии британским правителям пришлось столкнуться с многочисленными революционными ситуациями). Тем не менее и во Франции, и в Британии развивались капитализм и промышленность, но в Британии это развитие отличалось большей финансовой, пространственной и организационной концентрацией, чем во Франции.

Хотя Великобритания и славится своей склонностью к аристократическому беспорядку, ее история не составляет исключения из правила, утверждающего, что демократия возникает в результате борьбы. Самим признанием своей ответственности за умиротворение Дизраэли привлек внимание к острому конфликту, который привел к парламентской реформе 1832 г. и к чартистскому движению рабочих в 1838–1848 гг.; и то, и другое оказало влияние на форму будущих британских институтов. Если бы Дизраэли обратил свой взор к западу от Манчестера, он мог бы также указать на глубокое воздействие, которое на протяжении длительного времени оказывали на характер британской политики конфликты в Ирландии, с Ирландией и по ирландским вопросам (это взаимодействие подробно рассмотрено в главе 5). И во Франции, и в Британии политическую жизнь формировала борьба. Борьба наложила печать на формы демократических институтов Франции и Британии — например, французская сравнительно хорошо вооруженная, военизированная и централизованная полиция сильно отличается от в общем невооруженной, демилитаризованной и децентрализованной британской полиции.

Поскольку привилегированные представители относительно демократических режимов постоянно осуждают сопровож-

даемое бунтами выдвижение требований как угрозу демократии и поскольку специалисты по демократии часто считают народные выступления событиями, не имеющими значения для демократизации или вредными для нее, позвольте со всей определенностью заявить: в Европе после 1650 г. все магистральные пути к демократическому государству пролегли через длительную борьбу. Демократия является результатом массовой борьбы. Демократия мобилизует массы на такую борьбу и изменяет ее формы. И все же одна особенность этой взаимозависимости демократизации и борьбы парадоксальным образом помогает понять, откуда берется впечатление, будто бы демократия и борьба несовместимы. В целом демократизация существенно ограничивает создающие угрозу жизни и собственности формы публичного, коллективного выдвижения требований. На смену таким формам приходят очень заметные, но менее деструктивные в своих непосредственных проявлениях варианты взаимодействия. В среднем при демократических режимах угрозы и провозглашение определенных намерений вместо не подлежащих обсуждению прямых действий занимают гораздо более важное место в массовой политике, чем при недемократических режимах. Тем не менее многие угрозы такого рода время от времени приводят к открытым конфликтам — в противном случае они остались бы пустыми угрозами. Таким образом, борьба — необходимое условие демократического процесса, но демократы систематически преуменьшают ее значение.

В более общем плане демократизация трансформирует методы борьбы. Всякий, кто изучает историю Франции и Великобритании после 1650 г., легко увидит, что с XVII по XX век основные способы выдвижения эпизодических публичных коллективных требований, т. е. методы борьбы, претерпели глубокие изменения. Произошел переход от таких характерных для старого порядка взаимодействий масс и власти, как чинимые толпой расправы над сборщиками налогов, церемонии шельмования за безнравственность, создание местных ополчений с вы-

борными командирами, к современным формам взаимодействия народа и власти — массовым митингам, организованным демонстрациям и забастовкам.

Участие общественности в политической жизни не исчерпывается акциями, в ходе которых выдвигаются требования, вроде ритуала шельмования и демонстраций. Политическое участие охватывает широкий круг взаимодействий граждан и агентов правительственной власти: уплату налогов, военную службу, участие в переписях, выборах, поддержку политических партий, занятие должностей и многое другое. Режимы существенно отличаются друг от друга тем, какое значение они придают различным формам политического участия. Некоторые формы такого участия, как, например, уплата налогов и коллективные присяги на верность, режимы *предписывают* как обязательные. К некоторым формам политического участия режимы относятся *терпимо*, допуская их существование. Например, режимы разрешают (но не принуждают) создавать объединения для достижения конкретных целей или издавать газеты. Некоторые формы политического участия режимы *запрещают*, объявляя, например, незаконным создание частных ополчений. Комплекс обязательных, допустимых и запрещенных форм политического участия в рамках того или иного режима уже многое рассказывает нам о его характере; режим, который терпимо относится лишь к ограниченному количеству инициированных гражданами форм политического участия и активно навязывает или запрещает все остальные, обычно является авторитарным и во всех прочих отношениях.

При любых режимах участие в политической жизни по большей части осуществляется без борьбы — без эпизодического публичного коллективного выдвижения требований. Люди платят налоги, стоят в очередях за получением предоставляемых государством услуг или следят за сессиями законодательных органов, публично не предъявляя коллективных требований должностным лицам или другим людям. Но отношения между

известными формами политического участия и политической борьбой варьируются в зависимости от типа режима. Поэтому полезно будет провести различия между демократическими и недемократическими методами борьбы.

По большей части демократическая борьба происходит в пределах предписанных или терпимых режимом форм политического участия: так, массовые митинги — это орудие как власть имущих, так и диссидентов, тогда как избирательные кампании предоставляют возможность для выдвижения требований электорального, околоэлекторального и контрэлекторального характера. В недемократических режимах массовая политическая борьба редко принимает предписанные и допустимые режимами формы политического взаимодействия еще и потому, что власти в общем препятствуют рядовым гражданам прибегать к таким формам — суды отклоняют иски, поданные бедняками, путь в королевские покои преграждает стража. Как бы селективно соответствующие режимы ни обеспечивали соблюдение запретов, очень многие формы недемократической борьбы оказываются запретными; иногда должностные лица закрывают глаза на кровную месть и церемонии шельмования, но всегда стремятся подавлять вооруженное сопротивление требованиям правительства. В итоге при авторитарных режимах мы обычно видим резкое размежевание видов политического инакомыслия: проявления такого инакомыслия либо принимают запрещенные формы (вроде актов террора против должностных лиц), либо втискиваются в сравнительно защищенные формы политического участия вроде разрешенных властями сборищ (похоронных процессий, праздников, гражданских церемоний и т. д.).

Таблица 1.4 придает этому сравнению чуть большую определенность и точность. Она основана на изучении последних нескольких веков истории Западной Европы и представляет собой обобщения, касающиеся недемократической и демократической фаз европейской истории. В этой таблице я утверж-

даю, что при недемократических режимах рядовые европейцы, в отличие от правящих классов, обычно используют узколокальные, конкретные и бифуркационные методы выдвижения коллективных требований. Традиционные методы рядовых европейцев были методами *узколокального* действия, осуществляемыми в ограниченном контексте и существенно различавшимися по формам в зависимости от местности. Эти методы были *конкретными*, т. е. направленными на узкий круг целей, поводов для жалоб и обстоятельств. Этого хватало для дисциплинирования товарищей по работе, но не для разбирательств с местными сановниками, которые требовали иных форм выдвижения коллективных требований. Эти методы были *бифуркационными*, т. е. отделяли сравнительно прямые методы отношений с местными политическими фигурами от использования почтенных, благородных посредников для доведения требований до сведения далеких высших властей.

В этом схематичном обобщении демократические методы борьбы характеризуются как космополитические, сложносоставные и автономные. Определение *космополитические* означает, что выдвигаемые массами требования охватывают широкий круг целей, предметов, задач и контекстов. Определение *сложносоставные* означает, что сходные формы действий (например, массовые митинги и объединения, ставящие перед собой одну-единственную конкретную цель) используются при множестве разных обстоятельств. Определение *автономные* подразумевает, что простые люди действуют по собственной инициативе, а не ждут, когда власти пригласят их действовать, и не прибегают к услугам уважаемых посредников.

Разумеется, этот дихотомичный итог сразу же вызывает вопросы. Некоторые недемократические традиционные процедуры выдвижения требований так сильно зависели от конкретных форм социальной организации, что Европа их почти не знала; например, традиции кровной мести появляются только там, где преобладают достаточно многочисленные, автономные и воо-

Таблица 1.4. Принципиальная противоположность недемократических и демократических методов борьбы в Европе

Недемократические методы	Демократические методы
1. Частое использование обычных способов действия властей либо в карикатурной форме, либо в форме сознательного, пусть и временного, присвоения властных прерогатив в интересах и от имени местного сообщества	1. Использование сравнительно автономных методов действия, редко или никогда не применяемых властями
2. Стечение народа к местам пребывания злодеев или к местам, где творятся злодеяния, которые противопоставлены местам средоточия и символам публичной власти	2. Предпочтение отдается заранее спланированным действиям в заметных общественных местах
3. Широкое использование разрешенных общественных праздников и собраний для предъявления жалоб и требований	3. Сознательная организация собраний для отчетливого формулирования требований
4. Одинаковый внешний вид, которым участники подчеркивают свою принадлежность к корпоративным группам и общностям, а не к группам, объединенным определенными интересами	4. Участие в качестве представитель групп, объединенных особыми интересами, учрежденных общественных организаций или известных под собственными названиями ассоциаций
5. Непосредственное противодействие местным врагам при одновременной апелляции к могущественным покровителям с просьбой устранить причины недовольства, находящиеся вне контроля местных общин, и особенно с просьбами выступить представителями в отношениях с внешними властями	5. Прямой вызов противникам или властям, особенно государственным властям и их представителям
6. Неоднократное использование разнообразной оскорбительной символики — чучел, пантомимы и ритуальных объектов —	6. Демонстрация программ, лозунгов и символов общности — таких, как флаги, цвета, знамена с лозунгами

Таблица 1.4 (окончание)

Недемократические методы	Демократические методы
для демонстрации обид и требований	
7. Оформление взаимодействия в соответствии с конкретными обстоятельствами и местными обычаями	7. Предпочтение отдается формам взаимодействия, которые легко переносятся из одной ситуации в другую или из одной местности в другую
8. Итоги: формы борьбы носят узколокальный, партикуляристский и бифуркационный характер	8. Итоги: космополитические, сложносоставные и автономные формы борьбы

руженные роды и кланы. Иногда люди одновременно используют и демократические, и недемократические методы борьбы, например, противники авторитарных режимов прибегают к демонстрации как форме протеста. У специфических методов борьбы, таких как шельмование, захват продовольствия, нападения на жилища обесщеченных людей, своя история и свой «график» (см. [Blickle, 1988, 1997; te Brake, 1998; Muir, 1997; Puls, 1979; Ruff, 2001; Tarrow, 1998; Traugott, 1995]). Стремительные переходы от недемократических форм правления к демократическим не приводили к автоматическому, мгновенному и одновременному изменению методов.

Очень приблизительное сравнение недемократических и демократических средств и методов борьбы позволяет, тем не менее, внести уточнение в формулировку центральных проблем, которым посвящена эта книга.

- Как и с какими последствиями переходы от одного арсенала средств и методов к другому связаны с изменениями политической власти?
- Какого рода национальные различия существуют в этих отношениях, почему они существуют и каковы их последствия для дальнейшей политической жизни?

- Какие устойчивые модели и исходы борьбы способствуют становлению демократического государственного устройства, как и почему это происходит?
- Какие модели и результаты борьбы способствуют отходу от демократии, как и почему это происходит?

В этой книге предложен анализ, который поможет установить важные межстрановые различия в арсеналах, методах и средствах борьбы и путях демократизации; тесную взаимозависимость борьбы и демократизации или де-демократизации; усиление международного влияния как на демократические учреждения и формы борьбы, так и на сближение демократий в плане космополитических, сложносоставных и автономных способов предъявления требований, несмотря на значительные расхождения, обусловленные предшествующей историей борьбы.

Например, обнаруживается, что длительная история сетей доверия в определенном регионе создает большие различия для перспектив демократии и процессов формирования демократических режимов (если они формируются). При этом имеют значение как структура (т. е. централизованность или сегментированность), так и содержание (т. е. профессиональное или родственное) этих сетей. Возьмем для примера Нидерланды и Балканы. В Нидерландах крупные, сложившиеся в городах профессиональные, кровнородственные и религиозные конгрегации тесно переплелись с местным и региональным управлением. Это переплетение с XVII века оказывало глубокое воздействие на преобладавшие формы борьбы, в течение XVIII века — на характер демократических экспериментов, на реакцию населения на режимы, установленные французами в 90-х годах XVIII века и просуществовавшие до 1814 г., и на последующий болезненный процесс строительства более или менее демократических институтов в Нидерландах, Люксембурге и Бельгии.

На Балканах отношения диаспор, основанных на религиозной принадлежности или общности занятий, накладывались на

отношения покровителей с клиентами и системы наследственных связей, образуя основу для рискованных предприятий и массовой борьбы. «Большое» правительство издавна осуществляло косвенное правление через вооруженных региональных магнатов; некоторые политики, отстаивая национальный суверенитет, сотрудничали с иностранными державами, когда империя Габсбургов и Оттоманская империя стали развиваться под военным натиском европейских соседей. Даже в наши дни приближение к защищенности консультаций заметно лишь в небольших районах. До сих пор балканские народы в общем отказывают в доверии сетям, имеющим связи с правительствами, вместо этого разрешая свои коллективные проблемы с помощью негосударственных и антигосударственных сетей. Недавние конфликты в Албании, Боснии, Хорватии, Косово и Македонии демонстрируют последствия разрушения вербального взаимодействия между сетями доверия и государственными институтами.

Действительно, по всей Европе попытки правительств расширить контроль над массами, деятельностью и ресурсами в пределах своей номинальной юрисдикции приводили скорее к усилению и защите неправительственных сетей доверия, нежели к сдвигам в сторону демократии. Возникали витки свертывания демократии. Только в тех случаях, когда завоевание, революция или конфликты между олигархами и второстепенными действующими лицами завершались появлением внешних гарантий правительственной защиты рискованных предприятий, элементы демократии начинали действовать слаженно. Хотя после 1650 г. и Франция, и Британские острова пережили революции, завоевания и народные движения против олигархий, в демократизации Франции более непосредственную и важную роль сыграли революции, а в демократизации Британии и Ирландии — конфликты между старинными олигархиями и противостоявшими им группами.

Впрочем, по мере приближения к демократии возникали и витки борьбы за демократизацию. Эффективное в краткосрочной перспективе возложение ответственности за сопряженные с риском начинания на такие институты, как выборы, политические партии, добровольные ассоциации, профсоюзы и парламенты, стимулировало также долгосрочную преданность этим институтам и побуждало исключенные группы требовать доступа к этим институтам. Таким образом, в Великобритании расширение власти парламента после 1750 г., поначалу вызванное резким увеличением военных расходов страны, привело к тому, что все большую часть требований, ранее предъявлявшихся местным властям и покровителям, стали адресовать парламенту. Возраставшее значение парламентских выборов потребовало расширения электората и усиления народного контроля за всем электоральным процессом [Tilly, 1997; Tilly and Wood, 2003]. Наша задача состоит в том, чтобы нанести на карту взаимосвязанные процессы, происходившие по всей Европе в период с 1650 по 2000 г., и объяснить вариации этих процессов.

Стратегии объяснения

Подобная программа объяснения сразу же вызывает возражения исторического, сравнительного и аналитического порядка. С исторической точки зрения исследователь может, вслед за многими теоретиками демократии, утверждать, что демократия делает политическую борьбу излишней, а демократизация требует укрощения предрасположенности масс к борьбе. Со сравнительной точки зрения можно указать на то, что в наши дни поистине смертоносные формы борьбы наблюдаются в таких недемократических странах, как Руанда или Афганистан, а не в странах развитой демократии. С аналитической точки зрения можно утверждать, что в число главных условий демократии

входят жесткое ограничение борьбы и что крупномасштабная борьба угрожает выживанию демократии.

В каждом из этих возможных возражений содержатся крупницы истины.

- Демократизация действительно в целом влечет за собой подавление одних и существенное ограничение других форм политической борьбы.
- В среднем, демократические режимы справляются с внутренней политической борьбой менее смертоносными способами, чем это делают их недемократические соседи.
- Процесс, благодаря которому возникает демократия, включает в себя договоренность об установлении важных пределов деструктивности борьбы.

Тем не менее история Франции, Великобритании и других европейских стран после 1650 г. опровергает любые представления о том, что открытая борьба не имеет отношения к демократизации, противоположна ей или фатальна для нее. История этих стран, напротив, показывает, что в Европе все исторические пути к демократии проходили через фазы острой политической борьбы.

В любом случае у демократии нет одной, общей для всех истории, повторяющейся при более или менее одинаковых условиях и в более или менее одинаковой последовательности в любой переживающей демократизацию стране. Демократия — не месторождение нефти, которое может сформироваться только в очень специфических условиях за века или даже тысячелетия. Но демократия и не сад, который опытные садоводы создают за короткое время в любой среде. Скорее она напоминает озеро, крупный водный объект, окруженный сушей. Озера образуются по-разному — в результате заполнения оставленных ледником впадин или вулканических кратеров, возникновение преград на реках, целенаправленных человеческих действий

и т. д. Но если уж озеро появилось, у него обнаруживается множество свойств, характерных для других озер: приливы и отливы, устойчивые вертикальные и горизонтальные течения, температурные слои и размещение живых организмов по глубинным слоям, образование песка под воздействием волн и т. д.

Уместная аналогия меняет дело, поскольку если демократия — месторождение нефти, то приверженцам демократии только и остается, что искать те редкие благоприятные точки, откуда еще можно качать нефть демократии, предоставляя все прочие места их недемократической участи. Если демократия — сад, ее сторонники могут строить планы насаждения и культивирования демократии практически повсюду и в кратчайшее время. Если демократия формируется как месторождение нефти или как сад, то эта книга может удовлетворить любопытство людей, интересующихся прошлым Европы, но вряд ли привлечет внимание тех, кто желает содействовать будущей демократизации.

Однако если демократия действительно подобна озеру, т. е. является комплексом исторически возможных условий, которые, возникнув, начинают действовать упорядоченным образом, поборникам демократии следует обратиться к накопленному историческому опыту. Если они хотят способствовать демократизации, а не получать какой-то совершенно иной результат, им необходимо адаптировать свои действия к культурному и институциональному контексту. На часто разливающихся реках обычно не бывает устойчивых озер. Здесь история должна дать важные ориентиры для будущих вмешательств или хотя бы подсказать, какие вмешательства будут бесполезны. Бьюсь об заклад, что демократия подобна озерам, стало быть, история имеет значение.

Как распознать демократическое озеро? Надо искать четыре признака: 1) сравнительно широкое поле отношений между гражданами и агентами власти; 2) сравнительное равенство в отношениях между гражданами и агентами власти; 3) имеющие

обязательную силу, эффективные консультации с гражданами по вопросам состава правительства, ресурсов и политики; 4) защищенность граждан, особенно представителей меньшинств, от произвола агентов государственной власти. В той мере, в какой тот или иной политический режим обнаруживает эти характеристики, мы называем его демократическим.

Мы сосредоточиваем внимание на национальных правительствах или государствах: это организации, обладающие способностью к принуждению, отличающиеся от кровнородственных групп, наделяющие своих агентов преимущественными по сравнению с другими организациями правами в пределах большой, диверсифицированной, имеющей четко определенные границы территории. Впрочем, мы признаем, что частичная демократия может существовать на уровне систем управления, власть которых простирается на меньшие территории, например на селения и города [Cerutti, Descimon, and Prak, 1995; Head, 1995; Wells, 1995]. Многие практические демократические процедуры (собрания, голосование, выборы, политические организации, ориентированные на достижение определенных целей, и т. д.) воплощаются в локальной политике до того, как становятся моделями общенациональной политики. Но здесь нас подстерегают две неожиданности. Во-первых, институты локальной политики вроде городских советов редко превращались в элементы демократической политики на государственном уровне и часто оказывали упорное сопротивление демократическим изменениям, угрожавшим их автономности и привилегиям. Во-вторых, между локальной демократией и демократией национальной не существовало никакой устойчивой связи; например, в авторитарных государствах часто функционировали сравнительно демократически управлявшиеся крестьянские общины.

В основном мы обнаруживаем сочетание четырех сформулированных выше показателей в рамках государств, обладающих высокой дееспособностью. Государства с низкой дееспособно-

стью, даже когда они накапливают или наследуют рудименты демократии, остаются уязвимыми в плане сужения политического участия, усиления неравенства, препятствий для эффективных консультаций, нарушений защищенности, не говоря уже об уничтожении в результате завоеваний извне или внутренних революций.

Специалисты по сравнительным политическим исследованиям уже заметили одну особенность моего аналитического метода. Учитывая мой интерес к условиям, благоприятствующим или неблагоприятствующим демократии, пристальное внимание к взаимосвязи этих условий и изменений в политической борьбе и доводы в парадигме исследования политических процессов, можно было бы с полным правом предположить, что эта книга будет построена вокруг: 1) поиска сходств в историческом опыте Франции и Британии; 2) сравнений, выявляющих сходства и различия истории государств, подвергшихся демократизации в результате завоеваний, революций, колонизации или конфронтации; 3) выявления структуры общеевропейского опыта начиная с 1650 г. и путей, одни из которых ведут к раннему становлению демократии, другие — к позднему, третьи — к ротации демократических и недемократических режимов, а четвертые не ведут к демократии вовсе. Но вместо всего того я сосредоточиваю внимание на истории двух относительно похожих государств, создавших более или менее жизнеспособные демократии, а затем пытаюсь применить выводы, полученные из сравнения этих двух стран, к другим странам. Почему не начать со сходств и различий на более широком уровне? Почему не провести ряд попарных сравнений?

Джон Стюарт Милль, к которому специалисты часто призывают как к святому покровителю парных сравнений по принципу «да—нет», на самом деле предупредил своих читателей о невозможности применения разработанных им экспериментальных методов к целостным политическим системам. Сформулировав (пользующиеся широким признанием) Методы согласования и

различения, а также (часто игнорируемые) Методы остатков и сопутствующих вариаций, Милль напомнил читателям о том, что его методы приложимы исключительно к экспериментальным процедурам. Более того, Милль ограничил применение разработанных им методов сравнительно простыми явлениями, не предполагающими почти никакого взаимодействия причин. Это ограничение означало: методы Милля не слишком способствуют пониманию живых организмов. Поэтому Милль сделал строгое предупреждение:

Если экспериментальным методом можно сделать так мало для определения условий воздействия множества сочетающихся друг с другом причин в медицинской науке, этот метод и того менее применим к классу явлений более сложных, чем физиология, — к политическим и историческим явлениям. В этих областях Множественность причин почти безгранична и последствия по большей части нерасторжимо сплетены друг с другом. Замешательство усугубляет то, что большинство исследований в области политических наук описывается самыми всеобъемлющими категориями, такими как общественное благо, общественная безопасность, общественная нравственность и тому подобное; вероятно, что на результаты прямо или косвенно, со знаком «плюс» или «минус», влияет почти любое событие в человеческом обществе.

Вульгарное представление о том, что надежные методы исследования политических предметов — это методы бэконовской индукции, что мы должны руководствоваться не общающимися размышлениями, а конкретным опытом, когда-нибудь будут считать недвусмысленным признаком низкого уровня способности к теоретизированию в любую эпоху, принимавшую это представление на веру. Что может быть печальнее пародии на экспериментальное мышление, с которой мы часто сталкиваемся не только в обыденных разговорах, но и в серьезных трактатах, посвященных положению народов. «Как, — вопрошает эта пародия, — может быть дурным институт, при котором страна процветает? Как могут такие-то и

такие-то причины способствовать процветанию одной страны, когда другая процветает и без них?» Всякому, кто искренне пользуется подобными доводами без намерения ввести в заблуждение, следует прежде изучить азы какой-нибудь из более простых физических наук» [Mill, 1887, 324]*.

Позднее Милль выявил главные трудности применения его экспериментальных методов к изучению человеческих дел: проблема заключалась не только в сложном взаимодействии причин, но и в том, что его метод требовал а priori конечного, определенного комплекса гипотетических причин. Примененный к исследованию социальных процессов метод Милля, по его собственному утверждению, всегда оставался фатально уязвимым для предположений о действии какой-то неучтенной причины.

Сам Милль советовал объяснять сложные социальные процессы с помощью различных грандиозных эволюционных схем, предложенных Огюстом Контом и другими социальными теоретиками XIX столетия. Действительно, его собственная теория демократизации зиждилась на идее культурной эволюции, в процессе которой народы продвигались от подчиненного положения бедуинов или малайцев к самоуправлению французских и английских граждан. Однако у нас есть альтернатива. Вместо того чтобы предполагать, что целые структуры и процессы повторяются в соответствии с великими законами, можно разделить сложные каузальные процессы, выявляя каузальные механизмы, в разных обстоятельствах вступающие в разные взаимосвязи [McAdam, Tarrow, and Tilly, 2001; Tilly, 2001a]. Таким образом, мы можем искать закономерности в формах, которые обретали сопротивление, уклонение или переговоры, вызванные притязаниями агентов правительства на ресурсы, не предполагая, что такие притязания всегда возникают в одной и той же последовательности или приводят к одним и тем же результатам.

* Цитата дана в переводе А. А. Калинина. — *Примеч. ред.*

Более того, мы не исходим из посылки, утверждающей, что всякое имеющее силу суждение о политических процессах представляет собой либо частное описание, либо некий всеобщий закон, а конкретизируем основные условия проявления устойчивых каузальных аналогий — например, они хорошо действуют в высокоэффективных недемократических режимах, но нуждаются в существенных модификациях в иных условиях. Мы стремимся объяснить не единообразие и не различия «есть—нет», а разнообразие и изменения.

Любой исследователь, пытающийся дать эффективное объяснение демократизации, должен избегать четырех искушений, которым часто подвержены аналитики: телеологии, системного функционализма, идеального варианта и поиска достаточных условий. Телеология выводит предполагаемые причины из результата, изучая предшествующие обстоятельства в поисках элементов или причин, которые могли бы принести известный результат. Чтобы не выискивать в прошлом того, что укладывается в нужную картину, при этом игнорируя важные факторы политических изменений, которые кажутся противоречащими демократизации или не имеющими к ней отношения, надо заткнуть уши и не слушать пение телеологических сирен. Мы должны избегать телеологии, для того чтобы прийти к объяснениям, выявляющим общие черты процессов, которые иногда порождают демократию, но часто приводят к недемократическим режимам.

Системный функционализм объясняет действия или институты последствиями, которые они имеют для общества, политической системы или какого-то всеобъемлющего явления. Системный функционализм вводит аналитиков в соблазн по простой причине: слишком легко задним числом доказывать, что авторитарные институты существуют потому, что система нуждается в стабильности, а демократические институты — потому, что система нуждается в справедливости, и т. д. Формы социальной организации иногда воспроизводят условия, необ-

ходимые для их выживания, как это происходит, когда правящие классы изымают излишки у подчиненных классов и используют часть таких излишков для упрочения своей власти над этими классами [Tilly, 1998, ch. 4]. Тем не менее в сфере политических изменений все подобные функционалистские доводы постоянно сталкиваются с двумя серьезными осложнениями. Во-первых, рассматриваемая система всегда остается смутной, ускользающей: какой именно комплекс отношений, действий, убеждений или институтов извлекает предполагаемую выгоду и как взаимосвязаны эти элементы? Во-вторых, каким образом эта система генерирует или поддерживает предполагаемые функциональные действия или институты? Оказывается, что доводы и в том, и в другом отношении трудно конкретизировать и того труднее проверить.

Рассуждения от идеального варианта открыто или неявно используют исторический опыт одной страны или идеализированное обобщение всех удачно сложившихся историй в качестве модели движения от недемократических форм политической организации к демократическим формам, а затем располагают все прочие истории по степени их приближения к этой модели. Таким образом, мы строим схему демократизации стран Западной Европы прежде, чем начинаем рассматривать демократизацию во всех остальных странах, и строим ее как схему частичного повторения этого идеализированного процесса. Сегодня уже известно, что анализ экономического развития как повторения американского, британского или идеализированного западного опыта достаточно часто оказывался неудачным для того, чтобы это послужило для политических аналитиков предупреждением. Есть слишком много причин сомневаться в том, что при новом случае демократизации каким-то образом будут воспроизведены те исходные условия или та последовательность событий, которые способствовали развитию демократии в США, Японии или в каких-то других странах.

Поиск *достаточных условий* — или, того хуже, необходимых и достаточных условий демократии — имеет несколько серьезных изъянов. Такой поиск предполагает существование какого-то одного комплекса обстоятельств, которые всегда и везде дают сходные результаты, и поэтому отрицает зависимость от пути к демократии и влияние накопленной культуры. Он отталкивает аналитиков от изучения динамических политических процессов и побуждает их заниматься статичными сравнениями. Такой поиск отвергает логику этой книги, утверждающую, что мир общественных отношений не подчиняется неизменным всеобщим законам, которые повсюду создают одинаковые целостные структуры и одинаковую последовательность событий, но возникает из повторяющегося действия каузальных механизмов, в зависимости от местных условий вступающих в разные взаимосвязи и дающих разные результаты. По моему мнению, секрет объясняющей истории и действенной социальной науки заключается в открытии сопоставимых причинно-следственных механизмов при учете всего разнообразия эпох, мест и обстоятельств, а не в открытии сходных структур и последовательностей.

Разумеется, логика моих рассуждений претендует на выявление *необходимых* условий демократизации, к каковым относятся по меньшей мере частичная интеграция сетей доверия в политическую жизнь, устранение из политической жизни категориального неравенства плюс расширение и уравнивание участия, усиление коллективного контроля и ограничение произвола. Такая логика вносит заметный (и самый рискованный) вклад в анализ демократизации, предлагая вниманию читателей комплекс механизмов, которые создают необходимые для демократизации условия, а будучи запущены в режиме обратного хода, способствуют де-демократизации. Суть моих утверждений такова: сочетание определенных процессов, сказывающихся на отношениях между сетями доверия, категориальным неравенством и политической жизнью, необходимо для демократиза-

ции, но эти процессы порождают и альтернативные комбинации механизмов и исходных условий.

Такая формулировка проблемы необходимых условий позволяет легко опровергнуть в принципе или модифицировать главные тезисы моей книги. Любого примера демократизации, происходящей при отсутствии только что перечисленных условий — частичной интеграции сетей доверия в политический процесс, устранения из политической жизни категориального неравенства и всего остального, — будет достаточно для опровержения моего тезиса. Это же верно и в случае всякого серьезного сдвига к демократизации без значительных массовых выступлений, а, скажем, в результате спокойного соглашения или незаметного постепенного изменения.

Модификации? Любая демонстрация того, что некоторое упущенное мной условие необходимо для существенных сдвигов к демократизации, предполагает необходимость модификации сформулированных мной тезисов. Тот же результат возымеет и указание на то, что 1) один или несколько механизмов, перечисленных в таблицах 1.1–1.3, не способствуют изменениям в категориальном неравенстве, сетях доверия или в политике так, как я утверждаю в этой книге, или 2) таким изменениям в категориальном неравенстве, сетях доверия или в политической жизни *способствуют* дополнительные, не включенные в таблицы 1.1–1.3 механизмы. Разумеется, критические замечания и дальнейшие исследования приведут к тому, что утверждения, сделанные в этой книге, в некоторых отношениях подвергнутся модификации. Действительно, в последующих главах возникнут нюансы и затруднения, не учтенные в приблизительных формулировках этой главы. По крайней мере, я надеюсь на то, что мои должным образом скорректированные тезисы и доводы стимулируют новый виток плодотворных исследований и дискуссий.

Моя программа распадается на две части — трудную и почти невозможную. Трудная часть, которой посвящены две сле-

дующие главы, состоит в том, чтобы подтвердить правомерность широких временных и географических корреляций, вытекающих из моих тезисов. Являются ли изменения режимов во времени и пространстве упорядоченной функцией от 1) сочетаний принуждения, капитала и обязательств или 2) прежней истории режимов на данных территориях? Совпадают ли изменения и вариации в характере режимов с изменениями в характере массовой борьбы в такой мере, чтобы предположить тесное взаимодействие этих двух явлений? Действительно ли революции, завоевания, конфронтация и колонизация играют ту роль, которую приписывает им эта книга?

Почти невозможная задача, которой посвящены главы 4–7, состоит в выявлении каузальных связей между главными элементами моего повествования: не только между изменениями режимов, революциями, завоеваниями, конфронтацией и колонизацией, но и между трансформацией категориального неравенства, сетей доверия и политической жизни, формированием гражданства и жизнеспособных, устойчивых демократических режимов. В конце концов, мы изучаем регулярные каузальные механизмы, которые в разных сочетаниях и последовательности порождают сильные государства, слабые государства, государства, находящиеся где-то посередине между этими противоположностями, и другие пути, ведущие от мелкой тирании, авторитаризма или локально защищенных консультаций к национальным демократическим режимам. Чтобы обрести уверенность в исходе нашего предприятия, нам надо убедиться в том, что история на протяжении длительного времени обнаруживает определенную упорядоченность, позволяющую выявлять повторяющееся действие каузальных механизмов.

Но каким образом я намереваюсь проводить это исследование? В целом я исхожу из предположения о том, что те или иные варианты недемократической борьбы — обычное состояние человечества, а затем задаюсь вопросом: при каких редких обстоятельствах и благодаря каким прочным каузальным меха-

низмам борьба становится демократической? В главе 2 дан общий очерк отношений между типами режимов и типами борьбы в Европе в целом. В главе 3 дан обзор разнообразных недемократических режимов и борьбы в Европе после 1650 г. Этот обзор предшествует предварительным выводам о взаимодействии между режимами и борьбой. Глава 4 посвящена внимательному изучению французского опыта изменения режимов и борьбы после 1650 г. В главе 5 предпринят параллельный анализ истории Британских островов, в том числе вечно борющейся Ирландии. В главе 6 я сосредоточиваю внимание на истории Швейцарии в период с 1830 по 1848 г. и показываю в подробностях действие главных механизмов. В главе 7 я возвращаюсь к Европе в целом после 1815 г., используя причинно-следственную схему, построенную на основе исторического опыта Франции, Британии и Швейцарии. Помимо этих трех стран процессы демократизации и де-демократизации рассматриваются на примерах крупных фрагментов истории Нидерландов, стран Иберийского полуострова*, Балкан, России и других государств.

Обобщения и выводы, касающиеся анализа борьбы и демократизации во всемирном масштабе, сделаны в главе 8. Результат работы — не общая теория демократии, а новая программа изучения тонких, крайне важных отношений между демократизацией и политической борьбой. Выполнение этой программы заслуживает усилий и потому что очень много государств в мире, по-видимому, движутся к демократии неправильно, и потому что выживание демократии во многих странах, ныне наслаждающихся некоторыми ее благами, остается под вопросом, и потому что демократия — одно из самых драгоценных политических творений человечества.

* Другое, более древнее название Пиренейского полуострова. — *Примеч. ред.*

Режимы и соответствующие им формы борьбы

Вообразим себе, что, вооружившись изобретенным в XXI веке детектором демократий, мы устремляемся в прошлое, в Европу XVII столетия. В разных частях Европы мы найдем примерно 200 режимов, которые не без оснований можно назвать независимыми государствами: сравнительно автономные, централизованные, четко очерченные правительства, главенствующие над всеми остальными организациями в пределах подвластных им территорий. Путешествуя по Европе, мы для каждого обнаруженного режима снимаем показания по четырем шкалам — «Широта», «Равноправие», «Консультации» и «Защищенность». Где и когда мы ощутим сильные токи демократии?

Допустим, мы прибыли в 1650 г. Можно предположить, что это благоприятный для демократических инициатив год: за исключением продолжающейся борьбы между Францией и Испанией, Вестфальский мир только что положил конец бедствиям Тридцатилетней войны, в империи Габсбургов были пробиты крупные бреши, а успешный исход начатого еще в XVI веке восстания против Испании наконец-то принес северной части Нидерландов международное признание в качестве крайне децентрализованной независимой республики. Что же мы обнаружим в Европе 1650 г.?

Мы находим там в изобилии революции и войны, но очень мало признаков утвердившейся демократии. Путешествуя по Британским островам, мы обнаруживаем, что Шотландия охвачена открытым восстанием против английской гегемонии, а на севере Англии стоит шотландская армия, поддерживающая притязания Чарлза Стюарта* на трон его отца, Карла I; всего лишь год назад враждующие английские революционеры на время объединились, чтобы обезглавить короля Карла. В Ирландии католические лидеры сражались не только друг с другом, но и с вторгшейся в Ирландию английской армией под командованием Оливера Кромвеля (нас нимало не удивляет то, что «Левиафан» Томаса Гоббса, исполненный ностальгии по стабильной власти, будет издан в следующем году). Не слишком-то много широты политического участия, равноправия граждан, консультаций или защищенности на Британских островах в 1650 г.!

Да и на континенте в 1650 г. на четырех шкалах нашего воображаемого прибора не появляются значения, соответствующие демократии. После того как притязания Вильгельма II на общенациональную власть потерпели крах, только что добившаяся признания Голландская республика находится в состоянии распада. Мы находим Францию в самом разгаре Фронды: принц Конде и кардинал Мазарини стремятся убрать друг друга с политической сцены, а народ на местах всюду бунтует против требований воюющего государства. В это время Каталония и Португалия уже одиннадцатый год находятся в состоянии открытого восстания против власти Кастилии, Савойя охвачена мятежами вальденсов, Польшу и Россию раздирают восстания, поднятые казаками и другими жителями пограничий, Османская империя бьется в корчах анархии, а многие части Европы, несмотря на только что подписанные Вестфальские соглашения, опустошают мелкие межгосударственные конфликты. Бо-

* С 1660 г. — король Карл II. — *Примеч. переводчика.*

лее того, за пределами Европы голландцы и португальцы ведут ожесточенную войну за господство над морскими путями и торговлю в Индийском океане. В краткосрочной перспективе такие сочетания революции, восстаний, войны и анархии не благоприятствуют широте, равноправию, консультациям и защищенности.

В государствах, где нет глубоких расколов, в общем господствуют те или иные формы тирании. Чтобы получить от нашего прибора хоть какие-то показания, нам придется уменьшить масштаб и рассмотреть олигархические режимы, сложившиеся в некоторых торговых городах северной Европы, останки республиканских форм правления в итальянских городах-государствах и неравноправные, но основанные на консультациях формы правления в некоторых крестьянских общинах Центральной Европы. Хотя лишь очень немногие национальные режимы набирают высокие показатели по шкалам «Консультации» и «Защищенность» (защищенностью пользуются лишь члены олигархий), ни один из них нельзя квалифицировать как демократический в смысле широты участия в политической жизни или равноправия участников политической жизни. Если не считать радикальных доктрин, состоящих в отдаленном родстве с гражданским республиканством, на уровне национальных государств в Европе 1650 г. ничего похожего на демократию не существовало.

Не даст нам особой пользы и углубление в более отдаленное прошлое. Если мы сосредоточимся на локальном уровне и вернемся примерно на столетие назад во времена протестантской Реформации, то, разумеется, найдем сравнительно автономные, широкие и равноправные общины единоверцев, в которых действовали формы имевших обязательную силу консультаций и которые даже предоставляли некоторую защищенность своим членам [Blickle, 1998, 1997; te Brake, 1998; Wells, 1995]. Мы можем обнаружить радикальные требования равенства, широко-го участия и интенсивных консультаций в длинной череде анг-

лийских восстаний и в некоторых эпизодах недавней английской революции. Но на более высоком уровне нам нигде не найти сколько-нибудь длительный период существования государства, в котором широкое, равноправное гражданство сочеталось бы с имеющими обязательную силу консультациями и защищенностью граждан. Только очень острое зрение позволяет современным специалистам разглядеть демократию в XVII веке или еще более ранних эпохах.

Ретроспективное видение легко может исказить рассматриваемые объекты, особенно если всюду выискивать специфические институциональные формы вроде выборов, представителей, сроков и условий пребывания в должности, ассамблей, принимающих решения в результате обсуждений, и объединений. Все эти формы действительно были распространены в Европе еще до того, как возник хотя бы один национальный демократический режим. Большинство этих форм обнаруживались в деревнях, городах или региональных юрисдикциях, но некоторые из них действовали даже на государственном уровне. Самый замечательный пример — сословно-представительные учреждения, Штаты, которые заключали соглашения с правителями по вопросам налогообложения, содержания армий или совместно с правителями вырабатывали антикризисные меры. Когда демократические режимы все же сформировались, такие учреждения часто служили процедурными моделями. Поскольку эти институты функционировали до XIX столетия, сами по себе они не были демократическими режимами — разве что на очень мелком уровне. На более высоком уровне они всегда сосуществовали с узким, неравноправным политическим участием, манипуляциями со стороны олигархий и ненадежной защищенностью от произвола агентов правительства. К тому же эти институты редко трансформировались в демократические порядки. За исключением британского парламента, создание национальных демократических институтов в целом почти

всегда было результатом кризисов, в ходе которых народ решал свои проблемы, воспроизводя любые доступные модели.

Таким образом, Европа до XIX века изобилует примерами недемократической борьбы. Хотя мы тратим какое-то время на путешествия по континенту, в более ранние века и на рассмотрение вариантов политической борьбы, главная задача, которую мы решаем в этой главе, распадается на две части. Сначала остановимся в 1650 г. и изучим связи между центрами власти в плане защищенности консультаций и возможностей государственной власти, общих условий социальной жизни и форм политической борьбы. Затем снова запустим нашу машину времени и из 1650 г. доберемся до 1850 г., внимательно исследуя взаимосвязанные трансформации режимов и методов политической борьбы.

В этой главе мы сосредоточиваем внимание — год за годом, место за местом — на недемократических режимах, т. е. на подавляющем большинстве существовавших в Европе форм правления, при этом время от времени наведываясь в регионы и эпохи демократической экспансии. Замысел заключается в том, чтобы проследить траектории, по которым шло развитие европейских режимов после 1650 г., и соотнести с ними изменения методов борьбы.

Здесь я пытаюсь найти ответ на два разных, но взаимодополняющих вопроса:

1. Чем объясняются вариации и изменения места, которое в период с 1650 по 1850 г. занимают европейские режимы в двухмерном аналитическом пространстве, определяемом степенью защищенности консультаций и дееспособности правительства?
2. Как, в какой мере и почему а) изменения политической борьбы и б) изменения положения в указанном двухмерном пространстве оказывают влияние друг на друга?

Время от времени мы допускаем более тонкие различия, рассматривая, например, по отдельности изменения широты политического участия, равноправия участников, консультаций и защищенности. Однако по большей части мы сохраняем управляемость сложной истории, сделав защищенность консультаций одной из осей, а затем разместив режимы в двухмерном пространстве, определяемом степенью защищенности консультаций и дееспособности правительства.

Самый общий ответ на первый вопрос таков: региональные вариации в накоплении и концентрации средств принуждения, капитала и обязательств оказывают сильное влияние на типы правительственных учреждений, веками складывавшихся в различных частях Европы. Однако существование в том или ином регионе режимов некоторых типов сказывается на характере режимов, сложившихся позднее. Самый общий ответ на второй вопрос таков: переговоры и борьба (которая, надо подчеркнуть, включает борьбу рядовых граждан) за инструменты управления порождают институты режимов, которые затем определяют характер выдвижения коллективных требований. Впрочем, эти результаты проявляются в рамках жестких ограничений, заданных региональными социальными контекстами.

В силу причин, уже рассмотренных в главе 1, мы, по-видимому, можем ожидать, что сходства форм и траекторий развития политической борьбы будут наблюдаться внутри географических кластеров. Это предположение подтверждается. Европейские режимы характеризуются не только различными сочетаниями возможностей правительства и защищенности консультаций, но и ведущими в зону гражданства траекториями развития «сильного государства», «слабого государства» и «умеренно сильного государства», которые также группируются по географическому признаку. Режимы Балканских стран пришли к широкому гражданству совершенно иными путями, чем режимы в Нидерландах. Эти пути сопряжены с разными особенностями и результатами борьбы.

Принуждение, капитал и обязательства

Прежде чем изучать вариации политической борьбы, рассмотрим разнообразие режимов. Режимы — это государственные структуры, рассматриваемые с точки зрения отношений между агентами правительства и другими политическими субъектами. На организацию режимов сильное влияние оказывают три переменных элемента социальной среды — принуждение, капитал и обязательства.

Принуждение охватывает все согласованные способы действия и инструменты, применение которых обычно наносит ущерб личности или собственности субъектов общественной жизни. Мы подчеркиваем значение таких средств, как оружие, вооруженные силы, тюрьмы, наносящая ущерб информация и организованные процедуры применения наказаний. В принципе *накопление* таких средств в определенном государстве колеблется в диапазоне от нуля до огромных величин. Низкий уровень накопления указывает на то, что определенное население располагает небольшим объемом средств принуждения, а высокий уровень накопления — что в распоряжении населения значительный арсенал подобных средств. Сходным образом, *концентрация* средств принуждения варьирует от незначительной до тотальной. Незначительная концентрация средств принуждения означает, что эти средства рассеяны в массе населения, а тотальная концентрация — что средства принуждения, сколь велики они ни были бы, приближаются к формированию единого массива, находящегося под контролем одного агента правительства. Разнообразие степеней накопления и концентрации определяет степень принуждения на подвластной режиму территории. Сочетание низкого накопления с низкой концентрацией описывает ситуацию, близкую к анархии. Сочетание высокого накопления с высокой концентрацией описывает хорошо вооруженное тираническое управление безоружным населением.

Организация принуждения помогает определить природу режимов. При низких уровнях накопления средств принуждения все режимы непрочны, тогда как режимы, располагающие высоким уровнем накопления и концентрации средств принуждения, внушают почтение. Однако поскольку ни одному правительству никогда не удавалось установить контроль над всеми средствами принуждения на своей территории, организация принуждения — это не только характеристика режимов, но и элемент непосредственной среды существования каждого режима. Например, при прочих равных условиях режимы с высоким уровнем накопления средств принуждения и низким уровнем концентрации затрачивают значительные усилия на отражение, подавление, избежание столкновений и достижение соглашений со склонными к применению насилия субъектами, действующими на подвластной режиму территории, но вне правительства. Именно в таких условиях долгое время функционировали режимы южной Италии.

Понятие *капитал* описывает поддающиеся передаче материальные ресурсы, полезность которых при определенных физических усилиях возрастает. Капитал означает осуществимое в принудительном порядке право на подобные ресурсы. Как и в случае принуждения, накопление капитала в принципе колеблется от незначительного до тотального. В Европе после 1650 г. организация капитала в том или ином регионе определяла тип режима несколькими различными способами: капиталисты и города становятся факторами, с которыми должны были считаться агенты правительства; организация капитала влияла на масштабы и формы ресурсов, доступных правительству для ведения войн, инвестиций в инфраструктуру или обогащения правителей; она оказывала влияние на отношения между негосударственной деятельностью (промышленным производством, торговлей, сельским хозяйством, миграциями) в пределах подвластных правительству территорий и деятельностью за пределами юрисдикции правительства.

Понятие *обязательства* означает отношения между субъектами общественной жизни (лицами, группами, структурами или статусами), при которых учитываются интересы всех. Организация обязательств на локальном уровне варьируется столь же впечатляющим образом, как и организация структур принуждения и капитала. Обязательства могут принимать форму общей религии, общности этнической принадлежности, торговых уз, трудовой солидарности, групп, основанных на вкусах, и множество иных форм. Обязательства включают в себя сети доверия, на которые полагаются люди, решившиеся на долгосрочные, сопряженные с высокими рисками и серьезными социальными последствиями предприятия. В принципе, накопление обязательств колеблется от нуля (все пребывают в полной взаимной изоляции, и никаких коллективных структур не существует) до подавляющего максимума — огромных коллективных организаций, связующих всех со всеми. Но имеет место и концентрация обязательств, колеблющаяся от равномерной дисперсии отношений между всеми социальными субъектами до состояния, при котором все обязательства связаны в единую централизованную систему и имеют силу для всех.

Каким образом обязательства посягают на режимы? Во-первых, они заставляют агентов правительства сталкиваться с различными линиями размежевания и групповыми солидарностями, существующими в подчиненном власти режима населении, например с наличием или отсутствием крупных религиозных, языковых, расовых, этнических или культурных меньшинств. Во-вторых, они влияют на то, в какой степени подчиненное режиму население поддерживает отношения с лицами, группами или организациями, находящимися за пределами подконтрольной правительству территории. В-третьих, они оказывают влияние на средства и способы, с помощью которых правительственные агенты вовлекают подчиненное режиму население в структуру правительства. Фрагментированное население сталкивается с высокими издержками общения и сопротивления на

национальном уровне, но одновременно заставляет правительство затрачивать огромные усилия на координацию. Население, которое, напротив, напоминает равномерную, с множеством взаимосвязей сеть, снижает свои издержки общения и сопротивления, но более уязвимо для наблюдения и проникновения со стороны правительственных агентов. Сконцентрированные в регионах комплексы обязательств в виде религиозных, языковых, расовых, этнических или культурных меньшинств почти всегда создают препятствия унифицированному централизованному правлению.

Принуждение, капитал и обязательства совместно изменяются до известной степени во времени и пространстве. По мере образования крупных массивов накопленных средств принуждения возникают кластеры накопленного капитала и сети накопленных обязательств. И все же в истории Европы как целого в этом плане очень часто наблюдаются независимые вариации: одни регионы, эпохи и структуры сочетали в себе высокую концентрацию капитала с низким уровнем принуждения; другие — обширные обязательства с низким уровнем накопления капитала и т. д. Сравнивая ниже Нидерланды со странами Иберийского (Пиренейского) полуострова в период с 1650 по 1850 г., мы сопоставляем регион, в котором значительные капиталы и обязательства сочетались со сравнительно слабым принуждением (Нидерланды), с Иберийским полуостровом, регионом, в котором широкое распространение средств принуждения сочеталось с очень неравномерным распределением (в среднем меньшим, чем в Нидерландах) капитала и обязательств.

Как география принуждения, капитала и обязательств влияла на характер режимов, существовавших в 1650 г.? Ни один крупный европейский режим того времени не походил в сколько-нибудь значительной степени на государства XX века. Ни один европейский режим середины XVII века не осуществлял чего-либо подобного контролю, которым в пределах своих границ пользуются государства XX столетия над ресурсами, дея-

тельностью и населением, и ни один режим не допускал такого участия масс в государственных делах, какое стало обычным после 1900 г. Но господствовавшие в каком-либо регионе комбинации принуждения, капитала и обязательств оказывали сильное влияние на характер существовавших в этом регионе режимов. В целом возможности правительств возрастали при средних уровнях принуждения, капитала и обязательств. При очень низких значениях каждого из этих параметров (и особенно всех этих параметров, вместе взятых) потенциальным правителям не хватало средств для создания организаций, которые позволяли бы контролировать ресурсы, людей и деятельность в границах территорий, на которые эти правители претендовали. В 1650 г. для таких периферийных регионов Европы были характерны мелкие нестабильные тирании. Этой модели соответствовали режимы, существовавшие на большей части внутренних районов Балкан, в буферных зонах между Россией и Османской империей, в высокогорных долинах и на заселенных пастухами островах вроде Корсики и Сардинии.

Очень высокие значения только одного из этих параметров (принуждения, капитала или обязательств) сходным образом блокировали создание высокоэффективных правительств: высокие уровни накопления и концентрации средств принуждения приводили к появлению воинственных магнатов, которые нехотя подчинялись контролю центра и постоянно враждовали друг с другом за власть в регионах, как это было в Польше XVII века. Непропорционально высокий уровень накопления и концентрации капитала порождал политические структуры, в которых господствовали купцы, тяготевшие к фракционной борьбе, хотя пример Венецианской республики показывает, что купеческие олигархии могли обеспечивать эффективную, хотя и непостоянную координацию военных усилий. При отсутствии эквивалентных средств принуждения и капитала обширные обязательства обычно означали, что у местного люда были возможности сопротивляться поползновениям потенциальных соз-

дателей государств: например, подвергающиеся гонениям вальденсы, евреи или протестанты получали помощь от единоверцев из-за рубежа.

Средние и относительно равные уровни накопления и концентрации средств принуждения, капитала и обязательств способствовали формированию правительственной дееспособности в результате совместных усилий. Создатели дееспособных государств использовали имеющиеся у них средства принуждения, для того чтобы получать ресурсы у своих капиталистов в обмен на защиту торговли. Но они также использовали умеренно централизованные сети обязательств для интеграции подчиненного населения в государственные предприятия с помощью стабильного косвенного правления. Хотя правители Скандинавских стран, Бургундии, североитальянских государств, Габсбургской и Османской империй в разные периоды на протяжении двух предшествующих веков предпринимали частично успешные попытки создать стабильные потенциалы национальных правительств, в 1650 г. двумя ведущими примерами для Европы были, несомненно, Франция и Британия.

До XIX века крупные государства Европы навязывали свою волю подданным преимущественно методами косвенного управления. Они наделяли полномочиями относительно автономные местные и региональные власти: эти власти должны были от имени центральных правительств собирать налоги, набирать армии, отправлять правосудие и обеспечивать правопорядок. При этом центральные правительства не направляли своих агентов для осуществления местного или регионального управления, разве что на непродолжительные сроки. В своих столицах правители осуществляли прямое правление, в других частях государства они правили косвенными методами. С точки зрения центра такая организация власти позволяла сокращать расходы и численность государственного аппарата, но при этом жестко ограничивала ресурсы, которые могли изъять у номинально подвластных им территорий центральные власти, сокращала

объем унифицированного контроля над деятельностью отдаленных регионов, стимулировала возникновение различных прав и обязанностей, связывающих группы подданных с агентами центральной власти, и усиливала влияние привилегированных посредников.

Европейские колонизаторы перенесли подобную систему на завоеванные территории за пределами Европы. Махмуд Мамдани обобщает этот опыт применительно к Африке.

Колониализм касался не только идентичности правителей, которые были белыми или европейцами; в гораздо большей степени он касался институтов, созданных колонизаторами для того, чтобы меньшинство правило большинством. При косвенном правлении эти институты объединяли меньшинства как граждан, обладающих правами, и фрагментировали большинство на как можно большее количество этнических групп, подчиненных власти обычаев. Я полагаю, что именно этому посвящен весь правовой дискурс о расе и этнической принадлежности. Вместо того чтобы конституировать колонизованных в качестве большинства под названием «туземцы», как это делали при прямом правлении в XIX веке, косвенное правление, практикуемое в XX веке, разрушило основанное на расовой общности большинство, раздробив его на множество этнических меньшинств. Таким образом, в африканских колониях не было большинства, а были одни меньшинства» [Mamdani, 2001, 663] (см. также [Mamdani, 1996, 18]).

Хотя европейские «туземцы» иногда принадлежали к тем же крупным языковым и культурным группам, что и их правители, разделение на прямое и косвенное правление действовало очень похожим образом и на континенте, откуда приходили колонизаторы.

Однако косвенное правление в Европе возникало, даже в большей степени, чем в завоеванных европейцами районах Африки, из взаимодействия политики, осуществляемой сверху вниз, и политики, обращенной снизу вверх. Расширяющиеся

государства сверху выборочно инкорпорировали конституированных лидеров и их приверженцев в государственные структуры, оставляя за этими людьми прежние права и позволяя им сохранять их обычаи. А снизу конституированные политические субъекты в процессе переговоров с центральной властью добивались конкретных прав в обмен на мир, когда не могли сопротивляться натиску потенциальных завоевателей. Даже переживавшие централизацию Британия и Франция установили особую систему управления на таких завоеванных территориях, как Ирландия, Бретань и Франш-Конте.

На характер и эффективность косвенного управления существенное влияние оказывала и география обязательств. Там, где преобладали географически разделенные культурные сети, правители обычно находили представителей культурной элиты — священников, вождей, купцов или других лиц, которые сотрудничали с ними в обмен на определенную автономию и признание их в качестве полномочных представителей всего населения. Там, где такие обязательства пространственно пересекались, подобная система вызывала сопротивление отлученных от политической жизни меньшинств; однако системе миллетов, действовавшей в Османской империи, удалось обеспечивать раздельное представительство смешанного населения.

Самые серьезные препятствия возникали при крайне сильной культурной фрагментации и значительном пространственном рассеянии: население, характеризовавшееся этими двумя показателями, обычно не оказывало эффективного противодействия завоеваниям, но управление завоеванными территориями влекло за собой консолидацию разрозненного населения и связывающих их сетей в территориально целостные административные единицы. После англо-бурской войны южноафриканский режим сконструировал именно такую модель консолидации множества африканских народностей, которых наделили номинальными собственными территориями. В своей крайней форме эта система получила название апартеида [Ashforth,

1990; Jung, 2000; Marks and Trapido, 1987; Marx, 1998]. Царский и большевистский режимы, хотя они никогда не доходили до крайностей апартеида, сходным образом осуществляли разделение ранее смешанного населения, прикрепляя каждую группу к своей территории, и таким образом создавали или укрепляли национальности. Точно так же, как созданные властями ЮАР африканские народности стали важными субъектами разрушения системы апартеида, основанные на республиках национальности стали одной из главных сил, сыгравших роль в развале Советского Союза [Beissinger, 1993, 2001; Kaiser, 1994; Khazanov, 1995; Suny, 1993, 1995; Tishkov, 1997, 1999].

После 1650 г. в Европе в целом резко возросли накопление и концентрация средств принуждения, капитала и обязательств. Появление регулярных армий, полиции и оружия массового уничтожения определенно знаменует значительную экспансию средств принуждения. Но самый сенсационный рост продемонстрировал капитал: его влияние на жизнь европейцев, измеряемое совокупным богатством, текущими доходами, производственными мощностями и господством производства и распределения, возросло многократно [Bairoch, 1976; Bairoch and Lévy-Leboyer, 1981; Dodgshon, 1987; Hohenberg and Lees, 1985; Kellenbez, 1976; Landes, 1998; Pomeranz, 2000; de Vries, 1984].

Более сложные изменения претерпели обязательства. С одной стороны, благодаря политическим организациям, коммерческим связям и совершенствованию средств сообщения произошло несомненное умножение связей между европейцами. С другой стороны, наблюдается ослабление международных торговых диаспор, языковых и профессиональных сетей. Происходит сегментация общественной жизни в немногочисленных, имеющих четко определенные границы и становящихся все более моноязычными государствах. В пределах государств культура приобретает однородность. Границы обязательств, таким образом, все более соответствуют национальным политическим структурам, и между этими структурами и обязатель-

ствами усиливается взаимозависимость [Armstrong, 1982; Warkins, 1990]. Государства сами способствуют нарастанию однородности, поощряя национальные языки, прославляя свою историю, учреждая системы национального образования, призывая мужчин в национальные армии и ограничивая передвижения через государственные границы. До недавнего времени благодаря взаимодействию изменений средств принуждения, капитала и обязательств конкретные государства, к которым принадлежали европейцы, становились все более устойчивыми при всех вариантах политической борьбы. Нам предстоит увидеть, обратят ли эту многовековую тенденцию вспять Европейский союз и международный капитал [Imig and Tarrow, 2001].

Вообразите двухмерное пространство, определяемое степенью дееспособности правительств и защищенности консультаций. Такое пространство схематично показано на рисунке 2.1. Концентрации средств принуждения, капитала и обязательств в социальной среде европейских режимов ограничивают точки их возможного нахождения в таком пространстве, отсюда — близость этих точек к мелкой тирании, авторитаризму, гражданству и демократии. В целом, непропорционально сильная концентрация средств принуждения приближает режим к зоне авторитаризма, характеризующейся высокой дееспособностью власти в сочетании с ограниченностью консультаций и их защищенности. Мы не должны забывать о том, что понятие «дееспособность» описывает степень власти агентов правительства над лицами, деятельностью и ресурсами на подвластной правительству территории. Ни один режим, не обладавший высоким уровнем контроля над капиталом, не достигал высокой дееспособности (и тем самым полного авторитаризма). Хотя за два века, истекшие с 1650 г., Пруссия и Россия накопили крупные потенциалы средств принуждения, сочетания средств принуждения и капитала сделали Францию и Британию более дееспособными государствами того времени.

Однако там, где капитал и обязательства росли более быстрыми темпами, чем средства принуждения, это отрицательно сказывалось на дееспособности правительства, хотя и создавало большие возможности для расширения защищенности кон-

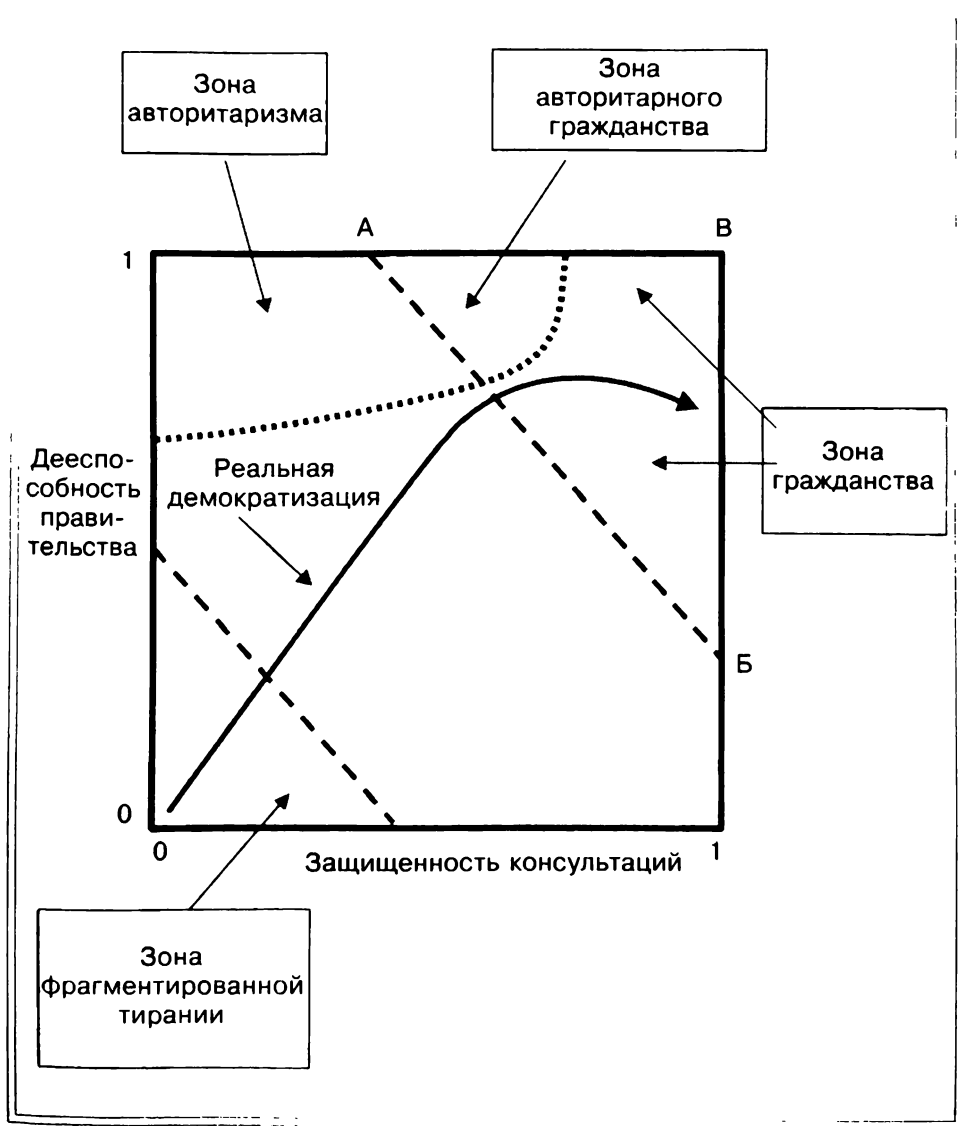

Рисунок 2.1. Реальная демократизация

сультаций. По такой модели шло историческое развитие протянувшейся от северной Италии через Альпы до Нидерландов торговой полосы Европы, в которой нередко были сильны городские олигархии. В этих пределах имеют значение истории конкретных режимов и правивших в них династий; например, даже в отличавшихся хорошими внутренними связями Нидерландах Габсбурги установили более жесткие централизованные формы правления в своих владениях, чем Оранский дом — в своих.

На рисунке 2.2 схематично показаны два идеальных пути, ведущих от фрагментированной тирании к демократии (в данном случае учтен опыт только основных государств). Путь «сильного государства» сопряжен с наращиванием дееспособности правительств на ранних этапах. Такое наращивание дееспособности зачастую происходило за счет защищенности консультаций, имевшей место в ранее существовавших режимах; государство, идущее по этому пути, проходит через длительную фазу авторитаризма. Далее мы наблюдаем расширение защищенности консультаций по мере того, как борьба приводит к расширению и уравниванию доступа граждан к агентам правительства, правительственным услугам и ресурсам, а имеющие обязательную силу консультации и защищенность приобретают общий характер. В таких исторических случаях, утверждает моя гипотеза, даже возникшее в конечном итоге демократическое государство несет явную печать своего авторитарного прошлого в виде централизованных институтов и серьезных ограничений на спектр допустимых политических акций. Образцами стран, пришедших к гражданству и демократии путем «сильного государства», являются Россия и Пруссия.

Путь «слабого государства» сопряжен с совершенствованием защищенности консультаций. Такая защищенность включает относительно широкий и равный доступ граждан к агентам правительства, консультации, имеющие обязательную силу для участвующих в них сторон, и создание мер защиты от прави-

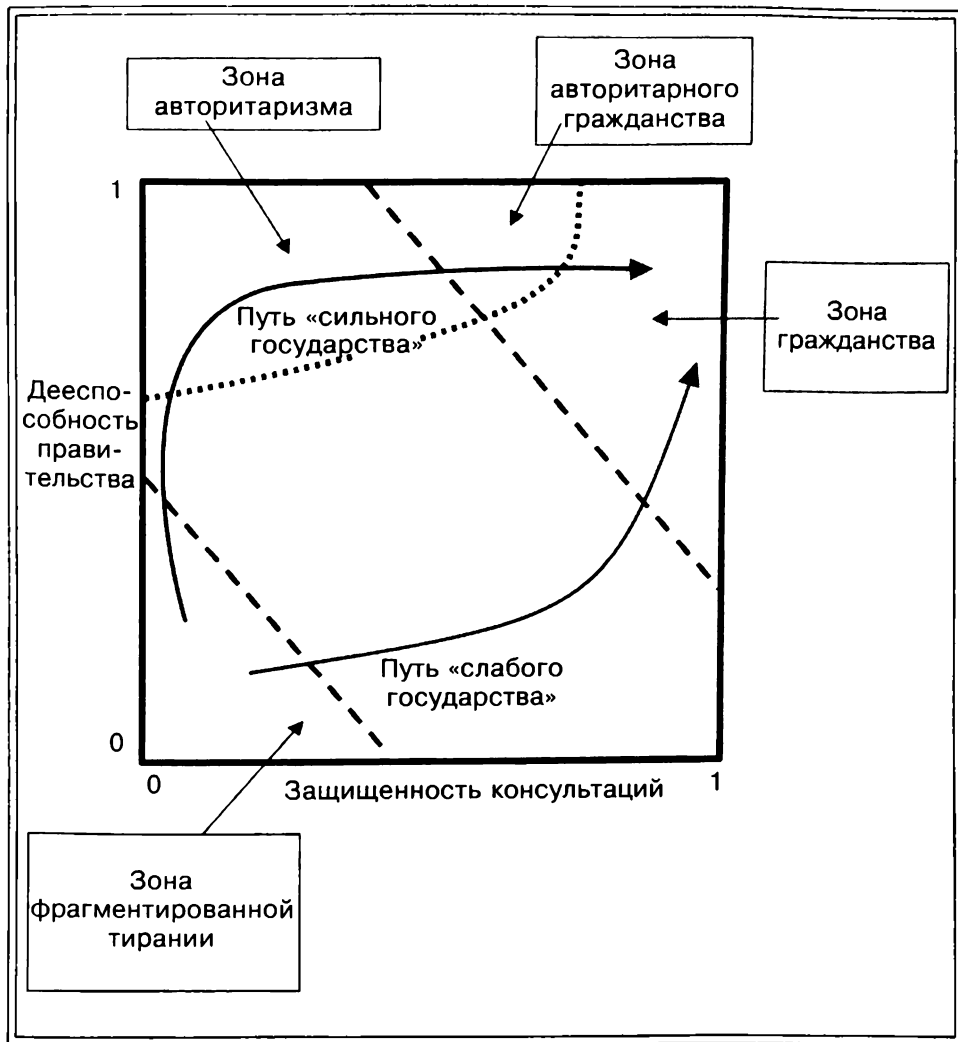

Рисунок 2.2. Противопоставление движений к демократии по пути «сильного государства» и пути «слабого государства»

тельственного произвола, причем все это происходит до того, как правительства существенным образом расширяют свою дееспособность. При низких уровнях дееспособности правительства движение к демократии по пути «слабого государства», по-видимому, сопряжено с большим числом попятных движе-

ний и периодов колебаний, чем движение по пути «сильного государства», просто потому что правительство так жестко не замкнуто на демократических институтах. Тем не менее и здесь можно заметить пережитки более ранней истории в функционировании демократии и гражданстве: власть государства вмешиваться в местные дела более ограничена, а к различиям относятся с большей терпимостью. Образцом движения по этому пути является Швейцария.

Большинство европейских стран, даже если они в конце концов пришли к демократии, двигались менее правильными путями, лежавшими где-то посередине между этими двумя идеальными траекториями движения. В Великобритании войны XVIII века и колониальная экспансия привели к созданию сильного аппарата центрального государства наряду с местными автономиями, прежде вверенными землевладельцам, магистратам, муниципалитетам и (в особенности после 1689 г.) элементам англиканской церкви. В Нидерландах доминировали муниципальные олигархии, господству которых положили конец французские завоевания времен революции и Наполеона, когда завоеватели установили централизованные режимы, существовавшие в течение значительной части XIX века. В Скандинавских странах протестантская Реформация способствовала образованию союзов между воинственными правителями и служащими государству пасторами в деле построения сравнительно дееспособных государств, но (особенно в Норвегии и Швеции) крестьяне получили корпоративное представительство в обмен на согласие служить в армии. Россия прошла путь от режимов кормления, которые оставляли огромную автономию землевладельцам и воеводам, до широкого включения землевладельцев и чиновников в репрессивно-административную иерархию [Kivelson, 2002; Raeff, 1983; Wirtschafter, 1997]. Балканы и большая часть Иберийского полуострова демонстрируют резкие колебания между имперской экспансией и мелкими тираниями. Последствия этих изменений сказываются на демо-

кратической политике по сей день. Короче говоря, путь «сильного государства» и путь «слабого государства» — это очень условное изображение ограниченного числа случаев.

Механизм взаимодействия режимов и борьбы

Пути эволюции режимов (в смысле их дееспособности и защищенности консультаций, которые, в свою очередь, оказывают влияние на формы политической борьбы) ограничены распределением средств принуждения, капитала и обязательств. Представим себе разновидности массовой политической борьбы (т. е. не включающей в себя маневрирование элит) в некоем идеальном недемократическом государстве с дееспособностью среднего — высокого уровней на определенном отрезке времени между 1650 и 1850 гг. На рисунке 2.3 дана упрощенная картина для Европы в целом. Из этого рисунка можно сделать несколько выводов.

1. Подобные режимы обычно предписывают довольно широкий спектр политических акций (например, присутствие народа на королевских процессиях и ритуальных казнях), но готовы терпимо относиться к очень небольшому числу непредписанных политических акций; например, эти режимы не вмешиваются в местные политические дразги и не препятствуют скрытым проявлениям политических предпочтений во время государственных торжеств до тех пор, пока такие акции и требования остаются в предписанных рамках. При таком положении широкий спектр технически возможных взаимодействий при выдвижении требований (например, взяток и нападений на коррумпированных должностных лиц) остается юридически запрещенным.

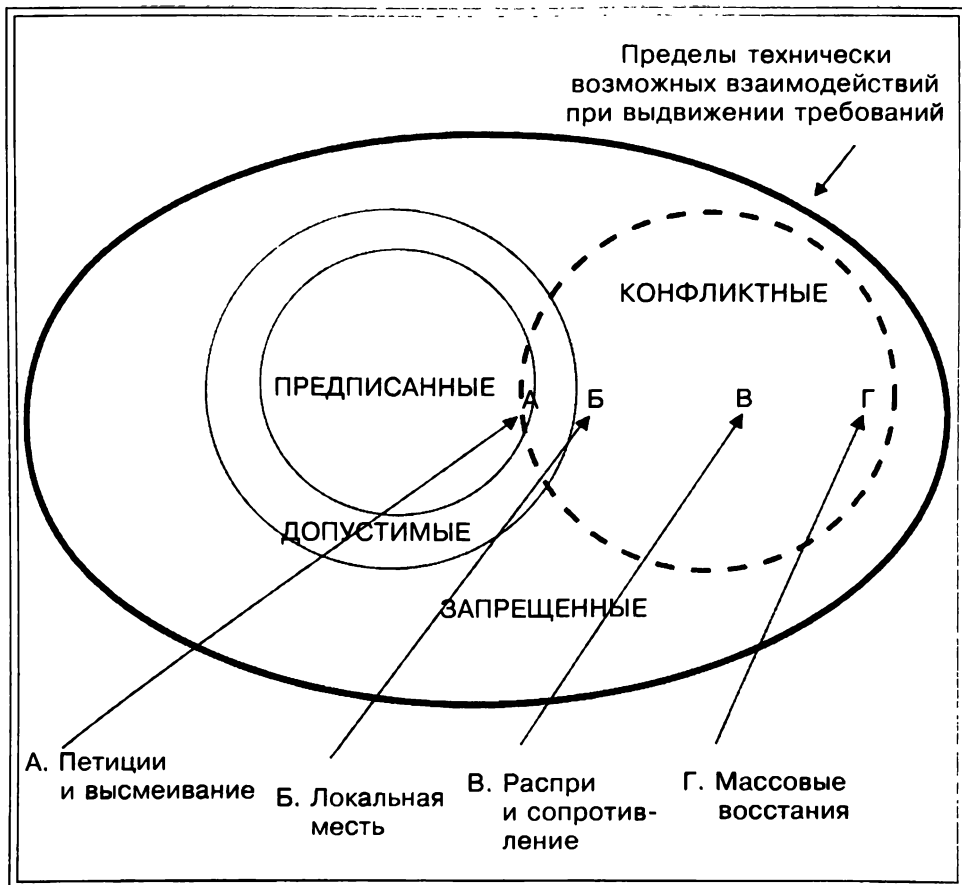

Рисунок 2.3. Типичные формы массовой политической борьбы в европейских недемократических режимах с дееспособностью от средней до высокой, 1650–1800 гг.

- В таких режимах политическая борьба редко совпадает с предписанными государством формами политического участия вроде придворных ассамблей и военных маневров. Хотя незначительное количество конфликтов случается в узкой зоне допустимых акций, конфронтационное выдвижение требований происходит в зоне юридически запрещенных действий.

3. В границах узкой зоны терпимых действий простые люди могут выбирать между смиренными петициями и судебными исками, но без одобрения или содействия нотаблей — культурных или политических посредников — такие требования редко доходят до высших властей.
4. На той же границе терпимых действий борьба обычно принимает форму высмеивания и диверсионных актов: ряженые на масленице поносят почтенных граждан, театральная публика одобрительно реагирует на политически двусмысленные тексты из уст актеров.
5. Границы между терпимыми и запрещенными действиями размыты, потому что способность режима отслеживать и контролировать выдвижение требований на всей подвластной ему территории и во всех группах населения весьма неравномерна и потому что терпимое или репрессивное отношение режима к различным акциям (например, к собраниям, обсуждающим проблемы, и к сборищам вооруженных людей) резко меняется в зависимости от характера акций.
6. Многие конфликтные взаимодействия включают механизмы коллективной локальной мести (например, громкая музыка, какофонии, захват вздорожавшего зерна или сожжение чучел). Подобные акции обычно запрещены властями формально, и в тех случаях, когда они создают угрозу общественному порядку, государственным должностным лицам или агентам центральной власти на местах, власти подавляют их, но при иных обстоятельствах ограничиваются наблюдением и не идут на активное вмешательство. Такие формы борьбы часто копируют официальные юридические процедуры — не только при сожжении чучел, но и при издании квазиофициальных распоряжений о реквизиции запасов зерна, при проведе-

нии унижительных наказаний и церемонии вынесения приговоров обвиняемым.

7. Распри и сходные конфликты с применением насилия, происходящие между конституированными субъектами, а также вооруженное сопротивление правительственным агентам вроде сборщиков налогов и армейских вербовщиков в общем подпадали под запрет и дискредитировали агентов правительства, которые не могли справиться с такими явлениями. Однако временами инакомыслящие власти молчаливо поощряли подобные формы борьбы или относились к ним терпимо.
8. Массовые восстания иногда начинались как сугубо народное сопротивление государственной власти, но никогда не приобретали массового характера без посредничества — без значительного вовлечения недовольных представителей элит или внешних союзников. Официальные власти всегда старались подавлять восстания масс, но обычно сдерживали их, вступая в переговоры (или создавая видимость переговоров) с вожаками повстанцев. Хотя лишь очень немногие восстания приводили к революционным результатам (существенным перемещениям государственной власти и, следовательно, к важным изменениям государственного устройства), революционные ситуации (расколы в государстве, при которых каждый сегмент или коалиция контролировала значительную часть средств управления) обычно возникали вследствие массовых восстаний.

Нет нужды говорить, что массовые восстания происходили гораздо реже, чем выступления в форме пародий, локальной мести, междоусобиц или сопротивления. Насколько чаще практиковался тот или иной способ борьбы — это зависело от режима и от эпохи; там, где в качестве средств управления преобладали развитые судебные системы или отношения между пат-

ронами и клиентами, преобладала подача петиций [Heerma van Voss, 2001; Zaret, 2000].

Для того чтобы отчасти почувствовать эти исторические особенности, совершим короткую экскурсию в графство Гауенштайн (Внешняя Австрия). Это графство было частью коронных земель Габсбургов за Рейном и простиралось к востоку от Базеля. Политическая жизнь в Гауенштайне во многом напоминала борьбу, которую вели соседи-швейцарцы. Частью более раннего и длительного конфликта стало противостояние с 1728 по 1745 г. двух лагерей, на которые разделились жители Гауенштайна. Этот конфликт то затухал, то возобновлялся с новой силой. Чтобы радикально упростить крайне сложную и подвижную совокупность союзнических отношений, скажем, что в конфликте участвовали четыре главных субъекта: 1) соседнее аббатство Сен-Блазьен, претендовавшее на феодальную власть над личностью и имуществом многих жителей Гауенштайна; 2) крестьянская фракция, получившая название *müllerisch* (мельники) благодаря выдающейся роли мельника Йозефа Трэндле; этой фракцией руководили выборные кантональные должностные лица, которые, как правило, выполняли роль посредников в отношениях между аббатством и местным крестьянством; 3) вторая крестьянская фракция, известная под названием *salt-peterisch* (селитрянники), поскольку большим влиянием в ней пользовался Ганс Альбиц, зажиточный крестьянин, торговавший селитрой; 4) австрийская имперская администрация. Официальными посредниками между крестьянами Гауенштайна и имперской администрацией (и, фактически, между крестьянами и аббатством) были лесничие, крестьяне-бейлифы (которых управляющий выбирал из кандидатов от кантонов), и октовирь, или члены Восьмерки, избранные от каждого из восьми кантонов избирателями-мужчинами.

После множества препирательств на местном уровне и неоднократных делегаций в Вену лидеры «мельников» договорились о смягчении крепостного статуса живших в Гауенштайне

подданных аббатства Сент-Блазьен в обмен на крупную сумму денег. Лидеры «селитрянников» истолковали эту договоренность как признание коллективной зависимости всего населения графства от Сент-Блазьен. Активисты «селитрянников» отвергли сделку и потребовали полного освобождения от крепостной зависимости без уплаты какой-либо компенсации сюзерену. Утром 22 июля 1738 г., в праздник Марии Магдалины,

огромная толпа собралась, чтобы выслушать отчет нескольких крестьян-«селитрянников», только что вернувшихся из Вены, куда они ездили с дипломатической миссией — подать императору Карлу VI петицию об отмене договора, заключенного Восьмеркой «мельников», аббатством Сент-Блазьен и провинциальным правительством 15 января. Открыл собрание некто Ганс Фриdle Гершпах, уроженец Бергалингена, тоже ездивший в Вену. Он призвал всех, кто верен «Богу, императору и правам Гауенштайна», прочитать молитву Богородице и «Отче наш». Затем Гершпах произнес речь, в которой доказывал, что император Карл VI выступает против крепостного состояния большинства жителей Гауенштайна... Наконец, собрание избрало примерно две сотни делегатов, которые должны были подать фон Шёнау, главному лесничему, требование, чтобы он утвердил в должности четырех мятежников, избранных в состав Восьмерки в апреле прошлого года. Перед тем как разойтись, участники собрания поклялись «не повиноваться более старым октовирам (из числа «мельников») [Luebke, 1997, 182–183].

Увязка этого собрания с религиозным праздником подтверждала торжественность и праведность дела «селитрянников». О том же свидетельствовало частое сочетание процедуры выдвижения требований с паломничеством сельских девственниц в белых одеяниях к святыням Девы Марии. В данном случае региональные посредники организовали борьбу в виде ряда акций — от торжественных собраний до массовых маршей. Все эти акции коренились в традиционных местных обычаях, дискурсах и символике. Однако смерть Ганса Альбица в тюрьме и последовав-

шие изгнания и заключения в тюрьмы многих других активистов фракции «селитрянников» показывают, что подобные коллективные акции несогласия определенно попадали в зону запрещенных австрийским режимом действий.

Гражданская война в Гауенштайне, участники которой ориентировались на лиц, принимавших политические решения в далекой Вене, ставит под сомнение знак равенства между партикуляризмом и социальной изоляцией. Однако тот же пример заставляет нас обратить особое внимание на важную роль посредничества в соединении конфликтов локального характера с национальными и международными центрами власти (многие примеры приведены в [te Brake, 1998]). Посредничество подразумевает установление связей между прежде не связанными друг с другом субъектами общественной жизни. В недемократической борьбе посредничество играло разные роли в зависимости от формы и места взаимодействия. В тех редких случаях, когда простые люди использовали разрешенные и допустимые формы выдвижения требований на национальном уровне и подавали петиции, обращались в суды или прибегали к сходным процедурам, они обычно находили культурных посредников — священников, школьных учителей, землевладельцев, нотариусов или других нотаблей. Высмеивание и диверсионные акты обычно были направлены на местные цели и потому не требовали посредников. Простые люди обычно сами участвовали в актах локального мщения, в распрях или сопротивлении; в этих случаях посредники чаще всего появлялись после акции и контролировали переговоры между местными жителями и высшими властями или выступали как защитники обвиняемых местных жителей от возмездия со стороны властей.

Впрочем, массовые восстания постоянно приводили к возникновению двух противоположных вариантов посредничества: к сознательному союзу с инакомыслящим представителем режима (например, с отвергнутым претендентом на трон или с региональным магнатом, противящимся посягательствам коро-

ны на его власть) или к выдвижению руководителей или посредников из среды повстанцев. Во втором случае избранный, провозглашенный или самопровозглашенный лидер или делегат обычно обладал какими-то прошлыми заслугами (например, это был отставной солдат, которого выбрали руководить военными действиями) и рисковал жизнью, если восстание, как это обычно и бывало, терпело поражение.

Сущности в политике

Создавая или активизируя связи между прежде разобщенными группами людей, посредники формировали новые *политические сущности* (более подробно этот вопрос рассмотрен в работе [Tilly, 2002b]). Сущности (или общности) — это коллективный ответ на вопросы «Кто вы?», «Кто такие мы?» и «Кто такие они?». Сущность становится *политической* в той мере, в какой она предполагает связи, враждебные или дружественные, с правительствами. Как таковые, сущности определяют границы между категориями людей, отношения между людьми по обе стороны границы и на границе, и общие истории, повествующие обо всех этих элементах. Жители Гауенштайна из фракции «мельников» установили границу, отделившую их от соперников-«селитряников», определили отношения в своем мире «мельников», коллективные отношения между членами двух категорий и, кроме того, создали ряд историй о границах и отношениях. Поначалу посредники Йозеф Трэнгле и Ганс Альбиц помогли установить границы и отношения и создать истории. Сущности стали политическими, потому что установили и определили связи жителей с региональными властями Гауенштайна и с имперским правительством.

Здесь необходимо провести различие между политическими сущностями двух противоположных типов: укорененными, органичными (*embedded*), и отвлеченными (*detached*). *Органич-*

ные сущности вроде принадлежности мастерской или к определенной семье фигурируют в широком круге социальных взаимодействий и оказывают серьезное влияние на поведение сторон, участвующих в этих взаимодействиях. *Отвлеченные* сущности фигурируют в обычном социальном взаимодействии редко, а то и вовсе никогда не фигурируют, но приобретают значение при скоординированном выдвижении требований. Участники выдвижения требований организуются как вассалы феодального сеньора X, крестоносцы или совместно действующие члены официально признанной общины и принимают соответствующие коллективные названия. *Органичные и отвлеченные* сущности — это полюса подвижного континуума, в котором сущности вроде принадлежности к приходу занимают промежуточное положение, органичные сущности порой превращаются в более отвлеченные (например, когда приходские священники какого-то региона начинают координировать требования к епископу), а отвлеченные сущности порой обретают все большую органичность (например, когда распространяющаяся ересь становится образом жизни). В Гауенштайне мы наблюдаем, как поначалу совершенно отвлеченные сущности — «мельники» и «селитряники» — пусть временно, но пускают глубокие корни в повседневной общественной жизни.

Относительная важность органичных и отвлеченных сущностей сильно варьируется при разных, порой противоположных формах борьбы в недемократической Европе. На двух полюсах спектра форм борьбы, т. е. при подаче петиций и при массовых восстаниях, часто на первый план выходят отвлеченные сущности, поскольку участники выдвигают требования в качестве объединенных общин, подданных давно завоеванных княжеств или клиентов местных магнатов. Во время распрей или актов мести участники чаще организуются вокруг органичных сущностей, регулирующих широкий спектр повседневных общественных отношений, и принимают соответствующие им названия: принадлежность к семейству А, цеху Б и т. д.

Как основа для мобилизации на борьбу отвлеченные сущности имеют преимущество: они охватывают ряд локальных ситуаций (например, когда жители многих деревень под властью одного господина совершают совместный поход к его резиденции). Однако у них есть и недостатки — зависимость от специальных посредников, линий коммуникации и символических систем, не всегда доступных в обычной общественной жизни. Органичные сущности, наоборот, обладают преимуществами доступности (например, в случае, когда сборщик налогов неожиданно появляется в среду на рынке, где на него набрасываются постоянные участники рыночной торговли), но также и недостатками, определяемыми их крайним своеобразием. Своеобразие органичных сущностей резко ограничивает масштабы координированных действий от имени этих сущностей.

Органичные политические сущности также препятствуют демократизации. Равноправные, защищенные, имеющие обязательную силу консультации зависят от создания отвлеченных сущностей, прежде всего от объединяющей сущности «гражданин». Чем прочнее органичные сущности связаны с религиозными, родственными, гендерными, профессиональными или классовыми различиями и чем значительнее непосредственная роль таких различий в политической жизни, тем больше политические субъекты склонны применять и воспроизводить существующие формы социального неравенства при выдвижении требований, использовать сегментированные межличностные сети доверия в политических целях, а возможности правительства — в интересах членов своей собственной категории. Органичные сущности препятствуют демократизации, особенно в тех случаях, когда они сочетают локальный контроль над социальным взаимодействием в пределах иерархии с внутренними системами коммуникации, которые подключают местные сообщества к политическим субъектам национального масштаба.

Лидеры временных коалиций на основе органичных сущностей имеют сильные мотивы к тому, чтобы заключать коллек-

тивные соглашения с правительствами и удерживать своих последователей от независимого участия в политике. Демократическая политика никоим образом не блокирует стремление членов хорошо организованных категорий к получению коллективных преимуществ, но ограничивает его двумя способами: поощряя противодействие от имени непривилегированных членов и способствуя образованию субъектов, которые представляют собой временные коалиции, сплоченные взаимными, но сравнительно узкими интересами. В сравнительно демократических режимах такие временные коалиции, носящие ярлыки вроде X Фронт, Кампания за Y, Народ против Z и т. п., используют отвлеченные сущности. Именно вокруг таких отвлеченных сущностей постоянно возникают общественные движения и политические партии.

В процессе демократизации отвлеченные сущности играют двоякую роль. Во-первых, само формирование политических коалиций, партий, объединений на основе конкретных интересов, региональных группировок и движений как сущностей часто запускает важные, способствующие демократии процессы — изолирование категориального неравенства от политической жизни, интеграцию сетей доверия в политику и непосредственное укрепление широких, равноправных и защищенных консультаций. (Очевидно, что главными исключениями оказываются те отвлеченные сущности, которые закрепляют существующие формы категориального неравенства, прочно интегрируя их в политическую жизнь в форме корпоративных сущностей, основанных на классовых, расовых, религиозных, гендерных и других фундаментальных размежеваниях.) Во-вторых, само гражданство создает по меньшей мере две отвлеченные сущности (граждан и неграждан), предполагающие общие отношения с агентами определенного правительства. Замена особых отношений с агентами правительства гражданством сама по себе не гарантирует демократии, поскольку иногда происходит в результате осуществляемого сверху вниз включения граж-

дан в политическую жизнь, что не приводит к защищенности консультаций и не придает им обязательную силу. Это авторитарное гражданство. Но в общем создание гражданства все же способствует демократизации.

Впрочем, преобладание органичных сущностей в недемократической политике не обрекает недемократические режимы на однообразные политические ритуалы. В недемократических европейских режимах конфронтационные выступления вроде собраний жителей Гауенштайна всегда были сопряжены с импровизацией. Хотя участники происходивших во Внешней Австрии XVIII века собраний инакомыслящих опирались на базовые сценарии, они постоянно импровизировали на их основе. Выступления иногда принимали предписанные, терпимые и запрещенные формы политического поведения, временами меняя свое отношение к этим формам. Поскольку все эти выступления вовлекали в стратегическое взаимодействие по меньшей мере две стороны и большинство из них развертывалось перед публикой, реакция которой могла повлиять на их исход, преимуществами были внезапность и привлекающая внимание драматичность.

Церемонии шельмования вроде практиковавшейся в Швейцарии и Германии *Katzenmusik* («кошачьей музыки»), состоящей в не слишком отдаленном родстве с какофониями и «кошачьими концертами», первоначально были направлены против нарушителей местной морали. Но иногда такие церемонии превращались в согласованные акты сопротивления ненавистным властям. Бывало, что форма таких действий менялась: так, «кошачий концерт» мог превратиться в хвалебную песнь или благодарственную серенаду. Массовые восстания иногда начинались с законных собраний жителей или с созыва ополчения, которые смещались в зону запрещенных и конфликтных акций, только когда на этих собраниях звучали дерзкие требования; а местное ополчение, объединившись с окрестными ополчениями, избирало вожakov для координации действий бунтовщиков.

По сравнению с относительной стандартизацией форм политической борьбы в демократических режимах все эти политические акции в европейских недемократических режимах существенно различались в зависимости от места, субъекта и причины выступления. Рассмотрим один поразительный пример — *Fähnliupf* (или *Strafgericht*) в швейцарском Граубюндене в XVI веке.

Обычно процесс начинался с того, что в нескольких районах поднимали боевые стяги и шедшие под ними люди собирались в каком-то центре вроде Чура или Тусиса: эту первую стадию на местном диалекте немецкого языка называли «*Fähnliupf*» (буквально «поднятие знамени»). Собравшееся ополчение, как правило, побуждало другие коммуны присоединиться к выступлению, и если это удавалось сделать, своеобразная цепная реакция подключала к собранию почти все коммуны. Вторая стадия предусматривала открытые собрания граждан-солдат, которые разрабатывали проект статей, направленных на очищение Свободного государства от растления и измены. Наконец, на третьей стадии назначался суд, *Strafgericht*, состоявший из присяжных от каждой коммуны и большого числа «наблюдателей». Эти люди, как считалось, обеспечивали честность и неподкупность. Такие суды, в состав которых иногда входили сотни присяжных и наблюдателей, выносили обвинения, судили, а затем выносили приговор тем, кто, по их мнению, действовал против интересов родины [Head, 1995, 147–148].

Подобные народные суды часто продолжались месяцами, до тех пор пока у судей не появлялась уверенность, что благодаря приговорам, штрафам и даже казням справедливость восстановлена. Участники этих трибуналов учреждали временные, декоративные контрправительства. Законодательное собрание кантона (*Bundestag*) часто следовало решениям *Strafgericht*, назначая суд, который проверял и модифицировал приговоры народного трибунала. Хотя Рэндольф Хед в своем описании

делает акцент на действиях инакомыслящих, *Strafgericht* явно создавал сложный цикл взаимодействий не только между инакомыслящими, но и между инакомыслящими и другими членами сообщества, в том числе и местными властями. Эта примечательная форма взаимодействия имеет некоторое сходство с собраниями ополчений в других странах, с промышленными стачками и с регулярно возникающими в истории народными трибуналами, которые пародировали, оспаривали или дополняли работу официальных судов и судей.

Но у *Strafgericht* — особый аромат швейцарской истории. Негодующие швейцарские граждане неоднократно созывали ассамблеи, для того чтобы потребовать справедливости во имя старинных законов, хартий и прав. Так, в 1653 г. крестьяне региона, находившегося под властью Люцерна, использовали свои местные ассамблеи, для того чтобы начать восстание против введения городом обесцененной валюты, которое вызвало инфляцию. Восстание вылилось в швейцарскую Крестьянскую войну. Во время этого крупного конфликта восставшие крестьяне возродили миф об освободителе Швейцарии Вильгельме Телле, но опирались в своих действиях на постановления местных судов, которыми они издавна пользовались при решении повседневных дел. Ссылаясь на более ранние документы и древние традиционные права, суды Эшольцматта, Шюпфхайма и Энтлебуха направили 40 принесших присягу делегатов просить правосудия у властей Люцерна. Впрочем, миссия делегатов быстро закончилась неудачей [Suter, 1997, 59–102]. Тогда крестьяне подняли вооруженное восстание. В конце концов в июне 1653 г. войска Швейцарской конфедерации нанесли поражение много тысячной крестьянской армии.

Партикуляризм, активизирующий органичные сущности, сказывается на арсеналах недемократических форм борьбы в Европе. Например, каждое местное сообщество накапливало свои собственные варианты коллективного локального возмездия нарушителям брачных норм и норм сексуального поведе-

ния. Такие варианты зависели от организации молодежных групп, классовой и конфессиональной структуры, а также истории прежних конфликтов. Распри между кланами или молодежными корпорациями резко варьировались от региона к региону по распространенности, формам и интенсивности. Массовые восстания всегда возникали на почве накопленных в локальном масштабе обид, на основе локальных уз и прежних конфликтов. Обычно восстания развивались на основе сущностей, укорененных в локальном масштабе, а потому, как правило, весьма своеобразных. Таким образом, придавать этим формам борьбы общее название — не значит утверждать, что они имели почти столько же общих структур и процедур, как, например, лоббирование или демонстрации в условиях демократии.

Варианты путей развития политической борьбы находятся в тесном соответствии с уже рассмотренными нами отличиями в историях режимов. Подробный анализ этих соответствий занимает центральное место в следующих главах. В рамках недемократических режимов мы остановимся на трех иллюстрациях: 1) воздействие возрастающей правительственной дееспособности на сущности и методы, используемые в борьбе; 2) парадоксальные различия путей «сильного государства» и «слабого государства» в плане форм и средств борьбы; 3) взаимодействие консультаций и борьбы на основании категориальных прав.

Во-первых, существенное нарастание дееспособности правительств способствует формированию политических субъектов, обладающих отвлеченными коллективными сущностями и арсеналами методов борьбы, которые можно было применять во множестве местных сообществ, в разных группах населения и при решении многих вопросов. Благодаря таким особенностям эти субъекты и методы обобщают и унифицируют формы политической борьбы в пределах государств. В Европе наращивание дееспособности правительств в результате успешной подготовки к войнам стимулировало возникновение отвлеченных сущностей, потому что угрозы, которые создавал такой рост

могущества государства имевшим ценность местным обычаям, давали разрозненным группам населения общую причину для действий. Рост силы государства был сопряжен с одновременным предъявлением агентами правительства сходных притязаний в разных нишах государственного организма; он активизировал деятельность посредников между правителями и целыми категориями подданных; кроме того, рост дееспособности правительств сам по себе создает новые формы обязательств, охватывающих подчиненное им население.

Методы борьбы приобретают большее единообразие по тем же самым причинам, поскольку новые формы подачи петиций или подрывных действий становятся все более наглядными и уместными, в отличие от новых форм локального мщения или межобщинной конкуренции. По мере того как национальные власти устанавливают новые, тяжкие для населения системы вербовки в армию, налогообложения или регистрации, они неумышленно создают и пропагандируют обстоятельства, общие для прежде разрозненных групп населения. Этот процесс стимулирует передачу новых методов борьбы от одних групп населения другим.

Во-вторых, пути относительно «сильных» и относительно «слабых» государств к наращиванию дееспособности правительств и к защищенности консультаций демонстрируют парадоксальные различия в методах выдвижения требований. По определению, траектория развития «сильного государства» характеризуется возрастанием мощи государства на раннем этапе, за которым следует (если следует) усиление защищенности консультаций, тогда как траектория развития слабого государства характеризуется тем, что защищенность консультаций здесь предшествует расширению мощи государства. При таких обстоятельствах можно было бы ожидать, что процесс развития «слабого государства» создает демократические учреждения, готовые для установления в общенациональном масштабе, а процесс развития «сильного государства» предполагает необхо-

димость тонкого конструирования демократических учреждений или титанической борьбы за них.

Оказывается, реальность была не столь однозначной. На самом деле зачастую происходило противоположное: расширение дееспособности правительства на ранней стадии усиливало роль успешно действовавших посредников, способствовало формированию отвлеченных политических сущностей и делало политические рамки локальной борьбы бессмысленными для общенациональной мобилизации. В результате возникали недемократические, но связанные друг с другом национальные институты, в рамках которых борьба развивалась в дальнейшем. Обладавшая высокой дееспособностью тирания способствовала формированию условий собственного свержения. Напротив, раннее развитие защищенных консультаций всегда происходило на местном или региональном уровнях, а общенациональные модели выдвижения требований были неэффективными. Поэтому субъекты национальной политики становились уязвимыми для завоеваний извне, и увеличивалась вероятность междоусобной борьбы на пороге демократии. То, что Швейцария с ее локальной демократией в период с 1798 по 1847 г. прошла через множество переворотов, военных рейдов и гражданских войн, свидетельствует о трудностях перенесения демократии с местного на национальный уровень. (Анализ этого бурного периода в истории Швейцарии дан в главе 6.)

В-третьих, изъятие средств для дорогостоящих правительственных начинаний, таких как войны, находилось в диалектической взаимосвязи с утверждением коллективных прав. При недемократических режимах любое увеличение запросов правительства в виде налогов, вербовки или других изъятий нарушало какие-то из существовавших прав и обязанностей. Например, часто причиной массового сопротивления было изъятие правительственными агентами местных ресурсов, уже предназначенных к расходованию на свадьбы, коммунальные праздники и традиционную взаимопомощь. Часто стремительный рост

аппетитов правительства нарушал соглашения, обычаи и деятельность консультативных институтов, ранее регулировавших участие населения в действиях правительства.

Однако, за исключением откровенных грабежей, к которым иногда прибегали военачальники, монгольские завоеватели, бандиты и наемники, любой правитель, рассчитывавший в будущем при необходимости снова обратиться к тем же источникам материальных богатств, в результате переговоров достигал определенных соглашений с лицами, производившими и предоставлявшими эти богатства, или с представлявшими их посредниками. Впоследствии такие соглашения становились основанием как для новых требований, так и для сопротивления этим требованиям. Подобные соглашения определяли не только права и обязательства сторон, но и их сущности. Таким образом, соглашения оговаривали, *в каких коллективных качествах* стороны будут осуществлять обусловленные договорами права и обязательства. Чем сильнее была власть государства над людьми, деятельностью и ресурсами, тем чаще эти коллективные качества активизировали отвлеченные сущности, которые связывали целые категории жителей регионов или стран, но совершенно отличались от сущностей, укорененных в повседневных социальных отношениях. Переговоры относительно огромных средств, привлекаемых для правительственных начинаний, изменяли субъектов, конституированных в рамках данного режима, заново определяли отношения между ними и создавали некоторые элементы гражданства.

Этот процесс в целом не слишком способствовал расширению политического участия, усилению политического равноправия или защищенности участников политического взаимодействия от произвола агентов власти. Напротив! Но он создавал подобие обязывающих консультаций, ориентированных не на особые узы, связывавшие правителя и подданного, а на категориальные определения взаимных обязательств. Путь «сильного государства», несмотря на всю его жестокость в дру-

гих отношениях, тем самым создавал возможности для полноценного гражданства. Национальное гражданство представляло собой крайний и показательный пример отвлеченной политической сущности, которая редко была важна в обыденных отношениях на местном уровне, но имела фундаментальное значение для определения прав и обязанностей по отношению к государству. В свою очередь, гражданство создавало необходимые, но далеко не достаточные условия для демократии.

Ветер демократии

В Европе 1650 г. не существовало ни одного национального режима, который можно было считать демократическим. Какие-то институты, соединяющие широту, равноправие, консультации и защищенность, имелись только на уровне отдельных сообществ и в пределах защищенных олигархий. Но, принимая во внимание *Strafgericht* и конфликт между «селитрянниками» и «мельниками», мы должны теперь внести коррективы в это утверждение. В Европе XVII века дальние родственники (но ни в коем случае не идентичные близнецы) демократии обнаруживаются в трех контекстах: в олигархиях купеческих городов, в крестьянских общинах, пользовавшихся защитой от господства феодальных синьоров, и во время эпизодических восстаний против усиления государства. В купеческих сообществах подлинное равенство или хотя бы широкое политическое участие так никогда и не утвердилось; в целом, власть в таких сообществах принадлежала богатым меньшинствам, состоящим в основном из глав процветающих предприятий. Тем не менее у бюргеров обычно было коллективное правление и существовала ротация должностных лиц, причем жизнь и собственность членов городской общины были защищены. Взгляните на групповые портреты рот городских ополчений (распространенный жанр, например, в Нидерландах) — вы увидите не выходцев из

разных слоев городского населения, а надменные откормленные физиономии местных олигархов. Защищенность консультаций, которой они пользовались, кристаллизировалась в оформленную олигархию [Prak, 1999].

Земледельческие, пастушеские и рыболовецкие общины иногда избегали подчинения власти крупных феодалов потому, что находились в географически недоступных местах, потому, что объемы производимой ими продукции были подвержены слишком резким колебаниям, чтобы обеспечивать потребности эксплуататоров, или потому, что им удавалось стравливать одного феодала с другим. Таким образом, время от времени в горных районах Европы, в некоторых частях Германии и Италии, где наблюдалась крайняя фрагментация суверенитета, на дальних окраинах лесов или на побережьях морей возникали какие-то подобию крестьянской демократии.

Однако в любую картину крестьянской демократии следует внести две важные оговорки. Во-первых, рассматривая такие демократии, мы имеем дело с мелкими олигархиями, в которых женщины, дети, бедняки или работники-мигранты (с XVI века их в Европе становится все больше и больше) не имели особого права голоса или вовсе были лишены этого права. Во-вторых (как весьма убедительно показывает Бенджамин Барбер на примере мелких общин в окрестностях города Чур, в конце концов вошедших в состав Швейцарии как часть кантона Граубюнден), иммунитеты и вольности, установленные такими общинами, утверждали коллективные, а не индивидуальные права [Barber, 1974] (см. также [Head, 1995]). Эти нормы защищали прерогативы общины в целом от посягательств извне и изнутри, но не защищали от гонений местных жителей, не соблюдавших принятые в общинах нормы, и не удерживали общины от эксплуатации оказавшихся в их власти чужаков. Те же самые жители Граубюндена, отчаянно защищавшие свои крестьянские вольности от посягательств извне, правили прилегающей зависимой территорией Вальтеллины как тираны.

Во время восстаний против усиливающихся государств европейские крестьяне, работники и инакомыслящие представители элит неоднократно выдвигали полудемократические доктрины — по крайней мере, они доходили до того, что обвиняли алчных правителей в нарушении исконных прав общин. В периоды открытого сопротивления повстанцы обычно образовывали лиги, для которых были характерны механизмы представительства и согласия, обсуждения широкого круга вопросов и избрания военных вождей или дипломатических представителей. На протяжении XVI века в соответствии с этой моделью действовали кастильские комунерос в 1520 г., участники Крестьянской войны 1525 г. в Германии, голландских восстаний против испанских властей и многих выступлений общин обращенных в протестантизм из католицизма. В XVII веке эти формы восстаний сохранялись, но квазидемократические программы, нашедшие самую широкую поддержку, появились во время гражданских войн в Англии, продолжавшихся с 1640 по 1660 г.

Рассмотрим, например, коалицию английских радикалов, известных под названием *левеллеры* (название важное, хотя и издевательское). В 1647 г. левеллеры представили на знаменитых дебатах в Патни свое «Народное соглашение», которое «провозглашало принципы народного суверенитета и верховенства парламента и требовало ликвидации монархии, наделения парламента исполнительной и административной властью (но не силой принуждения в вопросах веры) и реформы избирательной системы на основе принципа всеобщего избирательного права для мужчин» [Kishlansky, 1996, 176]. Широта политического участия, равенство, консультации и защита субъектов политического процесса — все это занимало в программе левеллеров важное место.

Ни одна из этих квазидемократических программ не пережила породившие их восстания в качестве практических методов и сетей общественных отношений. И все же они имели значение для последующей демократизации, потому что дали до-

ступные модели сопротивления произволу властей и доктрины, в которых, пусть и глухо, был провозглашен принцип народного суверенитета. Более того, подавляя выступления сторонников таких программ, правители сплошь и рядом создавали новые формы соглашений с местными и региональными властями. Хотя эти новые формы обычно устанавливали более жесткую зависимость населения от центральной власти, они создавали также каналы, отношения, договоренности и учреждения, оказывавшие влияние на последующие витки протеста. Действительно, объясняя, почему прежние восстания были нелегитимными, они почти неизбежно формулировали те редкие условия, при которых восстания должны считаться легитимными.

Существование демократических процедур, практиковавшихся в некоторых институтах, и борьба повстанцев за демократические требования делали эти процедуры и требования доступными для усвоения правительствами. Но одно дело — доступность демократических идей, процедур и программ, и совсем другое — их реализация в политической жизни на государственном уровне. Позвольте повторить еще раз: демократизация — это изменение характера отношений между народом, подвластным тому или иному правительству, и агентами этого правительства. Задача этой книги заключается как раз в том, чтобы проследить процессы, замедляющие или способствующие формированию широких, равноправных, имеющих обязательную силу и защищенных отношений между гражданами и агентами правительств.

Однако пока нашей задачей еще не является изучение процессов, смещающих режимы в зону гражданства и демократии. Пока мы стремимся проследить отношения, которые складывались между режимами и борьбой вне зоны гражданства и демократии, на недемократической территории, значительную часть периода после 1650 г. включавшей в себя большую часть Европы. На этой территории мы должны обнаружить изменения дееспособности правительства и защищенности консульта-

ций, жестко связанные (и как причины, и как следствия) с изменениями политической борьбы. В целом нам предстоит обнаружить, что там, где сила правительства возрастала, агенты правительств приобретали все большую значимость как объекты и участники борьбы, тогда как размежевание между терпимыми и запрещенными правительством формами борьбы обострялось. Нам следует также ожидать, что отвлеченные сущности (рабочие как целое или подданные монарха, а не представители конкретного ремесла) постепенно приобретут все большую важность как основы для выдвижения чреватых конфронтацией требований.

Мы должны также ожидать, что по мере усиления защищенности консультаций возникнет довольно специфический комплекс последствий. К ним относятся:

- более частое образование союзов между властью имущими и мобилизованными, но отлученными от политики претендентами на роль субъектов политической жизни;
- разрастание открытых конфликтов на периферии предписанных и допустимых форм политической активности;
- изменение характера акций, связанных с выдвижением требований: от узколокальных, имеющих сугубо местную специфику и бифуркационных — к космополитическим, сложносоставным и автономным;
- более быстрые реакции на сдвиги в структуре правящих коалиций.

В основе этих предположений лежит мысль о том, что усиливающаяся защищенность консультаций в среднем снижает риски, с которыми сопряжено вступление в политическую жизнь обиженных, но сравнительно слабых групп. Процесс носит диалектический характер: любое расширение круга политических субъектов, пользующихся преимуществами защищенных консультаций, усугубляет разрыв между ними и группами, отлучен-

ными от политической жизни. По сходным причинам следует ожидать, что стремительные передвижения из одной позиции в измерении «возможности—консультации» в другую совпадут с моментами обострения борьбы. Это должно быть так по двум причинам: во-первых, подобные изменения режимов создают возможности и угрозы для широкого круга политических субъектов; во-вторых, массовая борьба в форме конфронтации, завоевания или революции сама по себе вызывает трансформации режимов. Такие последствия, вероятнее всего, усиливаются по мере приближения режима к зоне демократии, поскольку при этом более значительная часть населения принадлежит к утвердившимся субъектам политической жизни, более значительная часть таких субъектов пребывает в состоянии сравнительно высокой мобилизации и, как правило, большей готовности к тому, чтобы реагировать на сдвиги в поведении правительства, его агентов и других субъектов политики.

Таковы, по крайней мере, наши теоретические предположения. В этом первом наброске взаимосвязи изменений режима и борьбы мы ищем не более чем общие доказательства существования подобных соответствий. В последующих главах мы попытаемся выявить некоторые черты причинно-следственной динамики. В поисках доказательств наличия связей между изменением характера режимов и изменением форм политической борьбы мы рассмотрим историю Нидерландов и стран Иберийского полуострова в период с 1650 по 1850 г. Этому и посвящена глава 3.

Недемократическая борьба в Европе, 1650–1850 гг.

С точки зрения политической борьбы в Европе было несколько разновидностей «старого порядка». Согласно вышеприведенным доводам, недемократические режимы Европы должны были бы демонстрировать различные в системном отношении типы борьбы. В пределах, установленных идеальным «сильным государством» (расширяющим свою дееспособность при минимальных консультациях или вообще без них) и идеальным «слабым государством» (расширяющим консультации при минимальном увеличении дееспособности или вовсе без него), на траектории эволюции государств должны были оказывать воздействие различные комбинации принуждения, капитала и обязательств. Изменения дееспособности и/или консультаций, в свою очередь, должны были изменить характер борьбы. Наконец, характер режимов, даже без завоевания, колонизации или революции, должен был сказываться на борьбе. Мы проверим эти предположения на двух противоположных примерах — истории Нидерландов* и иберийских стран в период с 1650 по

* Говоря о Нидерландах, автор имеет в виду не Королевство Нидерланды, а регион, включающий в себя современные Нидерланды, Бельгию и Люксембург. — *Примеч. переводчика.*

1850 г. После 1650 г. в Нидерландах и странах Иберийского полуострова сложились совершенно разные режимы и формы политической борьбы. Подтверждает ли история иберийских стран и Нидерландов наши предположения? Да — по крайней мере приблизительно.

К 1650 г. Вестфальский мир 1648 г. наконец подтвердил результаты восстания голландцев против Испании. Договоры 1648 г. дали юридическое подтверждение давнему фактическому разделению Нидерландов на автономные Соединенные Провинции на севере, Испанские Нидерланды под властью Габсбургов на юге и связанный с империей, но полуавтономный Люксембург и несколько городов-государств (также на юге). В середине XVII века Голландия была доминирующей экономической державой Европы [Davids, 1995; Kindlerberger, 1996, 100–103; de Vries and van der Woude, 1997, 665–680]. Регион с развитыми городами, торговлей и судоходством в целом жил под властью городских купеческих олигархий, хотя на южных и удаленных от моря территориях знатные землевладельцы и церковь пользовались большим влиянием. Купцы, которые вели каботажную торговлю, поддерживали интенсивные связи с бассейнами Атлантического, Тихого и Индийского океанов, со Средиземноморьем и Балтикой, но прежде всего со Скандинавией, северной Германией и Британскими островами. Эти связи сделали Нидерланды одним из самых процветающих регионов Европы.

По сравнению с большинством других регионов Европы режимы в Нидерландах в 1650 г. действовали в условиях наличия значительных капиталов и широко распространенных обязательств, при фрагментации средств принуждения; даже ведение международных войн напоминало коммерческие предприятия того времени. Ведение войн предполагало создание весьма сложных коалиций, состоявших из множества обладателей средств принуждения; объединение капитала для платы наемникам-чужеземцам; преодоление сопротивления местных купцов и муниципалитетов разрушению мирной торговли. Вслед-

ствие множественности юрисдикций предписанные и допустимые формы государственной политики существенно различались от места к месту и зависели, например, от того, установила ли региональная власть собственную официальную церковь. Впрочем, в среднем по всей Европе государственная политика следовала привычным порядкам, заведенным местными бюргерскими олигархиями там, где они существовали [te Brake, 1998].

В период с 1650 по 1850 г. Нидерланды претерпели весьма важные политические изменения. После провала предпринятой в 1650 г. попытки штатгалтера (статхаудера) Вильгельма II упрочить свою власть над всем севером Нидерландов этот регион до 90-х годов XVIII века оставался беспокойной, но влиятельной конфедерацией городов-государств и провинций. В 1688 г. Голландская республика дала Англии нового короля, Вильгельма III Оранского, и образовала тесный союз со старым противником за Северным морем. В 80-е годы XVIII века во многих северных провинциях установились буржуазно-демократические режимы, сокрушенные прусским вторжением 1787 г. Новое вторжение последовало в 1795 г., когда войска революционной Франции учредили Батавскую республику. Она уступила место сателлитному королевству Голландии (1806), которое в 1810–1813 гг. вошло в состав Франции, а затем — разделенному надвое королевству, до 1839 г. номинально включавшему в себя север и юг. Со времени присоединения к Франции голландское государство приобрело гораздо более централизованную административную структуру по сравнению с периодом расцвета автономных провинций.

В южных Нидерландах история пошла иначе. Во второй половине XVII века французские войска неоднократно вторгались на юг, а район вокруг Лилля был включен в состав Франции. По Утрехтскому миру 1713 г. оставшиеся южные территории (за исключением Люксембурга и Льежского архиепископства) перешли от Испании к австрийской ветви Габсбургов.

На протяжении полувека голландские войска занимали восемь стратегических крепостей, разбросанных по всей территории австрийских Нидерландов. В 80-х годах XVIII века император Иосиф II изгнал голландцев, но его попытка установить более централизованное правление спровоцировала сопротивление и даже восстание, охватившее большую часть юга. Когда в соседней Франции к власти пришли революционеры, их единомышленники в южных Нидерландах также предприняли попытку восстания, которое было подавлено австрийскими войсками. С 1792 по 1795 г. регион превратился в театр военных действий между Францией и Австрией, после чего до 1814 г. южные Нидерланды находились под властью Франции.

Как и на севере, французская оккупация юга, вошедшего в состав Франции, повлекла за собой централизацию и стандартизацию структур государственного управления. Включенные в Нидерландское королевство в результате мирного урегулирования 1815 г. бельгийцы (так все чаще называли себя жители южных Нидерландов) в 1830 г. подняли открытый мятеж, а затем в течение нескольких следующих лет подвергались нашествиям французов и голландцев. Но в 1839 г. они добились создания независимого королевства, королем которого как нельзя кстати стал дядя английской королевы Виктории Леопольд Саксен-Кобургский, отказавшийся в 1830 г. от греческой короны. Режимы Нидерландов, хотя и раздробленные в политическом отношении религиозными, региональными, языковыми различиями и экономическими интересами, просуществовали до конца XIX века как узнаваемые варианты европейских буржуазных политических систем.

Что произошло со спектром разновидностей борьбы на протяжении двух столетий? Частота выдвижения народом требований возросла неимоверно, но это проявлялось в резких всплесках, сменявшихся периодами значительного спада политической активности. По мере роста дееспособности правительства в политической борьбе произошел ощутимый сдвиг: борьба пе-

решла на региональный и национальный уровни. Партикуляризм форм борьбы и вопросов, вокруг которых она разворачивалась, снижался по мере того как в регионе все большее значение приобретали общие правила и программы. Местные власти по-прежнему выступали в роли посредников при решении широкого круга спорных вопросов, однако по мере того как централизованные, дееспособные правительственные структуры вытесняли преобладавшие до конца XVIII века фрагментированные политические структуры, организованные на местном уровне люди все чаще непосредственно предъявляли свои требования национальным властям. События, связанные с выдвижением космополитических, стандартизованных и автономных требований, стали вытеснять преобладавшие до той поры узколокальные, партикуляристские и бифуркационные формы борьбы.

Давайте начнем с крупных изменений в контроле над национальными правительствами Голландской республики и Испанских Нидерландов. Из вышеизложенных аргументов следует, что такого рода перемены совпадают — и по причинам, и по следствиям — с обострением борьбы, выходящей далеко за пределы попыток захвата власти над государственными структурами. В рамках революционных переделов власти основная борьба развертывалась вокруг возможностей и угроз положению множества политических субъектов или в результате возникновения таких возможностей и угроз. Посмотрев на историю Нидерландов со стороны, можно сказать, что этот регион двигался от династической борьбы к периодически возникающей революционной политике, означающей мобилизацию значительных и разнородных по составу групп населения, которые требовали контроля над центральным правительством.

Предположим, мы считаем революционными такие ситуации, когда в течение не менее месяца по крайней мере две опирающиеся на вооруженные силы и пользующиеся поддержкой широких слоев населения группы людей контролируют важные

сегменты государственной организации. В соответствии с этим довольно приблизительным критерием с 1650 по 1850 г. в истории Нидерландов имели место следующие события, претендующие на статус революционных ситуаций:

- 1650 г. — предпринятый Вильгельмом II и закончившийся неудачей переворот
- 1672 г. — захват сторонниками Оранского дома власти во многих городах
- 1702 г. — отстранение сторонников Оранского дома от власти в Гельдерланде и Оверийсселе
- 1747–1750 гг. — восстание сторонников Оранского дома в Соединенных провинциях, вспыхнувшее после вторжения французов и провозглашения Вильгельма IV Оранского штатгалтером
- 1785–1787 гг. — революция голландских патриотов, подавленная вторгшимися пруссаками
- 1789–1790 гг. — революция в Брабанте, южные Нидерланды
- 1790–1791 гг. — революция в княжестве Льеж, подавленная австрийскими войсками
- 1792–1795 гг. — франко-австрийские войны, завершившиеся французской оккупацией Нидерландов и установлением правления по французскому образцу
- 1795–1798 гг. — батавская революция на севере
- 1830–1833 гг. — революция бельгийцев против голландской короны, вмешательство французов и англичан.

При более близком рассмотрении обнаруживается, что эти крупные события распадаются на множество собраний, демонстраций, петиций, противостояний, вооруженных столкновений, разграблений, споров и организационных усилий. Наиболее важные изменения структуры заключались в переходе от мобилизации военных дружин аристократов и бюргерских ополчений к устойчивому вовлечению рядовых домовладельцев в развертывавшуюся в национальном масштабе борьбу за власть.

В соответствии с общей логикой наших рассуждений, переходу к стандартизованным (в масштабе государства) методам борьбы и мобилизации на основе отвлеченных сущностей способствует усиление дееспособности правительства.

В локальной перспективе коллективные выступления происходили гораздо чаще и претерпели еще более значительные изменения. Рудольф Деккер (1982 г.) перечисляет десятки произошедших в провинции Голландия в XVII и XVIII веках «восстаний» — когда не менее 20 человек собирались вместе и открыто выражали претензии к другим лицам, причиняли ущерб личности или собственности. В масштабе всех разновидностей борьбы в Европе с 1650 г. до наших дней эти события квалифицируются как мелкие, локальные, изменчивые по форме в зависимости от места или групп, состоящие из (многочисленных) прямых нападений на локальные цели и (немногочисленных) обращений к более высоким властям через посредников. Перечень Деккера выделяет пять типов событий: 1) насильственный захват продовольствия на рынке или нападения на торговцев; 2) сопротивление новым налогам; 3) нападения, совершаемые членами одной религиозной группы на представителей, имущество или символы другой религиозной группы; 5) коллективное мщение (например, в форме разграбления домов) лицам, оскорбившим общественную мораль.

Разграбление домов часто сопровождалось протестами против сборщиков отданных на откуп налогов или других общественных фигур, являвшихся объектами насильственных акций первых четырех типов. В этом отношении акции народного протеста в Голландии очень похожи на аналогичные акции во Франции, Англии и Северной Америке. Как и другие исследователи «старого порядка», Деккер обращает внимание на праздничную атмосферу подобных ритуальных действий. «Участник оранжистских беспорядков 1787 г., — сообщает Деккер, — заявил: „Я никогда не получал такого удовольствия на ярмарке, какое получил, разнося дом по кирпичику“» [Dekker, 1982, 92].

В целом события, перечисленные Деккером, вполне соответствуют народным методам борьбы, применявшимся по всей Западной Европе. На стандартной шкале от 1) петиций и пикетов до 2) локальных актов мести, 3) междоусобиц и сопротивления, 4) массовых мятежей эти методы окажутся ближе к полюсу предписанных или допустимых форм политической деятельности. Тем не менее в ситуации общей политической борьбы вроде восстания сторонников Оранского дома в 1747–1750 гг. подобные действия выливались в открытый мятеж.

Как показывает каталог Деккера, происходившая в Голландии борьба за продовольствие с 1693 по 1768 г. концентрировалась в рыночных городах и обострялась в периоды роста цен, когда местные власти не могли гарантировать пропитание беднякам. Перечисленные Деккером мятежи против налогов (он сам полагает, что это всего лишь «верхушка айсберга»; см. [Dekker, 1982, 28]) были направлены не столько против прямого налогообложения, сколько против отданных откупщикам акцизов, и чаще происходили в периоды общей борьбы за политическую власть, например с 1747 по 1750 г. В Голландии около половины населения принадлежало к государственной голландской Реформатской церкви, около 10% — к другим протестантским вероисповеданиям, 40% были католиками и совсем небольшую часть населения составляли члены иудейских общин.

Более того, полное гражданство в местном сообществе обычно зависело от принадлежности к церкви, являвшейся государственной в данном сообществе. Таким образом, внешне казавшиеся религиозными конфликты зачастую включали в себя борьбу за право голоса при решении местных дел, а также реакцию на внешние события с религиозной подоплекой, например на избиение еретиков-вальденсов в Савоие в 1655 г. Впрочем, религиозная борьба, как и мятежи против налогов, усиливалась в периоды общего обострения политической борьбы, например в 1747–1750 гг. В такой ситуации ставки участников политического процесса в режиме оказывались под угрозой.

В результате независимо от того, как начинался цикл борьбы, она всегда была сопряжена с удержанием и обретением позиций.

События, которые Деккер классифицирует как открыто политические, связаны с Оранским домом. При Габсбургах отсутствующий монарх обычно делегировал власть в каждой провинции Нидерландов штатгалтеру (градоначальнику = временному заместителю = помощнику правителя). Со времен восстания против испанских Габсбургов в XVI веке голландские провинции обычно (хотя никоим образом не всегда и не автоматически), особенно во время войны, называли своим штатгалтером, временным обладателем государственной власти того, кто в этот момент был принцем Оранским. Независимо от того, был ли в то время принц Оранский штатгалтером, клиента Оранского дома всегда составляла значительную часть региональной политической элиты, и оппозиция оранжистам зачастую складывалась вокруг союза людей, не принадлежавших к Реформатской церкви, организованных ремесленников и эксплуатируемого сельского населения. В период обострения борьбы в 1747–1750 гг. противодействие притязаниям штатгалтера на власть слилось с противостоянием откупщикам налогов и требованиями народного представительства в политической жизни провинций. Такие политические акции в период с 1650 по 1800 г. претерпели большие изменения, чем протесты против дороговизны продовольствия, налогов или религиозные конфликты.

Во второй половине XVIII века мы видим появление согласованных требований широкого участия в местном и провинциальном управлении, причем эти требования были настолько сильны, что Р. Р. Палмер в книге «Age of the Democratic Revolution» («Век демократической революции») (1959, 1964) ставит восстание голландских патриотов 80-х годов XVIII века в один ряд с Американской революцией 1775–1783 гг., считая оба события важными проявлениями революционного процесса. Проведенный Вейном те Браке систематический анализ голланд-

ской революции в провинции Оверийссел показывает, что 80-е годы XVIII века были поворотным моментом в истории выдвижения народных требований. Митинги, петиции и демонстрации ополчения играли важную роль в повседневной политической деятельности, но сочетались с более старыми формами мести и запугивания. Те Браке сообщает, что в ноябре 1786 г. в маленьком городке Зволле

более 1000 человек, собравшись в Гроте Керк, приняли декларацию о том, что избрание на вакантное место члена Совета присягнувших старинным методом кооптации не будет признано законным. Когда власти в середине декабря все же провели выборы, толпы патриотов запугали избранного кандидата и принудили его к незамедлительной отставке [te Brake, 1989, 108].

Однако когда прусские войска, вторгшиеся в Голландию в сентябре 1787 г., подавили революцию, сторонники Оранского дома отомстили патриотам, разграбив их дома. Лидеры обеих партий изменили ставки и правила государственной политики, обратившись за поддержкой к народу. Говоря о соседнем городке Девентере, те Браке делает вывод:

«Народ» Девентера вошел в политику, чтобы остаться в ней. «Народ» перестал быть просто риторическим изобретением работавших на патриотов памфлетистов или сочинителей конституций и в 80-х годах XVIII века превратился в вооруженную, организованную и сплоченную реальность, которая в тех случаях, когда она была едина, оказалась вполне способной вторгнуться в городское политическое пространство. Однако в то время как на всех уровнях общества единство сменялось расколами и конфликтами, сила и значимость этого нового массового политического фактора не исчезали совершенно. Таким образом, мы видим, что контрреволюция в Девентере была победой одного сегмента только что приобщенного к политике и приведенного в активное состояние «народа» над другим сегментом того же «народа», а не просто реставрацией прежней аристократической политики. В действительности

контрреволюция, совершенная сторонниками Оранского дома в Девентере, невольно привела к консолидации двух важных изменений в политике этого провинциального города, и сочетание этих изменений указывает на то, что характер городской политики изменился навсегда: были поколеблены основы частной, аристократической политики прошлого и заложены основы политики будущего — публичной политики участия [te Brake, 1989, 168].

В региональной и национальной политике методы борьбы и участие в ней претерпевали заметные изменения.

Во второй половине XVIII века организованные рабочие и их забастовки также стали играть более заметную роль в политической борьбе в Голландии [Dekker, 1982, 50]. Существенное изменение методов политической борьбы в Нидерландах произошло еще до того, как они глубоко трансформировались под влиянием Французской революции. В конечном счете использование новых методов борьбы мобилизовало в Нидерландах людей из самых разных слоев населения. Эти новые методы основывались на отвлеченных, а не органичных сущностях, были нацелены на более широкий круг региональных и национальных фигур и проблем, отличались большим единообразием в пределах региона и предполагали предъявление требований напрямую, а не через посредников. Профессиональные политические организаторы (в отличие от традиционных местных и региональных властей) стали крайне важными участниками народной борьбы. Все большее распространение получали космополитические, сложносоставные, автономные формы выдвижения требований.

В исследовании, параллельном работе Деккера, Карин ван Хонакер составила каталог 115 «коллективных акций», предпринятых против центральных властей южнее, в Брабанте (точнее, в Брюсселе, Антверпене и Лувене), с 1601 по 1784 г. Некоторые из этих акций были одномоментными, но многие складывались из ряда выступлений в течение нескольких дней или недель. Ван

Хонакер делит эти выступления на четыре группы: сопротивление нарушениям местных политических прав, налоговые конфликты, конфликты между гражданскими и военными и конфликты, связанные с продовольственным снабжением. Первые две категории в значительной мере пересекаются, поскольку в Брюсселе господствующие гильдии («Девять народов») часто выступали против налогов на основании того, что они называли своими привилегиями. Ван Хонакер замечает:

Налоговые претензии, заявленные полноправными гражданами городов, порой были не самыми главными заботами рядовых горожан. Например, в 1680 г. главы брюссельских гильдий, жалуясь на пятипроцентный налог на сделки за пределами города, были озабочены не столько самим налогом, сколько тем, что третье сословие города, т. е. представители гильдий, еще не одобрили этот налог. Вот почему в акции протеста после возобновления налога на пиво, которая сопровождалась разграблением дома мэра, избранного городскими патрициями, налоговый вопрос использовался как ширма. Это выступление следует считать коллективной акцией борьбы за политические права [van Honacker, 2000, 50].

Религиозные конфликты, столь заметные в Голландии, ускользнули от внимания ван Хонакер, потому что в таких конфликтах одни горожане выступали против других, а не против государственной власти. В Брабанте, находившемся под властью Испании, а затем Австрии, борьба гражданского населения с королевскими солдатами, конфликты, связанные с постоем или жалованьем солдат, освобождением пойманных дезертиров, а также соперничество между городскими ополчениями и королевскими войсками за юрисдикцию играли гораздо большую роль, чем в Голландии. Однако конфликты по поводу продовольственного снабжения на севере и на юге похожи; горожане неоднократно нападали на торговцев, поднимавших цены на продовольствие, и на чужаков, заходивших за покупками на местные рынки.

Составленный ван Хонакер перечень событий, происходивших в Брабанте в XVII–XVIII веках, свидетельствует, что здесь характер народных требований изменился меньше, чем это обнаружено Деккером для Голландии. В трех южных городах наблюдались неоднократные вспышки сопротивления королевской централизации, предпринятые во имя традиционных привилегий, но никакого очевидного усиления требований народного суверенитета не происходило. По словам ван Хонакер, при выдвижении требований жители южных Нидерландов прибегали к характерным для западноевропейского «старого порядка» методам:

- частое использование или пародирование политических средств и символов самой власти;
- участие в акциях людей как членов традиционных сообществ и корпоративных групп (т. е. преимущественно на основе органичных сущностей);
- выдвижение требований приурочивалось, как правило, к праздничным дням и разрешенным властями собраниям;
- богатая символика, в том числе церемонии шельмования;
- акции возмездия, направленные на жилища виновных и предполагаемые места преступлений [van Honecker, 1994, 541–543].

Методы, характерные для «старого порядка», просуществовали в южных Нидерландах не намного дольше, чем в Голландии. Гита Денекере, работая с официальными публикациями из разных архивов, периодических изданий и исторических трудов, составила каталог происходивших по всей Бельгии с 1831 по 1918 г. «коллективных акций». В ее перечень включено около 440 случаев, когда люди собирались и выдвигали коллективные требования «в социально-экономической сфере». Это означает, что учтенные Денекере акции были преимущественно акциями рабочих [Deneckere, 1997, 10]. Но такой принцип отбо-

ра исключает, например, вспышки массового насилия, которые в 1834 г., сразу после распада неудобного союза севера и юга, сопровождали отделение церкви от государства в Нидерландах. Тем не менее отобранный Денекере материал демонстрирует серьезные изменения методов борьбы в Бельгии.

Точнее, два изменения. Вплоть до революции 1848 г. к выступлениям, перечисленным Денекере, относятся собрания рабочих, их демонстрации для подачи петиций, захваты запасов вздорожавшего продовольствия, нападения на взвинчивающих цены торговцев и забастовки в нескольких мастерских одного профиля. Акции рабочих часто принимали форму забастовок: бывали случаи, когда немногочисленные зачинщики из работников определенной отрасли ходили от мастерской к мастерской, требуя, чтобы собратья по ремеслу бросали работу и присоединялись к становившейся все более многочисленной толпе. По окончании демонстрации участники забастовки собирались в каком-нибудь безопасном месте (часто на поле на окраине города), высказывали свои претензии, формулировали требования и предъявляли их владельцам мастерских одной отрасли (часто на собрании делегатов от владельцев мастерских и рабочих), не выходя на работу до тех пор, пока владельцы мастерских не давали положительного ответа на их требования или не принуждали рабочих возвратиться в мастерские.

В период между революцией 1848 г. и 90-ми годами XIX века забастовки практически исчезли, тогда как демонстрации и стачки в крупных компаниях участились и стали играть более заметную и важную роль. Хотя стачки и демонстрации продолжались и в XX веке, с 90-х годов XIX века основными формами борьбы стали всеобщие стачки, скоординированные на региональном и национальном уровнях. Как говорит Денекере, рабочие и социалистические лидеры планировали всеобщие стачки как массовые, стандартные по форме, скоординированные между многими местностями акции, ориентированные на представителей национальной власти. Эти новые акции строились на

основе отвлеченных сущностей, выдвигаемых социалистами или рабочими в целом. Такие акции ознаменовали собой существенный сдвиг в методах борьбы.

Эти перемены отражали, разумеется, крупные социальные изменения XIX века, такие как стремительная урбанизация и развитие капиталоемкой промышленности. Но у меняющегося арсенала методов борьбы была и политическая история. Денекере усматривает все более тесную взаимозависимость между народными выступлениями и национальной политикой. В 90-х годах XIX века

соответствие между чередой социалистических массовых акций и прорывом на парламентском уровне ко всеобщему избирательному праву слишком поразительно, чтобы не заметить причинно-следственных связей между этими процессами. На основе опубликованной и неопубликованной переписки представителей правящих кругов можно сделать вывод о том, что всеобщая стачка имела более серьезный политический резонанс, чем осознавали сами социалисты. Раз за разом протест рабочих-социалистов сталкивал власти с угрозой революции, закладывавшей основу для резкого расширения демократии [Deneckere, 1997, 384].

Таким образом, в Бельгии уличная политика и политика парламентская стали взаимозависимыми. Короче говоря, усилия властей, стремившихся предотвратить угрозу революции, приводили к демократизации как к более предпочтительному, компромиссному исходу. Анализ Денекере заставляет перейти установленный нами предел, 1850 г., но это дает свои плоды; выясняется, что и до, и во время демократизации крупные изменения в арсенале методов борьбы взаимодействовали с глубокими трансформациями политической власти. Это, в свою очередь, означает, что конфронтация стимулирует демократизацию.

С методологической точки зрения исследования Деккера, ван Хонакер и Денекере обнадеживают и одновременно насто-

раживают нас. Все три исследователя используют каталог конфронтационных событий для замера политических тенденций и вариаций в характере конфликтов [Franzosi, 1998; McCarthy, McPhail and Smith, 1996; Olzak, 1989; Rucht and Koopmans, 1999; Rucht, Koopmans, and Neidhardt, 1998]. Очевидно, такие каталоги упорядочивают поиск вариации и изменений политической борьбы. Но сравнение трех перечней также показывает, насколько такие перечисления чувствительны к определениям и источникам, использованным исследователем. Деккер, отыскивая в голландских архивах сведения о событиях, в которых, независимо от причин, участвовало не меньше 20 человек, предпринявших насильственные действия, вышел на широкий круг акций и на некоторые доказательства изменений, но при этом он исключил события более мелкого масштаба и не сопряженные с насилием. Ван Хонакер, изучив бельгийские архивы в поисках коллективных выступлений против властей, нашла множество мелких ненасильственных эпизодов, но при этом упустила из виду промышленные и межгрупповые конфликты. Источники и методы, использованные Денекере, напротив, заставили ее при составлении каталога сосредоточиться именно на индустриальных конфликтах.

У каждого из этих трех путей свои достоинства, но все они различаются по характеру использованных данных. Сравнивая разные эпохи, регионы и условия, мы должны учитывать селективность подобных каталогов событий [Tilly, 2002a]. Тем не менее с ними лучше, чем без них. Нидерланды — один из немногих регионов с подробно изученной историей конфликтов вплоть до XX столетия. Так уж получилось, что двумя другими странами, по истории которых проделана та же работа, стали Франция и Великобритания. Что же касается большей части остальных европейских стран, нам придется довольствоваться примерами, извлеченными из работ по общей истории и специальных исследований, посвященных истории отдельных местностей, проблем и групп населения.

Что сообщает нам история Голландии и Бельгии о взаимосвязи режимов, борьбы и демократии? В Нидерландах огромное накопление капитала и обязательств на очень ранней стадии совпало с относительной фрагментацией средств принуждения, особенно характерной для северных районов Нидерландов, в 1648 г. получивших признание в качестве независимой Голландской республики. По всем Нидерландам процветающие купеческие городские олигархии оказывали огромное влияние на территории, лежавшие в непосредственной близости от городов, и сдерживали притязания их номинальных властителей. Даже в южных районах Нидерландов, в 30-х годах XIX века образовавших независимую Бельгию, наместникам Габсбургов (сначала испанских, затем австрийских) в XVII–XVIII веках приходилось вести трудные переговоры с непокорными подданными.

До XIX века народная борьба в Нидерландах была замкнута на четырех проблемах: стычках внутри привилегированных муниципалитетов; попытках потенциальных национальных правителей изъять ресурсы и установить централизованную координацию деятельности на местном уровне; попытках навязать или разрушить религиозные учреждения; правах местных жителей в отношении продовольствия, работы, налогов и земли. С ускорением и без того ранней коммерциализации и индустриализации Нидерландов в XIX веке, в массовой борьбе все больше места занимало противостояние труда и капитала. Те формы выдвижения требований, которые мы связываем с общественными движениями, становились преобладающими (о более поздних изменениях в методах борьбы см. [Kriesi, 1993; Kriesi et al., 1995]).

На взаимодействие борьбы и демократии в Нидерландах сильное воздействие оказывали отношения с Британией и Францией. «Славная революция» 1688–1689 гг. возвела на британский престол голландского правителя и стала причиной административных реформ по голландскому образцу, а прекращение разорительных англо-голландских войн, длившихся два пред-

шествующих десятилетия, превратило Британию в могущественного союзника Голландии. Можно утверждать, что французское вмешательство оказало еще более глубокое влияние на конфигурацию борьбы и демократии в Нидерландах: голландских патриотов 80-х годов XVIII века, стремившихся осуществить буржуазно-демократические революции в некоторых провинциях и их столицах, вдохновляла американская революция, но эти попытки были пресечены прусской интервенцией. Французские революционные армии, захватившие и Австрийские (южные) Нидерланды, и Голландскую республику, установили на оккупированных территориях несколько сателлитных режимов с централизованным управлением по французскому образцу. В 1815 г. победители Наполеона создали Королевство Нидерландов, сохранив гораздо более централизованные структуры, чем те, что существовали до 1795 г., и учредив представительные институты конституционной монархии. В демократизации Нидерландов надолго соединились завоевание, революция, конфронтация и непрекращавшаяся массовая борьба [van der Laarse, 2000].

Таким образом, история Нидерландов противоречит широко распространенным представлениям о том, что основу для национальной демократии создают прочные демократические институты на местах. Как убедительно доказал Маартен Прак, лишь очень немногие элементы конституционного аппарата, характерного для олигархического правления в голландских городах, были перенесены в демократические формы XIX века [Prak, 1999] (см. также [Cerutti et al., 1995]). Вместо этого рост дееспособности правительства и развитие моделей политической организации, принесенных в 90-х годах XVIII века французскими завоевателями, привели к возникновению новой политической динамики. Создав Королевство Нидерландов, победоносные союзники установили ограниченную конституционную демократию отчетливо западноевропейского типа там, где до Французской революции процветали Соединенные провин-

ции, Австрийские Нидерланды и другие отколовшиеся государственные образования. В данном случае завоевание открывало путь к дальнейшей демократизации через конфронтацию и (как это было в Бельгии) через революцию.

Борьба на Иберийском полуострове

История Иберийского полуострова развивалась по другому сценарию. Вообще политическая история этого региона обнаруживает сходство с общеевропейскими траекториями изменений режимов по линии интенсивного принуждения. Впрочем, страны Иберийского полуострова отличались от таких стран с интенсивным принуждением, как Россия или Польша, в двух решающих отношениях: во-первых, в иберийских странах существовали резкие различия и напряженность между прибрежными районами с обширными международными связями и внутренними районами, где господствовало помещичье сельское хозяйство; во-вторых, воинственный сосед иберийских стран — Франция неоднократно и с успехом вмешивалась в дела полуострова. Сочетание этих двух обстоятельств привело к тому, что в иберийских странах защищенность консультаций фактически распространялась лишь на дворян, священников и города, которым королем было пожаловано самоуправление. Взаимодействие тех же обстоятельств обусловило широкую амплитуду колебаний дееспособности правительства. Если изменения иберийских режимов с 1650 по 1850 г. приближаются скорее к траектории развития «сильного государства», нежели к траектории «слабого государства», схема развития иберийских режимов демонстрирует еще больше разнонаправленных движений и зигзагов, чем схемы развития режимов во Франции, Британии или в Нидерландах.

С 1640 по 1659 г. испанские (т. е. кастильские и арагонские) войска подавляли мятеж безуспешно пытавшейся отделиться от

Испании Каталонии. Восставшим каталонцам оказывали поддержку французы, что привело к потере Арагоном Руссильона, который отошел к Франции. Кроме того, с 1640 по 1668 г. испанские войска воевали с мятежной Португалией, сумевшей добиться независимости. К 1650 г. у Иберийского полуострова была многовековая история завоеваний — сначала изгнания мусульманских правителей, затем колонизации Америки, Африки и Азии. В результате возникло поразительное сочетание:

- фрагментированный, но значительный потенциал принуждения, характеризующийся срастанием военной организации с институтами обеспечения общественного порядка;
- резкое размежевание между торгово-имперскими прибрежными районами и внутренними районами, в которых господствовала склонная к сутяжничеству знать, получавшая доход с аренды и овечьей шерсти;
- в этих внутренних районах Мадрид, сначала столица Кастилии, а затем всей Испании, поначалу был городом с командной экономикой, но затем превратился в главный центр потребления, опосредованного рынком;
- на полуострове существовали два режима, дееспособность которых была ограничена привилегиями городов, родовой знати и гильдий; финансирование этих режимов в значительной степени зависело от международных банкиров, дававших займы под залог огромных, но подверженных резким колебаниям доходов от эксплуатации колоний;
- непрекращающееся военное давление со стороны соседней Франции, сопровождавшееся рядом войн в XVIII веке, в которых Испания была союзницей Франции и/или противником Англии.

Еще в XVIII веке то, что стало Испанией, было центром дуалистической Габсбургской империи с владениями как в Европе, так и за ее пределами по всему миру. Португалия, напротив,

черпала свою международную мощь главным образом в Бразилии и отдаленных торговых сетях в Африке, Азии и Латинской Америке. Португалия, страна с меньшим населением, вела колонизацию гораздо менее агрессивно, чем Испания. За исключением отдельных крестьянских общин, до XIX века на Иберийском полуострове не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало демократию.

Если говорить о режимах, то в период с 1650 по 1850 г. было два переломных момента: война за испанское наследство (1701–1714 гг.) и борьба с участием нескольких сторон (1793–1814 гг.), начавшаяся войной с Францией и завершившаяся ослаблением испанского государства и расколом испанской империи в Латинской Америке. Упрочение на испанском престоле Бурбонов в 1714 г. ознаменовало переход к более централизованным формам прямого правления, резко ограничившим автономию провинций и власть привилегированных посредников. Король Филипп V Бурбон помимо прочего создал постоянную армию, набранную из уроженцев страны, и централизовал управление государственными финансами.

Бедствия, вызванные Французской революцией и наполеоновским вторжением, в конце концов привели к еще большей централизации и к повышению дееспособности государства, но у этих сдвигов была одна крайне важная особенность — значительная политическая автономность вооруженных сил и военачальников. Глория Мартинес Дорадо утверждает, что

в 1808 г. в государстве произошел раскол: кризис государства, за которым последовал открытый конфликт между правителями и элитами, с одной стороны, и группами непривилегированного населения — с другой, завершившийся новой фазой реконструкции государства через переговоры между правителями и основными секторами общества [Martinez Dorado, 1993, 108].

Однако по сравнению с остальной Западной Европой того времени тот сектор общества, который составляли военные,

играл исключительно важную и независимую роль в новом урегулировании.

Проследивая историю борьбы в иберийских странах с 1650 по 1850 г., мы особо подчеркиваем период войн, последовавших за Французской революцией, и наполеоновских войн. До 1793 г. полуостров пережил множество восстаний и межгосударственных войн, прежде всего с Францией, Британией и Голландской республикой, соперницами Испании и Португалии в борьбе за торговлю и колонии. На местном и региональном уровнях для Иберийского полуострова также были характерны конфликты за продовольствие и землю, отчаянные схватки между бандитами и жертвами их нападений, организованное сопротивление чиновникам-взяточникам, мародерствующим солдатам и алчным землевладельцам.

После 1793 г. наступил период войны, оккупации и глубокой политической реорганизации, происходившей под влиянием Франции. В результате этих событий правители Португалии оказались в изгнании в Бразилии, испанские колонии в Южной Америке стряхнули с себя имперское ярмо, а многочисленные военные группировки на самом Иберийском полуострове получили возможность для притязаний на политическую власть. Изнемогая под бременем военных долгов, Испания в 1798 г. начала распродавать принадлежавшие религиозным орденам, городским корпорациям и знати земли, отчуждение которых ранее было ограничено; в течение следующего десятилетия 15% всей церковной собственности в Кастилии и 3% всей земельной собственности перешли к другим хозяевам [Herr, 1989, 129–136]; режимы XIX века почти полностью ликвидировали церковную собственность. В испанской глубинке это расширение частной собственности взаимодействовало с решающим переходом от разведения овец к выращиванию пшеницы, которое и стало преобладающей формой сельскохозяйственной деятельности [Ringrose, 1996, 282–285].

С 1807 г. по XX век в Испании и Португалии произошло ошеломляющее количество народных восстаний, гражданских войн, военных переворотов и неудачных попыток установления конституционных режимов, причем все эти явления были усугублены усиливающимся вовлечением в политическую борьбу организованных сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Революционные режимы 30-х годов XIX века лишили испанскую католическую церковь большей части ее гражданских полномочий, земель и рент, превратив ее в очень ослабленного субъекта политики. И Испания, и Португалия по-своему участвовали в характерных для XIX века политических движениях: либерализме, социализме, анархизме и клерикальном или роялистском консерватизме. Например, в мае 1848 г. квалифицированные рабочие, поддерживавшие прогрессивного полковника Гандара, воздвигли баррикады на мадридской площади Санта-Ана и призвали к революции. Они потерпели поражение. Но тогда ни один апеллирующий к народу режим на Иберийском полуострове XIX века не задерживался у власти надолго.

Наиболее крупные конфликты, разыгравшиеся на Иберийском полуострове и обобщенные как революционные ситуации периода 1650–1850 гг., следовали бурному графику, приведенному в таблице 3.1. Отсутствие подробных каталогов конфликтов на Иберийском полуострове, которые для Нидерландов были составлены Деккером, ван Хонакер и Денекере, скрывает от глаза историка тонкое сплетение мелкомасштабных событий, связанных с борьбой. Отметим, например, захватывающее описание Хуаном Диасом дель Моралем событий 6 мая 1652 г. в Кордове.

Безутешно оплакивая своего только что умершего от голода сына, показывая всем его труп и дикими криками требуя справедливости, бедная женщина-галисийка прошла через квартал Сан-Лоренсо. Вспыхнул мощный мятеж. Охваченные буйным негодованием местные жительницы высмеивали трусость своих мужчин и побуждали их выступить против несправедливо-

Таблица 3.1. Революционные ситуации на Иберийском полуострове, 1650–1850 гг.

1640–1659	Восстание в Каталонии
1647–1652	<i>Городские волнения</i> в Андалусии: народные восстания против налогов, высоких цен на продовольствие и власть олигархии в Кордове, Севилье и других городах
1649–1668	Восстания в Португалии
1667	Педру, брат короля Альфонсу, захватывает власть и провозглашает себя регентом Португалии
1688–1689	<i>Барретинес</i> в Каталонии. Сельский люд захватывает Матаро и несколько других городов и идет на Барселону, протестуя против постоя солдат и возросших из-за войны налогов
1693	Вторая «Германия» в Валенсии (первая произошла в 1519–1522 гг.). В ходе широко развернувшегося в этой области легального сопротивления захвату крестьянской земли помещиками 2000 крестьян образовали «Армию побратимов», которая захватила земли герцога Гандиа
1701–1714	Война за испанское наследство, в том числе вторжение в Испанию и Португалию; гражданская война, закончившаяся потерей Испанских Нидерландов, отошедших под власть австрийских Габсбургов; поглощение Каталонии и Валенсии кастильским режимом
1758	Так называемый заговор Tavoras в Португалии и сопротивление аристократии центральной власти, подавленное Помбалем
1793–1814	Затухающая и возобновляющаяся война с Францией: французское вторжение, контрвторжения англичан, партизанская война, расчленение империи и восстания в Латинской Америке
1801	«Апельсиновая» война Португалии с Испанией
1807	Французское вторжение в Португалию, бегство королевской семьи в Бразилию
1808	Восстание против Годоя (в Аранхуэсе), народное восстание в Испании, отречение короля Карлоса IV в пользу Фердинанда VII, вынужденное отречение Фердинанда в пользу Жозефа Бонапарта, британское вторжение в Португалию, начало продолжавшейся до 1813 г. войны, которая одновременно была и гражданской, и войной с внешним врагом

Таблица 3.1 (окончание)

1820	Мятеж испанских войск под командованием полковника Рафаэля Риго, в 1823 г. переросший в революцию, которая была подавлена французскими интервентами
1820	Начавшаяся в Порту победоносная революция в Португалии
1822–1823	Роялистский мятеж в Испании
1823–1824	Гражданская война в Португалии
1827	В Португалии высаживаются британские войска, оказавшие помощь конституционалистам
1827	Восстание «недовольных» в Испании
1828	Дон Мигель осуществляет государственный переворот в Португалии, после чего начинается гражданская война, продолжавшаяся до 1834 г., происходит ликвидация монастырей и широкая распродажа земель короны
1833–1839	Карлистская война в Испании
1834–1853	Частые восстания в Португалии
1836	Прогрессистские восстания в Андалусии, Арагоне, Каталонии и Кастилии, завершившиеся принятием испанской конституции 1837 г.
1840	Восстание генерала Балдомеро Эспартеро, который захватил власть в Испании
1841	Неудачный заговор в пользу королевы Кристины Испанской
1842	Восстание в Барселоне, временное провозглашение республики, ликвидированной Эспартеро
1843	Коалиция свергает Эспартеро; Нарваес — президент Испании до 1851 г.
1846–1850	Гражданские войны в Португалии

сти и беззакония. Мужчины, вооружившись ножами, пиками, алебардами и топорами, толпой пошли к дому коррехидора (который, узнав о восстании, бежал в монастырь Троицы), взломали двери, разграбили дом и уничтожили все, что в нем было. Разраставшиеся отряды повстанцев, и среди них женщины, с которых все началось, заполонили улицы. Они выкрикивали оскорбления и жалобы в адрес знати, чиновников, приходских священников и даже в адрес епископа дона Пед-

ро де Тапиа, нападали на дома и зернохранилища, захватили запасы пшеницы, хранившиеся в церкви Сан-Лоренсо и разграбленных ими домах [Diaz del Moral, 1984, 68–69].

Ричард Херр, описывая события, происходившие в Мадриде в течение полутора веков, акцентирует важные элементы преемственности в действиях городских толп в Испании.

В пятницу вечером, 18 марта 1808 г., до Мадрида дошли известия о мятеже в Аранхуэсе, а к концу субботы — об обнаружении и аресте Мануэля Годоя, которого многие испанцы считали причиной бедствий страны. Население уже было возбуждено новостями о приближении к столице французских войск, оккупировавших города на севере страны. Предполагали, что французы наступали для того, чтобы защитить Испанию от британского вторжения. Новости из Аранхуэса собрали толпу у дворца Годоя (ныне в этом здании на Пласа-де-Сибелес находится военное министерство). Люди ворвались во дворец и разграбили его, бросая в огромный костер бумаги Годоя, принадлежавшие ему картины и драгоценную мебель. Тем вечером, когда Карлос V подписывал отречение в Аранхуэсе, толпы бушевали по всему Мадриду, грабя дома родственников Годоя, его сторонников и тех королевских чиновников, на которых народ возлагал долю ответственности за свои страдания [Herr, 1989, 712].

В обоих сообщениях встречаются знакомые элементы: уличные сборища, разграбление домов людей, поправших моральные нормы, выражение народной поддержки или противодействия политическим программам посредством согласованных прямых действий. Очевидно, что жители Кордовы и Мадрида использовали собственные варианты из арсенала недемократических методов борьбы, который господствовал в Западной Европе на протяжении XVIII века и долгое время сохранялся в XIX веке.

Из четырех выделенных в главе 2 категорий недемократических политических методов — петиции и пародии, акты ло-

кального мщения, распри и сопротивление, массовые восстания — имеющиеся в нашем распоряжении источники определенно преуменьшают распространенность актов локальной местности, а также распрей и сопротивления. Впрочем, даже очень выборочный перечень революционных ситуаций указывает на некоторые отличия между подвергшимися коммерциализации, имевшими прочные внутренние связи, противящимися насилию Нидерландами и проникнутыми насилием Испанией и Португалией. В целом иберийские режимы ближе подошли к пути «сильного государства» от мелкой тирании к зоне гражданства, но здесь следует сделать важные оговорки: 1) способность правительств оказывать влияние на ход событий очень сильно изменялась от региона к региону, так что правительства более надежно контролировали, например, окрестности Мадрида и Лиссабона, чем Пиренеи или отдаленные от столиц центры торговли вроде Барселоны или Порту; 2) изменения доходов от колоний и заморской торговли существенно сказывались на дееспособности правительств; 3) войны с Францией неоднократно изменяли направление трансформации режимов на Иберийском полуострове.

В каталогах революционных ситуаций также не находят отражения получившие распространение в период с 1798 по 1844 г. нападения ремесленников на механизированные предприятия, не говоря уже о стачках и демонстрациях городских рабочих Каталонии [Perez Ledesma, 1990, 180–181]. Наконец, в течение XIX века способность испанских и португальских сельскохозяйственных рабочих организовывать, воплощать в жизнь и поддерживать различные программы политической децентрализации отличала их от сельских пролетариев во Франции, Британии или Нидерландах, но роднила с итальянскими *braccianti* (батраками).

В целом формы борьбы на Иберийском полуострове изменялись в соответствии с ожиданиями, сформулированными в проведенном ранее анализе взаимосвязи изменений режимов

и политической борьбы. В большей мере, чем Нидерланды, страны Иберийского полуострова демонстрируют главные характеристики народной борьбы при дееспособности режимов в диапазоне от низкой до средней. Как правило, такие режимы предписывают широкий круг политических акций (например, королевские процессии и ритуальные казни), но мирятся с очень немногими не разрешенными ими действиями. Впрочем, народная борьба в значительной мере развертывалась за пределами контролируемого правительствами пространства. Иберийские режимы эффективно контролировали повседневное поведение масс только в периоды существенного усиления дееспособности правительств.

Например, с 1650 по 1850 г. иберийские режимы в общем оказывались неспособны вмешиваться в локальные политические столкновения или в скрытые проявления политических предпочтений во время публичных церемоний до тех пор, пока акции и требования оставались в определенных рамках. Это оставляло широкий простор для фактически возможных, но юридически запрещенных взаимодействий в процессе выдвижения требований (например, для сборищ инакомыслящих, ассоциаций заговорщиков и нападений на коррумпированных должностных лиц), контролировать которые власть могла лишь от случая к случаю. Даже либеральные режимы в Испании начала XIX века в общем пытались установить широкие ограничения на народные собрания и публичные выступления, часто объявляя чрезвычайное положение для приостановки действия тех немногих гарантий вербального выражения протеста, которые содержались в их конституциях [Ballbé, 1983, 37–86].

При таких режимах политика народного протеста редко укладывается в предписанные правительствами формы политического участия вроде придворных ассамблей и военных маневров. Отчасти борьба происходила в узкой зоне терпимых властью действий, однако в основном требования выдвигались в сфере юридически запретного. В узких рамках терпимых дей-

ствий у простых людей был выбор между петициями и судебными тяжбами, но их требования редко доходили до высшей власти без поддержки или прямого участия нотаблей — культурных или политических посредников. Только начиная с 40-х годов XIX века неровное, часто обращавшееся вспять движение Испании и Португалии к защищенности консультаций стало способствовать прямому общению между национальной властью и группами простых людей посредством ассоциаций, демонстраций, массовых митингов, стачек и сходных действий, взятых из более современных западноевропейских арсеналов. Но даже тогда посредничество «сверху вниз» на Иберийском полуострове вплоть до XX века имело большее значение, чем где бы то ни было в Западной Европе.

За гранью политически допустимых действий борьба обычно принимала форму пародий и диверсий, как это происходило во время масленицы, когда праздничная толпа в масках высмеивала высокопоставленных лиц, а театральная публика поощряла политически двусмысленные реплики актеров. Большая часть конфликтных взаимодействий включала в себя обычные механизмы коллективной локальной мести (например, разграбление домов и захваты вздорожавшего зерна). Власти, как правило, формально запрещали такие акции и подавляли их тогда, когда они угрожали общественному порядку, государственным чиновникам или местным высокопоставленным лицам, но пока ситуация не достигала такой остроты, власти ограничивались наблюдением, активно не вмешиваясь в события. Такие формы борьбы зачастую копировали существовавшие юридические процедуры — не только сожжение чучел, но и официальные конфискации запасов зерна, унижительные наказания и торжественные осуждения преступников.

Вендетты, побоища между молодежью из разных селений и сходные проявления борьбы с применением насилия и участием признанных субъектов общественно-политической жизни, яростное сопротивление правительственным агентам вроде

сборщиков налогов и вербовщиков в целом подпадали под запрет властей и дискредитировали правительственных агентов, проявлявших неспособность сдержать перерастание таких вспышек насилия в угрозу для королевской власти. Впрочем, диссидентствующие власти порой молчаливо поощряли такие формы борьбы или проявляли к ним терпимость. В характерных для иберийских стран многоуровневых системах управления местные власти неоднократно именно таким образом входили в тайные сговоры с участниками народных выступлений.

Как ясно покажет рассмотрение многочисленных революционных ситуаций в иберийских странах, сами массовые восстания иногда начинались как чисто народное сопротивление власти правительства, но никогда не обретали размаха без посредников, т. е. без вовлечения недовольных представителей элит или союзников извне. Власти всегда старались подавить массовые восстания, но обычно сдерживали их путем переговоров (или имитации переговоров) с лидерами повстанцев. Хотя очень немногие массовые восстания привели к революционным результатам (скажем, к существенному перераспределению власти в правительстве и, следовательно, к важным изменениям в структурах политической жизни), революционные ситуации (расколы в политических структурах, при которых каждый сегмент или каждая коалиция устанавливали свой контроль над значительными ресурсами правления) всегда были результатами массовых восстаний.

Революционные ситуации, неоднократно возникавшие на Иберийском полуострове между 1650 и 1850 гг., сильно зависели от посреднической деятельности недовольных представителей элит или союзников извне. Начиная с вторжения французских революционных войск эти ситуации обнаруживают усиливающуюся зависимость от военных лидеров. В первой половине XIX века прогрессивно настроенные офицеры и лидеры роялистов иногда получали народную поддержку, как это произошло во время направленной на введение конституции рево-

люции 1820–1823 гг. или во время роялистского мятежа 1822–1823 гг. и карлистских войн 1833–1839 гг. Но эти движения развивались преимущественно сверху вниз. Хотя более ранняя история иберийских стран дала немалое количество восстаний, инициированных снизу (примерами могут служить «Германии» 1519 и 1693 гг., городские восстания в Андалусии 1647–1652 гг. и барретинес в Каталонии 1688–1689 гг.), начатые народом мобилизации в региональном и национальном масштабах в национальной политике полуострова с 1700 по 1850 г. играли незначительную роль.

Разрозненные данные об изменении средств, форм и методов борьбы на Иберийском полуострове в период с 1650 по 1850 г. указывают на соответствия между трансформациями режимов и изменениями самой фактуры политики противоборства. Эти соответствия оправданны вдвойне. Во-первых, серьезные изменения режима, происходившие в результате французского вторжения, потери американских колоний и в результате либеральных революций XIX века, вызвали важные сдвиги в преобладавших моделях борьбы. В частности, военные «пронунсиаменто» при народной поддержке после 1820 г. превратились в новую форму перехода от одного режима к другому. Во-вторых, учреждение в иберийских странах XIX века конституционных режимов в своеобразной, слабо выраженной форме способствовало возникновению ассоциаций, проведению публичных митингов и демонстраций и превращению этих форм борьбы в инструменты выдвижения народных требований [Gonzalez, 1998, 535–551; 1999, 635–645].

Сравнение иберийских стран с Нидерландами

Какие различия в формах, методах и средствах борьбы, применявшихся в иберийских странах и в Нидерландах, характер-

ны для периода 1650–1850 гг.? Прежде всего, различны имевшие место в этих регионах конфигурации средств принуждения, капитала и обязательств, составлявших среду существования режимов. Эти различия обуславливали типы режимов, которые становились господствующими в регионах и, соответственно, определяли фактуру политической борьбы в рамках этих режимов. На Иберийском полуострове только в Каталонии с ее развитым капиталом и обязательствами сложились режимы и народная политика, отдаленно напоминающие нидерландские. Во-вторых, революционные ситуации возникали на Иберийском полуострове гораздо чаще, особенно в периоды войн и смены режимов. В-третьих, несмотря на неоднократные попытки Оранского дома установить наследственную власть и несмотря на бельгийское восстание 1830–1833 гг., династическая борьба за верховную власть в рамках политической борьбы 1650–1850 гг. на Иберийском полуострове играла более важную роль, чем в Соединенных провинциях или Южных Нидерландах. В-четвертых, начиная с французских завоеваний 1793–1814 гг. и сопротивления французским оккупантам вооруженные силы на Иберийском полуострове становятся гораздо более автономными, чем в Нидерландах. Более того, иберийские генералы неоднократно вступали в союз не с реакционерами-землеладельцами, а с буржуазными реформаторами. Наконец, на Иберийском полуострове сельский люд (составлявший большинство населения Испании и Португалии) чаще с оружием в руках выступал против землевладельцев и государственной власти, чем в Нидерландах.

Хронологии революционных ситуаций не отражают того факта, что для Нидерландов с их нерегулируемой экономикой характерна большая (по сравнению с иберийскими странами, где рынки были объектами жесткого регулирования) частота вспышек протеста против недоступности продовольствия. Хотя рост цен на продовольствие временами вызывал местные бунты вроде тех, что произошли в Кордове и Севилье в мае 1652 г.

или в Барселоне в феврале—марте 1789 г., Испания лишь однажды, в 1766 г., пережила нечто похожее на долгую череду вспыхивавших на местах актов насилия по отношению к пекарям, мельникам, зерноторговцам и местным властям, которые часто происходили в Нидерландах, Франции и Англии в периоды, когда дерегулирование рынков совпадало со стремительным ростом цен [Perez Ledesma, 1990, 125–126; Ringrose, 1996, 318]. Впрочем, такие проявления протеста получили большее распространение в переживавшей либерализацию Испании XIX века и достигли максимального размаха в Каталонии (1835 г.) и Андалусии (1847 г.). И снова сравнение регионов свидетельствует о взаимозависимости между организацией режимов, с одной стороны, и формами народной борьбы — с другой.

В более узком смысле мои доводы предполагают существование следующих отношений.

1. Там, где дееспособность правительств возрастала, а) агенты правительства становились все более заметными как объекты и участники борьбы; б) усугублялось размежевание между предписанными и терпимыми формами борьбы, с одной стороны, и запрещенными формами — с другой; в) сделки по вопросам ресурсов между правительственными агентами и главными сегментами подчиненного населения порождали категориальные права и обязательства; г) арсеналы методов борьбы стандартизируются, становясь все более сложносоставными и широкомасштабными; д) отвлеченные сущности приобретают все большую важность как основы выдвижения конфликтных требований.
2. По мере усиления защищенности консультаций а) союзы между носителями власти и мобилизованными, но отлученными от политики претендентами на политическое влияние возникали все чаще; б) открытые конфликты все сильнее концентрировались на периферии допус-

тимых и предписанных форм политического участия; в) сдвиги в составе правящих коалиций вызывали незамедлительную реакцию; г) средняя интенсивность выдвижения требований возрастала.

3. Серьезные вспышки борьбы совпадают как причина и следствие с трансформациями режимов, которые значительно изменяют свое положение в пространстве «дееспособность—консультации».

Хотя данных о борьбе, разворачивавшейся вдали от правительств в Нидерландах и (особенно) на Иберийском полуострове, недостаточно для построения обоснованных гипотез, наши теории, по-видимому, получают практическое подтверждение. Между 1650 и 1850 гг. дееспособность правительства сильно окрепла в Нидерландах и возросла, но была менее устойчивой на Иберийском полуострове. Агенты правительства в режимах Нидерландов и иберийских стран стали играть более важную роль как объекты, к которым предъявляли требования; правительства стремились сузить спектр политически приемлемых способов выдвижения требований по мере того как круг приемлемых политических субъектов расширялся. Предстоит увидеть, действительно ли переговоры о ресурсах породили категориально определенные права и обязательства, но такие права и обязательства все-таки приблизились к гражданству на Иберийском полуострове и в особенности в Нидерландах. Арсенал демократических методов действий (собраний, маршей, объединений, петиций и забастовок) распространился повсеместно, особенно в Нидерландах. Действительно, такие отвлеченные сущности, как «рабочий» и «социалист», возобладали в качестве основы выдвижения требований.

Сходным образом, на национальном уровне с 1650 по 1850 г. в Нидерландах произошло значительное расширение защищенных консультаций. Что же касается иберийских стран, история

ширениями и свертываниями защищенности консультаций. Впрочем, в обоих регионах в периоды расширения защищенности консультаций участилось образование союзов между носителями власти и мобилизованными, но отлученными от политики претендентами (например, между буржуазией и организованными рабочими), а открытые столкновения стали все более концентрироваться на периферии предписанных и терпимых политических форм (например, разграбление домов, которое некогда занимало центральное место в народном мщении, исчезло, а народные восстания стали гораздо более редкими), тогда как изменения в составе правящих коалиций вызывали мгновенный отклик со стороны других субъектов политики (например, мобилизация масс все теснее была связана с изменениями в национальных правительствах).

Наконец, заметные вспышки борьбы, выходившей далеко за пределы конфликтов из-за центрального контроля, совпадали, как и ожидалось, с крупными трансформациями режимов, вроде французских завоеваний Нидерландов и Иберийского полуострова или создания независимой Бельгии. Более того, причинно-следственные связи действовали, по-видимому, в обоих направлениях и были порождены такими конфликтами, как попытки оранжистов прийти к власти в Голландской республике в период 1747–1750 гг., и народными восстаниями, которые с 1808 г. приводили к гражданским войнам и сменам режимов в Испании. Таким образом, эта линия исследований по-прежнему представляется многообещающей.

Сравнение Нидерландов с иберийскими странами также привлекает внимание к комплексу связей, которых я лишь коснулся ранее. Способы развития военных организаций определенно сказывались на характере политической борьбы и на перспективах демократии в обоих регионах. Городские ополчения играли решающую роль в голландской политике вплоть до 90-х годов XVIII века, а затем, когда голландское и бельгийское правительства создали национальные вооруженные силы, под-

чиненные гражданскому бюрократическому контролю, фактически исчезли с политической арены. На Иберийском полуострове власть военных издавна переплелась с гражданской властью. Но профессиональные военные играли гораздо более заметную и важную роль в национальной политике и дольше сохраняли свою политическую автономию. Осуществление полицейских функций по обеспечению того, что власти называли «общественным порядком», на Иберийском полуострове очень долго оставалось обязанностью военных. Разумеется, политическая автономия военных и их участие в поддержании порядка в периоды политической борьбы заслуживают внимания в контексте более широкого сравнения путей к демократии.

Позвольте мне не претендовать на слишком многое. Данные по Нидерландам и иберийским странам все же не вполне подтверждают тезис о причинно-следственной взаимозависимости между изменениями режимов и изменениями в характере политической борьбы. Более того, мы рискуем впасть в тавтологию, поместив характеристики режимов в обе части уравнения. Историки, которые не видят в повседневной народной борьбе никакого политического содержания, будут, вероятно, удивляться, что в режимах, построенных на опыте городских торговых олигархий, выдвижение народных требований существенно отличается от таковых в режимах, основанных на привилегиях землевладельцев и контролируемых короной колониальных доходах. Наша задача — расставить умозаключения и доказательства по местам и превратить их в головоломку, разгадка которой заслуживает усилий.

Следующий наш шаг — выявление каузальных механизмов, связывающих деятельность политических организмов с формой борьбы. Например, мы попробуем выяснить, насколько велико воздействие, которое оказывает создание эффективной полиции, отделенной от национальных вооруженных сил, на изменение дееспособности правительств. Полиция занимается отслеживанием потенциальных инициаторов выдвижения тре-

бований и регулярно ведет переговоры с организованными субъектами политики до того, как те оглашают свои требования. Затем нам следует изучить, происходили ли в других европейских странах взаимодействия между изменением режима и борьбой, сходные с теми, что способствовали демократизации в Нидерландах. Более того, нам предстоит в конце концов рассмотреть все компоненты демократизации по отдельности: расширение политического участия, равенство этого участия, консультации, имеющие обязательную силу, и защищенность.

Вероятно, у читателя возникает жуткое представление о следующих главах: сложные модели, скучная статистика, наводящие уныние хронологические таблицы... Но ваши страхи преждевременны. Оставшаяся часть книги — это преимущественно аналитическое изложение истории отдельных стран. Задача состоит в том, чтобы обнаружить широкие совпадения и связи между следующими явлениями:

1. Изменение местоположения национальных правительств в плоскости их дееспособности и консультаций.
2. Изменения средств и методов борьбы.
3. Влияние борьбы на масштабы отдельных событий и кампаний против режимов.
4. Воздействие крупных кризисов — революций, конфронтаций, завоеваний и колонизации — на режимы.
5. Сдвиги в отношениях между сетями доверия, категориальным неравенством и публичной политикой.

Мы ищем связи между этими пятью элементами, проявляющиеся в виде повторяющихся механизмов, таких как посредничество и формирование коалиций между классами. Какие механизмы способствуют демократизации или де-демократизации и при каких условиях?

В истории Нидерландов и Иберийского полуострова содержится ряд намеков, дающих представление, например, о пре-

пятствиях демократизации со стороны автономных вооруженных сил и о регулярности, с которой действительно демократизирующиеся режимы подчиняют вооруженные силы (в том числе полицию) гражданскому контролю. В поисках другой истории борьбы и демократизации (или их отсутствия) мы могли бы заняться изучением авторитарных режимов и революций в России; бурного развала Османской империи; происходившего в Швейцарии движения от фрагментированного суверенитета к гражданской войне и олигархическим вариантам демократии; построения скандинавской социал-демократии в аграрных странах, переживших позднюю индустриализацию. Каждая страна предлагает собственную историю причинно-следственных связей, свое собственное путешествие в пространстве, ограниченном изменяющимися моделями сильного и слабого государства, свою собственную комбинацию завоевания, революции, колонизации и конфронтации. Очевидно, что Британия и Франция занимают небольшое место в диапазоне пересечения режимов, политической борьбы и подходов к демократии. Мои краткие очерки истории Британии, Франции, Нидерландов и иберийских стран не исчерпывают всех траекторий политической эволюции и не рассказывают нам о том, как и почему пересекаются борьба и демократизация. Но экскурсы в историю этих стран помогают уточнить, какого рода вариации требуют объяснения.

В самом деле, какие? Даже если корреляции изменений режимов с изменениями борьбы, которые, как я утверждаю, выявлены для Нидерландов и для Иберийского полуострова, верны, вопрос о том, что именно породило эти корреляции, требует пристального рассмотрения. Едва коснувшись сдвигов в публичной политике, мы вряд ли затронули изменения категориального неравенства и сетей доверия, которые я ранее назвал решающими для демократизации. Хотя некоторые из наших историй об иберийских странах и Нидерландах подтверждают важность завоевания, конфронтации и революции в трансфор-

мации народной борьбы, они не доказывают ни того, что ускорение некоторых каузальных механизмов, благоприятствующих более постепенным мутациям защищенности консультаций, происходит в момент этих глубочайших потрясений, ни того, что дальнейшее политическое развитие — это производная от колонизации, конфронтации, революции и завоевания, способствующих формированию демократических порядков и институтов. Короче говоря, нам предстоит выполнить основную аналитическую работу. Эта работа начинается в следующей главе с рассмотрения насыщенной борьбой истории Франции после 1600 г.

4

Франция

С 1650 по 1665 г. Жан Лоре развлекал герцогиню де Лонгвиль рифмованными куплетами собственного сочинения. Куплеты эти содержали иронический комментарий к текущим событиям. Герцогиня принадлежала к семье, сыгравшей заметную роль во время Фронды принцев 1649–1652 гг. Центральным конфликтом этой фазы великой гражданской войны во Франции стало яростное противодействие знати юному Людовику XIV, его матери, королеве-регентше Анне Австрийской, и первому министру, Его Преосвященству кардиналу Мазарини. 6 августа 1650 г. Лоре преподнес герцогине такие строки:

Bordeaux tient toujours en balance	Бордо держит на весах
La fortune de l'Eminence	Судьбу Его Преосвященства.
Et le cas est encor douteux	И пока далеко не ясно,
Sçavoir qui crevera des deux.	Кто из них первым выдохнется.

«Несмотря на гражданскую войну, — саркастически продолжает Лоре, — мэр и городской совет вознамерились нанести визит королеве и королю, которые находятся сейчас в Либурне, но горожане закричали им: „Назад!“, и, едва они сделали первый шаг, пообещали: „Ей-богу, вы не пройдете!“ Так грубая толпа не дала городскому дворянству выразить свое почтение. Что за низкие подлецы!» [Loret, 1857, I, 32].

Роялистская «Gazette de France», как и следовало ожидать, рассказывает о событиях иначе. Ее номер от 14 сентября 1650 г. посвящен отчетам о попытках двенадцатилетнего Людовика XIV, окруженного врагами со всех сторон, замирить богатую и мятежную провинцию Гиень, столицей которой был Бордо. В письме от 9 августа, написанном в гиеньском городе Либурне, юный король (по подсказке матери и кардинала Мазарини) обращается к своим подданным в Бордо. Он (или, скорее, они) сетовал, что, несмотря на все усилия королевы, кучка недовольных

узурпировала власть над простым народом, используя ее где только возможно, чтобы возбудить волнения и мятежи, уничтожить свободу таких почтенных учреждений, как парламент и городской совет, и подчинить своей воле все публичное судопроизводство [Gazette, № 138, p. 1230].

Более того, жители Бордо («возбужденные и ведомые малым числом зачинщиков») открыли ворота мятежным войскам и их командирам. Они, что еще хуже, присоединились к лидерам Фронды принцев. Недовольные из Бордо фактически совершили тем самым государственную измену: они взяли на себя ответственность за переговоры лидеров Фронды с Испанией — страной, которая в то время находилась в состоянии войны с Францией.

В действительности против королевской власти в 1650 г. выступила не только «кучка недовольных». Начиная с 1648 г. парламент Бордо в союзе с судейским сословием в других местах страны предпринимал неслыханные, хотя и формально законные попытки приостановить выплату королевских налогов и увеличить автономию провинций. Парламент постоянно конфликтовал с герцогом д'Эперноном, военным губернатором провинции. Губернатор предупредил возможное объединение бордосцев с врагами короля, блокировав подступы к городу с суши и с моря; крепость Либурн, где находился сам губернатор вместе со сторонниками короля, контролировала выход к Ат-

лантике. На давление со стороны королевской власти жители Бордо ответили проведением городских ассамблей, сопротивлением взиманию чрезвычайных налогов на военные нужды, нападениями на королевские войска, увеличением отрядов городского ополчения, изгнанием гарнизона из королевской цитадели (Шато Тромпетт) и даже изредка случавшимися вылазками на королевские крепости внутри страны. В июле 1649 г. губернатор, попытавшийся вновь силой утвердить в городе королевскую власть, был изгнан вооруженными жителями Бордо вместе со своими войсками.

В течение 1650 г. положение становилось все более угрожающим. В январе по приказу королевы-регентши были арестованы недавние сторонники монархии принц Конде, его брат Конти и герцог де Лонгвиль. Партия Конде стала предпринимать попытки заключить союз с Испанией, несмотря на то что Франция и Испания еще продолжали активно вести войну. В мае принцесса Конде со своим юным сыном прибыла к воротам Бордо, удалившись от предписанного им места жительства на сотни миль и тем самым нарушив волю правительства. После серьезного обсуждения отцы города и простые жители с почестями препроводили высокородную изгнанницу и ее вооруженную свиту в город. (Изобилие подробнейших отчетов о такого рода *прибытиях* — сущая мука и в то же время истинное удовольствие для историка, работающего с источниками XVII столетия. Историки расшифровывают их с тем же жгучим интересом, с каким некогда кремлинологи изучали последовательность появления членов Политбюро на публике.) Прибытие испанского дипломата для переговоров с принцессой и ее свитой привело черту между основной массой городского населения и осторожным парламентом и довело ситуацию до того, что взбодраженная толпа сторонников Испании ворвалась во Дворец Правосудия. Королевские силы окружили Бордо, но сам город превращался в оплот мятежа.

В этих обстоятельствах отцы города вели переговоры по поводу удаления партии Конде из Бордо. В конце сентября 1650 г. состоялось очередное торжественное *прибытие* — на этот раз Анны Австрийской, Людовика XIV и его юного брата герцога Анжуйского:

Триумфальные арки, речи, пиршества, фонтаны вина — все это оживило город. Но изменилось ли что-нибудь в действительности? Отказался ли Мазарини окончательно от поддержки д'Эпернона? Будут ли снова взиматься новые налоги на вино? Действительно ли монархия отказалась от введения предложенных новых должностей в парламенте? Торжества лишь приостановили решение этих вопросов, но не могли снять их с повестки дня. Кто в Бордо хозяин положения? Король прибыл в город по реке, на пышно убранной и украшенной галере, — отнюдь не во главе армии [Ranum, 1993, 247].

Потребовалось еще три года борьбы, для того чтобы вернуть Бордо в состояние вынужденной покорности королевской воле. В 1652 г. вооруженное народное движение *Орме* (получившее название от вязов, *ортеаих*, под которыми иногда собирались и совещались его участники) захватило город и удерживало его целый год. Во имя древних свобод, попранных самовластьем, участники этого движения провозглашали свою приверженность свободе, братству и, до некоторой степени, равенству. Орме выступало за право всех горожан-мужчин сообща устанавливать законы. К несчастью, это движение также связало свою судьбу с Фрондой и даже призывало на помощь — впрочем, тщетно — кромвелевскую Англию.

Был ли революционный подъем бордосцев преждевременным проявлением демократических чаяний? Орме, заключает историк этого движения Сол Вестрич,

было движением ремесленников, лавочников, мелких чиновников, мелких торговцев, искавших защиты от патрицианского правосудия, от неопределенности, которую нес товарный

капитализм, и от постоянно усиливавшегося бремени королевских налогов. В качестве решения предлагался возврат к партикуляризму прежних времен: корпоративный контроль в социальной и экономической сферах, а в области национальной политики — возврат к муниципальному суверенитету. В своем желании освободить общество от олигархического контроля Орме расходилось с парламентом, тем не менее это движение было едино со своим соперником в противостоянии силам, которые мало-помалу начинали определять ход и направление французской истории. Несомненно, что именно это было главной причиной неудачи Орме, равно как и неудачи парламента. Будущее останется за централизованным государством, а не за городами; за свободной торговлей, а не диктатом гильдий; индивидуальной свободой, а не вольностям общин [Westrich, 1972, 59].

Несмотря на то что программа Орме была в известной степени обращена в прошлое, осуществление ее принципиальных положений могло бы, тем не менее, значительно приблизить Гиень, или хотя бы Бордо, к демократии — к сравнительно широким и равноправным отношениям между агентами правительственной власти и признанными субъектами политики; к обязывающим консультациям с подданными по вопросам состава и ресурсов правительства; к защите от произвольных действий властей. Реализация программы Орме могла бы приблизить провинцию к этому состоянию «защищенности консультаций», однако в таком случае государство было бы исторически обречено оставаться слабым, — подконтрольная ему сфера жизни, равно как и его дееспособность оставались бы весьма незначительными. Обратим внимание на то, какую существенную роль играло народное ополчение; в Европе при «старом порядке» это участие народных ополчений — прямо-таки непременная черта движений, выступавших против централизации. В Европе XVII века сознательная децентрализация была, как говорит Вестрич, верным средством сделаться объектом постоянных завоеваний.

Напротив, правители Франции, которые стояли у власти в период, последовавший за Фрондой, благодаря *защищенности консультаций* построили способное к завоеваниям государство. После 1653 г., когда Фронда формально закончилась, Людовик XIV и Мазарини до конца 50-х годов XVII века были заняты завоеванием мятежных провинций, восстановлением финансового контроля и воссозданием национальных вооруженных сил [Lynn, 1997]. Окончание войны с Испанией (1659 г.) ослабило давление на государственные финансы, хотя Франция и в дальнейшем неоднократно вступала в новые войны или инспирировала их: на суше — во Фландрии и Голландии, на Балканах, в Италии, в Средиземноморье, на Британских островах, в Северной Америке, на море — с Англией, Испанией и Голландией.

Со смертью Мазарини, с началом самостоятельного правления Людовика XIV и с возвышением Жана-Батиста Кольбера в 1661 г. режим наращивает свою военную и административную мощь. Людовик XIV, как и его предшественники, возобновил давление на протестантов, пользовавшихся правом автономии. Он отменил в 1685 г. Нантский эдикт и преследовал силой оружия непокорных протестантов до конца своего правления. Крупные феодальные властители в провинциях также потеряли свою автономию; знать и духовенство становились все более обязаны короне своим влиянием, и союз возмущенных простолюдинов с оппозиционными сеньорами, угрожавший властителям Франции на протяжении столетий, начал распадаться. Людовик XIV существенно повысил дееспособность государства, сделав это за счет *защищенности консультации*.

В моей книге «The Contentious French» («Борьба: французский путь») (1986) более или менее подробно прослежены эпизоды внутривластной борьбы во Франции с начала XVII века по 60-е годы XX века. Нет необходимости пересказывать ее здесь. В настоящей главе лишь перечислены основные кризисы и подводится черта под изменениями, которые претерпел ре-

жим во Франции. При этом особое внимание обращено на то, какое воздействие на особенности будущей французской демократии оказала революция 1789–1799 гг. Эта глава показывает, что французская государственность вновь и вновь движется по определенной траектории: переход к авторитарному правлению формирует народное противостояние авторитаризму. Угроза революции постоянно нависает над Францией, особенно до XX века.

Таблица 4.1 представляет собой перечень основных революционных ситуаций во Франции с 1650 по 2000 г. Так же, как и в разделе, посвященном истории Нидерландов (Фландрии и Голландии) и стран Иберийского полуострова, в данном случае учтены ситуации, удовлетворяющие следующим критериям: имеются по крайней мере две конкурирующие политические группировки; притязания на власть лидеров этих группировок являются взаимоисключающими (компромисс невозможен); каждая из этих групп в течение как минимум месяца контролирует значительную часть территории государства-метрополии и/или центральную правительственную власть. Таким образом, из списка революционных ситуаций исключаются многочисленные городские восстания, продолжавшиеся менее месяца, равно как и множество серьезных конфликтов в заморских владениях Франции, а также столкновения колоний с метрополией. Несмотря на столь высокий порог для включения в список, в истории Франции (если судить по пятидесятилетним периодам) обнаруживается немало революционных ситуаций.

Годы, когда имели место революционные ситуации	Число революционных ситуаций
1650–1699	22
1700–1749	5
1750–1799	11
1800–1849	3
1850–1899	3
1900–1949	2
1950–1999	0

В XVII веке Франция переживала серьезную революционную ситуацию почти раз в два года. Со времени консолидации власти при Людовике XIV революционные ситуации и насильственные захваты власти становятся менее частыми. Даже великие потрясения последнего десятилетия XVIII века не обратили эту долгосрочную тенденцию вспять. Более того, период с 1950 по 1999 г. был первым начиная с 1650 г. пятидесятилетием (точнее, первым пятидесятилетием во всей истории страны), в течение которого Франция не испытала ни одного серьезного революционного потрясения. Во второй половине XX века центр тяжести революционных ситуаций переместился из метрополии в колонии, такие как Алжир и Вьетнам.

Говоря о взаимодействии трех важнейших факторов, определяющих национальную историю, сплачивающих общество обязательств, принуждения и капитала, следует заметить, что Франция по сравнению с другими государствами Европы в 1600 г. занимала промежуточную позицию. Хотя обязательства и различались в зависимости от региона, диалекта или конфессии, но, если сопоставлять с другими частями Европы, столетия общей истории уже связали французский народ общими узами. Несмотря на то что государство было ослаблено религиозными войнами XVI столетия, корона по-прежнему располагала огромной и сконцентрированной массой средств принуждения — и это в стране, где у провинциальных магнатов и местных сеньоров также имелись собственные вооруженные отряды. В отличие от России и удаленных от моря частей Иберийского полуострова Франция, с ее хорошо развитой сетью торговых городов, имела весьма значительный капитал. Морское побережье страны, важнейшие реки и северо-восток в целом — все это были регионы с активной коммерческой деятельностью.

Следующие четыре века французской истории обязательства, принуждение и капитал претерпели трансформацию, которая происходила в два этапа. Первый этап, датируемый XVIII столетием, характеризовался частичным поглощением

Таблица 4.1. Революционные ситуации во Французской метрополии, 1648–2000 гг.

1648–1653	Фронда
1655–1657	Народное восстание в Гиени
1658	Восстание «башмачников» (Солонь)
1661–1662	Восстание Бенож (Гиень)
1662	Восстание «простаков» (Булонь)
1663	Восстание Одижо (Гасконь)
1663–1672	Партизанское движение «ангелочков» (Руссильон)
1675	Восстание «гербовых бумаг» и «красных колпаков», или «беретов» (Бретань)
1702–1706	Восстание камизаров в Севеннах и Лангедоке
1768–1769	Корсиканское восстание
1789–1799	Многочисленные революции и контрреволюции во Франции
1815	«Сто дней»
1830	Июльская революция
1848	Французская революция
1851	Переворот Луи Наполеона и восстание
1870	Коллапс государства, оккупация и республиканские революции
1870–1871	Многочисленные коммуны
1944–1945	Движение Сопротивления и освобождение от гитлеровской оккупации

государством межличностных обязательств. Монархия, ослабляя протестантов, увеличивала в то же время власть над иерархией католической церкви; все более подчиняла капитал целям государства; сокращая автономию вооруженных сил (где она еще сохранялась), строила аппарат принуждения, полностью подчиненный центральной власти. На втором этапе (с конца XVIII столетия) наряду с продолжающимся расширением государственного принуждения происходит беспрецедентный рост капитала и, в конечном счете, дальнейшее включение межличностных обязательств в сферу деятельности государственной

власти. На этом этапе движение к демократии постоянно чередуется с возвратом к авторитаризму, но в конечном счете наблюдается уверенное движение к *защищенности консультаций*.

Множественность режимов

Колебания в развитии французских режимов в период 1600–2000 гг. можно схематизировать (см. рис. 4.1). На схеме представлена трудноуловимая, но любопытная зависимость между двумя показателями: дееспособностью и защищенностью. Она проявляется в отношениях между органами центральной власти и рядовым французским подданным, живущим в пределах национальной территории. Нижняя и верхняя части графика условно соответствуют низшему и высшему уровню дееспособности Франции за четыре столетия. Левая и правая границы графика соответствуют низшему и высшему уровням защищенности консультации за тот же период. Очевидно, что за 400 лет, истекших после 1600 г., другие европейские режимы достигали более высокого или более низкого уровня развития дееспособности и консультаций, не говоря уже об эпохах до 1600 г. Этот обзор траектории исторического движения Франции напоминает схему пути «сильного государства» к демократии (см. главу 2), но с гораздо более резкими отклонениями от идеального вектора. На рисунке 4.1 отражены:

- военно-административное расширение правительственной дееспособности (несмотря на ожесточенное сопротивление и частые спады) с 1600 г. до 40-х годов XVII века;
- сокрушительный развал дееспособности правительства, за которым последовали временные уступки в плане защищенности консультаций во время Фронды (1648–1653 гг.); корона возвращает себе власть в 1652 и 1653 гг.;

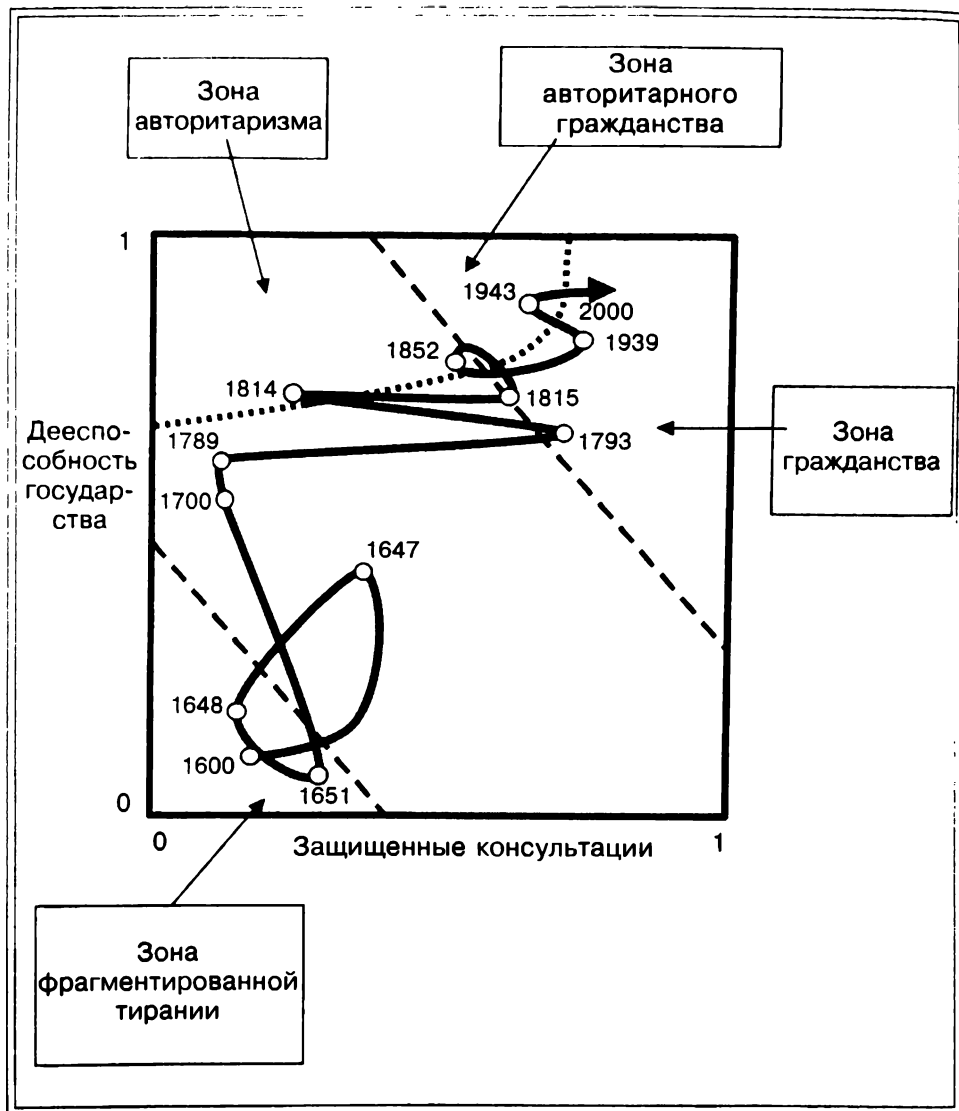

Рисунок 4.1. Колебания в развитии французских национальных режимов 1600–2000 гг.

- восстановление дееспособности центральной власти и свертывание консультаций после 1653 г.;
- радикальная демократизация в период 1789–1793 гг.;

- быстрое (хотя и с трудом завоеванное) возвращение к весьма дееспособному недемократическому режиму в период 1793–1814 гг.;
- неполное, но временное возвращение к демократии после поражения Наполеона;
- быстрые и неоднократные переходы от демократизации к де-демократизации в 1815–1860 гг.;
- 1870–1939 гг.: возрастающая и часто оспариваемая демократизация;
- 1940–1943 гг.: авторитарный режим под немецким контролем;
- возникновение высокоэффективного демократического режима: с 1944 г. по настоящее время.

Несмотря на все свои извивы, такое графическое изображение на самом деле преувеличивает единообразие и последовательность тенденций. В течение XVI столетия Франция неоднократно то впадала в состояние гражданской войны, то выходила из него, и в конце столетия, по-видимому, дееспособность правительства была не выше, чем в начале века. Следующие несколько столетий принесли реальное увеличение дееспособности правительства, но это было достигнуто ценой ненадолго прерывавшихся восстаний и неоднократного приближения к налоговому коллапсу. В течение XVII столетия Людовик XIII и Людовик XIV грубой силой добывали деньги на ведение войн и подавление политической автономии протестантов. Нараставшее давление королевской власти вызывало сопротивление в диапазоне от местных неуверенных выступлений до общенационального восстания. В регионах с большой концентрацией протестантского населения, таких как Севенны и Виварэ, Людовик XIV, например, столкнулся с кровопролитными конфликтами и мятежами в 1653, 1656, 1670, 1671, 1685, 1686 и особенно 1701–1709 гг. (подробности см. [Tilly, 1986, 146–178]).

Тем не менее французское государство в конечном счете добилось впечатляющего наращивания дееспособности. Представим себе бюджет центрального правительства за столетие, начавшегося в 1610 г. В пересчете на поденное жалование рабочего за год «на душу населения» королевские расходы существенно колебались в течение двадцатилетних периодов: от двухдневной заработной платы с души в 1610 г. до восьмидневной в 1650 г., а затем до пятидневной в 1670 г. (Поскольку понятие «с души» включает детей и престарелых, налоговое бремя на среднее хозяйство могло возрастать в три раза.) Налоговое бремя на душу населения возросло вчетверо между 1610 и 1650 гг., сократилось на треть при Фронде, а затем, после того как Людовик XIV и Кольбер взяли правление в свои руки в 70-е годы XVII века, снова возросло. Кольбер умер в 1683 г., но к тому времени он заложил эффективную национальную сеть королевского покровительства и администрации. К моменту смерти Людовика XIV в 1715 г. гипотетический средний француз ежегодно работал на национальное государство в семь раз больше, чем подданный Людовика XIII веком ранее. К 1789 г. тот же воображаемый подданный работал двадцать четыре дня в году, т. е. еще вполовину больше [Tilly, 1986, 61–63].

Таким образом, в период с 1600 г. и до революции 1789–1799 гг. французские режимы с неравномерной скоростью, но неуклонно двигались к усилению дееспособности — к более широкому контролю над личностями подданных, деятельностью и ресурсами в пределах территории государства. Однако произошло ли за тот же период расширение защищенности консультаций, остается спорным вопросом. Рисунок 4.1 отражает мое заключение: с 1653 г. защищенность консультации, по всей видимости, во Франции снижалась, тогда как дееспособность правительства явно возрастала. Французский режим становился более авторитарным. С одной стороны, корона продолжает практиковать сбор «быстрых денег» для вооруженных сил и центральной администрации, продавая или отдавая на откуп

привилегии — государственные должности, налоги, цеховые монополии и т. п. Такая практика давала силу политического вето аристократам, судам, чиновникам, откупщикам, муниципалитетам и цехам/гильдиям, что создавало серьезные преграды для дальнейшего наращивания дееспособности правительства.

С другой стороны, корона весьма преуспела в разоружении потенциальной оппозиции, наращивая свои возможности принуждения и регулируя изъятие ресурсов у подданных. Она сумела привлечь на свою сторону или разбить принцев и сеньоров, которые еще в начале XVII века контролировали автономные вооруженные силы и независимые сети покровительства. Только после того как способность короны к изъятию ресурсов была истощена долгами, коррупцией и проволочками, оппозиция элит подтолкнула режимы конца XVIII века к ряду временных и неэффективных экспериментов с консультациями и представительством. Разумеется, революция конца XVIII века установила правительственные институты, которые в конечном счете стали моделями высокоэффективной демократии для всего мира. Но 90-е годы XVIII века завершились предпринятым Наполеоном новым раундом консолидации авторитарного правления.

Изменения и преемственность в наборе выдвигаемых народом требований соответствовали изменениям в структуре национальной власти. На локальном уровне продолжали преобладать формы сопротивления, возмездия и местного контроля, базировавшиеся на укорененных, органичных сущностях:

- коллективные нападения на владельцев складов и тайников в периоды голода;
- разграбление домов чиновников или предпринимателей, которые собирали налоги, не пользовавшиеся одобрением населения;
- беспорядки во время публичных церемоний или праздников вроде масленицы: высмеивание власть имущих, оглашение

народных жалоб или нарушение порядка проведения торжеств;

- церемонии шельмования (например, шаривари) лиц, нарушавших местные трудовые, сексуальные или брачные нормы;
- массовое вторжение в огороженные общинные угодья;
- сборы, на которых рабочие, занимавшиеся одним ремеслом, противодействовали неким совместным действиям своих хозяев; они ходили от мастерской к мастерской, призывая ремесленников собраться и предъявить коллективные требования хозяевам под угрозой отказа от работы до тех пор, пока эти требования не будут удовлетворены.

Все эти выступления теперь известны как стандартные средства борьбы из арсенала, типичного для недемократических режимов старой Европы.

В период между 1650 г. и революцией конца XVIII века в арсенале средств борьбы произошли три значительных и взаимосвязанных сдвига: 1) вплоть до временного оживления в 1789 г. старый порядок чрезвычайных встреч, созыва или создания местного ополчения с выборными капитанами, по-видимому, исчез; 2) то же случилось с практикой натягивания цепей или возведения баррикад для защиты городских округов от вторжений; 3) хотя сопротивление новым налогам на местах вспыхивало быстро, склонность аристократов присоединяться к антиналоговым мятежам, руководить ими и даже подстрекать к ним снизилась до незначительной степени. Прибегнув к насилию и иным средствам, французские режимы смогли привлечь аристократию на свою сторону и подорвали у подданных способность к автономным военным акциям.

Но вот произошла революция. Финансовый кризис спровоцировал создание удивительной (пусть и нестабильной) коалиции, состоявшей из институтов старого режима, буржуазии и

крестьян. Эта коалиция была обращена против режима и быстро разрушила монархию. Сначала оппозицию возглавляли привилегированные институты (такие как парламенты), настаивавшие на широкой административной реформе (не говоря уже о защите собственных прав) как на цене, которую должна заплатить королевская власть за новые доходы. Эти выступления встретили широкую народную поддержку. Затем попытка короля избежать столкновения стала стимулом для мобилизации снизу доверху.

Созыв Людовиком XVI Генеральных штатов весной 1789 г. не только ускорил национальные дебаты об условиях правления. Для формулирования наказов собралось более 40 тыс. местных и региональных ассамблей. Примерно одна шестая ассамблей третьего сословия (т. е. не дворян и не священнослужителей) не только предъявила свои возражения и требования, но также создала корреспондентские комитеты по американской революционной модели. Таким образом, они создали прочные связи между французскими местностями и представлявшими их в Версале депутатами даже раньше, чем революционеры начали формировать свои собственные институты [Shapiro and Markoff, 2001, 99]. Так начался процесс революционного свержения власти низами.

Джон Маркофф в своем детальном анализе французской народной мобилизации между 1789 и 1793 гг. устанавливает, что

- аграрные указы 1789 г. были сосредоточены на налогах и сеньориальном режиме;
- требования 1789 г. выявили отчетливые классовые и региональные различия в их (в целом информированных и критических) взглядах на структуру власти и привилегий;
- французское сельское население с 1789 г. энергично выступало против сеньориальных прав и привилегий (гораздо активнее, чем против личностей сеньоров);

- между законами, которые принимали сменявшие друг друга национальные правительства, и аграрными требованиями (выраженными и в претензиях к властям и в прямых действиях против местных объектов) существовало активное взаимодействие;
- национальные власти следили за сельскими восстаниями, боялись их и отвечали на них антисенъориальным законодательством;
- в целом сельское население в регионах с высокой рыночной активностью и самым обременительным контролем государства более активно участвовало в революционной борьбе;
- неустойчивый, но мощный союз крестьянства и буржуазии играл важнейшую роль в руководстве начальным этапом революции [Markoff, 1996a].

Короче говоря, синтез Алексиса де Токвилля и Карла Маркса оказался ценным подспорьем для понимания революционной ситуации, ее развития и результатов в критически важный период истории Франции с 1788 по 1793 г.

Что произошло с Францией и ее системой управления в годы революции? До 1789 г. французское государство, как и почти все другие государства, на местном уровне осуществляло власть не напрямую — правительство опиралось главным образом на священников и дворян как посредников и по необходимости позволяло представителям ремесел, торговли, местных общин и других корпоративных объединений вести переговоры с представителями короля по таким вопросам, как налогообложение. После окончания войны североамериканских колоний за независимость попытки правительства собрать деньги для погашения военных долгов стимулировали формирование антиправительственной коалиции, которая изначально включала парламенты и других носителей власти, но по мере обострения конфронтации между режимом и оппозиционерами становилась все более народной по составу [Comninel, 1987; Doyle, 1989;

Egret, 1962; Freche, 1974; Stone, 1981]. Очевидная уязвимость государства ободряла любую группу, недовольную правительством, его агентами и его союзниками. Такие группы недовольных стремились выразить свои требования и примкнуть к другим субъектам, призывающим к изменениям. Сельские бунты — «великий страх», захваты зерна, восстания против налогов, нападения на землевладельцев и т. д. — весной и летом 1789 г. непропорционально часто случались в регионах с большими городами, коммерциализированным сельским хозяйством, судоходными водными путями и развитой сетью дорог [Markoff, 1996a]. Эта география отражает сложную, но всегда определяемую буржуазией расстановку сил.

В то же время те, чье социальное выживание непосредственно зависело от правительства «старого режима», — прежде всего аристократы, должностные лица и высшее духовенство — в целом связывали себя с королем [Dawson, 1972, ch. 8]. Начала складываться революционная ситуация: два противостоящих блока претендовали на власть, и оба пользовались поддержкой значительных групп населения. В условиях значительного отстранения военных от короны и формирования ополчения, посвятившего себя делу народа, оппозиция получила собственные вооруженные силы. Народный блок, связанный с представителями буржуазии и часто ими руководимый, начал обретать контроль над частями правительственного аппарата.

Так начался бурный, противоречивый, неполный, но все же беспрецедентный эксперимент прямого правления и демократизации на национальном уровне. По крайней мере временно французские революционеры изолировали публичную политику от системы неравенств, характерных для «старого порядка», расщепили одни обособленные сети доверия и интегрировали другие в публичную политику, ввели меры, способствовавшие широте, равенству, принудительности и безопасности взаимосвязей граждан и представителей правительства, по крайней мере тех, кто стоял за руководимую буржуазией революцию.

Буржуазная революция

Юристы, чиновники и другие буржуа, которые захватили правительственный аппарат в 1789–1790 гг., быстро заменили старых посредников — землевладельцев, должностных лиц сеньориальной администрации, духовенство, а иногда и муниципальную олигархию. Линн Хант утверждает: «Это был не класс сельских джентльменов английского типа, которые добились политического продвижения на национальном или региональном уровнях. Это были многие тысячи городских профессионалов, ухватившихся за возможность сделать политическую карьеру» [Hunt, 1984, 155] (см. также [Hunt, 1978; Vovelle, 1987]). На местном уровне так называемая муниципальная революция привела к широкой передаче власти врагам старых правителей. Опиравшиеся на ополчения, клубы или революционные комитеты, коалиции патриотов устанавливали связи с парижскими активистами и отстраняли старые муниципалитеты.

Даже там, где прежние носители власти сумели пережить беспорядки начала революции, отношения между каждой местностью и национальной столицей резко изменились. Сельские республики в Альпах, например, обнаружили, что их древние свободы (включая якобы добровольное согласие на налоги) разваливаются по мере того как чужаки вгоняют их в тиски новой административной машины [Rosenberg, 1988, 72–89]. Перед парижскими революционерами встала проблема управления без посредников; они поэкспериментировали с клубами, комитетами и народными ополчениями, сформировавшимися при мобилизации 1789 г., но нашли их неудобными для осуществления контроля из центра. Более или менее одновременно они перекроили карту Франции в систему департаментов, районов и коммун, высылая комиссаров с поручением продвигать революционную реорганизацию. Так революционеры ввели прямое правление.

При неравномерности пространственного размещения городов, торговли и капитала введение единообразной географической сетки изменило отношения между экономической и политической мощью городов, поместив незначительные в коммерческом отношении Ле Ман и Ниор на один административный уровень с могущественными Лионом и Бордо [Margadant, 1992; Ozouf-Marignier, 1986; Schultz, 1982]. Бернар Лепти в свое время установил «функциональную» иерархию для предреволюционного периода, сопоставляя экономическое развитие и административное положение, при этом он отдавал предпочтение административному аспекту. Поэтому в качестве приблизительного показателя относительной вовлеченности города в торговлю можно взять несоответствие между размером города и его положением по шкале Лепти. Например, город, который по численности населения классифицируется выше, чем по шкале Лепти, почти определенно вырос благодаря скорее экономической активности, нежели административному положению.

При старом режиме во Франции к городам, размер которых превышал их административный статус, относились Ним, Сен-Этьен, Рубэ и Кастр. В таких городах королевские чиновники находились в окружении тесно связанных друг с другом торговцев и других буржуа, которые легко могли избежать придирчивого контроля со стороны центра. В числе городов с более высоким административным, нежели хозяйственным, статусом были Тюль, Сен-Аман-ан-Берри, Сен-Флур и Суассон [Lepetit, 1988, 167–168]. В таких городах королевской администрации легче было осуществлять принудительные меры, инициированные центральным правительством, вопреки местным элитам.

Революция, однако, преобразила эти отношения. Революционные реформаторы выделили 86 номинально равных департаментов с административными центрами, которые независимо от размера и уровня экономического развития были поставлены на один национально-административный уровень. В более

урбанизированной северной Франции наблюдалась непропорционально высокая концентрация крупных городов, которым не удалось стать столицами департаментов. Подобная же участь постигла морские порты Атлантики и Средиземноморья [Leretit, 1988, 208]. В результате перестройки расстановка сил в региональных столицах заметно изменилась. В больших коммерческих центрах, где уже было много торговцев, юристов и профессионалов, департаментские чиновники (в любом случае происходившие из той же среды) были вынуждены вступать в политический торг с местными жителями. Там, где Национальная ассамблея нарезала департаменты из относительно некоммуercialизированных сельских регионов, власть революционных администраторов намного превосходила власть жителей новых столиц, и эти администраторы могли реально угрожать применением силы, если местные будут непокорны. Но чиновники таких регионов испытывали нехватку в буржуа-союзниках, которые повсюду помогали их собратьям осуществлять революционную деятельность. Кроме того, они сталкивались с прежними посредниками, все еще имевшими значительное число приверженцев.

В больших коммерческих центрах, таких как Марсель и Лион, политический процесс протекал совсем иначе. Федералистское движение с его протестами против якобинского централизма и требованиями региональной автономии находило поддержку в столицах департаментов, коммерческое развитие которых опережало административный ранг. Столкнувшись с этими разными по природе препятствиями прямому правлению, парижские революционеры построили три параллельные и иногда конфликтующие системы центрального контроля: 1) комитеты и ополчения; 2) географически определенная иерархия выбранных чиновников и представителей; 3) комиссары центрального правительства. Для сбора информации и получения поддержки все три системы опирались на сети юристов, профессионалов и торговцев.

Поскольку система действовала небезупречно, революционные деятели стремились упорядочить контроль и обуздать самостоятельные акции местных энтузиастов, которые часто сопротивлялись диктату центра. Военная мобилизация оказала сильное давление на систему, вызвала новую волну сопротивления и усилила стремление национальных лидеров установить упорядоченную систему власти. Начиная с 1792 г. центральная администрация (которая до того сильно напоминала королевскую) претерпела собственную революцию: ее штат непомерно разросся, а собственно иерархическая бюрократия приобрела более четкие контуры. В ходе этого процесса революционеры установили одну из первых систем прямого правления в большом государстве.

Этот сдвиг повлек за собой изменения в системах налогообложения, юстиции, общественных работ и т. д. Рассмотрим систему обеспечения правопорядка. Вне парижского региона у французского правительства при старом режиме практически не было собственной специализированной полиции. Оно посылало королевских конных приставов для преследования уклоняющихся от налогов, бродяг и нарушителей королевской воли, а порой приказывало армии подавить мятежных подданных, но в других случаях опиралось на местные и региональные власти. Революционеры изменили порядок вещей. В том, что касалось простого народа, они перешли от реактивных к проактивным действиям и сбору информации: вместо избирательных карательных мер *post factum* они начали расставлять агентов, чьей задачей было предупреждение угрозы коллективных действий.

В первые годы революции полицейские силы старого режима вообще растворились в народных комитетах, национальной гвардии и революционных трибуналах, взявших на себя их повседневную деятельность. Но при Директории правительство сконцентрировало надзор и право на аресты в одной централизованной организации. В 1799 г. министром полиции стал Фуше из Нанта. При наполеоновском режиме он создал мини-

стерство, деятельность которого охватывала всю Францию и завоеванные территории. Во времена Фуше Франция стала одним из самых полицейских государств.

Преодоление сопротивления революции

Вступление в войну ускорило движение от непрямого к прямому правлению. Почти все ведущие войну правительства обнаруживают, что не в состоянии покрыть военные расходы за счет накопленных ресурсов и текущих доходов. Поэтому они широко прибегают к займам, повышают налоги и экспроприируют средства, необходимые для ведения войны, у недовольных граждан, которые нашли бы другое применение своим ресурсам. Дореволюционная Франция верно следовала этим правилам, накапливая долги до тех пор, пока не оказалась вынуждена созвать Генеральные штаты. Революция не отменила эти правила: как только Франция объявила войну Австрии, требования доходов и людских ресурсов со стороны правительства вызвали сопротивление столь же ожесточенное, как и при старом режиме. Так, из 500 тыс. молодых людей, подлежащих военному призыву в 1793–1794 гг., около 200 тыс. избежали службы, зачастую уходя в леса [Woloch, 1994, 386].

В марте 1793 г. призыв Республики к массовой военной мобилизации вызвал широкое сопротивление. Самое большое антиреспубликанское восстание вспыхнуло на западе Франции, в регионе, который стал известен под собирательным именем Вандеи, заимствованным у одного из полудюжины департаментов, где произошел смертельный раскол между людьми, объявившими себя революционерами, и людьми, ставшими контрреволюционерами. Но весной 1793 г. на юге тоже развернулась борьба против военного призыва. В Лангедоке в ответ на военный призыв возник острый раскол как между протестантами и католиками, так и между городским и сельским населением.

Лангедокская деревня Сейсс является примером народного сопротивления военной службе. Деревня лежит примерно в 17 километрах к юго-востоку от Тулузы, столицы департамента Верхняя Гаронна. 8 апреля 1793 г. жители Сейсса должны были выбрать рекрутов по квоте, установленной для селения декретом от 19 марта. 8 апреля 1793 г. Жан Сотэ из Сейсса подал жалобу генеральному прокурору департамента: когда накануне он ожидал исповеди у деревенского священника, присягнувшего революционной власти, на сельской улице появилась большая толпа

вооруженных граждан с саблями, ружьями и другим оружием, которые во всеуслышание кричали, что перебьют всех патриотов. Когда кюре вышел к ним с призывом разойтись, они подняли шум пуще прежнего и заявили, что поскольку власть, призывая граждан на войну, подвергает их жизнь опасности, народ должен уничтожить патриотов [Archives Municipales, Toulouse (далее — АМТ), 2/1/33].

Строго говоря, правительство еще не призывало на военную службу, но, следуя модели старорежимного национального ополчения, требовало от каждой местности выполнить полагающуюся ей квоту путем добровольной вербовки, публичных выборов, жеребьевки среди всех холостых здоровых мужчин или другим способом. Более того, правительство по-прежнему разрешало подпадавшим под призыв покупать себе замену. Слово «патриоты» на не всегда комплиментарном жаргоне 1793 г. означало тех, кто активно поддерживал революционный режим и получал от него выгоду; патриоты часто с иронией называли своих врагов, даже плебеев, «аристократами».

Подобные события вкупе с недовольством новыми налогами, взимаемыми для финансирования военных призывов, произошли в Тулузе, Сен-Сюльписе, Кадуре и округе Мюрэ [Lyons, 1978, 39]. В Сейссе Сотэ назвал собравшихся «непокорными священниками или эмигрантами, которые продолжают скры-

ваться в окрестностях Сейсса; самоуверенность и возможности врагов общественного благоденствия зашли столь далеко, что они злоупотребляют имеющимся у них оружием» [АМТ, 2/1/33]. Управляющий совет департамента уполномочил гражданина Гуляра отправиться в Сейсс с отрядом из по меньшей мере 200 национальных гвардейцев, чтобы отыскать и захватить оружие и арестовать непокорных священников, эмигрантов, «сочинителей и подстрекателей беспорядков» и других подозрительных лиц, на которых укажут муниципальные служащие или присягнувший священник, затем доставить их в тюрьму Тулузы — и все это за счет жителей Сейсса. Подавляя сопротивление призыву и налогам, революционеры выстраивали очередную схему централизованного контроля.

Французы использовали собственную новую систему как образец для переустройства других правительств. Завоеывая новые территории, революционные и императорские армии насаждали свою модель прямого правления по всей Европе. Правительство Наполеона консолидировало систему и превратило ее в надежный инструмент правления, что существенно увеличило дееспособность центрального правительства. Система пережила революцию и империю во Франции и до некоторой степени сохранилась в других странах. В Европе как целом произошел сдвиг к централизованному прямому правлению с участием — хотя и минимальным — управляемых.

Сопротивление и контрреволюционные действия были обусловлены непосредственно установлением прямого правления. Вспомним, как много изменений революционеры осуществили за короткое время. Они ликвидировали все прежние территориальные юрисдикции, объединили многие старые приходы в более крупные коммуны, отменили десятину и феодальные долги, распустили корпорации с их привилегиями, выстроили вертикальную административную и избирательную системы, отняли собственность у дворян-эмигрантов и церкви, упразднили монашеские ордена, подчинили духовенство правительству и

ввели для него присягу, обязывавшую священников защищать новую государственную церковь, призвали беспрецедентное число молодых людей на военную службу и отстранили дворян и священников от автоматического отправления власти на местах. Все эти изменения произошли между 1789 и 1794 гг.

Сменявшие друг друга режимы вносили свои, более эфемерные изменения вроде революционного календаря и культа Верховного существа, но капитальная перестройка системы правления, произошедшая в начале революции, продолжилась и в XIX веке. Реорганизация французской системы управления послужила образцом для многих других европейских правительств. Крупнейшими случаями ликвидации изменений, осуществленных в начале революции, стали свертывание местных ополчений и революционных комитетов, возвращение имущества или выплата компенсаций за конфискованные имения и наполеоновский конкордат с католической церковью. В общем и целом эти изменения представляли собой весьма стремительную, драматическую замену системы правления через посредников в лице местных и региональных нотаблей единообразной, унифицированной системой централизованного правления. Более того, новая государственная иерархия состояла в основном из юристов, врачей, нотариусов, торговцев и других буржуа.

Как и до революции, эти фундаментальные изменения затрагивали многие существующие интересы и открывали возможности для групп, у которых до сих пор было мало доступа к санкционированной правительством власти, в особенности для буржуазии в деревнях и маленьких городах. В результате они были вовлечены и в сопротивление, и в борьбу за власть. В области Артуа (департамент Па-де-Кале) переход от одной системы управления к другой произошел без потрясений [Jessenne, 1987]. До революции дворяне и церковники в Артуа владели немногим более половины земель, тогда как крестьянам принадлежало около трети земель. От 60 до 80% всех хозяйств занимали площадь менее пяти гектаров (это означает, что при-

мерно такой же процент крестьян часть времени работали на других), а четверть сельских хозяев были преимущественно наемными сельскохозяйственными рабочими. Налоги, десятины, ренты и феодальные повинности поглощали, соответственно, менее 30 процентов дохода от арендованной земли в Артуа, при том, что пятая часть сельскохозяйственных земель была продана при захвате церковной и дворянской собственности во время революции. Короче говоря, капитализм в сельском хозяйстве Артуа к 1770 г. добился заметных успехов.

В таких регионах крупные арендаторы доминировали в местной политике, но только в пределах, установленных их аристократическими или церковными землевладельцами. Сметя привилегии этих покровителей, революция создала угрозу власти землевладельцев. Однако землевладельцы как класс, если и не как совокупность конкретных лиц, пережили этот вызов. Многие чиновники потеряли свои должности во время борьбы в начале революции, особенно там, где общины уже конфликтовали с землевладельцами. Но на смену старым землевладельцам в непропорционально больших количествах приходили выходцы из того же класса преуспевающих арендаторов. Например, на коммунальных выборах 1790 г. в различных департаментах голосующие избрали арендаторов мэрами 86 из 138 городов [Jessenpe, 1987, 62].

Борьба наемных работников и мелких арендаторов против «деревенских петухов», отмеченная Жоржем Лефевром по соседству с Артуа, на севере Франции, происходила в Па-де-Кале с меньшей интенсивностью и дала меньшие результаты. Местные ультрареволюционеры приклеили ярлык «аристократов» фермерам, поддерживавшим контакты со своими изгнанными бывшими землевладельцами или тайком пробиравшимся в Бельгию, чтобы получить благословение у изгнанных священников. Но никакой организованной контрреволюции в Артуа не было. Хотя крупные фермеры, вызывавшие у национальных властей подозрение, во время террора и при Директории отчас-

ти утратили свои позиции на государственной службе, они восстановили их впоследствии и до середины XIX века продолжали управлять своими «курятниками». К тому времени аристократия и духовенство утратили многие из былых возможностей держать местные власти в узде, но их место заняли владельцы мануфактур, торговцы и другие капиталисты. Смещение прежних посредников открыло путь к формированию нового альянса между крупными фермерами и буржуазией.

Под руководством Парижа переход к прямому правлению прошел в Артуа относительно мягко. В других местах перемены сопровождались острой борьбой. Карьера Клода Жавога, который стал агентом революции в своем родном департаменте Луара, демонстрирует суть этой борьбы и обусловленных ею политических процессов [Lucas, 1973]. Близкие родственники этого могучего, необузданного, крепко пьющего человека были юристами, нотариусами и торговцами в Форе, области чуть западнее Лиона. Семья в течение XVIII века постоянно поднималась вверх по социальной лестнице. В 1789 г. сам Клод был тридцатилетним, имевшим хорошие связи юристом в Монбризоне. В июле 1793 г. Конвент направил этого буржуа-быка в департамент Луары и отозвал его в феврале 1794 г. В течение этих шести месяцев Жавог, опиравшийся в основном на свои старые связи, сосредоточил усилия на репрессиях против врагов революции, в значительной степени руководствуясь теорией, утверждавшей, что все священники, аристократы и богатые землевладельцы — враги. Увлечшись репрессиями, Жавог пренебрегал административными делами, такими как снабжение продовольствием, и заработал репутацию деспота и жестокого правителя.

Тем не менее Жавог и его соратники фактически реорганизовали местную жизнь. Если мы проследим его действия в департаменте Луара, мы обнаружим учрежденные им клубы, комитеты бдительности, революционные вооруженные силы комиссаров, суды и *representants en mission* (специальных представи-

телей). Мы увидим почти невероятные попытки расширить сферу прямого централизованного правления вплоть до обыденной жизни отдельного человека. Народ, мобилизованный против врагов революции (реальных или воображаемых), должен был стать силой, заменившей прежних посредников. Таким образом, начинает проявляться конфликт между двумя целями террора — искоренением противников революции и созданием инструментов осуществления революционной деятельности. Перед нами раскрывается вся значимость контроля над продовольствием — как административной задачи, как причины политических разногласий и как стимула, провоцирующего массовые действия.

В противовес традиционным представлениям о едином народе, приветствующем приход долгожданных реформ, история революции на местах делает очевидным тот факт, что французские революционеры устанавливали свою власть в результате борьбы и зачастую при ожесточенном сопротивлении народа. В основном сопротивление, правда, носило характер скорее уклонения, обмана и саботажа, чем открытого восстания. Но народ в большей части Франции сопротивлялся той или другой особенности прямого революционного правления. В оживленном средиземноморском порту Коллиуре поблизости от испанской границы коллективные народные действия во время революции «сознательно или неосознанно были направлены на сохранение определенной культурной, экономической и институциональной независимости. Иными словами, народные действия становились вызовом претензиям французского правительства, которое вмешивалось в местную жизнь, чтобы набрать рекрутов, изменить религиозную организацию или установить контроль над торговлей через Пиренеи» [McPhee, 1988, 247].

Причины меняются от региона к региону, отражая прежнюю историю каждой местности, в том числе сложившиеся ранее отношения капитала, принуждения и обязательств. Там, где линии противостояния были глубоко прочерчены, сопротивле-

ние перерастало в контрреволюцию, в формирование дееспособных властей, альтернативных тем, что насаждал революционный режим. Контрреволюция возникла не там, где все противостояли революции, а там, где на большом географическом пространстве четко очерченные блоки сторонников и противников были разделены непреодолимыми различиями.

Контрреволюция

В результате подобных процессов на юге и западе Франции возникли крупнейшие зоны устойчивой контрреволюционной деятельности [Lebrun and Dupuy, 1985; Lewis and Lucas, 1983; Nicolas, 1985]. География казней во время якобинского террора дает отчетливую картину контрреволюционной активности. К департаментам, в которых произошло более 200 казней, относятся Нижняя Луара (3548), Сена (2639), Мэн-и-Луара (1886), Рона (1880), Вандея (1616), Иль-и-Вилэн (509), Майенн (495), Воклюз (442), Устье Роны (409), Па-де-Кале (392), Вар (309), Жиронда (299) и Сарт (225). На эти департаменты приходится 89% всех казней при терроре (Greer, 1935, 147).

За исключением Сены (особенно Парижа) и Па-де-Кале (главным образом, Арраса), департаменты, где было много казней, сосредоточены на юге, юго-западе и особенно на западе. На юге и юго-западе Лангедок, Прованс, Гасконь и Лионне были аренами вооруженных восстаний против революции, географически совпадающих с районами поддержки федерализма [Forrest, 1975; Hood, 1971, 1979; Lewis, 1978; Lyons, 1980; Scott, 1973]. Федералистское движение началось весной 1793 г., когда якобинцы расширили фронты внешней войны, объявив, в частности, войну Испании. Это вызвало сопротивление налогообложению и призывам, что, в свою очередь, привело к ужесточению проводимой революционным режимом слежки и дисциплины. Автономистское движение достигло пика в торговых городах, ко-

торые при «старом порядке» пользовались широкими вольностями, особенно в Марселе, Бордо, Лионе и Кане. Контрреволюция, поддерживаемая сельским населением, вспыхнула главным образом в регионах, революционные столицы которых занимали сравнительно низкие места в административной, фискальной и демографической иерархии при «старом порядке», в силу чего буржуазия этих городов оказывала относительно слабое влияние на окружающие регионы [Lepetit, 1988, 222]. В городах этих двух типов и их окрестностях произошел раскол и началась кровопролитная гражданская война.

На западе набеги партизан на занятые республиканцами крепости и их гарнизоны с 1792 по 1799 г. охватили Бретань, Мэн и Нормандию. Одновременно с конца 1792 г. открытое вооруженное восстание полыхало в районах к югу от Луары — в Бретани, Анжу и Пуату — с перерывами продолжаясь до того момента, когда Наполеон усмирил регион в 1799 г. [Bois, 1981; Le Goff and Sutherland, 1984; Martin, 1987]. Контрреволюционное движение на западе достигло кульминации весной 1793 г., когда объявленный республикой призыв в армию вызвал вооруженное сопротивление большей части запада. На этом этапе произошли массовые убийства «патриотов» и «аристократов», вторжения и временная оккупация таких крупных городов, как Анже, и ожесточенные сражения между армиями «синих» и «белых» (как тогда называли вооруженные отряды двух конфликтующих сторон).

Западная контрреволюция стала непосредственным результатом усилий революционных чиновников, стремившихся ввести в регионе определенный тип прямого правления, которое:

- практически устранило дворян и священников с их позиций частично автономных посредников;
- довело правительственные требования налогов, людских ресурсов и повиновения непосредственно до конкретных сообществ, общин и домохозяйств;

- дало региональной буржуазии политическую власть, которой та прежде никогда не обладала.

Свою власть буржуа консолидировали в ходе борьбы. 12 октября 1790 г. на мессу и вечерню в Шатель де Белль-Круа, Вандея, из соседних приходов пришли люди, вооруженные дубинами. «Увидев местных национальных гвардейцев в их обычной форме и при оружии, пришлые направились к ним и сказали, что те не имеют права носить национальную форму, что они сорвут ее с них, что они поддерживают духовенство и дворянство и хотят сокрушить буржуа, которые отобрали хлеб у священников и дворян». Вооруженные люди атаковали национальную гвардию и конную жандармерию Паллюо, которые с трудом справились с нападавшими [Chassin, 1892, II, 220].

Можно быть уверенными в том, что в устах вандейцев слово «буржуа» означало одновременно и классовую принадлежность, и проживание в городе. Тем не менее население этого контрреволюционного региона достаточно ясно видело, что эти два значения тесно связаны между собой. Стремясь к расширению правительственной власти в каждой местности и вытеснению всех врагов такого правления, французские революционеры положили начало процессу, который непрерывно шел в течение 25 лет. В некоторых отношениях он продолжается поныне. Даже сегодня противники секуляризованной, централизованной, интервенционистской Франции и ее правительства считают Вандею символом праведного сопротивления и доказательством пагубности революции (см., например, [Gerard, 1999]).

Согласно этим взглядам, при всей свирепости контрреволюции на западе Франции эта часть страны претерпела ту же судьбу, что и остальные районы. Повсеместно во Франции буржуа — не столько владельцы больших промышленных предприятий, сколько торговцы, юристы, нотариусы и другие, кто добывал средства к существованию благодаря обладанию капи-

талом, защите капитала и манипуляций с ним, — в течение XVIII века усилились. По всей Франции мобилизация 1789 г. необычайно широко вовлекла буржуазию в политическую деятельность. Когда парижские революционеры и их провинциальные союзники убрали дворян и священников с занимаемых ими ключевых позиций агентов косвенного правления, связи буржуазии послужили альтернативными контактами между правительством и тысячами общин в стране. Непродолжительное время эти связи сохранялись для широкой мобилизации народных масс через клубы, ополчения и комитеты. Однако постепенно революционные лидеры поглотили или даже подчинили себе своих беспокойных партнеров. Методом проб, ошибок и борьбы правящая буржуазия выработала систему правления, напрямую достигавшего местные общины и осуществляемого главным образом администраторами, служившими под надзором и бюджетным контролем со стороны более высокопоставленных администраторов.

Экспансия государства сталкивалась с тремя очень серьезными препятствиями. Во-первых, многие воспользовались открывшимися во время революционного кризиса возможностями продвинуть собственные интересы и свести старые счета. Те же, кому это не удалось, обнаружили, что их надежды блокированы соперничеством других субъектов; у представителей обеих категорий не было достаточных побуждений к тому, чтобы поддерживать продолжение революционных изменений. Во-вторых, громадные усилия в войне с большинством европейских держав привели к тому, что возможности правительства были столь же сильно напряжены, как и во время войн, которые вели французские монархи при «старом порядке». В-третьих, в некоторых регионах политическая опора недавно пришедшей к власти буржуазии оказалась слишком хрупкой, для того чтобы поддерживать усилия революционеров, которые повсеместно уговаривали, сдерживали, вдохновляли, запугивали, устраняли и мобилизовали. Сопrotивление налогам, призывам в армию и

морализаторскому законодательству было широко распространено во Франции, но там, где старинная вражда создала прочные блоки оппозиции революционной буржуазии, часто вспыхивала гражданская война. В этом смысле олицетворявший буржуазную революцию переход от косвенного к прямому правлению породил серию антибуржуазных контрреволюций.

Революция и гражданство

К 1793 г. революционный режим во Франции отменил большую часть существовавших при старом режиме титулов, чтобы всех прежних подданных монархии, взрослых и мужского пола, именовать *citoyens*, гражданами. Однако многие так называемые граждане оспаривали условия своих отношений с правительством. Создание государственной церкви, в которой священники (конституционалы) были гражданскими служащими, резко разделило население на сторонников и врагов церкви. «Упорствующих» священников — тех, кто отказался присягнуть гражданскому устройству духовенства, — исключили из новой государственной религиозной бюрократии. Такие священники ушли в подполье или изгнание, но часто поддерживали контакт с верующими. В более общем плане революционеры, контрреволюционеры и французский народ вели яростный спор о том, что значит быть французом, патриотом, католиком и/или гражданином.

Как возникло гражданство? И что это такое? Политические сущности вообще предполагают коллективный публичный ответ на вопросы «кто вы?» «кто мы?» и «кто такие они?». Ответ «граждане» давал определение общей политической сущности, важность которой превосходила любые местные и частные моменты. Если гражданство — узы, влекущие за собой взаимные обязательства между категориально определенными лицами и представителями правительства, то сущность «гражданин» опи-

сывает опыт и общественные представления, касающиеся этих уз. В самом простом виде гражданство предполагает пару отвлеченных сущностей: граждане противостоят негражданам.

Эти сущности не были сознательным нововведением или результатом всеобщего, принципиального и неоспоримого вовлечения. Они возникали из исторической аккумуляции бесконечных обсуждений. В апреле 1793 г. молодые неженатые французские мужчины обрели статус граждан в той степени, в какой они и представители революционного правительства взаимно признавали права и обязанности, в императивном порядке вытекавшие из коллективной связи между этими молодыми людьми и государством. Как мы видели, в действительности узы и обусловленная ими сущность впоследствии подверглись испытаниям, поскольку у многих людей одновременно были и другие привязанности, которые вступали в противоречие с гражданством: привязанности к друзьям, товарищам по работе, семьям, деревням или к старой католической церкви. Тем более что освобождение республиканских чиновников от призыва, чтобы они выполняли революционную работу у себя дома, должно было казаться очевидной несправедливостью нечиновникам, для которых военная служба была обязательна.

Во Франции при старом режиме гражданства не существовало, по крайней мере на национальном уровне, охватывающем сколько-нибудь обширную часть общества. Разумеется, можно вслед за Максом Вебером утверждать, что европейские города создали своеобразные версии гражданства задолго до 1789 г. При «старом порядке» французские города, как правило, признавали классовую стратификацию своих жителей. Эти классы пользовались экономическими и политическими правами, которыми было обделено остальное население. Можно также утверждать, что дворяне и духовенство обладали категориальными правами и обязанностями по отношению к монархии, и даже Генеральные штаты в тех редких случаях, когда они собирались, устанавливали разновидность национального граждан-

ства. Остатки Генеральных штатов, собранных в 1789 г., в конце концов преобразовались в Национальную представительную ассамблею (Национальное собрание) и учредили категориально обоснованные права для большого числа взрослых мужчин-французов. В этом отношении революционеры, создавшие гражданство после 1789 г., широко заимствовали из практики институтов «старого порядка». И все же только в этом, узком и сомнительном смысле можно говорить о том, что система гражданства была установлена старым порядком.

С самого начала революция очень сильно расширила рамки гражданства. «Распространение гражданства, — отмечает Пьер Розанваллон, — выросло из уравнивания гражданских и политических прав, предусматриваемого новым принципом народного суверенитета» [Rosanvallon, 1992, 71]. В соответствии с этим радикальным принципом все достойные и ответственные личности должны были не только пользоваться покровительством государства, но и непосредственно принимать участие в управлении нацией. Оставался единственный вопрос: как выявить достойных и ответственных и как исключить прочих? Начиная с революции рамки французского гражданства то сужались, то расширялись, но в долгосрочной перспективе пределы гражданства значительно расширились. Хотя женщины не участвовали во французских национальных выборах вплоть до 1946 г., среди взрослых коренных жителей мужского пола активное и пассивное избирательное право, появившееся после 1848 г., с небольшими изменениями сохранялось на протяжении всего последующего периода.

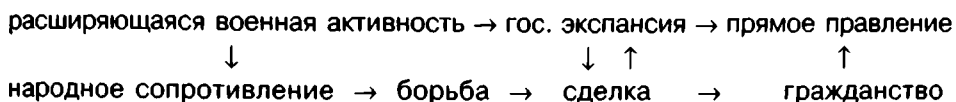
После революции практически все население Франции (и мужчины и женщины) получило доступ в государственные суды. На протяжении XIX века права на собрания, ассоциации, забастовки или избирательные кампании расширялись параллельно с расширением обязанностей посещать школы, служить в армии, участвовать при переписях, платить налоги в зависимости от уровня личных доходов и выполнять другие стандарт-

ные обязанности граждан. В течение XIX века в гражданский пакет вошли, наконец, меры социального обеспечения, в том числе пособие по безработице, гарантированные пенсии и семейные пособия. Если до нынешних дней французские политики продолжают обсуждать, кому из тех, чьи родители не были гражданами, полагаются гражданские права и обязанности, в целом гражданство достигло такого объема, который населению Франции при «старом порядке» показался бы неправдоподобным. Франция создала сильную версию гражданства. В сравнении с правами и обязанностями, существовавшими при старом порядке, современная версия гражданства воплощает защищенность консультаций в расширенном масштабе.

Сильное гражданство зависит от прямого правления: установление на всей объединенной территории страны относительно стандартной системы, при которой эффективная иерархия государственных служащих соединяет национальный центр с отдельными местностями и даже домохозяйствами, а затем передает импульсы, возникающие на местном уровне, в центр. Революция отменила косвенное правление и учредила стандартизованную административную иерархию от национального органа законодательной власти до местных коммун, с коммуникациями и властью, распространяющимися в обоих направлениях. Хотя на первых порах французские революционеры проигнорировали старые сети из дворян, священников и королевских чиновников и опирались главным образом на сети из торговцев, юристов, других профессионалов и их клиентов, ко временам Наполеона национальная бюрократия обрела собственный вес. С созданием после 1799 г. эффективной и вседушной полицейской системы под безжалостным руководством Фуше административная структура, которая управляла Францией в течение следующего столетия, окончательно оформилась.

Однако в исторической и сравнительной перспективе создание прямого правления во Франции и в других странах не так уж сильно зависело от гения Робеспьера, Фуше или Наполеона.

Этот процесс зависел и от масштабной борьбы будущих правителей с непокорным населением. Силовые линии этого процесса проходили примерно так:

По типичному западноевропейскому сценарию, из-за стремительного роста армии и флота после 1750 г. наемные войска становились все менее привлекательными для правителей, которые все чаще пополняли армию за счет собственного населения и создавали новые налоги, чтобы содержать войска.

По удивительной иронии, побочным эффектом роста вооруженных сил было сокращение автономной политической власти военных. Это случилось потому, что военные организации, состоявшие из представителей местного населения, не могли пробавляться за счет своих односельчан и поэтому создавали отдельные системы квартирования и снабжения; потому что вооруженные силы все сильнее зависели от ассигнований, которые законодательная власть выделяла, руководствуясь собственными соображениями; потому что финансированием, снабжением, управлением и долгосрочным планированием занялись гражданские бюрократии, державшие военных в тисках предписаний.

Издержки этой новой дорогостоящей военной системы, разумеется, легли на плечи простых людей. Но простые люди и их патроны боролись против обусловленных военными нуждами налогов, призывов, реквизиций имущества и ограничений в торговле всеми способами, от пассивного сопротивления до открытого мятежа. Эти попытки подавлялись различными комбинациями репрессий, уговоров и сделок. Сами действия, связанные с вмешательством, репрессиями, уговорами и сделками, вольно или невольно формировали институты прямого правления. Гражданство возникало из борьбы, из совокупности взаи-

модействий между личностями и правительством, в которых каждая сторона обладала осуществимыми правами и обязанностями только благодаря принадлежности личности к исключительной категории — местных уроженцев или натурализованных. Как показали режимы Наполеона и Виши, гражданство не гарантирует демократии. Но при правильных условиях оно способствует демократизации — движению не только к относительной широте и равенству политического участия, но и обязательным консультациям с населением и к защите граждан от произвола властей.

Каковы условия такого движения? Во-первых, без некоторого минимума дееспособности правительства ни гражданство, ни демократия не выживут; этот минимум дееспособности предполагает реальный контроль правительства над личностями, действиями и ресурсами ради усиления взаимных прав и обязанностей, включая демократические. Но гражданство приобретает демократические формы особенно тогда, когда социальные изменения изолируют общественную политику от существующих категориальных неравенств, когда общественная политика и правительство становятся главными гарантами заслуживающих доверия связей и когда привилегированные частные связи между правительством и политическими посредниками расторгнуты. В главе 1 описаны специфические механизмы, которые производят такой эффект: формирование политически активных коалиций, преодолевающих категориальное неравенство, дезинтеграция существующих особых сетей доверия, установление бюрократических ограничений на былую автономию вооруженных сил и т. д.

Что касается Франции XVII–XIX веков, то революция 1789–1799 гг. привела к мощной активизации таких механизмов. Революция более или менее одновременно устранила священников и дворян как частично автономных посредников, подчинила вооруженные силы контролю центрального правительства, распустила все привилегированные корпоративные объедине-

ния и ввела единообразные административные структуры по всей стране. Она разорвала обширные частные сети кредита, доминировавшие при старом режиме, и положила начало долговременному переходу к кредитной системе, контролируемой и поддерживаемой государством [Hoffman, Postel-Vinay, Rosenthal, 2000, ch. 8–10]. Широкая демократия начального этапа революции продлилась недолго. Но поскольку изменения все-таки произошли, каждое последующее восстановление авторитарного контроля после падения Наполеона вызывало все более согласованное и эффективное противодействие. Само существование первой революционной демократизации создало модель и основание для последующих революционных мобилизаций. Мобилизации 1830, 1848 и 1870–1871 гг. со временем заканчивались, однако всякий раз создавали условия для дальнейшего продвижения к защищенности консультаций.

Революция, конфронтация, завоевания и демократизация, 1830–2000 гг.

По частоте и скоординированности массовой борьбы можно выделить семь пиков крупнейших кризисов во Франции после Реставрации 1815 г. [Lees, Tilly, 1974; Rule, Tilly, 1972; Shorter, Tilly, 1973, 1974; Tilly, 1986; Tilly, Tilly, Tilly, 1975]:

1830–1832 гг.: коалиции буржуазии и рабочих в Париже и других крупнейших городах свержают режим Карла X, приводят к власти Луи-Филиппа Орлеанского; рабочие продолжают требовать свою долю, но новый режим наносит им поражение;

1848–1851 гг.: буржуазно-рабоче-крестьянская коалиция свержает орлеанистский режим, учреждает Вторую республику; рабочие продолжают борьбу с режимом; Луи-Наполеон

побеждает на национальных выборах, становится президентом и начинает устанавливать репрессивный режим, затем, в декабре 1851 г., организует государственный переворот; массовое сопротивление республиканцев терпит неудачу;

1870–1871 гг.: военные поражения, нанесенные Пруссией, приводят к развалу Второй империи, немецкой оккупации и умеренной республиканской революции; граждане Парижа и других городов провозглашают революционные коммуны, но к маю 1871 г. правительственные войска их сопротивление подавляют;

1905–1907 гг.: отделение католической церкви от государства, всеобщие стачки промышленных рабочих, массовые мобилизации виноградарей в южных департаментах сливаются в общенациональную борьбу;

1935–1937 гг.: глубокая поляризация между организованными рабочими и социалистами, с одной стороны, и правыми организациями — с другой, после массовых забастовок приводит к временному установлению режима Народного фронта;

1944–1947 гг.: освобождение Франции союзниками, сопротивление немецким оккупантам, за которым последовали борьба за контроль над французским государством и возглавленное коммунистами сопротивление американскому влиянию;

1968 г.: широкая мобилизация студентов и рабочих против правительства де Голля, сорвавшая триумфальное переизбрание голлистов.

При желании можно добавить к этому перечню кризисов и изменений режимов конец 70-х годов XIX века (упрочение секуляризованной Третьей республики), 1896–1906 гг. (общественная борьба вокруг сфабрикованного дела капитана Альфреда Дрейфуса, которого обвинили в шпионаже; Дрейфус был

осужден в 1894 г.), 1940 г. (победа Германии и оккупация Франции), 1958 г. (возвращение к власти де Голля в разгар гражданской войны в Алжире). Но ни один из этих кризисов не вызвал столь широких мобилизаций во французской метрополии, как те, что произошли в 1830–1832 гг., 1848–1851 гг., 1870–1871 гг., 1905–1907 гг., 1935–1937 гг., 1944–1947 гг. и 1968 г. В совокупности эти революции, конфронтации и завоевания подталкивали Францию к демократии.

Изменение роли организованных рабочих в решающих мобилизациях обозначает путь к демократизации. Созданные ремесленниками общества взаимопомощи, ассоциации производителей, организации заговорщиков, объединившие рабочих и буржуа, выполнили подготовительную работу в борьбе в 1830–1832 гг., но так и не обрели юридического общественного статуса. В 1848 г. подобные организации вышли из тени, потом, когда рабочие сплотились в отряды возрожденной национальной гвардии, размножились. Вскоре, однако, агенты Луи Наполеона стали запрещать рабочие организации, арестовывать их лидеров и вновь вытеснили их в подполье; репрессии, последовавшие за переворотом 1851 г., лишь ускорили эти процессы. Лишив многих рабочих права голоса из-за требований проживания и регистрации, режим, тем не менее, не смог отменить права голоса для мужчин, которое было обретено в 1848 г. По мере ослабления централизованного режима Наполеона III в конце 60-х годов XIX века рабочие начали мобилизоваться.

После узаконения забастовок при Второй империи (1864 г.) и заметного ослабления ограничений собраний и ассоциаций (1868 г.) французские рабочие и радикалы значительно расширили свою конфронтационную активность. (Профсоюзы в частном секторе не были полностью легальными до 1884 г., а профсоюзы в государственном секторе до 50-х годов XX века пребывали в сумеречной зоне закона.) Обширные сети ассоциаций, чьи многочисленные делегаты выступали в разных местах, оказались базисом для координации коллективных действий не

только на местном уровне. Они также служили основой для популярной программы федерализма, которая занимала промежуточное положение между радикально децентрализаторской программой анархистов и иерархическими структурами большинства революционных организаций.

Война с Пруссией, начавшаяся в июле 1870 г., подняла политические ставки и обострила противоречия среди республиканской оппозиции. В особенности это проявилось после того, как Пруссия получила подавляющее военное преимущество и перенесла боевые действия на территорию Франции. В этот момент активисты разделились на тех, кто поддерживал военные усилия, и тех, кто отдавал приоритет интернационалистским, автономистским или анархическим программам. По мере того как французская армия терпела одно поражение за другим, возник временный союз между теми, кто критиковал правительство за некомпетентность, и теми, кто протестовал против угнетения. Как и во время многих революционных движений во Франции и других странах, радикальные программы получали поддержку благодаря вызванной войной уязвимости центрального правительства.

Провозглашение парижанами Коммуны 28 марта 1871 г. произошло после многомесячных кампаний парижских радикалов в пользу такого шага и многочисленных попыток (порой удачных) учредить автономные радикальные правительства в маленьких французских городах. Окружные отряды национальной гвардии, продублированные местными комитетами, образовали структуру парижского правительства. На его вершине стояло муниципальное правительство, состоявшее из делегатов от округов и центрального комитета национальной гвардии, также формировавшегося путем выборов. Эта двойная организация контролировала муниципальную администрацию, создавала общественные службы и координировала защиту города от окружавших его немецких и французских войск. Третий участник структуры, народный клуб, не играл формальной роли в

правительстве, но с конца 1870 г. стал центральным форумом для обсуждения общественных дел и мобилизации для выдвижения коллективных требований.

Когда Третья республика стабилизировалась после 1877 г., рабочие не только продолжали организовываться на уровне профессий и фабрик, но также начали формировать опирающиеся на рабочих политические, прежде всего социалистические, партии. (После запрещения социалистических организаций в ответ на Коммуну правительство вновь легализовало их в 1879 г.) Хотя лидер социалистов Жан Жорес выступал в защиту Альфреда Дрейфуса в 1898 г., борьба 1905–1907 гг. была первым конфликтом, в котором социалисты приняли заметное и активное участие на национальном уровне. Их наследники — и социалисты, и коммунисты — принимали участие во всех последующих пиках мобилизаций. Они были ближе всего к захвату власти в 1935–1937 гг., когда социалист Леон Блюм стал премьер-министром в правительстве Народного фронта. Немецкие оккупанты и их вишистские пособники закрыли все общественные организации, которые не помогали им осуществлять правление. Тем не менее костяк рабочих организаций, особенно коммунистических, пережил военные годы, и после Второй мировой войны рабочие организации возобновили свою деятельность. Несмотря на недемократическую интерлюдия 1940–1943 гг., организованные рабочие явно интегрировались во французскую общественно-политическую жизнь.

Признаки демократизации

Признаки демократизации во Франции XIX века можно найти в трех отдельных областях: обязательная военная служба, включение частных ассоциаций в общественно-политическую жизнь и изменение отношений между евреями и государством. Начнем с обязательной военной службы. Связав гражданство

(для мужчин) с военной службой, революционеры XVIII века открыли путь к демократизации. Уравнивание обязательств по отношению к военной службе в течение XIX века отражало более общее уравнивание политических прав и обязанностей. Готовность молодых людей, их семей и местных сообществ, к которым принадлежали призывники, поддерживать военный призыв была следствием правительственного принуждения в сочетании с альтернативными карьерными возможностями и обязательствами по отношению к самому правительству. Во Франции XIX века согласие на военную службу, возможно, отражало как изоляцию общественно-политической жизни от категориального неравенства, так и интеграцию прежде защищенных сетей доверия в общественную политику.

При старом порядке, за вычетом случаев, когда власти прибегали к насильственной вербовке и привлекали в армию заключенных, регулярная армия Франции в общем рекрутировалась из добровольцев. Впрочем, королевское ополчение принуждало местные общины набирать рекрутов, чаще всего по жребью, из местных неженатых, годных к службе мужчин подходящего роста; служба в ополчении и освобождение от нее стали важным предметом конфликтов в XVIII веке. Тем не менее в потоке наказов, следовавшем за созывом Генеральных штатов весной 1789 г., протестов против службы в ополчении было гораздо меньше, чем сетований по поводу налогов и дворянских привилегий [Shapiro and Markoff, 1998, 386]. Первая волна роста армии с 1791 по 1794 г. разделила страну на тех, кто поддерживал призыв, и тех, кто осуждал его. В начале революции военная служба продолжала вызывать сопротивление в одном регионе за другим более или менее пропорционально общей политической оппозиции. На юге, например, протестанты и жители городов (две в значительной степени совпадавшие категории) чаще поддерживали революционный режим.

Но сопротивление призыву было весьма широким и среди горожан. «Южане, населявшие территории между берегами Ро-

ны и подножием Каннгу, хотя и были давними подданными французской короны, — отмечает Жерар Шольви, — с 1792 г., кажется, стали испытывать сильное отвращение к защите родной земли» [Cholvy, 1974, 305] (гора Каннгу — восточная оконечность Пиренеев, на Средиземном море). Например, в течение VII–XIII гг. по революционному календарю почти в каждом департаменте к югу от линии Ла Рошель—Лион более 30 процентов призывников дезертировали или не откликнулись на повестки, тогда как севернее этой линии такой процент уклонения от воинской службы наблюдался только в Морбиане, Вандее, Вьенне и Ньевре [Forrest, 1989, 2]. Впрочем, у тех, кто сотрудничал с властями, военная служба создавала обязательства по отношению к режиму, поскольку формировала прочные связи, охватывавшие всю страну [Lynn, 1984]. К 1806 г. правительство успешно призвало тысячи молодых людей в самую большую, самую эффективную народную армию, какая когда-либо существовала в Европе.

При режимах XIX века сопротивление военной службе усиливалось и слабело вместе с общей оппозицией. Сама оппозиция отчасти зависела от того, насколько правительство было способно и намерено соблюдать свои обязательства и принуждать всех без исключения граждан к исполнению их обязанностей [Levi, 1997, 44–51] (в более общем виде см. [Levi and Stoker, 2000]). Сопротивление призывам усиливалось, по мере того как режим Наполеона начал шататься, но при последующих режимах повиновение (несмотря на постоянные региональные вариации) снова возросло. К началу 20-х годов XIX века средний по департаментам процент годных к службе молодых людей, которые отказывались являться для отбора, упал до 1,9% при сохранении более высокого уровня уклонения на юге Франции [Aron, Dumont, Le Roy Ladurie, 1972, 80–81].

С этого момента уравнение военных обязанностей всех социальных классов стало важнейшим требованием французских демократов. Хотя освобождение от службы по религиозным и

образовательным причинам сохранилось до XX века, по сравнению со своими европейскими соседями французы установили относительно эгалитарную систему военной службы для мужчин. Таким образом, они интегрировали сети доверия в общественную политику и блокировали перенесение категориального неравенства в общественно-политическую жизнь. Разумеется, гражданские права и участие в политике были исключительно мужской привилегией, и даже запоздалое введение женского избирательного права в 1945 г. не устранило предпочтения, отдаваемого мужчинам.

Общая для всех военная служба в этом процессе стала основой мужской солидарности, стирающей границы классов, конфессий и регионов. С начала XIX века политической силой стали группы ветеранов наполеоновской армии. Ветераны сыграли заметную роль в коалициях, от правых до левых, по мере того как парламентская политика и выборы приобретали значимость при Третьей республике. Объединяясь без различия классов, они связывали деревни и города с центральным правительством. В анжуйской деревне Шанзо в 60-е годы XX века организация ветеранов Второй мировой войны была практически единственной, объединявшей мужчин разных классов, политических убеждений и религиозных воззрений. Параллельная унификация происходила внутри *classes* — групп мужчин, которые подлежали призыву на военную службу в одном году:

Перед уходом в армию они часто встречаются субботними вечерами, по воскресеньям или в конце недели в домах коммуны, чтобы «пошуметь» и насладиться драгоценными мгновениями свободы. Такая солидарность сохраняется даже после окончания военной службы — они устраивают ежегодные банкеты в честь тех, чей год рождения оканчивается той же цифрой, что и текущий [Wylie, 1966, 205].

Институт *classes* отчасти напоминает такие институты «старого порядка», как братства, объединения молодежи («моло-

дежные аббатства»), которые часто организовывали праздники, стыдили нарушавшие правила парочки и устраивали побоища с молодежью из соседних коммун. Однако есть и одно важное отличие: если старые братства защищали местные сети доверия от властей, общая военная служба связывает их непосредственно с центральным правительством и таким образом способствует демократизации.

Народные ассоциации

Не все французские ассоциации способствовали становлению демократии на национальном уровне. Хотя современные теоретики демократии (см., например, [Putnam, 2000]) порой представляют жизнь объединений как оплот демократизации, широкое их распространение во Франции при старом порядке в основном работало в противоположном направлении: они изолировали межличностные сети доверия от национальной общественно-политической жизни и переносили категориальное социальное неравенство в общественную политику как на местном, так и на национальном уровнях [Bermeo, Nord, 2000]. Морис Агюлон тщательно воссоздал изменения в жизни ассоциаций Прованса с XVIII века по конец XIX века. Обратимся к этой реконструкции [Agulhon, 1966, 1970a, 1970b, 1977, 1993].

Как показывает Агюлон на документальной основе, центральную роль в общественной жизни деревень и небольших городов Прованса XVIII века играли религиозные братства, «молодежные аббатства», ополчения и тому подобные организации. Несмотря на то что по составу они частично совпадали, создавались эти сообщества для разных целей, вокруг разных прав и обязанностей — проведения процессий в дни святых, пристыжения аморальных личностей, предоставления вооруженной охраны процессиям, сбора взносов для женских союзов и снабжения торжеств топливом. В деревне Оп, например, военная организация соответствовала общей провансальской модели:

Первый консул предыдущего года командует стражей и первой группой ополчения. Второй руководит молодой человек, именуемый молодежным аббатом. Прапорщик или знаменосец руководит ремесленниками, составляющими третью группу, а во главе четвертой, из крестьян и сельскохозяйственных рабочих, стоит выборный от этого класса постоянных жителей [Agulhon, 1966, 102–103] (цит. по: [Paul Achard]).

Первый консул часто был дворянином и всегда нотаблем. Придерживаясь такого принципа разделения, каждая организованная профессия обычно создавала отдельное братство, занимавшее собственную нишу в местной общественной жизни.

Благодаря священникам и дворянам такие характерные для старого порядка ассоциации служили инструментом косвенного управления. Революция устранила эти объединения из общественной жизни, заменив их патриотическими клубами, объединениями национальной гвардии, революционными комитетами и официально учрежденными муниципалитетами. Якобинцы закрывали или, насколько могли, кооптировали автономные организации. Народные общества временно оживились при Директории в 1799 г., но с приходом к власти Наполеона вновь утратили автономию [Woloch, 1970]. Наполеоновский кодекс гласил: «Любые объединения, состоящие из более чем двадцати членов, имеющие своей целью встречи, которые проводятся ежедневно или по особым дням и на которых обсуждают религиозные, литературные, политические и другие вопросы, можно создавать исключительно с разрешения правительства, на условиях, определяемых властями» [Agulhon, 1977, 21]. Процветавшие при Наполеоне масонские ложи, служившие каналами связи, при Реставрации 1815 г. пришли в упадок. Временное возрождение опиравшихся на церковь организаций при той же Реставрации не остановило обветшания типичных для старого порядка форм объединений.

Тем временем, однако, возникло огромное число элитных объединений — клубы, кружки, казино, палаты или общества.

Посвященные определенным интеллектуальным, художественным и/или политическим интересам, они распространились во Франции при Июльской монархии [Agulhon, 1977, ch. 4]. Столь же стремительно создавали свои общества взаимопомощи рабочие. Формально эти общества были ориентированы на покрытие расходов на болезнь и в связи со смертью, поддержку при безработице, помощь в поисках работы, общение, но часто в основе их также лежала общая борьба против предпринимателей. В Лилле, промышленном городе, население которого в 1884 г. составляло примерно 60 тыс. человек, королевские чиновники насчитали не менее 106 открыто известных обществ взаимопомощи [Archives Nat., BB³ 167]. В Провансе ассоциации рабочего класса занимались тем же самым, но обычно назывались *chambrée* (совместно живущие). Обычно такие ассоциации были одновременно частными питейными клубами, особенно в виноградарских деревнях [Agulhon, 1970a, 207–245]. Во время революции 1848 г. они немедленно устремились в публичную политику, чаще всего примыкая к левому флангу политического спектра.

Власти пристально наблюдали и за буржуазными, и за рабочими ассоциациями, усматривая в первом случае политические объединения, направленные против существующего режима, а во втором — главным образом «коалиции против предпринимателей». В обоих случаях ассоциации способствовали интеграции сетей доверия в публичную политику. Они выдвигали на общественную сцену политических деятелей и определяли расклад политических интересов. Короче говоря, они противодействовали демократизирующему эффекту, перенося категориальное неравенство непосредственно в общественную политику. Однако во время революции 1848 г. формирование буржуазно-рабочей республиканской коалиции начало гасить и этот антидемократический эффект [Aminzade, 1993]. Когда во время революции 1848 г. было установлено избирательное право для мужчин, во всем Провансе появились клубы с ярко выраженной

политической ориентацией. Они вводили буржуа, рабочих и крестьян в республиканскую политику.

Осознавая решающую роль только что созданных (или, по крайней мере, ставших публичными) ассоциаций в общенациональной народной мобилизации, правительство вскоре стало ограничивать большое число организаций [Merriman, 1978, ch. 3]. Когда Наполеон III усилил репрессии, многие общественные ассоциации превратились в тайные общества, в условиях империи все еще следуя республиканским программам [Agulhon, 1970a, 389–391; Margadant, 1979, ch. 6]. К этому времени сформировалась широкая межклассовая коалиция, поддерживавшая республиканскую программу. Коалиция не только способствовала демократии, ослабляя воздействие категориального неравенства на публичную политику и интегрируя в нее сети доверия, но одновременно активно генерировала программы демократизации.

Несмотря на формальное основание Третьей республики в 1870 г., люди, называвшие себя республиканцами, по-настоящему стали входить в правительство после 1879 г. При Третьей республике политика колебалась между острым классовым разделением и противостоянием правой и левой коалиций. В первые годы Третьей республики (1881 г.) Национальная ассамблея отменила наполеоновское требование правительственного разрешения для всех общественных митингов, хотя все еще требовала от организаторов заранее извещать полицию о своих намерениях. Закон 1901 г., который вводил полную свободу ассоциаций — за исключением заметного ограничения религиозных конгрегаций, — юридически закрепил многовековое развитие.

Евреи и государство

Подобно развитию военной службы и изменениям в жизни ассоциаций, барометром демократизации стали изменчивые от-

ношения между евреями и французским государством [Birnbaut, 1992, 1994, 1995, 1998, 2002; Leff, 2002]. В этом случае погода неоднократно портилась; хотя большинство французских евреев приняли на себя серьезные обязательства перед государством и его демократическими институтами, организованный антисемитизм вновь и вновь ставил этот союз под угрозу.

Как почти повсюду в Европе, во Франции вплоть до конца XVIII века существовали суровые экономические и политические ограничения для евреев. Громадная разница существовала между югом, где «придворные евреи» занимали относительно защищенные позиции, и Эльзасом—Лотарингией (где большинство французских евреев, в основном бедняки, жили отдельными общинами). В XVIII веке их судьба начинает занимать французских реформаторов. В 1788 г. будущий якобинец аббат Грегуар получил награду академии Меца за «Эссе о физическом, моральном и политическом возрождении евреев». Проповедуя идею всемирного гражданства, Грегуар стал неумолимым защитником гражданства и ассимиляции евреев. Революционные депутаты, однако, разделились во мнениях по этому вопросу. Эльзасские депутаты особенно упорно противились эмансипации своих еврейских избирателей. Только в сентябре 1791 г. Законодательное собрание дало полное гражданство взрослым евреям-мужчинам. Хотя Наполеон установил новые консистории для еврейского религиозного самоуправления и ввел спорные специальные налоги для финансирования еврейских учреждений, сохранявшиеся до 1830 г. [Leff, 2002, 37–42], евреи за небольшим исключением с тех пор пользовались полным избирательным правом для участия в публичной политике.

Многие евреи отреагировали на свое новое политическое положение, приняв серьезные обязательства в отношении государственной службы. До 1870 г. лишь немногие еврейские мигранты покидали сегрегированные общины Эльзаса и Лотарингии, для того чтобы войти в светский мир Франции как едино-

го целого. Но евреи с юга быстро извлекли выгоду из своего гражданства и стали играть заметную роль в государственных финансах и управлении. Например, Джеймс де Ротшильд распоряжался личным состоянием Луи-Филиппа. Тем не менее значительный приток евреев на правительственную службу начался только после германской аннексии Эльзаса и Лотарингии. После аннексии большое число евреев эмигрировало в Великобританию и Северную Америку, но многие переехали во Францию (или в то, что от нее осталось после войны с Пруссией).

Секуляризованная Третья республика открывала новые возможности, которые Пьер Бирнбаум обобщает следующим образом:

В то время как некоторые члены старой католической правящей элиты отвергли победоносную Третью республику и ушли с государственной службы, евреи (совместно с протестантами) достигли высших государственных должностей: тысячи становились капитанами, полковниками, даже генералами, другие входили в Государственный совет, Верховный суд, апелляционные суды. Третьи становились префектами, супрефектами, университетскими профессорами и порой входили в Коллеж де Франс. Далее, некоторые оказывались в городских советах, их избирали мэрами, депутатами и сенаторами, и они даже порой входили в правительство [Birnbaurn, 2002, 271–272] (более детально см. [Birnbaurn, 1992, 1995, ch. 2, 3]).

Возраставшее присутствие евреев в общественной жизни никоим образом не искоренило антисемитизм. Напротив, по мере сплочения роялистов и клерикалов против секуляризованной Третьей республики политический антисемитизм набирал силу. Во французском Алжире (где евреи получили гражданство только в 1870 г.) действия антисемитов приводили к кровавым столкновениям почти все время существования Третьей республики. В континентальной Франции дело Дрейфуса вызвало первые всплески организованного антисемитизма. Сформировалась лига, открыто называвшая себя Антисемитской; появился

вал злобных антисемитских публикаций; антисемитизм стал программой избирательных кампаний, в Национальном собрании возник антисемитский блок, прокатилась волна митингов, демонстраций и проповедей против «Еврейского государства» [Birnbaut, 1994, 1998]. Например, в Анже трехдневную шумную антисемитскую демонстрацию во время антиялудифузовских мобилизаций 1895 г. возглавили священники и семинаристы. Демонстрация проходила под лозунгом «Смерть евреям».

Антиеврейские выступления усилились в 30-х годах XX века, когда во Франции происходил подъем правых и фашистских движений. Но только в 1940 г., после начала германской оккупации и установления режима Виши, антисемитизм стал государственной политикой. Причем вишистские власти вовсе не шли на простые уступки германскому нажиму, а проявили инициативу в осуществлении антисемитских акций [Jackson, 2001, 355–356]. В антисемитской политике, которая проводилась в оккупированной Франции, французские чиновники явно и весьма широко сотрудничали с немцами [Gildea, 2002]. Достижения демократии быстро сошли на нет, поскольку евреи лишились всех гражданских прав, а в конечном счете и права на существование. Посвященная этой теме книга Майкла Марруса и Роберта Пэкстона открывается таким драматическим абзацем:

Четыре года находящееся в тени нацизма вишистское французское правительство энергично преследовало евреев, живших во Франции. Преследования начались летом 1940 г., когда режим Виши, возникший в результате поражения, нанесенного стране нацизмом, и политики коллаборационизма, на которой настаивали многие французы, провел ряд антисемитских акций. После законодательного определения принадлежности к еврейству и исключения евреев из различных частных и общественных сфер жизни режим Виши ввел направленные против евреев дискриминационные меры: конфискацию собственности евреев, ограничение их передвижений и помеще-

ние многих евреев в специальные лагеря. Затем летом 1942 г. к решению еврейской проблемы во Франции, со своей стороны, приступили немцы. Аресты, интернирование и депортации в Освенцим нарастали стремительно, часто проводились при прямом соучастии французского правительства и администрации. В конце концов, около 76 тысяч евреев было вывезено из Франции в вагонах для скота «на Восток», как говорили немцы. Лишь 3% этих евреев вернулись в конце войны [Margus, Paxton, 1995, XV].

Послевоенное урегулирование восстановило в правах выживших евреев и загнало организованный антисемитизм в подполье. Однако в 80–90-е годы XX века правые из Национального фронта внесли во французскую публичную политику скрытый антисемитизм: подпольные активисты (некоторые из них превзошли неонацистские лозунги и символы) опрокидывали еврейские надгробья, поджигали синагоги и раз за разом нападали на еврейские учреждения в Эльзасе, Париже, Провансе и других местах. Арабо-израильский конфликт подогрел эти настроения, и к нападениям на евреев присоединились мусульманские активисты [Le Monde, 2002]. Официальная Франция быстро отреагировала на это осуждением нетерпимости. И все-таки два века гражданства евреев не искоренили антисемитизм как вновь и вновь возникающее явление, угрожающее французской демократии.

Три с половиной столетия

Практически все время с 1650 по 2000 г. французские режимы действовали антидемократически. По тем стандартам (хотя и не по стандартам XX века) режимы во Франции XVII и XVIII веков навязывали своим подданным авторитарный контроль: правительство приобрело впечатляющий контроль над ресурсами, деятельностью и населением в пределах своей юрис-

дикции, в то время как на национальном уровне преобладали узкие, неравноправные и неопределенные консультации с народом, при которых меньшинства и инакомыслящие пользовались весьма малой защищенностью. Революция и наполеоновский режим заложили фундамент последующей демократизации. Между 1789 и 1793 гг. французы действительно ввели элементы демократического правления только для того, чтобы вновь установить авторитарное правление, которое просуществовало с 1793 г. до падения Наполеона.

Сметая институты косвенного правления, которые давали большую власть дворянам и священникам, облегчая и даже вводя принудительно участие народа в политике, устанавливая выборы и законодательные собрания как стандартные правительственные схемы, дав толчок поглощению или разрушению существовавших связей «патрон—клиент», формированию межклассовых политических коалиций и многим иным процессам, революционная реорганизация привела в действие множество способствующих демократии механизмов. Мы видели, как действовали эти механизмы, на примере рабочих организаций, военного призыва, народных объединений и (менее определенно) отношений между евреями и государством. Демократия усиливалась и вновь слабела вместе с режимами. Она временно расцвела в 1848 г., отступила при Второй империи, вновь оправилась в тяжелой борьбе при Третьей республике и почти окончательно пала во время немецкой оккупации, чтобы мятежно расцвести после 1944 г. Де-демократизация происходила посредством обращения вспять стандартных каузальных процессов: через введение категориального неравенства непосредственно в общественную политику, отчуждение сетей доверия от публичной политики и т. д.

Сразу после Второй мировой войны победоносные союзники (войска которых находились на территории Франции) поддерживали правительство и в то же время ограничивали успехи сильной коммунистической партии Франции. Союзники,

однако, не сумели предотвратить огульных казней при освобождении и передачи сугубо диктаторских полномочий Шарлю де Голлю в 1944–1945 гг. Де Голль вновь получил диктаторскую власть в 1958 г., поскольку казался единственным, кто был способен положить конец губительной гражданской войне в Алжире.

Французская история после 1650 г. подчеркивает близкую связь между конфликтами и демократизацией. Демократизация французских режимов происходила всегда не вопреки борьбе масс, но благодаря ей. Дело не в том, что массы всегда требовали демократии, тогда как правящие классы всегда выступали против нее. Напротив, защищенность консультаций крайне редко возрастала из-за того, что народный блок, отстаивавший демократическую программу, завоевывал контроль над государством и сознательно направлял режим к широким, равным, обязательным и защищенным консультациям. К таким случаям можно отнести события 1789–1793, 1848, 1879 и 1946–1948 гг., но лишь затем, чтобы подчеркнуть, что эти события — пики конфликтов, происходивших в течение всего рассматриваемого нами периода. Во Франции и демократизация, и де-демократизация происходили как отчасти случайные, непреднамеренные результаты народной борьбы за государственную власть.

Британские острова

Но конфедераты, напуганные вестями о том, что «Охвостье» направляет в Ирландию войска, послали принцу письма с просьбами вернуть лорда Ормонда, обязуясь полностью подчиниться власти Короля и повиноваться лорду Ормонду как его наместнику. И лорда Ормонда вернули. Это произошло за год до нашествия Кромвеля.

Тем временем вследствие разногласий, возникших в Ирландии между партией конфедератов и партией нунция, и споров по поводу командования эта армия, которая при иных обстоятельствах была бы достаточной, не добилась успеха и в конце концов 2 августа была разбита при вылазке английского гарнизона из осажденного ирландцами Дублина. Кромвель прибыл в Ирландию через несколько дней после этого события. С чрезвычайным усердием, прибегая к чудовищным казням, Кромвель менее чем за год своего пребывания в Ирландии подчинил себе всю страну; уничтожив множество ирландцев, он оставил своего зятя Айртона подчинять оставшихся. Но Айртон умер в Ирландии от чумы прежде, чем довел дело до конца. Это стало еще одним шагом на пути Кромвеля к трону [Hobbes, 1990, 162–163].

Эти события в Ирландии, описанные Томасом Гоббсом в «Бегемоте», происходили в 1648–1650 гг. Сам Гоббс, спасаясь от

опустошавших его родную Англию гражданских войн, большую часть 40-х годов XVII века провел в изгнании во Франции. Вскоре после возвращения в Англию он опубликовал «Левиафана», в котором провозгласил, что без устанавливающего порядок суверена человеческая жизнь «одинокa, скудна, гадка, жестока и коротка». Джон Обри, друг и почитатель Гоббса, писал о «Левиафане»:

Эта книга была написана от имени верноподданных его Величества, воевавших на его стороне или иным образом сделавших все, что было в их силах, для защиты права и личности его Величества от мятежников, вследствие чего, не имея никаких иных средств защиты или (по большей части) средств к существованию, были вынуждены примкнуть к господам, дать обещание повиноваться в обмен на спасение жизни и имущества, что, как подтвердил в своей книге Гоббс, они могли законно сделать, и, соответственно, не поднимать оружия против победителей. Они приложили все усилия к выполнению своих обязательств и были вольны искать безопасного существования, где им было угодно, не совершая при этом измены [Aubrey, 2000, 429–430].

Гоббс издал «Левиафана» в 1651 г., когда вместе с друзьями-роялистами жил в условиях гражданской войны, в ходе которой верх явно брала армия парламента под предводительством Оливера Кромвеля. Хотя «Левиафан» и был написан как философский трактат, он, помимо прочего, обосновывал повиновение ненавистному новому режиму.

К тому времени, когда в конце 60-х годов XVII века восьмидесятилетний Гоббс написал своего «Бегемота», его бывший ученик Карл II (которого Обри в примечаниях к Гоббсу называл «его Величество») царствовал уже почти десять лет, прошедших с момента Реставрации 1660 г. Но Гоббс не забыл наглядных уроков гражданской войны. В приведенных выше эпизодах Гоббс описывает события в Ирландии, где победоносные силы парламента разбили графа Ормонда, протестантского намест-

ника короля в этой стране, и ирландские войска Католической конфедерации (конфедератов). Неминуемое поражение заставило папского нунция Джованни Ринуччини бежать из Ирландии, куда он прибыл в 1645 г.

По приговору английского парламента 30 января 1649 г. был обезглавлен король Карл I (которого Гоббс в своем сочинении называл Правителем). После интенсивных переговоров по поводу политической и финансовой поддержки экспедиции в Ирландию Оливер Кромвель в августе 1649 г. лично прибыл в Дублин в качестве главнокомандующего парламентской армии в Ирландии. Кромвель разграбил Дрогеду и Уэксфорд — опорные пункты конфедератов, — уничтожив около 5 тыс. человек из числа солдат и мирных жителей, а затем, прежде чем вернуться в мае 1650 г. в Англию, завоевал большую часть Ирландии. Его зять Генри Айртон продолжил кампанию тотального разрушения; проводимая им политика выжигания посевов на корню и ставший ее результатом массовый голод уничтожили 40% населения Ирландии [Russell, 1971, 386].

В июле 1650 г. Кромвель руководил вторжением в Шотландию, целью которого было уничтожение сил, сплотившихся вокруг сына покойного короля, еще одного Карла. Шотландские сторонники молодого Карла упорствовали в сопротивлении; под Новый, 1651 год они короновали восемнадцатилетнего принца под именем Карла II. Позднее, в том же 1651 г., Карл II вторгся в Англию, но в сентябре 1651 г. потерпел поражение в битве при Вустере. Преисполненный чувством собственной праведности Кромвель окрестил эту победу «венчающей милостью» [Maclean, 2000, 132].

После того как Карл II шесть недель скрывался от победителей, он бежал на континент, где и оставался до 1660 г. Автор знаменитого дневника Сэмюэль Пипс служил секретарем у Эдварда Монтегю, который командовал флотом, в 1660 г. доставившим Карла из Гааги в Дувр. Во время этого плавания Карл поведал Пипсу о своих странствиях в 1651 г.:

...у меня на глаза навернулись слезы от рассказов о том, какие трудности довелось ему претерпеть: о том, как он пешком шел четыре дня и три ночи по колено в грязи, не имея при себе ничего, кроме зеленой куртки, деревенских порток и пары крестьянских башмаков, и так сбил себе ноги, что едва мог двигаться; о том, как хозяин дома, где он остановился, не видевший Карла восемь лет, узнал его, но сохранил это в тайне; и о том, как за столом в том же доме некто, сражавшийся под Вустером в его собственном полку, не узнал его, но зато заставил пить за здоровье Короля, и говорил, что Король по меньшей мере на четыре пальца выше Карла [Perus, 1985, 49–50].

Как было хорошо известно Гоббсу в 1668 г., когда он писал свой трактат, Карл спасся и в конце концов благополучно правил под именем Карла II. Но в 1651 г. будущее английской монархии и в самом деле казалось туманным.

С 1648 по 1650 г. в Ирландии свирепствовали не только упомянутая Гоббсом чума, но также оспа и дизентерия, переносчиками которых были, вероятно, солдаты. (Впрочем, Айртон, по всей вероятности, умер не от чумы, как сообщает Гоббс, а от жестокой простуды [Gentles, 1992, 379–380].) В 1654 г. Кромвель стал лордом-протектором, но, вопреки инсинуациям Гоббса, отказался от короны в 1657 г. и умер в 1658 г. Его сын Ричард продержался у власти лишь несколько месяцев. Затем ни парламент, ни многочисленные армии, слабо связанные с парламентом, не смогли установить одновременный контроль над Англией, Шотландией, Ирландией и обладавшим полунезависимостью Лондоном. Под давлением генерала Джорджа Монка и его армии вновь избранный и реорганизованный парламент в 1660 г. призвал Карла II обратно на трон. На следующие полвека Ирландия, Шотландия и Англия вернулись к своему прежнему положению формально разных королевств.

Если смотреть из Лондона, Реставрация 1660 г. завершила продолжавшиеся почти 20 лет гражданскую войну и революцию [Harris, 1987, ch. 3]. В самой Англии в боях 1642–1660 гг.

погибло около 85 тыс. человек [Outram, 2002, 248]. В 50-х годах XVII века режим Кромвеля осуществил следующие революционные изменения: объявил кровосмешение и супружескую неверность тяжкими преступлениями, заменил французский и латынь английским в качестве языка судопроизводства и даже попытался запретить публичное употребление спиртных напитков и танцы. Но если смотреть на события из Белфаста или Дублина, эта двадцатилетняя сумятица выглядела скорее как продолжение неудачного, но праведного сопротивления иноземному владычеству. В 30-х годах XVII века наместник Карла I Томас Уэнтворт заслужил ненависть конфискациями поместий отказывавшихся от сотрудничества с англичанами ирландских лордов, расселением английских протестантов в Ирландии, ограничением власти католической церкви в Ирландии и превращением номинально автономного ирландского парламента в орудие английского господства, подчинением (протестантской) Ирландской церкви англиканской доктрине и общим подчинением Ирландии власти англичан. Более того, верующих ирландцев мало затронул тот религиозный энтузиазм, который охватил Англию и Шотландию после 1630 г. Борьба ирландцев была направлена преимущественно на сопротивление усиливающейся власти англичан.

После отзыва Уэнтворта, которого судили и казнили, джен-три Ольстера в 1641–1642 гг. возглавило крупный мятеж против недавно прибывших английских поселенцев. Восстание вскоре нашло союзников по всей Ирландии. Отправка в Ирландию шотландской армии, солдаты и офицеры которой претендовали на земли в Ирландии, спровоцировала новую волну сопротивления по всей стране. Начались ожесточенные столкновения. В своей великолепной семейной хронике Джозеф О'Нил так описывает свой родной западный Корк:

В Бэндоне, городке, где исстари стоял британский гарнизон и где, как говаривали, даже свиньи были протестантами, река

Бэндон уходила под Бэндонский мост. У нас еще помнят о том, как в 1641 г. английские солдаты связали 88 горожан-ирландцев спина к спине и сбросили их с моста в реку, где все они и утонули [O'Neil, 2001, 57–58].

Начав новое вторжение в 1650 г., Кромвель еще сильнее обострил борьбу, поскольку сделал земли в Ирландии предметом залога под военные займы и расплачивался ими с солдатами, участвовавшими в подавлении ирландских мятежей (Как правило, солдаты, получив в уплату обеспеченные землей облигации, быстро перепродавали свои права собственности со скидкой, что способствовало концентрации земель в руках немногих протестантов.) Спасаясь от Кромвеля, более 30 тыс. ирландских воинов эмигрировали на континент [Clarke, 2001, 162].

Реставрация 1660 г. привела к частичному уходу завоевателей. В Ирландии остались всего лишь немногочисленные группы пуритан и сторонников парламента [Kelly, 1991, 163–164]. Но продолжавшаяся 20 лет борьба разрушила собственность католиков, которым в 1641 г. принадлежало 60% земли, а в 1660 г. — только 6%, и в результате постреставрационного урегулирования эта доля достигла всего 20% [Forster, 1989, 115–116]. Ирландия подчинилась восстановлению королевской власти как ослабленная, потерпевшая поражение колония, в которой господствовали клиенты державы-колонизатора.

На этом страдания Ирландии не закончились. Чтобы изыскать доходы, увязший в долгах Карл II перевернул Ирландию вверх дном. Когда в 1685 г. ему наследовал брат-католик Яков, его ирландские представители начали вытеснять протестантов из судебной системы, армии и местного управления. Рождение у Якова наследника-католика в 1688 г. способствовало мобилизации протестантов в Англии и Ирландии. Призвание протестанта Вильгельма Оранского (двоюродного брата и мужа Марии, дочери-протестантки Якова II) на английский престол быстро нашло поддержку и признание в Англии, но в Ирландии вызвало очередную гражданскую войну: Яков, сначала бежав-

ший во Францию, вскоре прибыл в Ирландию для организации вооруженного сопротивления. Хотя Яков снова покинул Ирландию сразу же после того как потерпел сокрушительное поражение в битве на реке Бойн 1 июля 1690 г. от армии Вильгельма, боевые действия в Ирландии, при нерегулярной поддержке Франции, продолжались до 1692 г. К моменту прекращения боевых действий армии почти полвека опустошали то одну, то другую часть Ирландии.

На протяжении большей части периода 1650–2000 гг. Ирландия существовала как колония или, пожалуй, даже как две колонии. При обильных осадках и скверной почве Ирландия давала очень незначительный избыток сельскохозяйственной продукции. Исключение составлял лишь Пэйл, район вокруг Дублина, где издавна выращивали зерновые культуры [Crotty, 2001, 161–204]. Районы Ольстера, в которых осели поселенцы из Англии и Шотландии, долгое время служили придатками экономики Англии. Например, Белфаст с конца XVII до начала XIX века в значительных количествах экспортировал ткани. Однако остальная Ирландия в основном жила примитивным земледелием, отправляя в Англию и английские колонии в бассейне Карибского моря скот, говядину, свинину и масло. Хотя поначалу в Ирландии господствовало мелкое крестьянское хозяйство, экспроприация земли в XVII веке и введение картофеля как сельскохозяйственной культуры в XVIII веке после 1740 г. стимулировали рост безземельного и нуждавшегося в земле населения [Mjoset, 1992, 195–312]. Зависимость бедноты от картофеля сделала население Ирландии крайне уязвимым перед картофельной чумой, свирепствовавшей с 1845 по 1850 г. и вызвавшей массовую эмиграцию из Ирландии.

Раздел Ирландии в 1922 г. на британский север и часть, впоследствии ставшую Ирландской Республикой, привел к свертыванию связей между Ольстером, единственным важным центром капиталистической промышленности, и остальной Ирландией, бывшей по преимуществу аграрной. До этого момента

история Ирландии напоминала историю многих других колоний европейских государств — впрочем, с двумя важными особенностями: между господами и управляемыми не было расового различия; долгое время их разделяло вероисповедание — принадлежность к протестантам или католикам. Вследствие этого восстания и гражданская война в Ирландии продолжались еще многие годы, после того как они прекратились на остальной части Британских островов.

Как показывает таблица 5.1, революционная ситуация, т. е. вооруженный раскол общества, при котором каждая из сторон владеет какой-то существенной частью территории страны и/или контролирует ее учреждения, а также пользуется ощутимой массовой поддержкой в течение по меньшей мере месяца, наблюдалась на Британских островах в течение 27 лет XVII столетия. Если пользоваться этим очень приблизительным критерием, можно сказать, что Британия в XVII веке перенесла даже более интенсивную революционную активность, чем Франция, где революционная ситуация в XVII столетии длилась 23 года. Затем революция стала редкой гостьей на Британских островах. Подобный раскол в Шотландии произошел в 1745–1746 гг., во время последнего восстания сторонников «молодого претендента». Несмотря на то что в разные времена о революции много говорили и ее сильно боялись, после 1689 г. в Англии и Уэльсе не возникло ни одной ситуации, которая заслуживала бы определения революционной. (Шотландские отряды действительно вторгались в Англию во время якобитских восстаний 1715–1716 и 1745–1746 гг., но не нашли в Англии практически никакой поддержки.) Однако Ирландия оставалась беспокойным местом, поскольку борьба, носившая в сущности антиколониальный характер, продолжалась до конца XX века. Последний революционный переход власти произошел во время войны ирландцев за независимость в 1919–1923 гг. Если в Северной Ирландии в начале XXI века возникнет принципиально новая структура власти (что кажется сейчас весьма вероятным), эту борьбу

Таблица 5.1. Революционные ситуации на Британских островах, 1600–2000 гг.

1595–1603	Восстание Хью О'Нила в Ирландии, испанская интервенция (1601 г.)
1608	Ирландское восстание Кэхира О'Догерти
1639–1640	Восстание в Шотландии: «епископская война»
1641–1642	Восстание в Ольстере, распространившееся на другие части Ирландии
1642–1647	Гражданская война в Ирландии, Шотландии, Англии (в Англии замирение произошло в 1646–1647 гг.)
1648–1651	Вторая гражданская война в Ирландии, Шотландии, Англии (завоевание Ирландии Кромвелем, 1649–1650 гг.)
1660	Мятеж генерала Монка, реставрация Карла II
1666	Восстание ковенантеров в Шотландии
1679	Второе восстание ковенантеров в Шотландии
1685	Восстание Монмаута; восстание Аргайла
1688–1692	«Славная революция» в Англии, Шотландии, Ирландии; Франция оказала поддержку Якову II
1715–1716	Восстание якобитов в Шотландии под предводительством графа Мара
1745–1746	Восстание шотландцев и их вторжение в Англию во главе с «молодым перендентом»
1798–1803	Восстание «Объединенных ирландцев»; французское вмешательство в Ирландию (1798 г.)
1916	«Пасхальное восстание» в Ирландии
1919–1923	Гражданская война в Ирландии, завоевание ирландцами независимости
1969–1994	Время от времени прерывающаяся партизанская война в Северной Ирландии

бу, несомненно, можно будет также расценивать как революционную.

В этой главе довольно превратным, но полезным образом я отслеживаю подъемы и спады процесса демократизации на Британских островах, сосредоточивая внимание на событиях в Ирландии. Неоднократно возникавшие в Ирландии революционные ситуации помогают прояснить связи борьбы и демокра-

тизации не только в самой Ирландии, но и связи между конфликтами в Ирландии и демократизацией, происходившей в других частях Британских островов. В такой перспективе легче выявить обусловленные конфликтами истоки демократии, возникшей в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и Англии. Кроме того, подобный взгляд показывает, каким образом важные изменения в сетях доверия, категориальном неравенстве, публичной политике и в отношениях между всеми этими тремя сферами закладывали основу для формирования сравнительно демократических режимов после 1850 г.

Что касается принуждения, капитала и обязательств, то следует заметить, что Британские острова в целом занимали особое положение по отношению к остальной Европе. Монархи из династии Тюдоров — Генрих VII, Генрих VIII, Мария и Елизавета I — уже ограничили автономных лордов в использовании средств принуждения и поставили под контроль короны значительную военную мощь, впрочем, как мы уже видели, недостаточную для того чтобы предотвращать мятежи и гражданские войны. Лондон быстро превращался в главный центр европейского капитала, хотя его влияние распространялось на Британские острова очень неравномерно. Лондонские купцы вели интенсивную торговлю с купцами на континенте, в особенности с купцами из процветавших Нидерландов. Если говорить об обязательствах, то следует проводить различие между обязательствами верхов перед низами и низов перед верхами. К XVII веку на Британских островах господствовал сплоченный правящий класс, но сети доверия и взаимопомощи среди простого народа оставались фрагментированными, региональными.

К 1650 г. Ирландия внешне отличалась от остальных частей Британских островов в трех отношениях. Несмотря на номинальное подчинение английскому господству, Ирландия отличалась тем, что верхи имели широкие, но сегментированные по регионам средства принуждения: у крупных землевладельцев по-прежнему были большие автономные дружины. (Например,

Католическая конфедерация, возникшая в 1650 г., представляла собой случайно сложившуюся коалицию хорошо вооруженных отрядов региональных лидеров.) В Ирландии было мало точек сосредоточения сколько-нибудь значительного капитала, особенно за пределами Дублина и Белфаста. Но католическая церковь связывала большинство ирландцев обширными обязательствами, и такой же эффект имели основанные на кровном родстве сети покровительства в различных регионах.

На Британских островах в целом в течение двух столетий с 1650 г. возникли огромная концентрация потенциала принуждения у правительства, еще более значительная концентрация капитала и умеренное усиление и существенные трансформации обязательств. В Ирландии за те же два столетия правительство также сосредоточило в своих руках потенциал принуждения, но далеко не в той степени, в какой это произошло в Англии, Уэльсе и Шотландии. Происходили в Ирландии, особенно в торгово-промышленном Ольстере, и процессы накопления и концентрации капитала. А политическая мобилизация, вызванная ущемлением прав католиков, упрочила обязательства в пределах отдельных соперничавших друг с другом общин — ирландских католиков и ирландских протестантов. Долговременные изменения потенциала насилия, капитала и обязательств играют важную роль в моем повествовании.

Проблески демократии

Мы видим, что, как и Франция, Британские острова к 1650 г. были охвачены гражданской войной. Более того, как и во Франции, здесь в ходе борьбы на какое-то время проявились демократические идеи [Zaret, 2000]. Однако политические размежевания в Британии и британские демократические идеи принимали религиозные формы в большей степени, чем во Франции. Хотя ни католикам, ни англиканам не удалось особенно по-

греться у демократических костров, эгалитарные программы продвигали протестанты — диссентеры, в том числе квакеры и конгрегационалисты. Некоторые из них отстаивали идею правления парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права для мужчин. Квакеры пошли еще дальше, установив в своих общинах примерное равенство мужчин и женщин.

В кромвелевской армии «новой модели» радикалы установили свое представительство, избрав людей, которых красноречиво называли агитаторами. Во время знаменитых дебатов, проведенных армейским Генеральным советом армии в Путни (октябрь—ноябрь 1647 г.), полковник Томас Рейнборо ответил на вызов Айртона в поразительно демократических, хотя все еще сексистских терминах:

В самом деле, я думаю, что у последнего бедняка, равно как и у знатнейшего человека в Англии есть право прожить свою жизнь; стало быть, совершенно ясно, что каждый, кто должен жить под властью правительства, должен сначала дать свое согласие на подчинение этому правительству. Я также полагаю, что беднейший из англичан, строго говоря, не обязан подчиняться правлению, за которое не голосовал. Я удивлен тем, что англичанин может сомневаться в таких вещах [Gentles, 1992].

В то же самое время левеллеры в армии и Лондоне распространяли радикальное требование писаной конституции, Народного соглашения, которое предусматривало перераспределение мест в парламенте пропорционально численности населения, парламентские выборы раз в два года и верховенство палаты общин [Gentles, 2001, 150]. Левеллеры утверждали, что говорят от имени английского народа. Тем не менее в течение последующих двух лет возобладали более авторитарные воззрения Кромвеля и Айртона, претендовавших на божественное вдохновение. Более того, в ходе дальнейших дебатов о парламентском представительстве Кромвель убедительно доказывал,

что всеобщее избирательное право для мужчин позволит господам и помещикам управлять голосами зависимых от них людей, а потому правом голоса должны обладать только независимые мужчины-собственники. И все-таки какое-то время английские лидеры всерьез обсуждали установление таких форм защищенной консультации, какие были ранее неизвестны национальным европейским режимам, даже Голландской республике, пример которой вдохновлял многих британских теоретиков.

Кризисы в Британии XVII века важны для нашего анализа в трех отношениях. Во-первых, несмотря на то что впоследствии британцы всегда гордились своей способностью к компромиссам и урегулированиям, демократизация на Британских островах, как и повсюду, была результатом ожесточенной борьбы. Во-вторых, демократизация в различных частях Британии ускорялась, только когда отдельные категории граждан, сложившиеся на основе религиозной принадлежности, начинали разваливаться. В-третьих, сроки и характер демократизации существенно различаются в зависимости от того, рассматриваем ли мы одну Англию или также Уэльс, Шотландию и в особенности Ирландию. Концепции одновременной демократизации по всей территории или постепенного распространения демократической культуры из нескольких передовых центров не соответствуют реальному процессу перемен. Если говорить о Британских островах в целом, то острый конфликт в Северной Ирландии даже сегодня напоминает нам о том, что демократизация остается незавершенной и спорной.

Третий пункт схематически представлен на рисунке 5.1, где сопоставлены движения в плоскости дееспособности правительства и защищенности консультаций в Ирландии, Шотландии, Англии—Уэльсе и на Британских островах в целом в период с 1600 по 2000 г. В каждом конкретном случае этот рисунок определяет дееспособность и защищенность в отношениях с правительством, реально действующим в регионе, — правительствами Ирландии, Шотландии, Англии и Уэльса и прави-

тельством Британских островов. В более ранний период Уэльс также двигался по собственной траектории, и эта эволюция формально была пресечена принятым при Генрихе VIII законом об унии 1536 г. Однако к 1600 г. периферийный регион тесно интегрировался в систему английского владычества. Моя мать, выросшая в Понтикимпре, Уэльс, привила мне ощущение разницы между английским и валлийским образом жизни. Да, эта разница действительно существует. Но недавняя деволуция власти, которая была передана валлийскому правительству, не сделала валлийский политический режим отличным от английского. Поэтому, признавая серьезное социальное своеобразие Уэльса и Англии, я в данном исследовании рассматриваю эти две страны как единую политическую сущность.

Что касается Ирландии, то на рисунке большая часть XVII века показана как время упадка дееспособности правительства и сравнительно низкой защищенности консультаций. За этим периодом последовал XVIII век, в течение которого возможности правительства возрастали, а защищенность консультаций снижалась. С 90-х годов XVIII века начался новый период, охвативший весь XIX век, в течение которого борьба и уступки привели к расширению и усилению защищенности за счет ограничения централизованной власти. Рисунок показывает, что в XX веке произошли некоторая демократизация и усиление дееспособности правительства. Эти тенденции наблюдались до раскола между севером Ирландии и остальной ее частью, после чего две части Ирландии стали развиваться по-разному. В дальнейшем можно видеть снижение защищенности и нарастание дееспособности правительства на севере и умеренное нарастание обоих этих показателей в Ирландской республике. Более детализированная картина, разумеется, показала бы различия, по крайней мере между Ольстером, районом Дублина и остальной Ирландией, но тогда схема утратила бы свою ценность как инструмент сопоставления крупных регионов Британских островов.

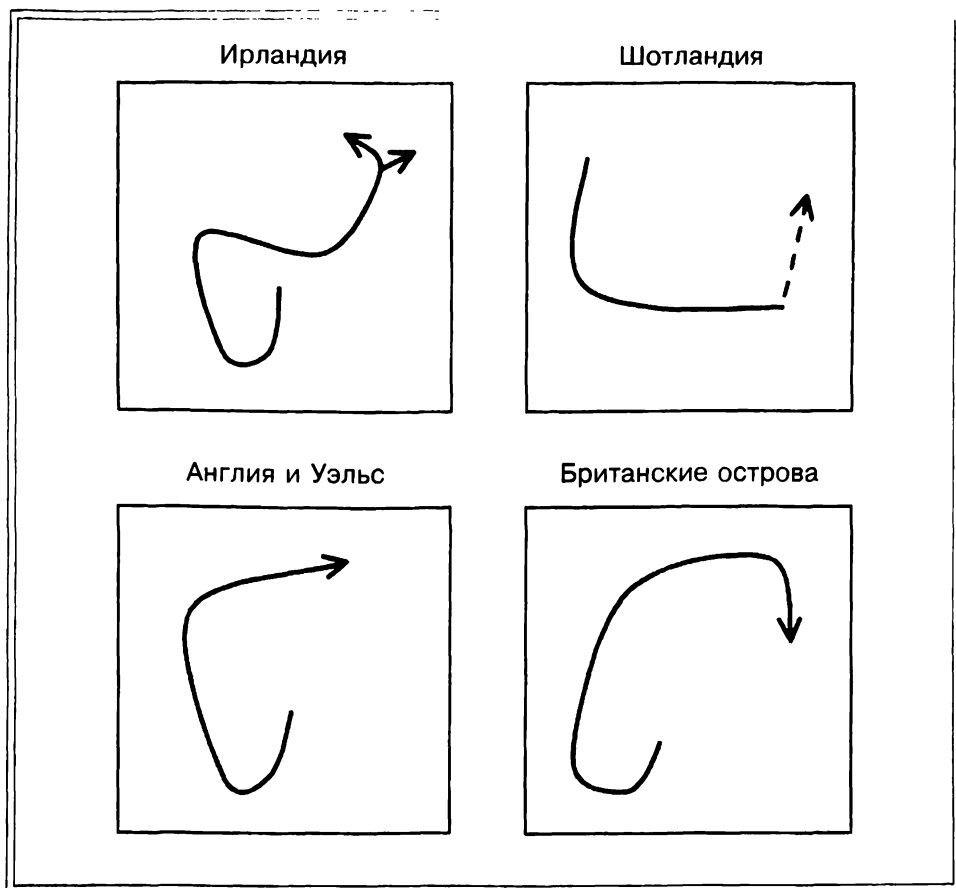

Рисунок 5.1. Изменчивость национальных режимов
Британских островов, 1600–2000 гг.

Как показывает рисунок, в Шотландии по мере того как власть Стюартов распространялась на все Британские острова, дееспособность регионального правительства резко снижалась, а защищенность консультаций отчасти возрастала. В течение XVIII века установилось английское владычество; в XIX веке происходила дальнейшая демократизация в условиях подчинения господству Англии. Идущая вверх пунктирная линия на рисунке означает предположительное существенное возрастание автономности местной власти и умеренное расширение де-

мократического доступа, совпадающие с возрождением собственного шотландского парламента в мае 1999 г. Более подробный рисунок, как минимум, отразил бы различия между преимущественно пресвитерианскими равнинными районами и более пестрыми в религиозном отношении районами нагорья (где, кстати, большей властью пользуются и землевладельцы). Но подобные нюансы заставили бы нас отклониться от нашей цели, которая заключается в проведении различий.

История Англии и Уэльса в XVII веке напоминает историю Ирландии. Впрочем, в более позднее время в Англии и Уэльсе происходит значительное усиление дееспособности правительства в сочетании с продолжавшимся вплоть до наполеоновских войн упадком защищенности консультаций. За этим периодом последовала демократизация, сопровождавшаяся, впрочем, острой борьбой. В более подробном историческом очерке можно было бы провести различия между типами правления в экономически развитом лондонском регионе, в переживавших индустриализацию районах севера Англии, в горнодобывающих и аграрных районах Уэльса и прочих аграрных районах [Tilly, Wood, 2003; Garrand, 2002]. Но даже упрощенный вариант такого обзора показывает, что процессы постоянной демократизации и роста возможностей государства в гораздо большей степени затронули Англию и Уэльс, нежели Шотландию и особенно Ирландию.

Наконец, график, построенный для Британских островов в целом, учитывает прежде всего организацию центральной власти на островах. Если не считать отдельных периодов, например времени радикальной централизации при Кромвеле, государство до образования британской унии (1707 г.) состояло из трех королевств. С 1707 г. власть была явно дуалистичной (при формальном подчинении Ирландии) вплоть до создания Соединенного Королевства в 1801 г. Уния 1707 г. уничтожила шотландский парламент: 45 представителей Шотландии стали членами английского парламента. В новом, созданном в 1801 г. Соеди-

ненном Королевстве в палату общин английского парламента вошли 100 ирландских протестантов, а ирландская церковь была интегрирована в англиканскую церковь, что стало ответом Уильяма Питта на ирландские восстания 1798 г. и последующих лет. Впрочем, вскоре в процессе постепенного отделения Ирландии, начиная с 1922 г., режим снова стал фрагментироваться.

Подобный набросок всегда будет слишком упрощенным: задача не в том, чтобы проследить точную траекторию изменений, а в том, чтобы выявить критически важные различия. Более того, эти весьма карикатурные описания не учитывают преобладания косвенного правления на большей части территории Британских островов в течение долгого времени после 1600 г. [Braddick, 2000, ch. 8]. Номинальное центральное правительство часто предоставляло значительную власть военным вождям, землевладельцам, духовенству и уполномоченным представителям короны вроде шерифов и мировых судей. Более того, в XVIII веке баланс сил стал заметно смещаться от короны к британскому парламенту, по мере того как войны требовали все больших затрат и усиливалось влияние парламента, обеспечивающего правительство доходами с помощью законодательных актов.

Как мы видели, во Франции, начиная с царствования Людовика XIV, корона вытесняла региональные власти и прямыми нападками на протестантов упраздняла религиозные категории как основу политических прав. Британия пошла по иному пути, первой вписав политические права и обязанности в религиозные категории. Хью Кирни обобщает раннюю фазу процесса следующим образом:

На самом деле, когда в 1690 г. политическая и религиозная карта Британских островов стабилизировалась, религиозное единство достигнуто не было. В Англии существовала острая вражда между государственной англиканской церковью и сектами, каждая из которых придерживалась собственной версии собы-

тий гражданской войны. В Шотландии пресвитерианцы разных толков боролись за контроль над государственной церковью и часто были едины только в своей ненависти к членам епископальной церкви и католикам. В Ирландии население было разделено на протестантов (т. е. членов государственной церкви), католиков и пресвитерианцев. В Уэльсе государственная церковь сталкивалась с сектантами. По-видимому, в течение этих двух столетий произошло вот что: для многих чувство принадлежности к определенной церкви заменило прежнюю культурную общность. Расколы феодальной эпохи уступили место новым религиозным расколам [Kearney, 1989, 126–127].

Организация политической жизни вокруг религиозных *категорий* парадоксальным образом уменьшила тенденцию к выдвиганию религиозных *обоснований* существующих или рекомендуемых форм политического устройства [Zaret, 2000, 274]. Символы веры уступали место политическим размежеваниям, определенным в религиозных понятиях. Но лишь по мере того как интеграция политических прав в религиозные категории стала с конца XVIII века снижаться, у демократии появился новый шанс в других частях Британских островов.

Насколько славной была «славная революция»?

У «славной революции», в результате которой к власти пришли Вильгельм и Мария, были продолжительные последствия, доставшиеся дорогой ценой. Если рассматривать Британские острова в целом, урегулирование 1690 г. породило более дееспособное правительство, чем когда бы то ни было. На первом этапе это произошло за счет защищенности консультаций. Разумеется, в результате переговоров с Вильгельмом и Марией об условиях престолонаследия парламент добился большой власти:

он взял на себя ответственность за доходы и расходы короны (и, следовательно, контроль над ними), ограничил ассигнования на армию годичным сроком и установил королевские прерогативы законом о престолонаследии, который был задуман как договор между парламентом и короной (впрочем, вопрос о том, насколько велик был выигрыш парламента, остается спорным — ср. [Beddard, 1991] и [Price, 1999, 234–239]). Билль о правах, принятый в 1689 г., подтвердил ограничения, наложенные на власть монархов парламентом.

Джон Локк, с 1683 г. находившийся в изгнании, приплыл в Англию из Голландии на том же корабле, на котором возвращалась и принцесса Мария, чтобы стать королевой. В своем втором «Трактате о гражданском правлении» (1689) Локк, бросая вызов созданной Гоббсом апологии абсолютизма, постулировал естественное состояние, в котором пребывали свободные, равные, разумные, мирные люди (Локк говорил *мужчины*. — *Авт.*), повиновавшиеся только естественному закону. Локк доказывал, что ради защиты своей собственности люди могут делегировать власть законодательному собранию, которое сохраняет право на власть лишь до тех пор, пока выполняет свои обязательства перед гражданами. При этих обстоятельствах:

...во всех случаях, пока существует правление, законодательная власть является верховной. Ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их; а поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, подписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной, и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей [Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. 2. § 150 // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 350].

Локк провел явное различие между законодательной и исполнительной властью, признав, впрочем, что и ту и другую могут осуществлять одни и те же люди. И все же Локк вполне определенно подчинил власть исполнительную (читай «королевскую») законодательной (читай «парламентской»). Локк уловил политический дух «славной революции».

Новый режим одновременно дал толчок развитию партийной политики и укреплению государственных финансов, которое происходило под голландским влиянием [Braun, 1975, 290–294; 't Hart, 1991; Kishlansky, 1996, 290; Scott, 2000, ch. 21]. Создание Банка Англии (1694 г.) в сочетании с установлением парламентского контроля над правительственными долгами привело к образованию сравнительно надежного национального долга и к глубокому вовлечению лондонских «денежных мешков» в финансирование этого долга, а также к тому, что состоятельные люди стали активно вкладывать деньги в государственные ценные бумаги [Armitage, 1994; Muldrew, 1998, 328–329]. В долгосрочной перспективе эти изменения заложили основу демократизации через расширение парламентского представительства. Однако в краткосрочной перспективе восшествие на престол Вильгельма и Марии фактически ограничило участие в политической жизни на Британских островах.

Каким образом? «Славная революция» и последовавшее за ней политическое урегулирование отлучило от политической жизни католиков во всех трех частях королевства. «Славная революция» укрепила позиции англиканской церкви в Англии и Уэльсе, отлучив от политики и меньшинство протестантов, не принадлежавших к государственной церкви. В Ирландии, населенной (несмотря на значительное число пресвитериан в Ольстере) преимущественно католиками, революция укрепила шаткую гегемонию протестантской церкви Ирландии. С этого момента в ирландском парламенте не мог заседать ни один католик. В расколотой по религиозному признаку Шотландии новый порядок укрепил позиции пресвитерианского истеблиш-

мента. Во всех случаях революция вдвойне усилила интеграцию религиозных различий в политическую жизнь, соединив их с очень жесткими имущественными цензами на право голоса и право занимать государственные должности.

В сфере публичной политики эти изменения уменьшили ту часть населения, которая осуществляла обязательные консультации в отношении правления, и ограничили защищенность значительного сегмента населения, в особенности католиков, от произвола агентов правительства, усугубив неравенство прав и обязательств, связывавших граждан с этими агентами. Благодаря указанным изменениям категориальное неравенство еще глубже проникло в публичную политику. Во всех трех королевствах эти изменения дали основной массе населения мощный стимул к ограждению своих сетей доверия от государственного вмешательства и публичной политики. С точки зрения пересечений категориального неравенства и публичной политики, интеграции сетей доверия в публичную политику и внутренних изменений самой публичной политики послереволюционное урегулирование препятствовало демократизации. Урегулирование укрепило основанную на религиозных принципах олигархию как фундамент власти на Британских островах. Таким образом, по всей территории Британских островов масштабные кризисы, происходившие с 1640 по 1690 г., для населения в целом завершились понижением уровней защищенности консультаций.

Впрочем, несмотря на то что «славная революция» и последовавшая вскоре за ней политическая адаптация в краткосрочной перспективе затруднили и затормозили демократизацию, они сформировали на Британских островах условия для последующей демократизации. Именно потому, что послереволюционное урегулирование связало национальное политическое участие с религиозной принадлежностью и обладанием собственностью, исключения в этом отношении стали предметом споров в публичной политике. А эти принципиальные вопро-

сы оставались предметами споров. Например, в 1711 г. режим королевы Анны установил законы, предусматривавшие имущественные цензы для избрания в парламент. Эти законы отлучали от участия в парламенте богатых кушцов и тех протестантов-диссентеров, которые лишь изредка причащались в англиканской церкви, для того чтобы соответствовать обязательным для избирателей требованиям. Более того, после смерти Анны в 1714 г. могущественная фракция пыталась возвести на престол католика Якова III. Якобиты (как стали называть сторонников Якова Стюарта) вскоре спровоцировали вторжение и гражданскую войну в интересах своего ставленника.

Расширив полномочия парламента, «славная революция» повысила значение парламентского участия, национальных выборов и законодательной деятельности в публичной политике. Борьба за голоса, развертывавшаяся в рамках ограниченного электората, политическое покровительство и покупка влияния приобрели в национальной политической жизни большее распространение и большую устойчивость, чем когда-либо прежде [Price, 1999, 251–253]. Когда после смерти Анны корона досталась немецкому принцу-протестанту (Георгу I), власть перешла от тори к вигам, но это лишь усилило значение партийных игр и политического покровительства.

Более того, по мере стремительного расширения вооруженных сил на протяжении XVIII века утверждение парламентом налогов и расходов придало дополнительный вес парламентским решениям, что положило начало решительному смещению власти от королевской администрации к парламенту [Brewer, 1989; Stone, 1994; Tilly, 1997]. Таким образом, право голоса и членство в парламенте стали желанной наградой, отказ в которой вызывал протесты со стороны отлученных от политической жизни и их защитников. Палата общин издавна установила по всей Великобритании систему географически разграниченных избирательных округов, подчинив их контролю элиты [Morgan, 1988, 43]. И все же, по мере того как палата общин

приобретала влияние при решении общенациональных вопросов, это более или менее случайное деление на округа превращалось в матрицу народного представительства.

Программа восстановления прав католиков дает пример обусловленности борьбы за демократизацию лишением прав по религиозному признаку. «Славная революция» со всей определенностью установила для католиков запрет на государственные должности. Отлучение католиков увенчалось законом о присяге для должностных лиц, которая предусматривала отречение от догматов католицизма и (в случае с членами парламента) отказ от признания власти папы.

От членов парламента требовали подписать: 1) присягу на верность; 2) клятву, отрицающую какие-либо права Стюартов на престол; 3) признание верховенства монарха («Я, такой-то, клянусь, что... отрекаюсь как от неблагочестивой и еретической от ужасной доктрины и утверждения, будто властителей, отлученных от церкви или лишенных сана Папой, их подданные могут низлагать или убивать... И заявляю, что ни один иностранный властитель, ни одно лицо, ни один прелат, ни одно государство и ни один иностранный монарх не имеют и не должны иметь никакой юрисдикции... или власти, церковной или духовной, в нашем королевстве»); 4) заявление против доктрины пресущствления, молитв святым и мессы [Hinde, 1992, 161n].

Как предполагает политический подтекст этих требований, католики Британии и Ирландии подпали под двойное подозрение — в подчинении иноземным властям (т. е. папе) и в сотрудничестве с историческим врагом Британии — Францией. Разумеется, в 1689 г. пользовавшийся поддержкой католиков и Франции претендент на престол из династии Стюартов, только что низложенный Яков II, казался новому режиму серьезной угрозой. Якобитские выступления вплоть до неудачного восстания якобитов в 1745–1746 гг. продолжали влиять на религиозную политику. Хотя протестанты, которые не принадлежали к

государственной англиканской церкви, также страдали от установленного урегулированием 1689 г. ограничения политических прав, на практике сменявшие друг друга режимы гораздо успешнее и эффективнее не допускали в парламент и в публичную политику католиков, нежели диссентеров [Clark, 1985, 315–324; Colley, 1992, ch. 1; Langford, 1991, 71–138].

Отлучение католиков от политики имело серьезные политические последствия. Когда англичане в ходе Семилетней войны (1756–1763 гг.) отобрали у Франции Квебек, Британская империя не только обрела юрисдикцию над населением, которое почти поголовно исповедовало католицизм, но и умиротворила тех, кто мог в этой колонии сопротивляться британской власти (т. е. католиков), крупными уступками в плане самоуправления Квебека. Это урегулирование создало в рамках Британской империи двойника Ирландии, предоставив католикам из Квебека условия более благоприятные, чем их единоверцам ирландцам. По мере того как британцы инкорпорировали католическую Ирландию в экономику и государственный строй своей империи, ирландский протестантский истеблишмент становился все менее эффективным инструментом косвенного правления, а требования автономии или представительства, выдвигавшиеся ирландцами-католиками как в Ирландии, так и в Англии, постепенно нарастали. Наконец, расширение вооруженных сил во время войны за независимость в Америке привело к тому, что вербовщики все охотнее брали в армию ирландцев, прославившихся как наемники в других европейских странах. На британскую военную службу путь им был до сих пор заказан, поскольку здесь требовалась антикатолическая присяга.

Обусловленное военными потребностями освобождение солдат-католиков от присяги в конце 70-х годов XVIII века вызвало яростные возражения со стороны защитников англиканского господства. Освобождение от присяги непосредственным образом привело к формированию общенациональной Протестантской ассоциации, которая организовывала петиционные и

агитационные кампании и акции сопротивления. Член палаты общин от Шотландии лорд Джордж Гордон, чье яростное противодействие требованиям католиков сделало его в 1780 г. главой ассоциации, развернул антикатолическую кампанию. Основными методами участников этой кампании были собрания и петиции в парламент, но в июне 1780 г. они перешли к нападениям на живущих в Лондоне католиков и в особенности на их собственность. Во время этих кровопролитных столкновений погибло 275 человек — в основном от рук солдат, восстанавливавших порядок на улицах Лондона [Tilly, 1995, 160–161]. В глазах британских правящих классов эти так называемые «гордоновские беспорядки» окружили народный антикатолицизм ореолом воинствующей иррациональности. И наоборот: защита политических прав католиков стала признаком просвещенности. Само слово «*emancipation*» (освобождение, предоставление свободы) подчеркивало сходство положения католиков и рабов.

На волне побед американских мятежников над британскими войсками британское правительство в 1782 г. предоставило ирландскому парламенту широкие полномочия. Корона по-прежнему сохранила право налагать вето на принятые ирландским парламентом законы, но не могла отрешать ирландских судей от должности, тогда как английский парламент практически утратил законодательную власть во внутренних делах Ирландии. Вскоре Ирландия учредила собственную почту, свой национальный банк и таможенную службу. В 1792 г., когда началась война с революционной Францией, ирландские католики вернули, наконец, себе право работать барристерами*. В 1793 г. католики-собственники снова получили право голоса. Но в ирландском парламенте по-прежнему заседали только протестанты. Страна, примерно 85% населения которой исповедовали ка-

* *Барристер* — адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде (в Великобритании). — *Примеч. ред.*

толицизм, продолжала жить по конституции, не допускавшей католиков на национальные политические посты, что усиливало аномальность ситуации.

Эмансипация католиков как пример демократизации через борьбу

С этого времени в Великобритании началось слияние различных важных процессов. Эмансипация католиков стала стандартным (впрочем, отнюдь не всеобщим) требованием реформаторов и радикалов, развертывавших кампании за реформу парламентского представительства. Под «реформой» участники этих кампаний подразумевали нечто вроде упразднения контроля покровителей над округами по выборам в парламент, установление более единообразных цензов для избирателей по всей стране, расширение электората и частые парламентские выборы. (До XIX века требования всеобщего избирательного права для мужчин или хотя бы равно пропорционального представительства среди собственников редко находили сколько-нибудь значительную поддержку.) Эмансипация католиков удачно вписывалась в такие программы, поскольку была связана с требованиями большего равноправия и права голоса в государственных делах для людей, которые в то время были отлучены от политики.

С 80-х годов XVIII века по 20-е годы XIX века вопросы парламентской реформы и эмансипации католиков как проблемы национальной политики Великобритании то выдвигались на первый план, то уходили в тень. Но во время войн с революционной Францией и наполеоновских войн, когда Уильям Питт-младший попытался задушить ирландское революционное движение, подрывавшее титанические военные усилия британского правительства, эмансипация стала более насущной проблемой. Питт способствовал созданию в 1801 г. Соединенного Королев-

ства Великобритании и Ирландии (что было сомнительным достижением), а это означало роспуск отдельного ирландского парламента и включение сотни ирландских протестантов в бывший британский парламент.

Разрабатывая план перемен, Питт обещал католикам крупные политические уступки. Упорное нежелание короля Георга III идти на компромисс за счет англиканского истеблишмента (и тем самым за счет короны, которая уже страдала от вызванного войной усиления власти парламента) сделало это обещание невыполнимым. Тот факт, что католики должны были платить десятину, обеспечивая безбедное существование англиканскому духовенству, в дополнение к выплатам в пользу своих не столь процветающих священников, усугублял страдания, причиняемые католикам отлучением от государственных должностей. Последовавшая отставка Питта нимало не умерила требований католиков. Напротив, с 1801 по 1829 г. эмансипация католиков оставалась одной из самых болезненных политических проблем Соединенного Королевства. Например, произошедшая во время войны отставка коалиционного «министерства всех талантов» в 1807 г. была обусловлена отказом короля одобрить присвоение католикам чина полковников в Англии, несмотря на то что Георг III уже пошел на эту уступку в Ирландии.

Однако вопрос вызывал острые разногласия вследствие обстоятельств, гораздо более серьезных, нежели отстаивание королем привилегий англикан. В Великобритании антикатолицизм по-прежнему находил отклик в широких массах населения, особенно из-за усиления ирландской эмиграции в Англию и Шотландию (эта эмиграция была ответом на развитие промышленности в Британии и соответствующее свертывание промышленности в Ирландии). В свою очередь, ирландские католические элиты противились еще большему отстранению от серьезных решений, касавшихся судьбы их острова. Это отстранение явилось результатом передачи полномочий старого дублинского

парламента, каким бы протестантским по составу он ни был, Вестминстеру, где доминировали англичане. На протяжении 20-х годов XIX века неоднократно совпадали два движения: приобретающая все более массовый характер и возглавляемая юристами, священниками и другими представителями ирландских элит кампания за предоставление политических прав католикам и кампания в поддержку эмансипации католиков, развернутая в самой Великобритании коалицией радикалов, реформаторов и организованных католиков. В конце концов, возникло и контрдвижение протестантского сопротивления требованиям католиков.

В 1829 г. для этих переплетающихся друг с другом движений наступил момент развязки. На протяжении шести предшествующих лет ирландский католик и юрист Дэниел О'Коннелл и его союзники создали в Ирландии несколько сменявших друг друга вариантов массовой Католической ассоциации, имевшей определенное число последователей в Великобритании. Создатели Ассоциации совершенствовали организационные формы (по иронии судьбы первоначально позаимствованные католиками у методистов), с которыми во время массовых политических мобилизаций 1816–1819 гг. экспериментировали радикалы и реформаторы. Лидеры Католической ассоциации заручились поддержкой католического духовенства по всей стране. В 1825 и 1826 гг. Ассоциация успешно поддержала симпатизирующих католикам протестантов, которые сменили в качестве членов парламента представителей ирландского протестантского истеблишмента. Используя эти средства и общенациональную агитацию, лидеры Ассоциации стремились подвинуть парламент к предоставлению политических прав католикам. Ассоциация взимала ежемесячные взносы в размере одного пенни («католическую ренту») с тысяч крестьян и рабочих. На эти деньги она вела непрерывную эффективную пропагандистскую кампанию, формировала коалиции, занималась лоббистской деятельностью и выдвигала публичные требования. Всякий раз,

когда британское правительство запрещало Ассоциацию, О'Коннелл и его товарищи создавали ей слегка реорганизованную (и переименованную) пресмилицу.

Попытки протестантов — сторонников эмансипации католиков провести билль через парламент проваливались в 1812 г., неоднократно в 1816–1822 гг. и снова в 1825 г. Но в 1828 г. корона и парламент, отменив принятые в XVII веке законы о тестах и о корпорациях, дали согласие на восстановление политических прав протестантов-диссентеров (т. е. баптистов, квакеров и пресвитериан, сыгравших столь заметную роль в революциях 1640–1660 гг.). Хотя в результате католики лишились своих важных союзников, в конечном счете этот прорыв создал момент, благоприятный для эмансипации католиков. Режим, защищавший верховенство англикан посредством принципиального отстранения неангликан от должностей (несмотря на частые исключения для диссентеров) утратил часть логических обоснований, приводившихся в пользу отстранения католиков.

Палата лордов и король представляли собой более серьезные препятствия, нежели палата общин, которая к 20-м годам XIX века в целом смирилась с необходимостью некоторого расширения прав католиков. Разумеется, в число лордов входили не только пэры королевства, но и епископы англиканской церкви, большинство которых едва ли легко принесли в жертву политические привилегии своей организации. Более того, во время коронации британские монархи клятвенно обещали защищать верховенство англикан и англиканской церкви; в 1828 г. король Георг IV все еще опасался, что, одоблив эмансипацию католиков, он нарушит коронационную клятву.

Когда в 1828 г. палата лордов снова отложила эмансипацию, и организаторы-ирландцы, и их британские союзники с удвоенной силой развернули кампанию за эмансипацию, не только расширив Католическую ассоциацию, но и начав массовые митинги, шествия и сбор подписей под петициями. Избрание ка-

толика О'Коннелла членом парламента от ирландского графства Клер осенью 1828 г. стало прямым вызовом национальным властям, особенно после того как О'Коннелл объявил, что намерен занять свое место в Вестминстере при открытии нового парламента в начале 1829 г.

Эта грозная мобилизация, в свою очередь, дала стимул к массовой контрмобилизации защитников того, что называлось протестантским государственным устройством. В Великобритании и, в меньшей степени, в Ирландии протестанты организовали «Брауншвейгские клубы», которые устраивали митинги, шествия, подачи петиций, вели пропаганду и демонстрировали солидарность с правящей династией. В Ирландии мобилизация протестантов подхлестнула дальнейшую мобилизацию католиков. Один немецкий князь, путешествовавший по Ирландии в 1828 г., сообщал о встрече в г. Корк с юношей, который рассказывал ему, что в Типперери

...люди знают, как противостоять оранжистам. О'Коннелл и Ассоциация организовали нас как регулярную армию. Я вхожу в эту армию, и дома у меня есть военная форма; в этой форме меня не узнать. Три недели назад мы собрались там на смотр — свыше 40 тыс. человек. Все мы были в зеленых куртках... с вышивкой на рукаве «Король Георг и О'Коннелл». Мы сами выбрали своих офицеров; они обучают нас, и мы умеем маршировать и заходить флангом, как британские солдаты. Конечно, у нас нет оружия, но если О'Коннелл захочет, оно у нас появится. У нас есть флаги. Всякого, кто дезертирует и напьется, мы бросаем в воду, пока не протрезвится; но такое случается очень редко [Hinde, 1992, 114].

То, что палаты общин и лордов, а также король в конце концов весной 1829 г. предоставили католикам основные политические права (хотя и не абсолютное равноправие), произошло в результате кризиса в Ирландии и Великобритании, который иначе стал бы неразрешимым. Эмансипация католиков никоим образом не означала, что все британцы вдруг стали религиозно

терпимыми. Например, евреи дожидались аналогичных уступок до 1858 г. Не исчезла из жизни британского общества и неофициальная дискриминация евреев и ирландских католиков. Здесь я говорю о юридическом отлучении от политических прав на основании религиозной принадлежности и о кампании, направленной на снижение прямой интеграции религиозных категорий в публичную политику.

Британские власти вели двойную игру, имея дело в Великобритании с преимущественно антикатолической мобилизацией, а в Ирландии — с массовой, почти повстанческой прокатолической мобилизацией. Каталог «мятежных сборищ» (случаев, когда вместе открыто собирались не менее 10 человек, которые тем или иным образом выдвигали коллективные требования), упомянутых в одном или нескольких из семи британских периодических изданий в марте 1829 г., дает представление о положении в Британии, но, к сожалению, не в Ирландии [Tilly, 1995]. В течение этого беспокойного месяца палата общин наконец приняла законы об эмансипации и направила их в палату лордов. В общей сложности в каталоге «мятежных сборищ» за март 1829 г. упомянуты 153 собрания, которые были явным образом направлены либо на поддержку эмансипации, либо против нее. К этому числу следует прибавить еще полдюжины собраний, участники которых реагировали на действия должностных лиц с позиции своего отношения к эмансипации католиков. (Поскольку источником многих сообщений о подобных собраниях были парламентские дебаты, в ходе которых члены парламента, обычно сообщая о митингах по сбору подписей под петициями, старались упоминать места, где прошли митинги, но пренебрегали датами, некоторые из событий, попавших в каталог за март, произошли, скорее всего, в феврале, однако они определенно относятся к той же волне мобилизации.)

Выборка, охватывающая примерно двадцатую часть всех упомянутых в каталоге за март событий, передает следующие особенности развернувшейся борьбы.

Лондон. Священник и прихожане часовни на Краун-стрит собрались для подписания петиции, в которой помимо прочего было заявлено, что «двигатель римского католицизма, со всей его механикой, все еще цел и готов прийти в действие, как только представится подходящий случай, и если препятствия внутри нашего славного государственного устройства, пока еще сдерживающие работу этого двигателя, будут устранены, влияние католицизма постепенно возрастет, ибо по самой своей природе он проникает и внедряется повсюду, и его неостановимое продвижение должно завершиться полным покорением свобод протестантов...» [Votes and Proceedings of Parliament, 1829, 2 March, p. 336–337].

Ковентри. На массовом митинге была принята антикатолическая петиция, которую подписали 3915 человек. Это спровоцировало появление контрпетиции в поддержку католиков, которую подписали 905 человек [Hansards, Parliamentary Debates, 1829, 3 March, p. 699].

Ротсей. После речей о католической угрозе участники собрания в капелле м-ра Макбрайда разошлись, причем «некоторые, наиболее буйные из них, считая, что в знак уважения к своему священнику им лучше всего устроить гонения на католиков, направились к дому единственного живущего в местечке ирландца (бедного бродячего торговца гончарными изделиями) и вдребезги разнесли все, что у него было в доме» [Times, 1829, 10 March, p. 4].

Инвернесс. «Мальчишки и распущенные юнцы» сожгли чучело, символизирующее папизм, прошли по городу с другим чучелом, а затем взломали двери и разбили окна в католической церкви и полицейском участке [Times, 1829, 17 March, p. 3].

Эдинбург. На массовом митинге против деятельности прокатолической ассамблеи мэр и жители составили антикатолическую петицию, собрав 13 тыс. подписей [Times, 1829, 19 March, p. 1].

Лондон. После дебатов, состоявшихся в палате общин при втором чтении билля об эмансипации, сторонники эмансипации выпрягли лошадей из наемного экипажа, в котором находился Дэниел О'Коннелл, и попытались триумфально провезти его на себе, но О'Коннелл пробился сквозь толпу и пешком пошел к себе, сопровождаемый тысячами людей, которые кричали: «Ура О'Коннеллу, человеку из народа, защитнику религиозной свободы», «Георг IV — навсегда», «Да здравствует герцог Веллингтон», «М-р Пиль и парламент» [Times, 1829, 19 March, p. 4].

Лондон. Два дня спустя несколько сотен человек окружили герцога Веллингтона на выходе из палаты лордов и «обрушили на него самые оскорбительные эпитеты и вопли недовольства» [Times, 1829, 21 March, p. 2].

Честерфилд. На массовом антикатолическом митинге была принята петиция, которую подписали 4000 человек. Это дало толчок к появлению контрпетиции, подписанной 500 сторонниками требований католиков, «в числе которых были все магистраты, проживающие в районе» [Hansards, Parliamentary Debates, 1829, 25 March, p. 1444–1445].

Хотя такие действия, как сожжение чучел и выпряжение лошадей из экипажа героя, чтобы провезти его по улицам, соответствуют прецедентам, имевшим место в XVII веке, в целом эти события развивались в русле новых общественных движений: митинги, шествия, демонстрации, петиции и сходные коллективные проявления достоинства, единства, численности и преданности делу. Эти события соответствовали космополитическим объединяющим автономным акциям из европейского демократического арсенала методов борьбы.

Заслуживает внимания сообщение из Эдинбурга. Сэр Р. Г. Инглис, представивший антикатолическую петицию Эдинбурга парламенту, сообщил, что первоначально городские власти планировали устроить что-то вроде референдума — массового ми-

тинга, на котором люди могли проголосовать за эмансипацию католиков или против нее, и «если бы не было митинга сторонников уступок католикам, не было бы и митинга противников уступок» [Times, 1829, 19 March, p. 1]. Но поскольку прокатолические силы (несомненно, сознававшие, что на любом массовом публичном собрании численный перевес будет на стороне противников эмансипации католиков) нарушили соглашение, провели митинг и направили петицию в парламент, организаторы противников эмансипации настояли на том, чтобы сказать свое собственное слово.

Сторонники эмансипации представили дело иначе: члены «Брауншвейгского клуба» попытались сорвать митинг Друзей религиозной свободы. Если противникам эмансипации удалось собрать 13 тыс. подписей под своей эдинбургской петицией, то член парламента Джеймс Макинтош, представляя парламенту прокатолическую петицию с 8000 подписей, сообщил о небывало большом митинге, в котором участвовало $\frac{4}{5}$, а то и $\frac{9}{10}$

того, что до тех пор, пока уравнильский дух не охватил достопочтенных джентльменов, сидящих на скамье за мной, несомненно и без исключения называли уважаемыми классами общества в древней столице самой протестантской части нашей протестантской империи, которая, по моему мнению, выполнит одну из благороднейших обязанностей, соответствующих ее высокому положению защитницы протестантизма в Европе, приняв этот законопроект [Morning Chronicle, 1829, 27 March, p. 2].

Макинтош повторил удачные аргументы некоторых ораторов, выступивших на митинге в Эдинбурге. Они утверждали, что политическое неравноправие привело к сегрегации католиков, заставило их защищать свою самобытность, и потому они стали меньше прислушиваться к доводам холодного разума. Полноправное политическое участие и полная вовлеченность в общественную дискуссию, если они будут разрешены, в конце концов пробудят у католиков более скептическое отношение к

католической доктрине и папской власти. Макинтош пошел дальше и поставил под сомнение действия эдинбургских «брауншвейгцев», которые раздули число подписей под своей петицией за счет людей, не живущих в Эдинбурге, и обвинил противников эмансипации католиков в распространении клеветнических пасквилей и, косвенным образом, в заигрывании с городским плебсом. Таким образом, он поставил под сомнение если не преданность противников эмансипации антикатолицизму, то во всяком случае их численность, единство и достоинство.

И сторонники, и противники эмансипации католиков в 1829 г. использовали широкий набор методов, чтобы продвигать свои программы, но центральный механизм связывал местную политическую деятельность напрямую с парламентом. Тысячи организаторов составляли проекты петиций, оглашали их на местных публичных митингах, собирали под ними подписи, подтверждали, как могли, подлинность этих подписей и договаривались с членами парламента о представлении петиций во время парламентских сессий. Чем острее становились парламентские дебаты, тем больше было митингов и петиций. Обе стороны стремились дискредитировать тактику противника и поддержку, которой он пользовался, не только отвергая ложные подписи (например, подписи женщин, детей, нерезидентов и других лиц, не допущенных на политическую арену), но жалуясь на «подстрекательские плакаты» и распалюющие страсти речи.

Хотя британцы веками пользовались ограниченным правом подавать петиции, хотя революции, потрясшие Британию в XVII веке, создали прецедент массовой мобилизации, хотя политические предприниматели XVIII века вроде Джона Уилкса и Джорджа Гордона вполне эффективно использовали публичные митинги, шествия и петиции, никогда прежде полный спектр методов борьбы, характерных для организации социальных движений, в сочетании с массовым членством в ассоциациях, не

вступал в игру на уровне и в масштабах общенациональной политики [Tilly, 1982]. Признавая за революциями XVIII века возможное право на звание общественных движений и понимая, что в самой Великобритании со времен Протестантской ассоциации лорда Джорджа Гордона различные элементы политики общественных движений соединялись неравномерно, мы могли бы, пожалуй, назвать борьбу за эмансипацию католиков первым в мировой истории национальным общественным движением. На Британских островах на это звание может претендовать лишь движение за отмену рабства (начало его подъема было ознаменовано возникновением национальной организации в 1787 г.).

Кампании за эмансипацию католиков и против нее резко расширились в 1828–1829 гг. По моим подсчетам «мятежных сборищ» и поданных в парламент петиций, ведомость за 1828 и 1829 гг. выглядит следующим образом (см. также [Jurr, 1998, 374]):

	Мятежные сборища, 1828 г.	Петиции, 1828 г.	Мятежные сборища, 1829 г.	Петиции, 1829 г.
В поддержку эмансипации	16	732	99	1001
Против эмансипации	21	333	141	2169
С участием и противников, и сторонников эмансипации	4	0	2	0

Эти количественные данные относятся только к Великобритании (Англии, Шотландии и Уэльсу). Если бы эти голоса имели обязательную силу, а Великобритания была бы единственной значимой ареной политической деятельности, эмансипацию католиков как политическую программу, по всей вероятности, ожидал бы провал. В то же время сопоставимые данные по Ирландии показали бы, что требование равноправия католиков поддерживает подавляющее большинство ирландцев [Hinde, 1992, ch. 4; O’Ferrall, 1985, 188–257]. Только состояние фактиче-

ской неуправляемости, в которое привела Ирландию предпринятая Католической ассоциацией мобилизация, подвигла герцога Веллингтона и Роберта Пиля, этих колеблющихся парламентских повитух эмансипации католиков, убедить еще более колеблющегося короля в том, что сохранить мир можно лишь ценой уступок.

Уступок, не капитуляций. Урегулирование раскрыло противоречивый характер сделки, которую повлекла за собой эмансипация католиков. Хотя эмансипация устраняла большинство препятствий, не позволявших католикам занимать государственные должности в Соединенном Королевстве, она предусматривала следующие ограничения.

1. Ни один католик не мог стать регентом, лордом-наместником Ирландии, лордом-канцлером Англии или Ирландии или занимать должность в англиканской церкви, церковных судах, университетах или государственных школах.
2. Католики, занимающие государственные должности, должны были приносить присягу на верность королю и Ганноверской династии, что означало отрицание прав иностранных властителей, в том числе папы римского, на гражданскую юрисдикцию в Соединенном Королевстве и отказ от каких бы то ни было намерений низвергнуть англиканский истеблишмент или протестантскую религию.
3. Сорокашиллинговые фригольдеры (собственники, годовая арендная плата которых составляла не меньше двух фунтов; ранее пользовались правом голоса в Ирландии; именно они оказали мощную поддержку О'Коннеллу) лишились права голоса в пользу более зажиточных людей, чье состояние соответствовало минимальному цензу, равному 10 фунтам стерлингов (что гарантировало лучшую защиту от инфляции).

4. Правительство распустило Католическую ассоциацию и запретило образование организаций-преемниц.

Эмансипацию католиков лучше описать как осторожную уступку, нежели как католическое завоевание или щедроты либералов.

В сочетании с более ранней и менее бурной кампанией за отмену законов о тестах и о корпорациях частичный успех общественного движения за эмансипацию католиков оставил глубокий след в национальной политике. Принятые в два тура законодательные меры, направленные на эмансипацию католиков, сломали мертвую хватку англикан, удерживавших в своих руках государственные посты и парламент [Clark, 1985]. Католическая ассоциация позволила простым ирландцам обозначить свое грозное присутствие в британской политике. Несмотря на все установленные Веллингтоном и Пилем ограничения на мобилизацию ирландцев, окончательное урегулирование подтвердило законность массовых политических ассоциаций и тактики общественных движений.

Почти немедленно после этого сторонники парламентской реформы сознательно использовали опробованную модель и прецедент, чтобы организовать политические союзы и развернуть кампанию митингов и петиций. На этот раз, после более чем полувековой борьбы, сторонники реформы одержали серьезную победу. Если закон 1832 г. о реформе по-прежнему не давал избирательных прав большинству взрослого мужского населения (не говоря уже о женщинах), он предоставил такое право торговой буржуазии, обеспечил парламентское представительство быстро растущим промышленным городам, ликвидировал «гнилые местечки» — парламентские округа, подчиненные воле одного господина, и утвердил принцип представительства, основанный не на дарованных хартиями привилегиях, а на численности (собственников) [Brock, 1974; Cannon, 1973; Garrard, 2002; Philips, 1992; Phillips and Wetherell, 1991; Vernon,

1993]. Не будучи причиной принятия закона о парламентской реформе, эмансипация католиков ускорила политическую мобилизацию, которая привела к парламентской реформе, и направила эту мобилизацию в правильное русло.

Таким образом, эмансипация католиков способствовала утверждению в Великобритании гражданства и демократии: как непосредственно, благодаря ликвидации препятствий для политического участия, так и косвенно, благодаря воздействию на парламентскую реформу. Гражданство предполагает наличие определенных уз: повторяющихся взаимодействий лиц и агентов конкретного правительства, в которых у каждой из сторон есть осуществимые в принудительном порядке уникальные права и обязанности, присущие только членам некоей исключительной категории, уроженцам данной страны и людям, натурализовавшимся в ней. В той мере, в какой британское правительство ликвидировало партикуляристские общности, исторически сложившиеся и/или связанные с укорененными политическими сущностями, оно придало дополнительный вес гражданству. Уменьшение препятствий для участия в политической жизни протестантов-диссентеров и католиков было определенным сдвигом в том же направлении.

Разумеется, сказанное не означает, что Ирландия мгновенно демократизировалась. Крупные ирландские землевладельцы — и протестанты, и католики — издавна извлекали выгоду из политического бесправия своих арендаторов. В этом отношении формула публичной политики, основанная на неравноправии разных конфессиональных групп, приносила выгоду правящим классам. Когда Алексис де Токвиль путешествовал по Ирландии в 1835 г., он с изумлением и испугом узнал о том, что подавляющее большинство ирландцев, занятых в сельском хозяйстве, обнищали до предела, а большая часть ирландской земли остается собственностью богатых семейств. Землевладельцы почти всегда сдавали свои земли в аренду посредникам, которые, в свою очередь, управляли арендаторами и избавлялись от них.

Сами земледельцы почти сплошь были мелкими арендаторами или безземельными поденщиками. Эмансипация католиков действительно создала угрозу для землевладельцев, ибо мобилизация народных масс возвестила о возможности политических акций, направленных на земельную реформу. К тому же эмансипация католиков ослабила политическое господство протестантов-землевладельцев и посредников над католиками — арендаторами и рабочими. В июле 1835 г. Александр Фитцджералд, глава Католического колледжа в Карлоу, сказал Токвилю:

До тех пор пока правящие классы смотрят на католиков как на рабов, покорно несущих свою участь, они не применяют к ним (католикам) насилие. Но поскольку католическое население обрело политические права и желание ими воспользоваться, [правящие классы] из всех сил преследуют католиков, пытаясь искоренить их и заменить фермерами-протестантами [Tocqueville, 1991, 529].

На самом деле в Ирландии было слишком мало фермеров-протестантов, чтобы такая замена оказалась возможной. Но борьба за землю вскоре стала одним из ключевых моментов яростного противостояния в Ирландии. Эмансипация католиков способствовала политизации этого конфликта.

Демократизация в целом

Борьба за эмансипацию католиков хорошо иллюстрирует комплекс более общих изменений, произошедших на Британских островах в течение критически важного столетия после 1750 г. В беглом изложении эти изменения таковы.

- Огромный рост военных расходов Британии, начавшийся после Семилетней войны (1756–1763 гг.), существенно расширил полномочия парламента утверждать налоги.

- Парламент использовал свою возросшую власть, действуя более решительно и эффективно в вопросах, которые напрямую затрагивали благосостояние простого народа, даже несмотря на противодействие короны и знати.
- Возможности покровительства, которыми обладала корона и монархи, стали играть менее значительную роль в большинстве форм национальной политической жизни, особенно в тех, которые касались интересов народа.
- Несмотря на узость электората и вследствие этого обстоятельства, парламентские дебаты, законодательный процесс и выборы все чаще касались проблем, вызывавших озабоченность простых людей и реакцию масс.
- Тем временем расширение среднего класса привело к увеличению участия в местных органах власти, несмотря на порой успешные попытки местных политических элит ограничить народное участие в таких организациях, как советы приходских общин.
- Поскольку мужчины-собственники, связанные с государственной церковью, пользовались непропорционально большим весом в парламенте и в политической жизни страны в целом, интересам людей, не принадлежавших к этой узкой категории, действия властей чаще угрожали, нежели благоприятствовали.
- Тем не менее некоторые члены парламента стремились заручиться народной поддержкой в качестве противовеса влиянию фракций, созданных на основе богатства землевладельцев, а потому создавали союзы (временные или долгосрочные) с народными политическими лидерами.
- Вследствие этого организованные массы обнаружили, что могут обрести политический вес благодаря сочетанию: 1) демонстрации поддержки защитников своих интересов; 2) угрозам нарушить обычное, отлаженное течение политики элит.

- Политические организаторы-популисты постоянно экспериментировали, пытаясь найти уязвимые точки действующей политической системы, адаптируя традиционные формы выдвижения требований к новым участникам, ситуациям, проблемам и изобретая новые тактические приемы по мере возникновения новых возможностей.
- Неоднократные взаимодействия тех, кто выдвигал популярные требования, объектов этих требований, властей и парламента (особенно палаты общин) утвердили общественные движения как образцовую модель выдвижения постоянных требований в масштабах Великобритании.
- Хотя этот процесс протекал задолго до 1828 г., крупные национальные кампании, происходившие с 1820 по 1832 г., в первую очередь массовая мобилизация, которая предшествовала закону 1832 г. о парламентской реформе и привела к его принятию, укрепили политику общественных движений и позиции палаты общин как центра выдвижения народных требований.
- Однако в Ирландии мобилизации в рамках более поздних общественных движений помешали интеграции большинства католиков в политическую жизнь на уровне Соединенного Королевства, вместо этого вылившись в мобилизации против британского господства.

Между общественными движениями и демократией, разумеется, не существует никакой обязательной связи [Tilly, 2003a]; в конце концов, европейские фашисты в 20–30-х годах XX века весьма успешно использовали общественные движения на стадии прихода к власти. Однако на Британских островах с 1750 по 1850 г. координированное учреждение добровольных ассоциаций, массовые митинги, петиции, шествия, демонстрации, создание и распространение памфлетов, т. е. весь аппарат активных общественных движений, как стандартные средства массо-

вой политики были следствиями демократизации и инструментами ее развития.

Даже в Ирландии, где сохранялась крайне напряженная обстановка, активисты, как правило, использовали формы общественных движений во время и после кампании за эмансипацию. Когда Дэниел О'Коннелл потерял надежду найти справедливость в вестминстерском парламенте и развернул кампанию за ирландское самоуправление (гомруль), он основал Ассоциацию за отмену (1840 г.), стал собирать «ренту на отмену» (аналог имевшей место ранее «католической ренты») и организовал серию массовых митингов, чтобы форсировать кампанию. Например, в 1843 г. в митингах за отмену участвовало по меньшей мере полтора миллиона человек [Cronin, 2000, 141]. И хотя эта кампания провалилась, она помогла создать национальные связи, на основе которых были предприняты новые попытки — в рамках общественных движений или в форме восстаний, — направленные на обеспечение справедливости для арендаторов-ирландцев и на достижение Ирландией статуса автономии.

Например, среди приверженцев О'Коннелла в 40-х годах XIX века сформировалось интеллектуальное движение, получившее название «Молодая Ирландия». В страшные голодные годы (1845–1850 гг.) это движение обратилось к революционным методам вооруженной борьбы и в 1848 г. подняло безнадежное восстание, но затем возродилось под именем Ирландского республиканского братства (фениев). С этого времени ирландцы — эмигранты и изгнанники, особенно осевшие в Северной Америке, предоставляли своим союзникам на родине убежище, финансовую поддержку, а порой и людскую силу [Napanan, 1998]. Сами фении создали свои организации в Нью-Йорке и Дублине одновременно, в 1858 г., а в 1867 г. устроили очередное неудачное восстание. С 1873 г. фении отказались от вооруженного восстания до тех пор, пока не возникнет массовая поддержка такого выступления. Но в 70–80-х годах XIX века «стрелки» Джереми О'Донована Росссы, «Clan na Gael» и «Ир-

ландские национальные непобедимые» продолжали добиваться независимости Ирландии, совершая вооруженные нападения на врагов-англичан и тех, кто с ними сотрудничал [Townshend, 1995, 322–323]. Тем временем основанная в 1850 г. Лига ирландских арендаторов развернула агитацию за земельную реформу в пользу мелких сельских хозяев. После фенианского восстания 1867 г. У. Ю. Гладстон, лидер либералов в британском парламенте, предпринял энергичные попытки добиться принятия закона о самоуправлении Ирландии, но потерпел неудачу, столкнувшись с упорным противодействием палаты лордов. Это поражение дискредитировало программы передачи конституционных прав Ирландии и усилило выдвигаемые националистами требования независимости.

Ирландия пошла по пути национализма, к революции, за которой последовала демократизация. Катализатором стала Первая мировая война. Поначалу большинство ирландцев участвовали в военных действиях Великобритании. Как можно было предвидеть, ольстерские протестанты оказывали этим действиям более горячую поддержку, чем остальные ирландцы. Созданный до войны Ольстерский добровольческий корпус («Волонтеры Ольстера»), протестантское полувоенное формирование, выступавшее против ирландского самоуправления, которое было установлено в 1913 г., вступил в британскую армию в полном составе. В то же время британцы держали на острове 20 тыс. солдат и полицейских, которые сдерживали деятельность народных ополчений ирландских католиков, начавших возникать в 1914 г. К этому времени в Ирландии существовали пять отдельных вооруженных формирований: помимо британской армии и «волонтеров Ольстера» были и формирования их противников — Ирландские волонтеры, Гражданская армия и Ирландское республиканское братство.

И все-таки серьезное противодействие Британии вызрело лишь после почти двух лет войны. Преждевременное и неудачное Пасхальное восстание 1916 г., планировавшееся при учас-

тии живших в Нью-Йорке изгнанников и получившее поддержку немецких агентов (германский флот бомбардировал побережье Англии), было жестоко подавлено британскими войсками. Это на время приостановило движение за независимость Ирландии. Но в 1917 г. ирландские националисты начали перегруппировку сил. Вспыхнул вооруженный конфликт, который затянулся на шесть лет. С января 1917 г. по июнь 1923 г. жертвами самого кровопролитного из ирландских конфликтов с 1798 г. стали свыше 7500 человек убитых и раненых [Hart, 1997, 142].

Члены британского парламента от Ирландии, за исключением ольстерских протестантов, покинули парламент в знак протеста против введения в Ирландии в апреле 1918 г. всеобщей воинской повинности. Вернувшись в Ирландию, они возглавили оппозицию. В декабре 1918 г. ирландские националисты легко победили на парламентских выборах в южной Ирландии, причем 34 из 69 победивших кандидатов-националистов на момент избрания находились в тюрьмах. Вновь избранные члены парламента решили образовать собственный, ирландский парламента, а не входить в состав британского. На встрече, состоявшейся в январе 1919 г., они избрали Имона Де Валера, который все еще находился в тюрьме, председателем своего парламента. Де Валера бежал из тюрьмы, но после четырех месяцев деятельности в Ирландии уехал в США.

Вскоре британское правительство начало энергично подавлять организации ирландских националистов. В ответ на эту кампанию репрессий националисты мобилизовались для сопротивления и начали нападать на представителей британских властей. К концу 1919 г. Ирландия оказалась в состоянии гражданской войны. Британцы с трудом установили военный контроль, но одновременно начали переговоры с ирландскими представителями. После двух лет переговоров было достигнуто соглашение, предусматривавшее отделение Северной Ирландии от остальной части острова и предоставление вновь созданному и не

включавшему в себя Ольстер Ирландскому свободному государству статуса доминиона, сходного со статусом Канады и Южной Африки. Хотя радикально настроенные ирландские республиканцы отказались принять это урегулирование и в 1922 г. устроили новое восстание, соглашение продержалось приблизительно в том же виде до 30-х годов XX века. В 1931–1935 гг., когда так называемое движение «синерубашечников» выступило в защиту мелких фермеров, которые не могли платить ирландскому правительству особый налог на фригольд и копигольд из-за утраты собственности и гонений, среди ирландцев возникли новые размежевания. В 1937 г. Ирландия (за исключением Ольстера) провозгласила себя республикой, но не вышла из Содружества. При Де Валера страна сохраняла нейтралитет во Второй мировой войне и формально разорвала остававшиеся узы с Британским Содружеством в 1948 г.

После Второй мировой войны южная Ирландия пришла к собственной, специфической форме демократической политики, при которой члены Дайла (национального парламента) обеспечивали крайне важные связи между покровительством на местном уровне и общенациональной политической жизнью. Сельские жители Ирландии считали, что национальная политика в основном сводится к манипулированию. Политический этнограф Март Бакс сообщает:

Когда с площади перед Лейнстер-хаус (зданием, где заседает ирландский парламент) убрали статую королевы, люди стали обсуждать, каким национальным символом следует ее заменить. Ходила шутка, что и так получилось символично. На входных дверях Лейнстер-хаус было крупными буквами написано слово «ТЯНИ» [Вах, 1976, 46].

Политики южной Ирландии даже в большей мере, чем при среднем демократическом режиме, львиную долю своей энергии тратили на посредничество между округами и национальным правительством.

В Северной Ирландии антибританские силы так и не сдались. Хотя католики, составляющие треть населения Ольстера, оставались скорее сельскими жителями, жили более обособленно и в основном на юге (в отличие от протестантского населения), они были грозной силой. Начало новому витку конфликтов положили шествия католиков в защиту гражданских прав в 1968 г., сопровождавшиеся столкновениями с полицией, схватками с протестантами-контрдемонстрантами и обоюдными покушениями на жизнь и собственность противников. В 1972 г. британские десантники, пытаясь разогнать участвовавших в невооруженном, но незаконном марше через г. Дерри членов Ассоциации гражданских прав Северной Ирландии, открыли огонь по демонстрантам, убив 13 человек. Волна возмущения, поднявшаяся после этого «кровавого воскресенья», побудила обеспокоенное британское правительство восстановить прямое управление провинцией.

После двухлетнего прекращения огня, объявленного в 1994 г., рейды и столкновения (в том числе далеко за пределами Ирландии) усилились. Новое соглашение, достигнутое в 1998 г. (так называемое «соглашение Страстной пятницы»), положило начало серьезным переговорам основных участников конфликта, которые завершились взаимным прекращением военных действий, но не положили конец партизанским вылазкам полувоенных формирований и не привели к их полному разоружению. Несмотря на общую договоренность между правительствами Ирландии и Соединенного Королевства, по ходу переговоров военизированные фракции обеих сторон неоднократно нарушали мир. Поддержка католиков-боевиков хорошо вооруженной Ирландской республиканской армией, базирующейся в независимой Ирландии и пользующейся помощью ирландской диаспоры, не давала конфликту угаснуть. Но воинствующие ольстерские католики неоднократно бросали вызов не менее воинственным ольстерским протестантам. Один из самых дли-

тельных и крупномасштабных межгрупповых конфликтов с применением насилия в Европе продолжается.

Хотя интенсивность насилия то возрастала, то сходила на нет одновременно с более общими ритмами межгрупповой борьбы в Северной Ирландии, взаимные нападения продолжались и в 90-х годах прошлого века. Даже временное соглашение 1998 г. не положило им конец.

В 1998 г. — году, когда было заключено «соглашение Великой пятницы», — жертвами насилия в Северной Ирландии стали 55 человек. Три брата-католика, в возрасте от 8 до 10 лет, погибли 12 июля, когда лоялисты бросили зажигательную бомбу в их дом, находящийся в населенном преимущественно протестантами районе Баллимани. 15 августа, в день традиционного католического праздника, от взрыва начиненной взрывчаткой машины в Омах погибли 28 человек. Еще одна жертва этого взрыва скончалась спустя несколько дней. В солнечный летний субботний день «Подлинная ИРА» (отколовшаяся от ИРА группа) установила в припаркованной на многолюдной торговой улице бомбу весом 500 фунтов. Это было одно из самых больших злодеяний, учиненных смутьянами» [Keogh, 2001, 332–333].

Экстремистские группы двух воинствующих движений неоднократно устраивали вылазки и нападения как раз в моменты кристаллизации мирных соглашений, вопреки призывам национальных лидеров обеих сторон.

Традиционные описания британской демократизации (см., например, [Collier, 1999, 96–1001; Garrard, 2002]) сфокусированы на парламентских реформах, которые в 1832, 1867, 1884 и 1918 гг. изменяли состав электората. Например, закон 1918 г. о парламентской реформе расширил электорат за счет всех мужчин старше 21 года, проживающих в своих округах не менее полугода, и всех женщин не моложе 30 лет, имеющих собственное жилье, и утвердил принцип равенства избирательных округов по численности проживающего в них населения. (Женщи-

ны в Соединенном Королевстве не имели равных с мужчинами избирательных прав до 1928 г.) В некоторых описаниях британской демократизации упоминается 1872 г., когда британцы стали голосовать тайно. Действительно, эти ставшие вехами законы расширили и уравнили участие в публичной политической жизни Соединенного Королевства. Но на крупные сегменты Британских островов эти законы оказали различное воздействие. В Англии и Уэльсе закон 1832 г. несколько расширил электорат, сделав политическую жизнь доступной для значительной части обладавшей собственностью буржуазии. Но во многих городских избирательных округах тот же закон фактически уменьшил массовое участие рабочих, усилившееся после 1750 г.

К тому же большинство рабочих, которые были вовлечены в движение за парламентскую реформу в 1830–1832 гг., обнаружили, что закон в его окончательном виде исключил их из политики. Отлучение рабочих от политики в 1832 г. стимулировало поразительную мобилизацию рабочего класса чартистами (1838–1848 гг.), выдвинувшими почти всецело политическую программу: избирательное право для мужчин, ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, отмена имущественных цензов для членов парламента, жалование для членов парламента и равные избирательные округа. Прошло еще почти столетие, прежде чем чартистская программа стала юридической реальностью. А тем временем отмена законов о тестах и корпорациях в сочетании с эмансипацией католиков и законом о парламентской реформе изменили принцип, определявший в Англии и Уэльсе включение в политическую жизнь или исключение из нее. Линией раздела стали не религиозные, а классовые различия: теперь национальными политическими правами пользовались имущие налогоплательщики, тогда как рабочие этих прав были в целом лишены.

Шотландия и Ирландия не просто последовали за Англией и Уэльсом. В Шотландии отдельный закон 1832 г. о парламент-

ской реформе увеличил число членов парламента с 45 до 53, частично уравнил округа, более чем в 10 раз увеличил число избирателей и стимулировал широкое участие в публичной политике. Одновременно капиталистическая индустриализация стремительно формировала шотландскую национальную буржуазию и активный рабочий класс. На этой основе либералы вскоре установили свою гегемонию в Шотландии и удерживали власть до тех пор, пока в XX веке лейбористы в конце концов не обрели силу. Консолидация многих британских региональных бюрократий, подчиненных в 1886 г. полуавтономному министерству по делам Шотландии, обеспечила определенное самоуправление задолго до более решительной передачи полномочий в 1999 г.

Как мы уже видели, в Ирландии сочетание эмансипации католиков и парламентской реформы вызвало не только огромное расширение участия в политике, но и противодействие английскому владычеству, причем гораздо более упорное, чем в Шотландии. После 1832 г. в течение еще одного столетия ирландская политика шла в колониальном режиме: ее определяли усиливающееся, пусть и насыщенное конфликтами, участие в собственно ирландской политике и обостряющаяся борьба между Дублином, Белфастом и Лондоном. Даже обретение неполной независимости в 1922 г. не разрешило конфликт, поскольку спровоцировало внутренний раскол и в Северной Ирландии, и в Ирландском свободном государстве по вопросу отношений с Великобританией.

Долгосрочные процессы демократизации на Британских островах, какими они видятся из Ирландии, несомненно, были порождены постоянной борьбой. В ходе конфликтов, из которых складывалась эта борьба, ревностные поборники демократии редко сталкивались с упрямыми защитниками привилегий. Гораздо чаще у обеих сторон обнаруживались весьма противоречивые представления о справедливости. Можно провести различия между революционными изменениями в Ирландии, нис-

ходящим завоеванием Шотландии, и конфронтацией, завершившейся примирением в Англии. Впрочем, даже такие различия теряют смысл при углублении в историю до 1750 г. Сопоставление истории трех стран выявляет огромное значение религиозных и классовых принципов в процессе демократизации Британии; их изоляция от публичной политики привела к великим, насыщенным борьбой событиям после 1820 г.

Мы также видели, что в Шотландии, Англии и Уэльсе интеграция сетей доверия в публичную политику произошла раньше и полнее, чем в Ирландии. Землевладельцы, купцы, специалисты повсюду осуществляли инвестиции в правительство или в организации, связывающие их с правительством, и стали делать это раньше, чем промышленные или сельскохозяйственные рабочие. Но в Ирландии, где значительные сегменты господствующих классов всегда стремились избавиться от британского правления, временное умиротворение, последовавшее за эмансипацией католиков, вскоре привело к сдвигу в сторону массовой оппозиции, и большая часть трудящихся влилась в публичную политику через антибританский национализм. Таким образом, Британские острова в целом представляют собой удивительную лабораторию, в которой демократия была рождена в ходе напряженной борьбы.

Франция и Британия

В некоторых отношениях рассмотренная нами в общих чертах история демократизации и де-демократизации подтверждает старые стереотипные представления о Франции и Британских островах. Франция действительно двигалась к демократии через неоднократные революционные прорывы (наиболее известны революции 1789, 1830, 1848 и 1871 гг.) и действительно неоднократно переживала свертывание демократии в результате революций свержу (особенно в 1799, 1851 и 1940 гг.). Британ-

ские острова в целом шли по пути демократизации через постепенное расширение круга наделенных политическими правами, которыми издавна пользовались лишь элиты.

Далее, централизация, которой достиг режим в дореволюционной Франции, действительно породила более унифицированную, централизованную и мощную структуру национального государства, чем та, что до XIX века складывалась на Британских островах. С 1789 по 1793 г. Франция шла к системе прямого правления, и уничтоженные косвенные формы правления никогда не были в полной мере воссозданы. Британия еще в XIX веке придерживалась косвенного правления, осуществляемого через духовенство и магистратов. Всеобщая воинская обязанность во Франции гораздо прочнее связывала граждан (как мужчин, несших военную службу, так и членов их семей) с центральным правительством. Это значит, что, в отличие от Британии, во Франции демократизация и де-демократизация протекали очень неровно и чаще становились непосредственным результатом кризисов, угрожавших будущему режиму.

Впрочем, эти стереотипные представления недооценивают важную роль, которую в истории двух стран сыграли завоевание и колонизация. Иностранные вторжения во Францию в 1815, 1870, 1940 и 1944 гг. сказались на формировании демократических институтов, причем завоевания 1815 и 1940 гг. подтолкнули страну к авторитаризму, а завоевания 1870 и 1944 гг. — к демократическому гражданству. В Британии неудачные военные завоевания с 1650 по 1746 г. неоднократно ускоряли крупные изменения национальной власти, тогда как в демократизации Ирландии важную роль до 1916 г. играла иностранная военная сила. Британская колонизация в конечном счете способствовала становлению более или менее демократических институтов в Австралии, Новой Зеландии, Северной Америке и (менее очевидным образом) в Южной Азии и Южной Африке. Однако на самих Британских островах колонизация, которая привела к установлению власти протестантского меньшинства в преиму-

щественно католической Ирландии, способствовала процессу де-демократизации.

Независимо от того, приводили ли революции, конфронтации, завоевания и колонизация к демократизации или к ее свертыванию, все эти события ускоряли действие механизмов трех типов: влияющих на вытеснение категориального неравенства из публичной политики; влияющих на интеграцию сетей доверия в публичную политику; непосредственно воздействующих на широту, равенство, правовую обусловленность и защищенность политического участия народа. Так, мы видели, как осуществляемое правительством сдерживание и сокращение находящихся под частным контролем вооруженных сил не позволило магнатам и землевладельцам непосредственно интегрировать классовое неравенство в публичную политику. Ирландия, где множество вооруженных ополчений продолжают действовать и по сей день, столкнулась с труднопреодолимыми препятствиями к демократизации именно по этой причине.

И снова мы стали свидетелями того, насколько непрочными оказались сложившиеся во Франции вокруг представителей знати и духовенства до революции XVIII века сети покровительства, когда буржуазным сетям доверия предоставилась возможность вовлечь французских граждан в публичную политику. В XIX веке межклассовые коалиции, особенно между рабочими и буржуазией, многократно усилили этот эффект. В результате после 1815 г. коалиции, выступавшие за демократизацию во Франции, обычно объединяли буржуа, рабочих и некоторые группы крестьянства против землевладельцев, духовенства и людей, облагодетельствованных короной. К моменту, когда демократизация началась по-настоящему, капитализм в сельском хозяйстве Британских островов давно уже вытеснил крестьянство почти повсеместно, за исключением нескольких анклавов. В XIX веке английские сельскохозяйственные рабочие энергично объединялись для борьбы за свои интересы и к концу столетия начали образовывать временные союзы с организованными

ми рабочими. Однако в классовой борьбе, развернувшейся в Англии, сельскохозяйственные рабочие играли значительно меньшую роль, чем во Франции. В Ирландии же антибританский настрой сельскохозяйственных рабочих постоянно нарастал. Они совершали нападения на землевладельцев и посредников (преимущественно протестантов). Во всех случаях и во всех рассматриваемых странах межклассовые коалиции в течение XIX века становились все более важными и эффективными организациями.

Процессы, которые мы прослеживали в истории Франции и Британии, показали решительные сдвиги в политических сущностях. В итоге укорененные, органичные сущности (такие как принадлежность к приходу, ремесленному цеху или роду) уступили место членству в ассоциациях, союзах, партиях, федерациях и фронтах-движениях. Соответственно, узколокальные, специфически местные, бифуркационные методы борьбы, характерные для недемократической Европы, сменились космополитическими, сложносоставными, автономными формами, привычными для демократических политических режимов. Митинги, шествия, петиции, специализированные ассоциации, лоббирование, забастовки, производство и распространение памфлетов, избирательные кампании и воззвания к прессе вытеснили церемонии шельмования, захваты запасов продовольствия, нападения на дома и прочие некогда распространенные разновидности прямого действия. Эти общие трансформации произошли и во Франции, и на Британских островах, но в разные сроки и по разным региональным шаблонам, соответствовавшим различным путям двух стран к демократии.

Однако не все особенности политических изменений во Франции и Британии полностью укладываются в рамки моделей, которые я описываю во введении. В обеих странах организованная религия играла в демократизации и особенно в демократизации более серьезную роль, чем предполагают мои формулировки. На Британских островах политическая борьба

XVII века завершилась тем, что англиканская церковь стала неотъемлемой частью власти в Англии, Уэльсе и Ирландии, хотя и не в Шотландии, где центральную власть представляла пресвитерианская церковь. Вытеснение католиков из публичной политической жизни определило рубежи борьбы на Британских островах до XIX века.

Во Франции сходная борьба, напротив, завершилась в 1710 г. ограничением прав и подчинением протестантского меньшинства, которое уже ни на что не претендовало. Но революционные нападки на французскую католическую церковь породили долгосрочное сплочение клерикалов против антиклерикалов, причем если клерикалы брали верх, они, как правило, отдавали предпочтение тем или иным вариантам свертывания демократии. Прежде всего, мучительный опыт Ирландии показывает пределы и последствия использования церковью в качестве инструментов правления. Исключение крупных групп населения из публичной политики на основании их религиозной принадлежности приводило к тому, что исключенные стремились защитить свои сети доверия от публичной политики, и одновременно интегрировало категориальное неравенство непосредственно в публичную политику. Взятые вместе, эти два механизма составляют серьезное препятствие для демократизации.

Несмотря на все различия, Франция и Британия следовали к демократии по пути сильного государства. Докапиталистические режимы правления в этих странах никогда не доходили до крайностей режимов, существовавших в Пруссии и России, но в целом достигли большей дееспособности, чем правительства иберийских стран или Нидерландов. Во Франции и Британии наращивание военной мощи государства в ходе войн с другими странами укрепило фискальный и административный аппараты государственной власти. Ирония заключается в том, что усилившаяся зависимость крупных вооруженных сил от финансирования, вотируемого парламентом, и административной поддержки автоматически снизили прямое вовлечение военных

в публичную политику гораздо раньше и более решительно, чем в большинстве европейских стран. Этот процесс, в свою очередь, дал гражданским правителям возможность распространить власть на все население, а кроме того, сделал контроль над правительством достойной усилий целью и тем самым определил ставки в борьбе за демократию.

Более того, процессы демократизации, как они развивались во Франции и Британии, происходили в регионах, которые, по сравнению с Европой в целом, отличались умеренно высокой концентрацией средств насилия и капитала, что сочеталось с обширными, основанными на обязательствах связями, объединявшими людей в разных частях государственной территории. Поэтому сравнение Франции и Британии требует выяснения, не протекала ли демократизация совершенно иначе там, где развитие шло по пути слабого государства, вооруженные силы оставались фрагментированными, накопление капитала происходило медленно и/или сфера обязательств характеризовалась существенной сегментацией межличностных связей. Чтобы определить, оказали ли механизмы, способствовавшие демократизации во Франции и Британии, сходное воздействие в других странах, обратимся к истории Швейцарии в решающий период перехода от недемократической политики к демократической.

Швейцария как особый случай

Как мы неоднократно видели, в масштабах истории страны и мира 350 лет проходят быстро. Наши экскурсии в европейскую историю позволяют составить виртуальное представление о важных тенденциях и вариациях демократизации, но не показывают крупным планом важные механизмы изменений. Чтобы лучше рассмотреть, как действуют эти механизмы, прибежем к увеличению. История Швейцарии на протяжении 19 лет, с 1830 по 1848 г., дает отличный объект для изучения демократизации и де-демократизации, а также предоставляет возможность проследить ряд переходов, определивших формирование старейшего в Европе, постоянно функционирующего демократического режима. Вопреки репутации Швейцарии как скучной, консервативно-старомодной, но вполне уютной политической заводи, мы становимся свидетелями острых вооруженных конфликтов. Мы увидим, что Швейцария вовсе не так легко, просто в силу своих вековых традиций и культуры, достигла демократии. Напротив, швейцарские демократические институты возникли в результате поиска и борьбы как импровизированное компромиссное решение, ставшее альтернативой революционному кризису (общую историческую канву см.: [Bonjour, 1948; Bonjour, Offler, Potter, 1952; de Capitani, 1986; Gilliard, 1955; Gossman, 2000; Kohn, 1956]).

Большая часть территории Швейцарии, на которой издавна находилось пестрое множество враждующих феодальных владений под эгидой сменявших друг друга германских империй, обрела фактическую независимость в результате Базельского мира (1499 г.) и юридическое признание как федерация в результате Вестфальского мира (1648 г.). Установив контроль над трансальпийскими путями, необходимыми для торговли, путешествий и передвижений войск, эти мини-государства получили средства политического и коммерческого выживания, но одновременно стали объектами постоянного, непрекращающегося вмешательства соседних государств. Карл Дойч заметил:

Своеобразие прежнего общественного порядка Швейцарии проявлялось в самобытности горных кантонов. Горный кантон вроде Ури — это крестьянский кантон, населенный зажиточными, вооруженными и отлично информированными крестьянами; это естественный город, у которого вместо городских стен горы, а вместо городских ворот — горные проходы. К тому же это аграрный регион, принявший городские формы правления и считающий себя самоуправляемым городом. Внизу, в центральных районах страны, своего рода лиги бюргеров из городов-государств вроде Берна и Цюриха объединены с крестьянами кантона. Отсюда и особые отношения между горожанами и сельскими жителями. Таким образом, малые города пользовались четко определенными правами и никем не оспариваемым самоуправлением [Deutsch, 1976, 34–35].

До самого конца XVIII века федерация оставалась не более чем весьма рыхлым союзом 13 кантонов, имевших крепкие связи с союзными территориями Женевы, Грисона и Вале и с территориями, подчинявшимися отдельным кантонам или федерации в целом (например, Во, Лугано, Беллинзона и Вальтеллина).

Горная страна была покрыта сложной сетью языковых и религиозных различий. Многочисленные диалекты романских и германских языков перемешивались в различных соотношениях от долины к долине. Задолго до Реформации население

высоких Альп крепко держалось верований и религиозных обрядов, которые католическая церковь считала ересями; прилегающие горы Савойи стали оплотом и очагом движения вальденсов. Реформация XVI века захлестнула большую часть альпийского региона, хотя католическая церковь словом и мечом вернула себе покорность основной части населения страны. Более того, религиозные конфликты XVI и XVII столетий оставили после себя не просто раскол между католиками и протестантами, но множество сект, причем Женева (с трудом вышедшая из состава Савойи в ходе ожесточенного конфликта) в результате стала кальвинистской, а Базель — цвинглианским. При жестком контроле кантонов над правом проживания, гражданством и религиозными убеждениями языковая и религиозная фрагментация сохранялась и в XIX веке.

С XVI по XVIII век Швейцария почти полностью прекратила участие во внешних войнах, но обеспечивала большую часть Европы наемниками, которые составляли ударные подразделения [Casparis, 1982]. Кантональным элитам немалый доход приносила торговля наемниками, а также рента или другие платежи, выплачиваемые подчиненным им аграрным населением. В этот период политическая жизнь Швейцарии протекала преимущественно на местном и кантональном уровнях. Внешние усилия страны были направлены на отражение экспансии других держав, а внутренние сосредоточивались на том, чтобы справиться с неравенством и привилегиями. Из примерно 1,6 млн человек, проживавших на территории современной Швейцарии в конце XVIII века, правом участия в публичной политике обладали менее 200 тыс. человек [Böning, 1998, 6–7]. И все же на протяжении этого периода признанные граждане разных кантонов принимали участие в таком демократическом обсуждении проблем, какого почти не существовало во всей остальной Европе.

Союз в целом пользовался лишь ограниченными возможностями правительства. Джонатан Стейнберг замечает:

Старая Конфедерация в последние десятилетия своего существования была поразительным образованием — лоскутным одеялом из налагающихся друг на друга юрисдикций, старинных обычаев, замшелых привилегий и церемоний, многочисленных вариаций законов, мер и весов. На берегу Люцернского озера процветала независимая республика Герзау. Она насчитывала всего 2000 жителей, но была в большом почете у политических теоретиков того времени как самое маленькое свободное государство Европы. Знаменитый геттингенский профессор Фридрих Кристоф Шлоссер всерьез носился с мыслью написать многотомную историю этой республики во «всемирно-историческом аспекте» как микрокосма, вместившего в себя всю европейскую историю [Steinberg, 1996, 39–40].

Хотя у федерации было собственное законодательное собрание, этот орган работал в сущности как форум для встреч послов суверенных кантонов, получивших весьма строгие инструкции. Кроме того, внутри каждого кантона существовали проявления резкого неравенства, которое, как правило, разделяло благополучных бюргеров главного города, живших в том же городе работников, членов учрежденных внутренних общин и жителей зависимых территорий, не обладавших никаким политическим представительством. Так, в Берне 3600 полноправных граждан держали в подчинении 400 тыс. человек, которые не имели гражданских прав, тогда как в Цюрихе 5700 официальных горожан властвовали над 150 тыс. сельских жителей [Böning, 1998, 8]. Наконец, среди граждан из поколения в поколение государственные должности обычно занимали представители небольшого (и сокращавшегося) числа семейств.

Стремительное развитие надомной промышленности в сельской местности в XVIII веке и концентрация механизированной промышленности в городах, начавшаяся после 1800 г., усилили несоответствия между распределением населения, богатства и политических привилегий. Власть имущие в кантонах жестко контролировали прессу и пользовались неограниченным пра-

вом изгонять, бросать в тюрьму и даже казнить тех, кто осмеливался критиковать их господство. Таким образом, при взгляде со стороны федерация в целом казалась не столько зоной свободы, сколько конгломератом мелких тираний. Большинство населения Швейцарии, не имевшее полного гражданства, а то и вовсе лишенное каких-либо прав, страдало под властью олигархов. Тем временем вытесненные из политической жизни интеллектуалы и буржуа образовывали многочисленные ассоциации, прежде всего Гельветическое общество, чтобы критиковать существующие режимы, возрождать аграрную экономику, содействовать крупным реформам и утверждать швейцарский национальный патриотизм в качестве альтернативы местной ограниченности, обусловленной местом проживания и религиозными воззрениями.

Французская революция оживила экономические и политические связи Швейцарии с великим западным соседом. Швейцарское общество испытало на себе воздействие новых французских моделей и доктрин. Начиная с 1789 г. в разных частях Швейцарии возникали революционные движения. В 1793 г. Женева (которая, не будучи членом союза, была тесно связана со Швейцарией) пережила революцию французского образца. В начале 1798 г., по мере нарастания угрозы французского вторжения, по революционному пути последовали также Во, Люцерн, Цюрих и другие районы Швейцарии. Например, в Базеле произошел переход от конституции, при которой сенаторов кантона избирали только граждане города, к конституции, дававшей равное представительство городским и сельским жителям.

Будучи завоеванной французами при содействии швейцарских революционеров в 1798 г. и получив в том же году новую конституцию, Швейцария и ее государственный строй в целом восприняли более централизованную форму правления, что сопровождалось существенным расширением числа граждан. Новый режим включил территории кантонов Сен-Галлен, Гризон, Тургау, Ааргау и Во на равных правах со старыми канто-

нами, но последовал политике французских революционеров, превратив кантоны в административные и избирательные единицы. Впрочем, центральное правительство оставалось хрупким; только за период 1800–1802 гг. произошло четыре переворота. После вывода французских войск в 1802 г. вспыхнули многочисленные восстания. Швейцария оказалась на грани гражданской войны. Только вмешательство Наполеона и установление в 1803 г. новой конституции позволило стране избежать распада.

Режим, установленный в 1803 г. и вошедший в историю Швейцарии под названием режима медиации (посредничества), вернул кантонам значительную власть, но никоим образом не воссоздал «старый порядок». Перестроенная швейцарская федерация* имела национальное законодательное собрание, в ней официально действовал принцип многоязычия, кантоны обладали относительным равенством, а граждане — правом переезжать из кантона в кантон. Несмотря на некоторые территориальные изменения, слабое центральное законодательное собрание Швейцарии, ее судебная и исполнительная власть пережили падение Наполеона. Впрочем, стране удалось выжить, после того как она вновь вплотную подошла к гражданской войне, на этот раз предотвращенной интервенцией великих держав в 1813–1815 гг. При послевоенном урегулировании 1815 г. Австрия, Франция, Великобритания, Португалия, Пруссия, Россия, Испания и Швеция согласились с договором, заключенным 22 кантонами и названным Федеральным пактом (теперь его действие распространялась на Вале, Невшатель и Женеву), и гарантировали этому государственному образованию вечный нейтралитет и нерушимость границ.

Швейцария вступила в 1815 г. с режимом, весьма отличавшимся от того, с которым столкнулись французские революционеры. Швейцария 1815 г. включала в себя не только 22 кантона, каждый из которых претерпел значительные внутренние

* Согласно терминологии Ч. Тилли. — *Примеч. переводчика.*

изменения, — внутренние и внешние границы страны в период между 1792 и 1815 гг. неоднократно смещались. Рассмотрим только один пример: кантон Берн потерял территории, с одной стороны, но, с другой стороны, приобрел большую часть Юры, заселенной преимущественно франкоязычными католиками. С 999 по 1792 г. Юра принадлежала автономному Базельскому епископству, которое, в свою очередь, было одним из многих княжеств Священной Римской империи [Wiegandt, 1992]. В 1792 г. французские войска заняли большую часть северной Юры и провозгласили завоеванную территорию достоянием Республики. В 1797 г. они аннексировали южную Юру и превратили весь регион во французский департамент Мон Террибль, в 1800 г. включив его в соседний департамент Верхний Рейн, но по урегулированию 1815 г. потеряли всю эту территорию. Несмотря на то что большинство населения региона составляют франкофоны-католики, державы-победительницы присоединили Юру к преимущественно протестантскому и германоязычному Берну, усложнив таким образом уже и без того запутанную религиозно-языковую карту Швейцарии. (В 1979 г. этот франкоговорящий регион стал наконец отдельным кантоном, получившим старое название Юра.)

Победители 1815 г., возможно не без злого умысла, не дали швейцарским центральным властям адекватных средств для управления столь сложной страной. Швейцария эпохи Федерального пакта функционировала без постоянного бюрократического аппарата, регулярной армии, единой денежной системы, единых стандартов мер и даже без национального флага. Это была страна, разделенная множеством внутренних таможенных барьеров, с обращением капитала и бесконечными препирательствами между представителями кантонов, не имевших права отклоняться от инструкций, которые им дали избиратели их кантонов. На национальном уровне швейцарская система была лучше приспособлена для блокирования усилий, нежели для их согласования.

Еще одна революционная эпоха

После ньюльской революции 1830 г. во Франции в швейцарском радикализме все заметнее стал проявляться антиклерикализм. После 1830 г. Швейцария стала временным пристанищем многих оказавшихся в изгнании революционеров (например, Джузеппе Мадзини, Вильгельма Вейтлинга и, что более удивительно, Луи Наполеона), которые вместе со швейцарскими радикалами пропагандировали реформы. Историки, изучающие Швейцарию 30-х годов XIX века, говорят о движении Возрождения, участники которого добивались своих целей с помощью «публичности, клубов и массовых шествий» [Nabholz et al., 1938, II, 406]. Политическое смятение 30-х годов XIX века сопровождалось расцветом новых периодических изданий и памфлетной литературы [Andrey, 1986, 551–552]. В некоторых кантонах обретшие силу либералы начали проводить обычные для XIX века реформы вроде ограничения детского труда и расширения государственных школ. Тем не менее новые конституции кантонов, установленные во время этой мобилизации, делали гораздо больший упор на свободу и братство, нежели на равенство.

С 1830 по 1848 г. Швейцария переживала ряд противоречивых, разнонаправленных политических процессов. Хотя конфликты этой эпохи безусловно активизировали многих убежденных демократов, эти демократы исповедовали подчас противоположные концепции демократии. Более того, их деятельность разворачивалась на фоне борьбы за контроль над Швейцарской федерацией как единым целым. Более богатые, преимущественно протестантские кантоны шли к демократии своим нелегким путем. Эти кантоны установили представительные учреждения вместо прямой демократии граждан-мужчин, которая издавна преобладала в горных общинах и кантонах. После этого активисты, опиравшиеся на реформированные кантоны, прибегли к оружию, чтобы подтолкнуть своих соседей, не желавших осуществлять реформы, к представительной демократии. Сначала

активисты ограничивались рейдами через границы кантонов, а потом развязали открытую, хотя и короткую гражданскую войну. Более того, в процессе развертывания кризиса конфессиональные цензы для обретенного гражданства стали еще более заметными. Проницательный наблюдатель Алексис де Токвиль вскоре после этой гражданской войны кратко сформулировал это следующим образом:

Нигде более демократическая революция, ныне будоражащая мир, не происходила в столь сложных, странных обстоятельствах. У народа, состоящего из нескольких рас, говорящего на множестве языков, исповедующего разные символы веры, имеющего две равные по положению и привилегиям государственные церкви, а также множество неконформистских сект, в стране, где любой политический вопрос превращается в религиозный, а любой религиозный вопрос — в политический, существуют два общества (одно — очень древнее, другое — очень юное), связанные друг с другом несмотря на разницу в возрасте. Такова Швейцария [Tocqueville, 1983, 635–636].

Что касается воздействия этих конфликтов на широту, равенство, консультации и защищенность, Швейцария в целом с 1830 по 1847 г. пережила свертывание демократии. Но урегулирование 1848 г. определенно способствовало продвижению демократии на национальном уровне за пределы, которые были достигнуты в 1798, 1803, 1815 и даже 1830 гг.

На рисунке 6.1 дан весьма приблизительный набросок описанных Токвилем изменений режима в Швейцарии. Здесь дается приблизительная оценка дееспособности правительства и защищенности консультаций в пределах всей Швейцарской федерации в разные моменты начиная с 1790 г. и отмечаются соответствующие изменения в сравнении с другими европейскими режимами XIX столетия. На рисунке Швейцария 1790 г. представлена как страна с мало дееспособным центральным правительством, но обладающая в общенациональном масштабе большей, чем у основной части ее соседей, защищенностью

консультаций. Затем при опиравшемся на французов режиме 1798 г. следует усиление как дееспособности, так и защищенности — и их снижение при режиме 1803 г. В 1815 г. дееспособность правительства несколько возрастает, а примерно в 1830 г.

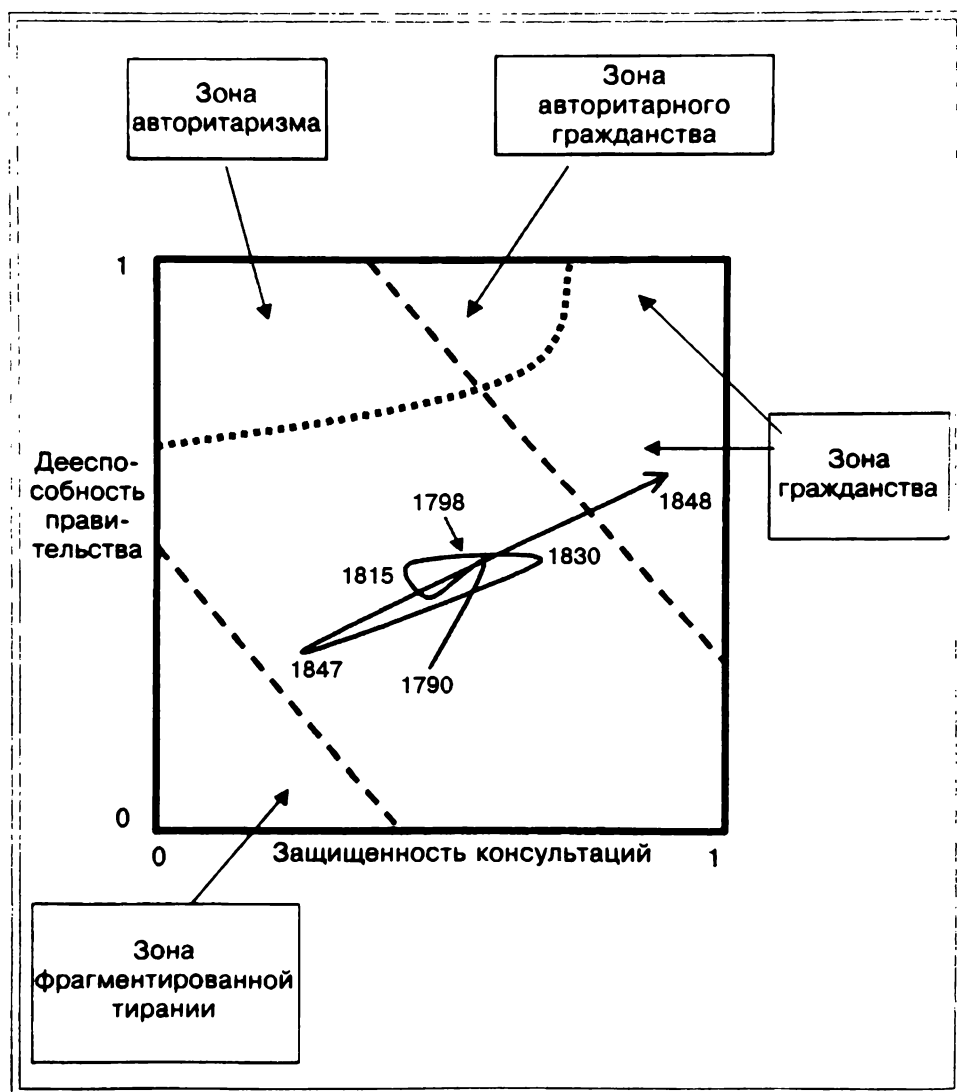

Рисунок 6.1. Изменения швейцарских национальных режимов, 1790–1848 гг.

происходит весьма значительное расширение защищенности консультаций, с последующим сползанием в гражданскую войну, сопровождавшимся ослаблением как дееспособности центрального правительства, так и защищенности консультаций. Наконец, с момента мирного урегулирования 1848 г. начинается усиление и дееспособности правительства, и защищенности консультаций.

Как и почему это могло произойти? Учитывая то обстоятельство, что протестантское большинство было сосредоточено в более богатых, более промышленно развитых и урбанизированных кантонах, политический раскол между либералами и радикалами из числа протестантов и католиками-консерваторами стал примечательной особенностью швейцарской политики. В районах, где доминировали консервативные города вроде Базеля, сельская местность (подвергшаяся интенсивной индустриализации в XVIII веке, но в начале XIX века пострадавшая от свертывания надомного производства) нередко поддерживала либеральные или радикальные программы. В центрах растущего капиталоемкого производства вроде Цюриха конфликт разделил буржуазию, особенно приверженцев олигархических политических привилегий, и становившийся все более многочисленным рабочий класс, который все настойчивее требовал права голоса в публичной политике и все теснее объединялся с инакомыслящими радикалами из буржуазной среды. В этих отношениях линии политического размежевания в Швейцарии походили на те, что преобладали в других странах Западной Европы.

Политическая проблема обострилась вследствие образования в середине 40-х годов XIX века союзов, которые противопоставили 12 более богатых, преимущественно либерально-протестантских кантонов 10 бедным, по большей части консервативно-католическим кантонам в законодательном собрании, где у каждого кантона был один голос. (Строго говоря, некоторые единицы обеих сторон, сами будучи продуктами более ранних

расколов, квалифицировались как полукантоны и имели половину голоса, но соотношение голосов 12:10 все равно сохранялось.) Таким образом, либералы прибегли к риторике национального патриотизма и власти большинства, тогда как консерваторы сделали упор на права кантонов и защиту религиозных традиций. Началась конкуренция между гражданством на трех уровнях — муниципальном, кантональном и национальном.

С 1830 по 1848 г. борьба шла непрерывно, зачастую перерастая во вспышки насилия. Реформистские движения уже в 1830 г. развернулись в кантонах Во и Тичино. Собственно говоря, Тичино обогнал Францию, приняв новую конституцию 4 июля 1830 г. [Sauter, 1972]. Тем не менее июльская революция 1830 г. во Франции и ее отголоски в Бельгии вдохновляли швейцарских реформаторов и революционеров. По мере развертывания французской и бельгийской революций в швейцарских городах и кантонах Ааргау, Люцерн, Сен-Галлен, Шаффхаузен, Золотурн, Тургау, Во и Цюрих происходили революции местных масштабов. Впоследствии республиканцы и радикалы неоднократно создавали военизированные организации (часто называвшиеся свободными корпусами, или *Freischärler*) и пытались захватить некоторые столицы кантонов силой оружия. Такие отряды потерпели поражение в Люцерне (1841 г.), но им удалось привести к власти новые администрации в Лозанне (1847 г.), Женеве (1847 г.) и Невшателе (1848 г.).

Крупнейшее военное столкновение произошло в 1847 г. Федеральное законодательное собрание Швейцарии приказало распустить лигу взаимной обороны (*Sonderbund*), образованную католическими кантонами двумя годами ранее; а когда католические кантоны отказались выполнить этот приказ, законодательное собрание направило войска во Фрибур и Цуг (отряды этих городов сдались, не оказав серьезного сопротивления), а затем в Люцерн (где произошло короткое столкновение). У Зондербунда было около 79 тыс. человек под ружьем, а у федерации — примерно 99 тыс. Война с Зондербундом привела к

меньшим потерям, чем предшествовавшие ей мелкие столкновения. Католики потеряли 33 человека, а национальная армия — 60 человек. Разгром Зондербунда упрочил господство либералов в Швейцарии в целом и привел к принятию в 1848 г. осторожно-либеральной конституции по образцу американской.

Последующий период напоминал историю нелегкого периода реконструкции Юга после Гражданской войны в США — стороны сосуществовали поневоле, постоянно испытывая терпение друг друга, но поводов к решительному расколу более не возникало. «Патриоты» многие годы руководили страной. Например, генерал Гийом Дюфур, командовавший федеральными войсками, которые нанесли поражение Зондербунду (и некогда учивший Луи Наполеона в Тунском военном училище), командовал швейцарской армией большую часть первого послевоенного десятилетия.

Последний отзвук вооруженных столкновений 1847–1848 гг. имел место в 1856 г. Переворот 1848 г. фактически (но не формально) лишил прусского короля разделенного суверенитета над Невшателем. Лояльные королю силы установили военный контроль над частью столицы кантона, но почти сразу же были разбиты кантональным ополчением. Угрозы осуществить интервенцию в Швейцарию заставили другие европейские державы обуздать Пруссию. Начиная с этого момента либеральная конституция стала действовать во всей Швейцарской конфедерации. Более того, в 1849–1870 гг. все швейцарские кантоны прекратили старинную и выгодную торговлю наемниками для иностранных армий. После этого за пределами Швейцарии швейцарцы служат только в папской гвардии и нескольких церемониальных военных частях. С этого момента воспоминания о непрерывной ожесточенной вооруженной борьбе вытесняются образом Швейцарии как страны уютных деревушек и аккуратных городков.

Несмотря на то что в 1848 г. в Швейцарии был установлен режим ограниченной демократии, страна осталась исключени-

ем среди европейских демократий. В целом на протяжении XIX и XX века европейские страны становились внутренне более однородными: в пределах отдельных регионов демографические, экономические, религиозные, языковые и культурные различия становились менее значительными [Caramani, 2003; Rokkan, Urwin, 1982; Watkins, 1990]. Сходным образом в целом усилилась и политическая однородность, а засилье партий в регионах снизилось [Caramani, 1997, 110]. Однако в Швейцарии сильная географическая фрагментация по языковому и религиозному признакам и партийной принадлежности продолжала сохраняться и в XX веке. На самом деле большинство основных политических партий Швейцарии в XIX веке денационализировались и в течение XX века так и не обрели равного влияния на территории всех кантонов [Caramani, 1997, 242–248].

Система, установленная в 1848 г., продемонстрировала удивительную устойчивость и впечатляющую способность встречать брошенные ей вызовы путем кооптации противников. Например, швейцарские радикалы были министрами во всех правительствах с 1848 по 2000 г., хотя свою партию они формально создали только в 1858 г. В конце концов в 1891 г. швейцарцы предоставили одно место и консервативной католической оппозиции. Аграрная Швейцарская народная партия получила место в правительстве в 1929 г. С 1943 г. в правительство стали входить социалисты, покинувшие его в 1953 г., но вернувшиеся в 1959 г. и больше уже не выходявшие из его состава. С 1959 по 2000 г. любой кабинет министров состоял из двух радикалов, двух социалистов, двух христианских демократов и одного представителя Швейцарской народной партии. (Примечательно, что семь министров должны быть выходцами из семи разных кантонов.) Только в самом конце XX века усиление поддержки, которую швейцарцы оказывают становящейся все более почвеннической Швейцарской народной партии, начало угрожать сохранению баланса 2–2–2–1, который швейцарцы называют своей магической формулой.

После 1848 г. Швейцария невероятно активно вводит демократические процедуры. На федеральном уровне с 1848 по 1997 г. страна голосовала на референдумах и по отдельным инициативам 451 раз, т. е. почти трижды в год, — что не может не впечатлить [Trechsel, 2000, 16]. Почти половина предложений получила одобрение, и они стали законами. Хотя федеральные референдумы после 1960 г. стали проводиться чаще, в течение XIX века они уже происходили один-два раза в год [Trechsel, 2000, 11]. В период с 1900 по 1993 г. на долю Швейцарии приходится почти половина национальных референдумов, состоявшихся во всем мире [Frey, Stutzer, 2002, 424]. Более того, к 70-м годам XX века отдельные кантоны проводили в год более 100 собственных референдумов и голосований по инициативам [Trechsel, 2000, 23]. И это происходило несмотря на то что Аппенцель, Гларус и Унтервальден сохранили генеральные ассамблеи и потому избежали проведения кантональных референдумов. Референдумы — это совсем другое дело. Например, общенациональные референдумы в конце концов дали женщинам право голоса на национальных выборах (1971 г.), отклонили предложение законодательного собрания о полном членстве в ООН (1986 г.) и снизили национальный возрастной порог для участия в голосованиях с 20 до 18 лет (1991 г.).

Демократические процедуры в Швейцарии не исчерпываются голосованием. К 70-м годам XX века активисты швейцарского общественного движения ежегодно организовывали около 50 заметных публичных мероприятий — демонстраций, шествий и т. п. [Guigni, Passy, 1997, 20–22]. Хотя Швейцария полностью не легализовала профсоюзы до 1864 г., а забастовки — до 1885 г., внесение принципа свободы объединений в конституцию 1848 г. давало право на создание организации не только участникам общественных движений, но и рабочим. Швейцарские рабочие XIX века, как и активисты партий и реформистского движения, формировали союзы и организовывали забастовки, подобные тем, которые проводили рабочие Франции и

Германии [Gruner, 1968, 908–953]. В общем, швейцарцы вполне соответствовали возобладавшему в мире представлению о них как о людях, вполне довольных собой и своим правительством. Более того, в самой Швейцарии наблюдалась устойчивая зависимость: чем сильнее развита прямая демократия на местах, тем выше уровень удовлетворенности граждан жизнью и правительством [Frey, Stutzer, 2002, 425].

Короче говоря, вскоре после 1848 г. Швейцария перешла от политики, опиравшейся на ополчения и применявшей насилие, к обычной демократической практике общественных движений, забастовок и избирательных кампаний. Но это было сделано сугубо по-швейцарски. Ганспетер Криси и его соавторы так сформулировали эту специфику применительно к XX веку:

Слабое, объединяющее швейцарское государство дало развитие сектору общественных движений, для которого характерны очень высокий уровень общей мобилизации и весьма ограниченный набор действий. Формальные организации общественных движений обычно сильно развиты: таковы умеренные формы мобилизации — кампании прямой демократии, подача петиций и, до некоторой степени, нестандартные формы вроде демонстраций [Kriesi et al., 1995, 51–52].

Несмотря на наступившую позднее стабильность, в период 1830–1847 гг. швейцарская демократия соскользнула в гражданскую войну. Только военная победа одной из сторон вернула страну на путь демократического урегулирования. Если говорить о Швейцарии 1848 г., то ее можно было бы назвать в целом слабой, неразвитой демократией или демократической олигархией. Власть принадлежала собственникам, правом голоса пользовались только мужчины, но государство осуществляло свою деятельность с помощью выборов, референдумов и парламентских обсуждений.

Для формирования в Швейцарии демократических институтов, сравнимых с преобладающими ныне в Западной Европе,

понадобилось много времени, и даже сегодня в стране сохранилось много пережитков исчезнувших фрагментированных режимов. Например, евреи не могли получить швейцарское гражданство до 1866 г. Как мы уже знаем, женщины получили право голоса на федеральных выборах только в 1971 г., но даже после этого два полукантона не признают за женщинами избирательных прав. Национальное швейцарское гражданство все еще зависит от кантонального гражданства, которое, в свою очередь, зависит от гражданства конкретного муниципалитета. Хотя 20 кантонов ныне избирают 2 представителей в Государственный совет (сенат) Швейцарии, три кантона (Базель, Аппенцель и Унтервальден) разделены на полукантоны, каждый из которых избирает по одному сенатору. Тем не менее к середине XIX века Швейцария создала одну из самых долговечных представительных систем Европы и специфическую демократию.

Что требует объяснения?

Швейцарский опыт особенно примечателен переходом к представительному правлению при наличии устойчивых языковых различий. Между германоязычными северными и восточными кантонами Швейцарии, ее франкоязычными западными районами, италоязычной южной окраиной и анклавами юго-востока страны, говорящими на ретороманском языке, издавна существуют значительные различия. Сложность распространяется даже на названия кантонов. Например, германоговорящие жители называют кантон Во Ваадтом. У одного и того же кантона четыре названия: Гризон, Граубюнден, Гриджони и Гришун — соответственно на французском, немецком, итальянском и ретороманском языках. Швейцария также демонстрирует резкие различия диалектов немецкого, известного под общим названием *Schwyzerdütsch*, между разными городами, и эти разные диалекты, по сути дела, служат языками, выбираемыми для обще-

ния в пределах номинально германоязычной Швейцарии, в которой ныне проживает около двух третей всего населения страны. В Швейцарии со времен Реформации основное размежевание проходит по линии религии. Здесь редко враждовали из-за языковых различий. Отделение франкоязычной Юры от преимущественно германоязычного Берна (1979 г.) знаменует разрыв с прежней швейцарской традицией.

Еще более Швейцария примечательна жизнеспособностью представительных институтов, сочетающейся с весьма слабыми государственными структурами. Похожие режимы, существовавшие в других европейских странах, как правило, становились объектами завоевания более дееспособными (и гораздо менее демократичными) соседями. Топография Швейцарии, ее способность в случае крайней необходимости организовать вооруженную оборону и вражда между ее могущественными соседями давали стране те же преимущества, которыми обладали Лихтенштейн и Андорра. Упрямая независимость Швейцарии столь сильно вдохновляла региональных политиков Европы, что, например, баскские националисты XIX века предлагали превратить собственную страну в «Пиренейскую Швейцарию» [Agirreazkuenaga, Urquijo, 1994, 11–12].

Что бы мы ни говорили о пути Швейцарии к демократии, эта страна прошла фазу интенсивной массовой борьбы, в том числе масштабные военные действия. Более того, тот же процесс, который породил дееспособные центральные правительства, в Швейцарии привел к созданию ограниченной, но подлинной демократии: по сравнению с прежним порядком — сравнительно широкое, пусть и неравное гражданство, имеющие обязательную силу консультации граждан и их значительную защищенность от произвола правительственных агентов. Впрочем, по сравнению с французской или британской моделями демократии конца XIX века швейцарская конфедеративная система кажется чрезвычайно разнородной: у каждого кантона свое особенное устройство, свой основной язык, свое гражданство;

множество властей и соглашений и удивительное сочетание замкнутости со способностью создавать особые ниши для признанных политических субъектов. Эти черты политической истории Швейцарии пережили все последующие конституционные изменения и продолжают оказывать глубокое воздействие на политическую борьбу в стране [Giugni, Passy, 1997; Kriesi, 1980, 1981; Kriesi et al., 1981, 1995].

Обратимся теперь к важнейшему периоду с 1830 по 1848 г. В течение этих 19 лет Швейцария прошла путь от неустойчивого союза, объединявшего спорившие между собой, неравноправные, внутренне подчиненные олигархии кантоны, которые политически были связаны не более чем самыми минимальными центральными учреждениями, до сравнительно прочного полудемократического союза. На этом пути она пережила серию вооруженных конфликтов, множество мелкомасштабных революций и гражданскую войну, которая могла навсегда развалить страну. В приложении к этой главе дана хронология наиболее крупных конфликтов, происходивших в Швейцарии в эти бурные годы.

Учитывая репутацию степенной, благоразумной страны, которую Швейцария обрела впоследствии, хронология не может не вызывать удивления. В 1831, 1832, 1833, 1834, 1839, 1841, 1844, 1845, 1847 и 1848 гг. то одну, то другую часть Швейцарии сотрясали вооруженные конфликты, связанные с формами и прерогативами власти. В боевых действиях погибли сотни швейцарцев. В кантонах, одном за другим, возникали противоборствующие вооруженные группировки. Урегулирование 1847–1848 гг. произошло только в результате открытой гражданской войны. И все же мирное урегулирование положило начало длительному периоду ограниченной, но стабильной демократии в стране. Более того, кантоны Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальд и Цуг, в которых на местном и кантональном уровнях действовала прямая демократия, образовали центр сопротивления демократическим реформам на национальном уровне.

Кантоны с представительной системой вместо прямой демократии — Фрибур, Во, Берн, Золотурн, Ааргау, Цюрих, Тургау, Шаффхаузен и Тичино — в целом поддержали федерализм и представительную демократию на национальном уровне. Преимущественно католический Фрибур (с представительными кантональными институтами) составил явное исключение из общих правил. Итак, налицо два парадокса: массовая вооруженная борьба за демократию и упорнейшее сопротивление национальной демократии со стороны тех, кто у себя дома осуществлял прямую демократию.

При более близком рассмотрении политических процессов в Швейцарии оба парадокса исчезают. Разрешение второго парадокса помогает разрешить и первый. «Прямая демократия» регионов, противившихся реформе федерации, представляла собой правление узкого круга полноправных граждан, отстаивающих свое равенство. Как и в тех регионах Европы, где города обладали значительной политической автономией, мужчины — граждане швейцарских коммун и кантонов имели право и обязанность носить оружие, будучи членами гражданских ополчений. Эта традиция была настолько сильна, что еще в XIX веке полноправные граждане носили шпаги, кинжалы или штыки как знаки своего отличия. Более того, на протяжении столетий до 40-х годов XIX века собрания часто по собственной инициативе вооружались, чтобы протестовать против действий тех или иных властей; иногда они насильственно свергали власти, создавали временные собрания для обсуждения или осуждения действий властей или принуждали власти созывать собрания граждан (см. гл. 2, описание граубюнденского варианта повстанческой ассамблеи в *Strafgericht*). За публичным равенством скрывались олигархия, шовинизм и принуждение. Хотя большинство участников собраний могло отвергнуть предложения должностных лиц коммуны или кантона и иногда делало это, на практике высшие должности обычно занимали богатые,

которые редко допускали, чтобы серьезная оппозиция их роли получала публичное проявление.

Там, где практику повседневного правления непосредственно собрания блокировал сам масштаб политики на местах, кантоны обычно прибегали к праву вето (благодаря которому только большинство полноправных избирателей могли отклонить формальное предложение, независимо от того, сколько человек принимали участие в голосовании) или к референдуму (где победу одерживало большинство участвующих в голосовании по конкретному предложению, независимо от числа голосовавших), используя эти процедуры как альтернативу открытому обсуждению лицом к лицу. В любом случае швейцарские варианты прямой демократии обычно предполагали участие ограниченного круга лиц, сравнительное равноправие членов этого круга, обязательные консультации с этими людьми и ограниченную защищенность всех, кто не входил в число избранных. Швейцарская прямая демократия сочеталась также с ожесточенной защитой местной и кантональной политики от вмешательства извне. Швейцарская система защищала не столько индивидуальную свободу, сколько коллективную автономию [Barber, 1974]. Напротив, кантоны, учредившие представительную демократию, в общем расширили народное участие в кантональной политике. Вооруженная борьба, развернувшаяся в Швейцарии в 1830–1848 гг., стала результатом попыток активных поборников представительной демократии нанести поражение олигархической политике прямой демократии и тем самым увеличить собственный политический вес на национальном уровне. Поступая таким образом, эти активисты волей-неволей становились также защитниками более сильного центрального правительства.

Что нам необходимо объяснить? Швейцария, если рассматривать эволюцию ее национального правительства в плоскости «дееспособность—защищенность», в 30-х годах XIX века до-

стигла крайне низкой дееспособности правительства и весьма незначительной защищенности консультаций. В национальном масштабе наблюдались: очень ограниченное, но сравнительно равное политическое участие; обязательные консультации не с гражданами вообще, но с кантонами как коллективными субъектами; вполне надежная защищенность от произвола агентов национального правительства и в очень умеренной степени то, что можно было бы назвать авторитаризмом или гражданством на национальном уровне.

Как и во многих других союзных системах, определить, что в Швейцарии является «национальным масштабом», непросто. Даже сегодня швейцарские кантоны осуществляют многие функции из числа тех, которые более централизованные государства передают непосредственным агентам национального правительства. Например, национальная армия Швейцарии по-прежнему частично контролируется кантонами; кантональные власти могут присваивать офицерские звания вплоть до звания капитана. В 30–40-х годах XIX века кантоны и более мелкие территориальные единицы в рамках кантонов обеспечивали практически все повседневное управление в тогдашней Швейцарии. Когда мы говорим о национальном масштабе или о национальном правительстве, мы пользуемся своего рода условным термином, который обозначает политическую деятельность законодательного собрания или его непосредственных агентов либо координированное взаимодействие кантонов.

К концу 1848 г. Швейцария на национальном уровне проделала значительный путь к расширению отношений между гражданами и агентами государственной власти. Можно также утверждать, что произошло и расширение политического равенства групп и индивидуумов при сохранении обязывающих консультаций и защищенности и значительном укреплении дееспособности центрального правительства. В этом отношении можно обоснованно говорить о том, что в Швейцарии существовало неавторитарное национальное гражданство. Но с 1830

по 1848 гг. дееспособность национального правительства подверглась серьезным испытаниям, защищенность снизилась, а гражданская война разрывала страну на части. В ходе и в результате гражданской войны правительство увеличило свою дееспособность, которая достигла беспрецедентного уровня (не что подобное наблюдалось разве что в период французского господства с 1798 по 1803 г.). С 1830 по 1850 г. политическая история Швейцарии развивалась в направлении демократии по траектории слабого государства, и это продвижение сопровождалось упорной борьбой.

Обратите внимание на слабость правительства в 30-х годах XIX века. В письме из Берна Клоду-Франсуа де Корселлю от 27 июля 1836 г. Токвиль заявил:

В качестве *американца* я уже выработал гордое презрение к устройству швейцарской федерации, которую я, говоря откровенно, называю не федерацией, а лигой; правление такого рода — самое мягкое, бессильное, неловкое и наименее способное к тому, чтобы вести народ к чему-либо, кроме анархии. В английском королевстве в сотни раз больше республиканства, чем в этой так называемой республике. Минье объяснил бы это расовыми различиями, но этот довод я принимаю разве что в самом крайнем случае, когда больше нечего сказать. Предпочитаю находить причину данного положения вещей в мало известном, по крайней мере, неизвестном мне до самого недавнего времени факте, состоящем в том, что в большинстве швейцарских кантонов свобода на уровне коммун — явление новое. Городские буржуа правили сельской местностью так, как правила сельской местностью королевская власть во Франции. Это была мелкомасштабная буржуазная централизация, которая, подобно централизованной королевской власти во Франции, — по мнению г-на Тьера, бывшей гениальным творением великого человека, — никому не позволяла вмешиваться в ее деятельность [Tocqueville, 1983, 70–71].

Кантон Берн лишь незадолго до этого принял формально республиканскую конституцию, которая была вариантом пред-

ставительной (а не прямой) демократии. В этом кантоне Токвиль отчетливо увидел, что бюргеры в селениях, лежавших в глубине кантона, пользовались гегемонией, ограниченной, впрочем, богатыми бюргерами самого Берна. Что касается национального правительства, француз Токвиль своим проницательным взором обнаружил у него очень мало власти.

То правительство, которое наблюдал Токвиль, действительно за несколько предшествовавших лет утратило часть власти. Принятый в 1815 г. пакт был, в сущности, договором почти суверенных кантонов. Национальное законодательное собрание было главным образом инструментом принуждения к исполнению договора, имело весьма ограниченные и немногочисленные полномочия и могло действовать только на основании решений, принятых большинством голосов проинструктированных делегатов от кантонов (по одному от каждого кантона независимо от величины последнего). Вооруженные силы центрального правительства состояли исключительно из ополченческих контингентов, предоставляемых в распоряжение законодательного собрания кантонами. Эти ополчения обычно формировались в соответствии с численностью населения кантонов. До тех пор пока кантоны совместно противостояли внешним врагам, они оказывали поддержку усилиям, которые от их имени и в их интересах предпринимало законодательное собрание.

Однако по мере того как в течение 30-х годов XIX века и позднее некоторые кантоны проводили реформы, между сторонниками реформ и их противниками произошел ряд вооруженных столкновений в пределах этих и соседних с ними кантонов. Когда национальные силы, т. е. объединенные центральным правительством ополчения кантонов, вмешивались в такие конфликты, они, как правило, выступали на стороне реформаторов. Формируя свои войска преимущественно за счет ополчений кантонов, которые уже провели реформы (эти кантоны были к тому же в среднем более населенными, урбанизированными и индустриализованными), национальная армия поддер-

живала знакомую логику представительства, пропорционального численности взрослого мужского населения. В кантонах Базель и Швиц Национальное собрание зашло настолько далеко, что оказало поддержку сепаратистским движениям и поддержало образование новых полукантонов, в которых господствовали реформаторы. В ответ на эти действия две группы противостоящих кантонов заключили пакты о взаимопомощи, чтобы гарантировать целостность своего устройства. Таким образом, кантоны фактически еще сильнее снизили свой и без того уже низкий уровень сотрудничества с национальными властями.

Это ослабление швейцарского государства и последующее сползание его частей в гражданскую войну делают укрепление государственного устройства в 1848 г. еще более примечательным. Трудно доставшаяся швейцарская конституция 1848 г. установила федеральную систему, а не унитарное государство французского образца. Новое государственное устройство разделило суверенитет между национальным правительством и кантонами. Была создана двухпалатная представительная система по американскому образцу: в верхней палате кантоны имели равное представительство, а состав нижней палаты приблизительно определялся на основе принципа равного представительства избирателей. Эта конституция пресекла преобладавшую в прошлом тенденцию к интеграции религиозных различий в политику на кантональном и национальном уровнях.

Поскольку урегулирование произошло в результате гражданской войны, разразившейся в то время, когда европейские державы были охвачены революциями, швейцарский конституционный конвент, собравшийся в феврале 1848 г., смог работать втайне как собрание 200 не имевших инструкций делегатов, а не как прежнее законодательное собрание уже учрежденных кантонов, представители которых собирались для заключения союзных договоров. Несмотря на эту сравнительную свободу и показательный урок, который был преподан Зондербунду, создателям швейцарской конституции предстояло до-

биться одобрения своих предложений большинством избирателей в кантонах, а затем — и большинством избирателей, участвующих в национальном референдуме. В ходе борьбы за это творцам новой конституции удалось одержать решающую победу и национализировать таможенные сборы, однако в вопросах создания сильной централизованной армии, централизованной национальной системы государственных школ, национальной системы дорог и единого государственного языка они потерпели поражение [Ruffieux, 1986, 601–602].

Итак, наша задача состоит в том, чтобы смоделировать частичные объяснения изменений, которые произошли в дееспособности швейцарского национального правительства и в защищенности консультаций с 1830 по 1848 г. Мы должны поставить вопрос о том, сыграли ли в этих изменениях важную роль те механизмы перемен в неравенстве, сетях доверия и отношениях между гражданами и агентами государственной власти, которые перечислены в таблицах 1.1–1.3, и действительно ли революции, конфликты, завоевания и/или колонизация оказали какое-то воздействие на демократизацию, ускорив действие тех же механизмов, нежели вызвав политические трансформации сами по себе. Поскольку швейцарские историки формулируют свои вопросы относительно указанного периода в несколько ином ключе, то, что я предлагаю сделать, содержит существенные элементы интерпретации и догадок. И все же мои доводы довольно точно описывают удивительную трансформацию, произошедшую в Швейцарии с 1830 по 1848 г.

Неравенство в Швейцарии

Проследивая влияние изменений в неравенстве, сетях доверия и публичной политике на демократизацию в Швейцарии, мы сосредоточим внимание на последствиях, проявлявшихся на национальном уровне. Временная демократизация националь-

ной политики, произошедшая около 1830 г. частично в результате захвата власти на местном и региональном уровнях демократами разных мастей, не всегда влекла за собой демократизацию политики на коммунальном и региональном уровнях. В течение продолжительных периодов XIX века в некоторых кантонах в действительности произошло свертывание демократии. В отличавшемся высоким уровнем развития промышленности полукантоне Аппенцелле Ауссеррходене, например, избираемая раз в полгода генеральная ассамблея (*Landsgemeinde*) граждан-мужчин издавна обладала высшей политической властью. Но с изменением обычных сроков школьного обучения и возраста начала трудовой деятельности кантон в 1834 г. повысил минимальный возрастной ценз с 16 до 18 лет, а в 1876 г. — до 20 лет [Tanner, 1982, 396]. Таким образом, с возрастной точки зрения в кантоне произошло свертывание демократии. Более того, высшие должностные лица кантона, т. е. люди, которые формировали повестку дня генеральных ассамблей, были в подавляющем большинстве выходцами из ведущих купеческих и промышленных династий. Если говорить о составе должностных лиц на уровне приходских органов управления, то в городке Бюхлер в 1810–1820 гг. (т. е. после того как под властью французов произошло расширение политического участия) среди таких чиновников бедных было больше, чем с 1820 по 1840 г. [Tanner, 1982, 382–383]. Усиливавшееся материальное и политическое неравенство в деревнях, городах и кантонах могло существовать с усиливавшимся политическим равенством на уровне национальной политики до тех пор, пока эти две сферы оставались сравнительно изолированными друг от друга.

Действительно, рассматриваемая в более мелком масштабе Швейцария давала поразительные примеры сочетания равенства и неравенства. Сограждане городов и селений, говорившие на одном диалекте, и члены одних религиозных общин настаивали на равенстве своего публичного статуса. В стране в целом до 1830 г. равенство определено разных по всем характери-

кам кантонов считалось священным политическим принципом. Но за пределами важных сфер, где демонстрировались солидарность и фактическое публичное равенство, швейцарцы сочетали тонко градуированные проявления политического и материального неравенства с изощренными формальностями социального этикета.

До тех пор пока экономическое благополучие Швейцарии зависело от сельского хозяйства, мелкого ремесленного производства, перевозки грузов через Альпы и экспорта наемников, ее локализованные формы правления идеально соответствовали шаблонам материального неравенства. Однако в течение XIX века развитие надомного текстильного производства породило новые классы рабочих и предпринимателей, и эти классы уже не вписывались в традиционные отношения городских мастеров, купцов и землевладельцев, с одной стороны, и отношения ремесленников и крестьян — с другой. Так, к 1774 г. на территории кантона Базель сельским хозяйством занимались лишь 18% глав семейств, 27% были поденщиками, а остальные 55% — надомными производителями промышленной продукции и лавочниками [Gschwind, 1977, 369] (соответствующую информацию по Цюриху см.: [Braun, 1960]).

Французские завоеватели и их союзники — швейцарские революционеры ликвидировали городские гильдии — опору материального неравенства. После 1800 г. прядильное производство переместилось в города, что привело к появлению множества недовольных ткачей-надомников в сельской местности; затем механизация текстильного производства после 1840 г. стала уничтожать этот надомный промысел. Концентрация текстильного производства в городах также породила классическое, пусть и маломасштабное, сочетание промышленной буржуазии и пролетариата в основных центрах текстильной промышленности [Braun, 1965; Gruner, 1968]. Организованные в цеха ремесла и господствовавшие в цехах мастера утратили значительную часть своего бывшего преобладания в политической

жизни этих центров. Соответствие богатства, землевладения и политической власти пришло в упадок.

Нельзя сказать, что индустриализация Швейцарии снизила материальное неравенство. Напротив, в краткосрочной перспективе крайности нищеты и богатства усилились. Но при сохранении политической власти олигархов-землевладельцев в условиях, когда индустриализация приводила к перемещению населения из сельской местности и из сельского хозяйства в города, швейцарская система сегментированной публичной политики как привилегии все более утрачивала связь с преобладавшими формами материального неравенства. Логика количества все сильнее противоречила логике политически законсервированных категорий. Купцы, интеллигенция и промышленная буржуазия объединились ради проведения политической реформы, направленной именно против этого частичного исключения из публичной политики. Иногда члены этой реформаторской коалиции осмеливались даже объединяться с промышленными рабочими в рамках радикальной политики. Расширение и национализация гражданства сулили надежду на усиление их власти наравне со старыми землевладельческими элитами, но это было возможно только ценой предоставления более бедным рабочим прямого доступа к публичной политике. Таким образом, трансформация разных форм неравенства (в особенности неравного положения людей по отношению к публичной политике) в 30–40-х годах XIX века дала небольшое ускорение демократизации в наиболее индустриализованных кантонах Швейцарии.

Хотя отдельные люди и невидимые сети порой аккумулировали значительную власть, категориальное неравенство, обусловленное полом, расой, этническим происхождением, религиозной принадлежностью, профессией, богатством или принадлежностью к местной общине, оказывало на публичную политику более глубокое, долговременное и непосредственное воздействие. Категориальное неравенство, таким образом, силь-

но сказывалось на перспективах демократии. Формы категориального неравенства легко превращались в различия политических прав и обязанностей, а также создали основу для коллективного соглашения. В процессах трансформации категориальных неравенств участвовали механизмы четырех основных групп: эксплуатация, накопление возможностей и капитала, копирование и адаптация [Tilly, 1998].

Эксплуатация — это такое применение ресурсов в рамках коллективного предприятия, при котором целая категория участников получает вознаграждение меньше их трудового вклада в предприятие. Накопление возможностей и капитала — это отлучение других людей от ценного производственного ресурса, в результате чего отлученные получают меньшее вознаграждение за свой труд, чем если бы они были включены в число пользующихся ресурсом. Швейцарские гильдии и цеха при «старом порядке» сочетали эксплуатацию и возможности классическим образом: мастера получали непропорционально большую долю финансового результата ремесленного производства, но и работники все-таки получали выгоды благодаря отлучению от ремесла работников, не являвшихся членами цехов. Копирование воспроизводит формы неравенства социальных отношений посредством имитации или прямого перемещения людей из одного контекста в другой. Наконец, адаптация предполагает, что эта интеграция поддерживает традиционную практику, в том числе сохраняет положение людей, страдающих от эксплуатации и накопления возможностей и капитала.

В этой книге мы сосредоточиваем внимание не на росте, исчезновении и переменах категориальных неравенств в целом, но на их пересечении с публичной политикой. В перечне, приведенном в таблице 1.1, изменяющееся неравенство в Швейцарии способствовало демократизации главным образом посредством двух механизмов: 1) ликвидации мер принудительного управления, консервировавших существовавшие отношения эксплуатации и накопления возможностей и капиталов; 2) изо-

лянии категориальных неравенств от публичной политики. В первом случае ликвидация гильдий и расширение фабричного производства разрушили прежнюю тесную связь между швейцарскими государственными институтами и ремесленной организацией экономики.

Что касается второго механизма — изоляции форм категориального неравенства от публичной политики, — то сохранение политических институтов, основанных на том, что неизменное по численности население кантонов было организовано вокруг отношений земельной собственности, перед лицом массивной коммерциализации, пролетаризации и миграции блокировало непосредственную трансляцию нового в экономическую и политическую власть. Далее, мобилизация в условиях межконфессиональных конфликтов с 1830 по 1847 г. стала мотивом, который побудил творцов конституции 1848 г. воздвигнуть барьеры, препятствующие переносу религиозных различий в политическую сферу. Самым очевидным из таких препятствий стал запрет священнослужителям занимать государственные должности. Впрочем, этим демократизирующим механизмам следует противопоставить значительное усиление материального неравенства, вызванное индустриализацией Швейцарии. В общем и целом Швейцария в XIX веке продвигалась к демократии скорее вопреки, нежели благодаря совокупным изменениям материального неравенства. Благодаря этому обстоятельству успех изоляции, сконструированной в 1848 г., выглядит еще более впечатляющим.

Сети доверия

В продвижении к демократии более важную роль, возможно, сыграли изменения в сетях доверия. Начиная с XVI века жизнь швейцарцев была организована сегментарно, в соответствии с ремеслом, языком, диалектом и религией. В рамках этих

сегментов богатых и бедных связывали узы «покровитель—клиент». Границы сегментов общественной жизни швейцарцев четко обозначала религия. Коммунальное и кантональное гражданство зачастую зависело от религиозной принадлежности. Например, вплоть до французского завоевания 1798 г. «за исключением большинства беженцев-кальвинистов, ни один католик и ни один не цвинглианский протестант не мог стать гражданином Базеля, ни в самом городе, ни в сельской местности кантона» [Gschwind, 1977, 423]. Хотя меньшинства, в том числе иудеи, находили себе место в различных нишах, для общественного статуса конфессиональная принадлежность имела огромное значение. Швейцария XVIII века напоминала, правда в гораздо меньшем масштабе, Британские острова и Нидерланды, где религиозные категории были непосредственно и неравным образом встроены в публичную политику.

Однако с 1750 по 1840 г. произошедшая в два этапа индустриализация Швейцарии подорвала сети доверия, основанные на религии, языке, ремесле и, возможно, на старинных формах трансальпийской торговли. Во-первых, динамичное развитие надомной промышленности привело к значительному увеличению численности безземельного сельского населения. Затем, примерно с 1820 г., концентрация текстильного производства (сначала прядения, затем и ткачества) породила перемещение работников в промышленные города, а также вызвала кратковременный подъем и упадок надомного ткачества в сельской местности. Ликвидация гильдий и цехов французами и конкуренция со стороны владельцев внецеховых предприятий подорвали охватывавшие подмастерьев сети доверия, на основе которых ранее было организовано мелкое производство (ср. [Rosenband, 1999, 457]).

Хотя новые работники обычно были выходцами из старинных крестьянских семей, изменение социальных условий их существования оторвало их от традиционных сельских сетей взаимности и покровительства. Например, в сельской местности

кантона Цюрих постепенно нараставшие последствия индустриализации соединились с борьбой либеральной буржуазии за ограничение контроля консервативных протестантских священнослужителей над семейным правом, благотворительностью, школами, воскресными развлечениями и местными финансами [Joris, Witzig, 1992, 26] (см. также [Joris, 1994]). Более чем вероятно, что сходные процессы постепенно разрушили сети доверия и взаимопомощи, существовавшие между крестьянами.

До 1848 г. эти процессы ранее всего начались и особенно далеко зашли в преимущественно протестантских частях Швейцарии, а не в районах гегемонии католицизма. Индустриализация Швейцарии началась в протестантских кантонах вроде Берна и Цюриха, а не в католических кантонах вроде Люцерна или в высокогорных районах. Историками еще не до конца изучено воздействие, оказанное этим различием на сети доверия. В дополнение к обычным трудностям, с которыми сопряжена реконструкция межличностных связей на основе исторических источников (см., например, [Bearman, 1991, 1993; Gould, 1995; Kalb, 1997]), швейцарским историкам приходится прокладывать себе путь сквозь устойчивые мифы о социальном развале, которыми изобилуют посвященные той эпохе сочинения [Braun, 1965, 41–43]. И все-таки мы можем обоснованно рассуждать о том, что существовавшие у католиков сети, основанные на родственных связях, дружбе, взаимопомощи и крестничестве, сохранили большую силу и были сильнее изолированы от публичной политики национального уровня, чем аналогичные сети протестантов. Сходные различия, по-видимому, можно провести между либеральными протестантами и сторонниками отделения религии от политики и государства. Говоря иначе, сети либеральных протестантов были в большей мере интегрированы в публичную политику, чем сети католиков или протестантов-консерваторов.

Моя историческая реконструкция развивается следующим образом: в обширных областях Швейцарии индустриализация

в сельской местности, пролетаризация сельского населения, а затем и социальная имплозия, произошедшая в городах, подорвали работу сетей доверия, которые спланивали местные группы брачными союзами, отношениями кредита и взаимопомощи, слухами и общим ремеслом, а также связями «покровитель—клиент» между богатыми и бедными семьями. Эти процессы запустили большинство разрушительных механизмов, перечисленных под соответствующими заголовками в части таблицы 1.2, относящейся к сетям доверия:

- развал существующих сетей доверия;
- рост населения, лишённого доступа к эффективным сетям доверия при организации своих главных долгосрочных начинаний;
- появление новых долгосрочных предприятий, с которыми не могли справиться существовавшие сети доверия.

В то же время, согласно моей теории, богатеющая буржуазия инвестировала в более дееспособные системы управления, которые смогли упразднить внутренние таможенные барьеры, создать средства защиты от внешней конкуренции, ввести единообразие мер и весов, построить коммерческую инфраструктуру и развернуть государственное обучение, что запустило механизмы, подключавшие сети доверия к публичной политике и даже к самому правительству:

- создание внешних гарантий обязательств, принятых на себя государством;
- инкорпорирование и развитие существующих сетей доверия правительством;
- поглощение или разрушение правительством прежде автономных отношений «покровитель—клиент»;
- значительное увеличение ресурсов, используемых правительством для ограничения рисков и/или компенсации ущерба;

- видимое исполнение правительством принятых им обязательств в пользу новых сегментов населения.

Эти механизмы распространили свое действие от правительства до институтов публичной политики, зависевших от правительства, — политических партий, выборов, ассоциаций, созданных на основе общности интересов, профсоюзов и т. д. Включение таких институтов в народные сети доверия позволило народу следить за действиями правительства и обязало его участвовать в этих действиях, настаивая на коллективном голосе в общих делах. Сдвиг от правительства как института защиты местных привилегий и иерархий к правительству как инструменту вертикального контроля, сдвиг, который во Франции или Пруссии был, разумеется, гораздо более значительным, чем в Швейцарии, стал причиной разрушения и преобразования сетей доверия.

Возьмем лишь один из этих механизмов — инкорпорирование и развитие существующих сетей доверия. На кантональном уровне лидеры, разумеется, утверждали, что механизм работает. Книжка для детей, спонсированная правительством кантона Аппенцель в 1805 г., гласила: «Наш дорогой Господь благословил нас, создав Власти. Если бы не было властей, наши жизни, наша собственность и наш мир не были бы в безопасности» [Tanner, 1982, 400].

Однако независимо от того, действительно ли Господь заставил работать этот механизм в кантонах, вопрос состоит в том, учреждала ли национальная власть сети, на которые регулярно полагались люди в своих рискованных предприятиях. По всей вероятности, ответ таков: до 1848 г. правительство ничего подобного не делало для швейцарских католиков, но среди протестантов определенное движение в этом направлении началось еще при Гельветической республике 1798 г. и продолжилось впоследствии. Национальное правительство оставалось в первую очередь правительством протестантов. Чем сильнее католи-

ки в целом противились федеральной власти, тем отчаяннее цеплялись за нее протестанты. Подробные доказательства существования такой тенденции в принципе продемонстрировали бы, что протестанты вкладывали средства в ценные бумаги, обеспеченные национальным правительством, платили налоги, были готовы нести военную службу, отправляли детей на службу национального правительства и требовали посредничества национальных властей в спорах куда более энергично, чем это делали католики.

Пока никто еще не собрал достаточно неопровержимых доказательств. В стране, где (особенно до 1848 г.) столь многие публичные полномочия принадлежали кантонам, у швейцарцев XIX века было сравнительно мало возможностей, для того чтобы принимать обязательства в указанных отношениях. Тем не менее с большой долей вероятности можно предположить, что во время режима медиации (1803–1813 гг.) преимущественно протестантские кантоны Цюрих, Берн, Базель, Золотурн, Шаффхаузен, Ааргау и Во платили налоги в расчете на душу населения больше, чем их католические соседи [de Capitani, 1986, 492]. Разумеется, протестантские кантоны были в общем более развиты в промышленном и торговом отношении, чем их соседи. В целом капитализм и протестантизм в Швейцарии XIX века совпали. Развитие капитализма фрагментировало старые сети доверия и делало государство более важным для предприятий, в которых участвовали и буржуа, и рабочие.

Публичная политика

Сенсационные изменения, произошедшие в швейцарской публичной политике в 30–40-х годах XIX века, гораздо больше привлекли внимание историков, чем трансформации неравенства и сетей доверия. В результате обнаружить соответствующие каузальные механизмы в публичной политике гораздо

легче. Мы занимаемся поиском доказательств и причин изменений дееспособности правительства, широты и равенства политического участия, обязательности консультаций с участниками политического процесса и защищенности этих участников от произвола агентов правительственной власти. Мы ищем также свидетельства и причины гражданства: формирование крупных, единообразных комплексов прав и обязательств категориального характера, связывающих правительственных агентов с людьми, живущими в юрисдикции того же правительства. Швейцария прошла через подобные изменения в период с 1830 по 1848 г. ценой яростной борьбы.

Трансформация происходила на двух уровнях. Во-первых, коалиция радикалов и реформаторов осознанно прибегла к моделям демократической организации и вела кампанию за реализацию этих моделей как внутри кантонов, так и по всей стране. До известной степени усилия коалиции были успешными. Во-вторых, непреднамеренные побочные результаты ожесточенной борьбы за преобладание на кантональном и национальном уровнях укрепили дееспособность национального правительства, защищенность консультаций и статус гражданина в Швейцарии.

В первом случае французская революция 1830 г. и более ранний опыт, который получила Швейцария под властью французов, предоставили специфические модели мобилизации и конституционного строительства. Реформа означала создание центрального правительства, обладающего учреждениями, которые были сконструированы для того, чтобы представлять волю народа, способствовать развитию торговли, повышать просвещенность, осуществлять правосудие, помогать достойным беднякам и препятствовать интеграции частных привилегий в публичное право. Даже в 1830 г. швейцарские реформаторы придали своим предложениям национальную специфику, проводя массовые собрания и бурные ассамблеи вооруженных активистов под открытым небом. Таким образом, «22 ноября 1830 г. от

7 до 8 тысяч человек, собравшиеся под открытым небом в Устере под председательством Генриха Гуйера, мельника из Баумы, слушали предложения Кюсснахта и приняли их единогласно, с энтузиазмом и в торжественной обстановке» [Craig, 1988, 46]. Набхольц и его соавторы пишут о «дикой смуте» в кантонах Во, Шаффхаузен и Базель, а также о «кровопролитных столкновениях» во Фрибуре, которые произошли в ходе публичных обсуждений открыто сформулированных предложений о конституционной реформе [Nabholz et al., 1938, II, 411].

Более того, радикалы и реформаторы неоднократно предпринимали попытки навязать колеблющимся регионам свои программы силой. Например, в январе 1831 г. активисты антиолигархического движения в сельской местности кантона Базель подняли восстание против находившейся под властью консерваторов столицы кантона, которое было подавлено кантональным ополчением, причем потери понесли обе стороны. В том же году борьба в Базеле возобновилась и приняла более радикальные формы. В 1832 г. в Базеле было достигнуто характерное для Швейцарии решение о создании двух временных полукантонов: одним полукантоном стал город, другим — сельская местность. Ассамблея сельского полукантона (Базельланда) почти сразу же приняла конституцию, которая в широком смысле слова была демократической. Старые кантональные власти отказались принять это решение и попытались восстановить свое господство. Борьба между городом и сельской округой продолжалась до августа 1833 г., когда кровопролитные вооруженные столкновения в Гелтеркиндене и Праттельне ослабили давление кантональных властей и ускорили подчинение ранее враждебных коммун новому полукантону. В этом случае федеральные власти признали полное разделение двух полукантонов.

Расколы в Швице напоминали базельские [Wyrsch, 1983]. Большая часть населения проживала в шести округах Внешнего Швица, которые имели лишь треть мест в законодательном

собрании кантона. Сначала, в 1830 г., реформаторы из Внешнего Швица потребовали новой конституции, а вскоре после этого удалили своих представителей из кантональных ассамблей, где преобладали представители Внутреннего Швица. После нескольких раундов переговоров Внешний Швиц пошел на провозглашение независимости, и правительство страны признало Внешний Швиц отдельным полукантоном, который дважды подвергался военной оккупации силами Внутреннего Швица, прежде чем на его территорию был введен крупный контингент федеральных сил (август 1833 г.), что позволило решить вопрос. Вмешательство федеральной власти восстановило единство кантона, но ввело представительство, пропорциональное численности населения. Эти события в беспрецедентной степени усилили зависимость властей Внешнего Швица от национального правительства, но усилили враждебность Внутреннего Швица к национальному правительству. Впоследствии в сельской местности кантона произошло резкое размежевание на фракции «копыт» (мелких крестьян, выступавших в поддержку либеральных мер) и «рогов» (более консервативных в политическом отношении крупных сельских хозяев). Только вмешательство национального законодательного собрания и кантона Ури предотвратило новую вспышку конфронтации в 1838 г.

Такая борьба перетекала во вторую обозначенную нами категорию причин, способствующих демократизации: непреднамеренные последствия яростной, упорной борьбы за преобладание на кантональном и национальном уровнях. Борьба за публичный статус религиозных учреждений и религиозной принадлежности играла центральную роль в швейцарской демократизации. Реформаторы 30-х годов XIX века уже осуществляли программу религиозной реформы. Так, в протестантском кантоне Цюрих реформаторская администрация в 1830 г. сознательно ликвидировала церковную десятину и земельную ренту [Braun, 1965, 13]. Тем не менее на протяжении большей части 30-х годов XIX века основные линии политических размежева-

ний в Швейцарии не совпадали с линиями религиозного размежевания. Если реформаторы и радикалы, по-видимому, концентрировались в преимущественно протестантских кантонах, то поддержку обычным либеральным требованиям оказывали как протестанты, так и католики. В этот период наиболее глубокие политические расхождения были между защитниками автономии кантонов и поборниками реформы, инициируемой национальным правительством.

Начиная с середины 30-х годов XIX века либералы стали оказывать все более сильное давление, требуя ограничения власти духовенства и роспуска отдельных и имевших равные права конфессиональных ассамблей — *Landsgemeinden* — и протестантских, и католических. В таких неоднородных по конфессиональному признаку кантонах, как Гларус, этим ассамблеям принадлежала высшая власть. Серия инициатив и контринициатив привела к повышению ставок и в конце концов — к новому политическому размежеванию по линии «католики/антикатолики». Самые яростные схватки в Швейцарии этого периода противопоставили коалицию радикалов, реформаторов и сторонников отделения церкви от государства коалиции защитников привилегий католиков. В течение нескольких лет политическое размежевание в Швейцарии напоминало то, которое раскололо Британские острова во времена «славной революции».

И в кантонах, и на национальном уровне противостояние католиков и антикатоликов зачастую усугублялось вопросами представительства. История кантона Ааргау дает убедительный пример такого развития событий. Когда протестанты, сторонники секуляризации и либеральные католики, составлявшие большинство населения кантона, после голосования 5 января 1841 г. приняли новую конституцию, они ликвидировали систему паритета (при которой протестанты и католики имели равное число мест в управлявшем кантоном Большом совете), заменив ее голосованием простым большинством. Католики

сразу же потребовали создания нового кантона, в котором они составили бы большинство. Кантональные власти арестовали вожakov сепаратистского движения. Последовали вооруженные столкновения, и в одной из стычек погибли семь сепаратистов и двое бойцов правительственных сил. После этого кантональные власти объявили режим оккупации и потребовали разоружения мятежных округов. 13 января кантональные власти нарушили положения действовавшего Федерального пакта и насильственно закрыли в Ааргау четыре мужских и женских монастыря, которые, по мнению властей кантона, были рассадниками мятежа. После ряда протестов, поступивших из других частей Швейцарии и из-за рубежа, национальное законодательное собрание объявило закрытие монастырей незаконным; но этот вопрос продолжал будоражить Ааргау и Швейцарию до августа 1843 г., когда национальное законодательное собрание, по сути дела, согласилось с инициативой Ааргау, вновь открыв женские монастыри, но так и не открыв мужские.

Впрочем, в то время сходные различия разделяли либералов — сторонников секуляризации и *протестантов*-консерваторов. В 1839 г. правительство кантона Цюрих предложило профессорскую кафедру тюбингенскому теологу Давиду Фридриху Штрауссу, чья отрицавшая чудеса книга «Жизнь Иисуса»* снискала ему дурную славу у консерваторов. В феврале 1839 г. противники назначения Штраусса организовали собрания в церквях по всему кантону. Когда правительство отказалось идти на уступки, противники Штраусса 2 сентября устроили массовый митинг протеста в Клотене близ Цюриха. 6 сентября вооруженные крестьяне-протестанты с пением псалмов устроили поход на Цюрих. Либеральное правительство ушло в отставку и объявило о проведении новых выборов, в результате которых к власти в кантоне вернулись консерваторы. Новое правительство

* Рус. изд.: Д. Ф. Штраусс. Жизнь Иисуса. М.: Типография Поплавского, 1907. — *Примеч. ред.*

аннулировало контракт со Штрауссом, откупилось от него пенсией и уволило университетского служащего, организовавшего назначение Штраусса на кафедру.

Дело Штраусса имело резонанс. Недвусмысленно отвечая на события в Цюрихе и закрытие монастырей в Ааргау, преимущественно католический кантон Люцерн провел энергичные дебаты по предложениям вернуть давно изгнанных иезуитов. Национальное законодательное собрание обсуждало контрпредложение о недопущении иезуитов, но в августе 1844 г. большинством голосов отклонило это предложение как антиконституционное. Тогда ассамблея самого Люцерна завершила многолетние дебаты 24 октября 1844 г., пригласив иезуитов для управления семинарией, преподавания на теологическом факультете и открытия иезуитского храма. В декабре радикалы предприняли неудачную попытку вооруженного вторжения в Люцерн, после чего Великий совет Люцерна ввел смертную казнь для всех главарей подобных мятежей. Беженцы из Люцерна присоединились к участникам митингов протеста, которые были организованы в соседних кантонах Ааргау и Берн. В марте—апреле 1845 г. беженцы приняли участие в хорошо организованном, но закончившемся провалом вторжении в Люцерн с территории Ааргау, во главе которого стоял юрист, политик и капитан Генерального штаба Швейцарии Ульрих Оксенбайн. Потеряв 105 человек убитыми и 785 пленными, отряды Оксенбайна отступили [Remak, 1993, 43].

Права католиков вызывали все более острые противоречия. В декабре 1845 г. был создан Зондербунд, объединивший Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальд, Цуг, Фрибур и Вале. Конечной и главной целью этого объединения была защита католиков, составлявших большинство населения этих кантонов, от посягательства соседей-протестантов. Члены Зондербунда приняли на себя неравные обязательства:

Возглавил Зондербунд Люцерн, получивший самую энергичную поддержку жителей и правительств старейших кантонов,

тогда как Цуг лишь примкнул к образованию, поскольку его внутренние районы колебались, и впоследствии ополченцы из этих районов сражались неохотно. Вале удалось склонить к участию в политике четыре лесных кантона после кровопролитного столкновения с радикалами из «Молодой Швейцарии», а уязвимый Фрибур в конце концов смирился с присоединением к другим католическим и консервативным кантонам [Bucher, 1966, 16].

Обращение Зондербунда за поддержкой к католическим державам — Австрии, Сардинии и Франции — подчеркивало серьезность намерений католических кантонов и угрозу постоянного раскола страны. Проект декларации, имевший хождение в Зондербунде после 1845 г., содержал предложение об изменении границ кантонов в целях консолидации католического населения (в том числе в Ааргау) в пользу католических кантонов; католические округа Ааргау (Мури, Бремгартен, Баден, Лауфенберг и Райнфельден) должны были отойти к Люцерну [Bucher, 1966, 20]. С 30-х годов XIX века до урегулирования 1848 г. активисты консервативных католиков неоднократно добивались для себя защищенных ниш в Швейцарии, которая, как они утверждали, переживала стремительную секуляризацию. Но угроза поддержки католиков извне подтолкнула не католические кантоны к сближению и сплочению в более тесный союз, поддержавший национальное правительство.

Короче говоря, религиозные различия политизировались. Религия побуждала к сплочению многих людей, прежде не проявлявших особого интереса к религиозным организациям, которые действовали на той или другой стороне. Однако религиозная борьба, вместо того чтобы завершиться явной и полной победой антиклерикальных радикалов, в конце концов породила ряд взаимных уступок, которые укрепили национальное правительство и утвердили уважение к инакомыслию в качестве одного из политических принципов швейцарского общества, но вытеснили религиозные различия из публичной политики.

Удивительным и крайне важным стало то, что урегулирование привело к секуляризации гражданства, ликвидировав конфессиональные цензы, с которыми было сопряжено право голоса, подтвердив право граждан переезжать из кантона в кантон независимо от их религиозных убеждений и запретив священнослужителям быть членами национального законодательного собрания. Урегулирование воспрепятствовало трансляции религиозных и языковых различий в публичную политику, существенно укрепив при этом национальное представительство, основанное на принципах территориальности и пропорциональности численности населения.

Динамика демократизации

Еще до образования Зондербунда уже были очевидны механизмы публичной политики, которые генерировали гражданскую войну и ее парадоксально демократические последствия. По мнению главного специалиста по истории Зондербунда Эрвина Бухера, объяснение в сущности таково:

После того как июльская революция вызвала в Швейцарии новое движение, страна снова отодвинула в сторону свои старинные аристократические конституции. Силы, выступавшие за трансформацию и укрепление союзного государства, сплотились. Страна готовилась к примерке нового одеяния, вместо старомодной модели 1815 г. Законодательное собрание весь год работало над конституционной реформой, но все его усилия ушли в песок. Силы, стремившиеся к обновлению, были, таким образом, выбиты из колеи законности. Государство с его фактически не подлежащим ревизии Пактом напоминало котел без предохранительного клапана — и в конце концов взорвалось, что привело к гражданской войне. Тем не менее, прежде чем была достигнута точка взрыва, политическая борьба должна была пройти через много стадий нарастания температуры [Bucher, 1966, 13–14].

Аналогия с паровым котлом — последний довод многих озадаченных аналитиков, изучающих политические конфликты, но этот довод не выдерживает критики. Впрочем, Бухер справедливо отмечает, что реформы, прокатившиеся по преимущественно протестантским кантонам Швейцарии, изменили публичную политику на национальном уровне. Бурная история Швейцарии с 1830 по 1848 г. в действительности показывает нам действие большинства наших гипотетических механизмов перемен:

- *Формирование коалиций из сегментов правящих классов и признанных политических субъектов, в настоящее время отлученных от власти:* создание кантональных конституций в регионах, принявших представительное правление, пользовалось поддержкой коалиций богатых купцов и мануфактуристов с ранее отлученными от политики работниками-мужчинами и одновременно укрепляло эти коалиции;
- *посредничество коалиций в отношениях между неравноправными категориями и/или различными сетями доверия:* радикальные лидеры вроде Ульриха Оксенбайна и его либеральные союзники прилагали значительные усилия для осуществления посредничества между кантонами, классами и конфессиональными группами;
- *осуществляемые из центра кооптация или ликвидация политических посредников, прежде пользовавшихся автономией:* по мере усиления сопротивления католиков прежде автономные кантональные власти все более склонялись к союзному государству;
- *бюрократическое сдерживание ранее автономных вооруженных сил:* кантональные вооруженные силы в беспрецедентной степени подпали под федеральный контроль центрального правительства, особенно после военной мобилизации Зондербунда в сентябре—октябре 1847 г.;

- *установление единообразных управленческих структур и процедур в пределах всей юрисдикции правительства: хотя в этом отношении в Швейцарии существовало большее разнообразие, чем в большинстве других стран, военная мобилизация 1847 г. и в особенности мирное урегулирование 1848 г. резко усилили единообразие;*
- *циклы «мобилизация—подавление—переговоры», в ходе которых субъекты, на данный момент отлученные от политики, прибегали к коллективным действиям, создававшим угрозу для существования правительства и/или правящих классов, правительственные репрессии оказывались неэффективными, вспыхивали открытые столкновения, а урегулирования признавали политический статус и/или права участвовавших в мобилизации субъектов: весь период с 1830 по 1848 г. можно обоснованно рассматривать как последовательное повторение данного цикла.*

Единственным существенным исключением из нашего перечня механизмов, способствующих демократии, оказывается отсутствие на национальном уровне в Швейцарии этого периода циклов «эксплуатация—сопротивление—переговоры», в ходе которых агенты правительства притязают на ресурсы, подконтрольные неправительственным сетям и предназначенные для неправительственных целей, владельцы этих ресурсов оказывают сопротивление, начинается борьба, а затем возникает урегулирование, по условиям которого люди отдают ресурсы, но получают внушающие доверие гарантии относительно ограничения такого рода вымогательств в будущем. Хотя в более поздней истории Швейцарии такие циклы имели место, в 1830–1848 гг. национальные власти этой страны были заняты просто сохранением целостности государства и не вводили новых налогов, массовой воинской службы и не прибегали к конфискации собственности.

Можно практически не говорить о том, что конфликты, завоевание и революция, но не колонизация, играли важную роль в демократизации швейцарской политики и оказали воздействие на этот процесс через ускорение тех же каузальных механизмов, которые трансформировали Швейцарию с конца XVIII столетия. Конфронтации различных коалиций радикалов и либералов из числа протестантов с преимущественно католическими противниками неоднократно потрясали систему и в конце концов привели к урегулированию, по условиям которого все стороны пожертвовали преимуществами ради того, чтобы остаться членами большого союза. Революционные ситуации двоевластия постоянно возникали в кантонах и даже в федерации в целом, а революционный кризис 1845–1847 гг. привел к существенному перемещению власти.

Токвиль в своем обзоре незадолго до того изданной книги о швейцарской демократии, обращенном к французской Академии нравственных и политических наук 15 января 1848 г. (т. е. в момент, когда переговоры о мирном урегулировании в Швейцарии только начинались), заявил, что книгу следовало бы озаглавить «О демократической революции в Швейцарии». В Швейцарии, по словам Токвиля,

революция продолжается 15 лет. Демократия в Швейцарии — не столько обычная форма правления, сколько орудие, с помощью которого народ привык уничтожать, а иногда и защищать старое общество. Мы определенно можем заметить в Швейцарии специфические явления, присущие революционной ситуации в современную демократическую эпоху, но не сможем сделать из этого вывод о стабильной, спокойной демократии [Tocqueville, 1983, 637].

Но швейцарская революция сочеталась с завоеванием. Эпопея Зондербунда завершилась военной оккупацией католических кантонов соседями из преимущественно протестантских кантонов и мирным урегулированием на фоне военного разгро-

ма католических кантонов. Эти потрясения способствовали демократизации, включив те же механизмы — изоляцию категориального неравенства от публичной политики, интеграцию прежде защищенных сетей доверия в сферу правительственной деятельности, формирование межклассовых коалиций и т. д., — которые мало-помалу трансформировали политическую жизнь Швейцарии задолго до 1847 г.

Разумеется, швейцарскую демократизацию можно представить как результат сложных переговоров, которые зимой и весной 1848 г. вели представители тех, кто одержал победу в гражданской войне, и тех, кто потерпел в ней поражение. И наоборот, ее можно представить как неизбежное в конечном счете проявление швейцарской гражданской культуры, неуклонно развивавшейся по пути строительства институтов, будущее которых не было предопределено. Наконец, можно сделать акцент на интерпретации швейцарской демократизации как характерного побочного продукта развития капитализма. Однако беспокойная история этой страны ясно показывает, что формирование ограниченной демократии в 1848 г. было результатом массовой народной борьбы.

Военная, дипломатическая и массовая конфронтация, происходившая с 1830 по 1847 г., угрожала окончательно и навсегда развалить швейцарскую федерацию. Швейцария запросто могла расколоться на две страны, одна из которых была бы преимущественно протестантской, а другая — почти полностью католической. Швейцария могла бы также расколоться на множество групп кантонов, и некоторые из этих групп, скорее всего, были бы поглощены соседними государствами — Италией, Германией, Австрией и Францией, которые после 1848 г. организовывали или реорганизовывали свои территории. Но в результате военного урегулирования Швейцария выжила.

Создание демократических институтов на национальном уровне, будучи чем-то большим, нежели простой адаптацией демократических порядков, существовавших на узколокальном

уровне, произошло в процессе частичного ограничения консультативных форм, которые господствовали в публичной жизни большинства кантонов. Потрясение, вызванное гражданской войной, ускорило трансформацию неравенства, сетей доверия, публичной политики, спорадически происходившую на протяжении полувека. Швейцарское гражданство и демократия, при всей их ограниченности, возникли как непредвиденные последствия массовой борьбы.

Швейцария в перспективе

Швейцарский опыт сам по себе вызывает серьезные сомнения относительно любой возможности единообразной последовательности, в которой режимы шли от недемократических форм правления к демократическим. По сравнению с Нидерландами, странами Иберийского полуострова, Францией и Британскими островами история Швейцарии показывает, что демократизация могла, хотя и с трудом, происходить по траектории слабого государства. История страны в 30–40-х годах XIX века, рассматриваемая в сравнительной перспективе, представляет особый случай проявления закономерностей, рассматриваемых в этой книге.

1. *Различные сочетания принуждения, капитала и обязательств в разных регионах способствуют формированию сильно отличающихся друг от друга типов режимов и определяют различные направления изменения режимов в этих регионах.* В Швейцарии мы видим широкое и вполне равномерное накопление (пусть при сравнительно низкой концентрации) принуждения, капитала и обязательств. Это сочетание породило крайнюю фрагментацию политических режимов и движение к демократизации по пути слабого государства.

2. *Траектории эволюции режимов в двухмерном пространстве, определяемом степенью а) дееспособности правительства, б) защищенности консультаций, существенно влияли на демократические перспективы этих режимов и характер демократии. Даже сегодня демократические учреждения Швейцарии уникальны в силу характерных для нее децентрализации, сегментации и изменчивости.*
3. *В долгосрочной перспективе повышение дееспособности правительства и возрастание защищенности консультаций усиливают друг друга, поскольку расширение правительства вызывает сопротивление, переговоры и временные урегулирования, с одной стороны, а с другой — защищенность консультаций подталкивала к выдвиганию требований расширения правительственного вмешательства, которое содействует усилению дееспособности правительства. Хотя швейцарское национальное государство было слабым в сравнении с правительствами кантонов и гражданами, в отличие от подавляющего большинства европейских государств, французское завоевание и исход войны с Зондербундом способствовали повышению дееспособности центрального правительства, без которой никакая власть не могла бы обеспечить демократические права и обязательства на национальном уровне.*
4. *На противоположных полюсах, в тех случаях, когда дееспособность развивается сильнее и быстрее, чем консультации, путь к демократии (если он вообще существует) проходит через авторитаризм; если защищенность консультаций развивается сильнее и быстрее дееспособности, но режим выживает, путь к демократии проходит через опасную зону наращивания дееспособности правительства. История Швейцарии служит впечатляющей иллюстрацией второго случая и сопряженных с ним опас-*

5. *Хотя организационные формы (выборы, сроки полномочий, представительство территорий, совещательные собрания и т. д.), принятые режимами, которые проходили через демократизацию, зачастую копировали или адаптировали институты, имевшие заметные прецеденты в селениях, городах, регионах или у соседей, эти организационные формы никогда не развивались так, как институты, которые послужили для них моделями. Собственно говоря, прямая демократия сохранилась в некоторых муниципалитетах и кантонах, но, за исключением таких институтов, как инициативы и референдумы, швейцарцы на национальном уровне установили жестко ограниченную представительную демократию.*
6. *Учреждение гражданства — прав и обязанностей, связывавших целые категории подвластного режиму населения с агентами правительства, — является необходимым, но не достаточным условием демократии. На национальном уровне швейцарское гражданство, при всем его своеобразии, возникло только в 1848 г., но затем стало крайне важным для функционирования демократии.*
7. *В режимах, обладающих высокой дееспособностью, недемократическое гражданство иногда образует демократию, а при массовой интеграции граждан в режимы даже ослабляет демократию или препятствует ей. Мы видели соответствующие примеры в разные моменты истории иберийских стран, Франции и Британских островов, но на региональном уровне такие примеры можно найти лишь в истории Нидерландов и Швейцарии.*
8. *Тем не менее, при прочих равных условиях, наличие издавна существующего гражданства способствует демократизации. Среди стран, о которых речь шла выше, Франция дает самый наглядный пример осуществления этого принципа, а история Швейцарии служит иллюстраци-*

ей его естественного следствия — трудностей построения национальной демократии в отсутствие предшествующего этому строительству опыта достаточно широкого и равного гражданства.

9. *И учреждение гражданства, и демократизация зависят от перемен в трех сферах (в категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике), а также от взаимодействия этих изменений.* Во всех случаях мы стали свидетелями того, что указанные перемены действовали ожидаемым образом в Нидерландах, во Франции, на Британских островах и, при более внимательном взгляде на ход событий, в Швейцарии. В следующей главе будет показано, как эти изменения работали в других европейских странах.
10. *Закономерности демократизации заключаются не в единообразной общей последовательности событий и не в наличии достаточных условий, а в повторяющемся действии каузальных механизмов, которые в различных комбинациях и последовательностях вызывают изменения в категориальном неравенстве, сетях доверия, публичной политике и в их взаимодействии.* Взятые в совокупности, истории разных европейских стран бросают вызов любым представлениям о стандартной общей последовательности событий или общеприменимых достаточных условиях. Исторический опыт рассмотренных стран дает вполне правдоподобное подтверждение эффективности механизмов, перечисленных в нашем перечне.
11. *В специфических обстоятельствах революция, завоевание, конфронтация и колонизация ускоряют действие некоторых из этих каузальных механизмов и способствуют их синергии.* Как мы видели, в Нидерландах, Франции, на Британских островах и в Швейцарии подобные кризисы ускоряли действие стандартных механизмов,

содействующих развитию демократии. В следующей главе будет показано, что эти события оказывали аналогичный ускоряющий эффект в странах Иберийского полуострова и в других странах.

12. Почти все важнейшие каузальные механизмы, способствующие демократизации, предполагают массовую борьбу — выдвижение признанными субъектами политики публичных коллективных требований к другим субъектам, в том числе к агентам правительства, являясь ее коррелятами, причинами и следствиями. Что бы еще ни показали рассмотренные нами истории, они вполне определенно продемонстрировали тесную внутреннюю взаимосвязь демократизации и массовой борьбы.
13. В ходе демократизации арсенал методов борьбы (доступных способов предъявления требований) изменялся от преимущественно узколокальных, своеобразных и бифуркационных взаимодействий, основанных главным образом на органичных сущностях, к космополитичным, сложноставным и автономным взаимодействиям, основанным преимущественно на отвлеченных сущностях. Именно такое изменение обычно происходило (очень быстро в Швейцарии, более неупорядоченно в других странах), и по мере развития демократии стандартные формы общественных движений становились преобладающими.

Итак, во всех этих отношениях бурный опыт, приобретенный Швейцарией в период с 1830 по 1848 г., подтверждает главные тезисы этой книги. Однако сопоставление Швейцарии с Нидерландами, иберийскими странами, Францией и Великобританией требует дополнить первоначальный набор еще тремя принципами.

14. До тех пор пока вооруженные силы сохраняют широкую политическую автономию, демократизация блокирована.

Очень по-разному история Нидерландов, иберийских стран, Франции, Британских островов и Швейцарии служит иллюстрацией того, каким препятствием для демократизации становились автономные воинские формирования, в том числе местные ополчения и национальные армии. Такие формирования обеспечивали своих членов и покровителей почти беспроигрышными средствами достижения преимуществ недемократическим путем.

15. *Включение религиозных сущностей в публичную политику, в особенности лишение целых категорий населения полноправного гражданства по религиозным причинам, сходным образом образует почти неодолимый барьер для демократизации.* Хотя мы можем интерпретировать исторический опыт Нидерландов и Швейцарии как опыт стран, которые нашли компромиссы и приемы, позволившие сохранить некоторую степень интеграции религиозных различий в политическую жизнь, в целом рассмотренные случаи дают мощное подтверждение новому обобщению.
16. *Отношения с другими странами и международной системой в целом постоянно оказывают воздействие на пути и время демократизации или де-демократизации.* Это особенно очевидно в случае войн и революций в соседних странах, но каждая из рассмотренных нами историй демонстрирует непрерывное взаимодействие внутриполитических процессов и внешних субъектов. Активизация демократизации и де-демократизации, наблюдающаяся на международном уровне в периоды войн и революций, акцентирует важность этого комплекса внешних воздействий.

Итак, пришло время сделать шаг назад, чтобы охватить взглядом всю сцену, на которой разворачивались демократизация и

де-демократизация в Европе XIX–XX вевков. Решению этой задачи посвящена глава 7.

Приложение 6.1.

Хронология политических столкновений в Швейцарии, 1830–1848 гг.

4 июля 1830 г.	Принятие реформистской конституции в Тичино
Июль 1830 г.	Революция во Франции
Осень 1830 г.	По всей Швейцарии, за исключением Невшателя (который был членом союза, но находился под управлением короля Пруссии) и Базеля, создаются клубы, проходят местные публичные собрания, развертываются публицистические кампании и кампании в прессе, идет сбор подписей под петициями, организуются марши на кантональные столицы с целью добиться проведения кантональных выборов в учредительные ассамблеи на основе избирательного права для мужчин
Осень 1830 г.	Выборы в учредительные ассамблеи
Январь 1831 г.	Базель: вооруженное восстание сельских жителей против господства города; подавлено вооруженными силами кантона
Январь—март 1831 г.	Собрания ассамблей, введение в действие новых кантональных конституций, в целом утверждавших народный суверенитет и провозглашавших гражданские свободы, но существенно ограничивавших избира-

- тственное право имущественными, образовательными, возрастными цензами и полом
- 13 сентября 1831 г. Невшатель: после того как король Пруссии даровал конституцию, республиканцы пытаются захватить власть силой оружия, но федеральное правительство Швейцарии, опасаясь интервенции извне, направляет войска на подавление этого восстания
- 1831–1832 гг. Ожесточенная политическая борьба между радикалами и консерваторами в Базеле, завершившаяся разделом Базеля на два полукантона, городской и сельский; 14 мая 1832 г. сельский полукантон принимает в целом демократическую конституцию
- 1832 г. Швиц: коммуны зависимых от кантона территорий провозгласили себя независимым полукантоном, что вызвало их оккупацию ополчением Внутреннего Швица; национальные власти выступили посредниками при принятии новой конституции, конституировавшей права Внешнего Швица
- Июль 1832 г. Назначение комиссии по пересмотру конституции Швейцарии (строго говоря, Пакта)
- Март 1833 г. После того как либеральные кантоны попытались продавить через национальное законодательное собрание пересмотр Федерального пакта 1815 г., кантональные власти Швица направили войска для подавления либералов и радикалов в общине Кюсснахт во Внешнем Швице; национальное законодательное собрание мобилизовало 16-тысячный контингент для броска на Кюсснахт, и отряды кантона Швиц от-

- ступили; разделение Швица на два полукантона стало свершившимся фактом
- Июль—август
1833 г. Базель: восстание жителей сельской местности против господства города; 3 августа — битва при Праттельне, в которой сельские жители потеряли убитыми пятерых человек, а войска Базеля — 54 человека
- Январь 1834 г. Вооруженный отряд, в составе которого был Мадзини, совершает рейд в Каруж (Савойя) и подвергает разграблению таможеню, но полиция Женевы наносит этой шайке поражение
- 1834 г. Либералы из семи кантонов проводят встречу для составления антиклерикальной программы, а затем предлагают учредить кантональные советы; либеральные священнослужители остановили развитие движения, но для подавления «смуты» в Ааргау из соседних кантонов посланы войска
- 1836 г. Гларус: после того как новая конституция упразднила отдельные общие собрания протестантов и католиков, католики пытаются учредить собственное отдельное собрание, но оккупация национальными войсками коммун Нефельс и Оберурнен кладет конец сопротивлению католиков
- 1838 г. Полукантон Внешний Швиц: общее собрание Ротентурма заканчивается дракой между сторонниками «копыт» (мелких крестьян-либералов) и сторонниками «рогов» (крупных крестьян-консерваторов)
- Февраль—сентябрь
1838 г. Цюрих: когда кантональный совет простым большинством назначает на универ-

ситетскую кафедру либерального теолога (Давида Фридриха Штраусса из Тюбингена), в глубинке кантона возникают комитеты протеста, а коммуны подают петиции; власти Цюриха откупаются от Штраусса до того, как он начинает преподавательскую деятельность

1839 г.

Вале: когда либералы (по большей части из Нижнего Вале) попытались добиться принятия новой конституции через Совет Сиона, консерваторы (преимущественно из Верхнего Вале) покинули совет и учредили собственное отдельное правительство в Сьерре

6 сентября 1839 г.

Цюрих: 1500 вооруженных крестьян двинулись походом на город с пением гимнов, вступили в столкновение с правительственными войсками и наконец рассеялись

1840 г.

Вале: противостояние вооруженных отрядов из Нижнего и Верхнего Вале, продолжающееся до тех пор пока урегулирование, достигнутое при поддержке национального законодательного собрания, не восстанавливает единство кантона как административной единицы

Январь 1841 г.

Ааргау: кантональные власти закрывают монастыри, католики совершают вооруженный налет на столицу кантона, но их отбрасывают правительственные войска; посредники швейцарского законодательного собрания добиваются компромиссного решения об открытии женских (но не мужских) монастырей

- 1841 г. Люцерн: вновь избранное законодательное собрание просит иезуитов принять руководство средним образованием; протестантские кантоны требуют изгнать иезуитов, формируются антииезуитские общества
- Осень 1842 г. Свободные корпуса добровольцев формируют отряды и пытаются вторгнуться в Люцерн
- Май 1844 г. Вале: после того как кантональное правительство направило властям Люцерна просьбу принять меры против приверженцев «Молодой Швейцарии» в Нижнем Вале, жители региона совершили нападение на эмиссара (Бернарда Мейера), который вез постановление о мерах против них
- 1844 г. Базель: национальный стрелковый праздник стал поводом для манифестаций (речей, приветствий и т. д.) католиков и в особенности радикалов
- 8 декабря 1844 г. Люцерн: «несколько сот» людей в составе вооруженных отрядов из Цюриха и других мест движутся на город, чтобы свергнуть правительство, но рассеиваются по дороге; в городе правительственные силы подавляют мятеж, устроенный радикалами и направленный против иезуитов
- Весна 1845 г. Проведение сборов вольных стрелков в разных местностях
- Март 1845 г. Стычки между вольными стрелками и правительственными войсками
- 31 марта 1845 г. Кантон Люцерн: 3600 добровольцев-радикалов (*вольных стрелков*) выступают из

- Ааргау под командованием бернца Ульриха Оксенбайна (бывшего члена «Молодой Италии» Мадзини) и идут на столицу кантона, где их отбрасывают правительственные войска; 105 (или 115) человек погибли, 1785 человек попадают в тюрьму; в Люцерне проходит благодарственная религиозная процессия
- Весна 1845 г. Люцерн: петиционная кампания за спасение Якоба Штайгера, военного руководителя мартовского рейда, от смертной казни в Люцерне; когда Штайгер совершает побег из савойской тюрьмы, радикалы широко празднуют это событие, а Цюрих и Берн дают Штайгеру почетное гражданство
- 1845 г. Лозанна: массовый поход сельских жителей к зданию правительства; участники марша требуют отставки консервативного совета; руководство принимает радикальный лидер
- Декабрь 1845 г. Католические кантоны (Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальд, Цуг, Фрибур, Вале) создают лигу взаимной обороны (*Зондербунд*) и обращаются к правительствам Австрии, Сардинии и Франции с просьбой о помощи
- Июль 1846 г. Берн принимает новую конституцию, которая усиливает мощь государства и расширяет политическое участие, что укрепляет власть радикалов
- 1847 г. Массовая мобилизация католиков; паломничества к могилам святых, массовое присутствие на мессах

- Весна 1847 г. Женева: народное восстание (с участием крестьян, ремесленников и фабричных рабочих, под руководством радикалов); после ареста вожakov на улицах воздвигают баррикады против консервативно-либерального ополчения; временное правительство с преобладанием радикалов приходит к власти и вводит новую демократическую конституцию
- Весна 1847 г. В результате совершенного радикалами переворота в Лозанне распущены ополчение и правительство, находившиеся под контролем консерваторов
- Весна 1847 г. Радикалы повсеместно добиваются успеха на выборах
- Весна 1847 г. Фрибур: радикалы предпринимают неудачную попытку совершить переворот
- Июль 1847 г. Законодательное собрание (12 голосами против 10) требует роспуска Зондербунда
- 10 октября 1847 г. Вале: избиратели одобряют присоединение кантона к Зондербунду
- 4 ноября 1847 г. Законодательное собрание отдает приказ о ликвидации Зондербунда силой оружия, проводит мобилизацию кантональных ополчений и начинает военную операцию, командование которой возложено на генерала Дюфура, сравнительно умеренного по своим политическим воззрениям ветерана, служившего в баварской и голландской армиях
- 14 ноября 1847 г. Фрибур сдается Дюфуру
- 22 ноября 1847 г. Цуг сдается без боя; Дюфур направляется к Люцерну, власти которого бегут

- 24 ноября 1847 г. Дюфур атакует Люцерн, который капитулирует; после нескольких стычек в других местах (например, 26 ноября — в Швице) Зондербунд распадается
- 29 ноября 1847 г. Окончание военных действий; в течение нескольких следующих дней федеральные силы оккупируют все кантоны, входившие в Зондербунд, в том числе Вале
- 7 декабря 1847 г. Законодательное собрание отклоняет предложение Франции о посредничестве и отвергает любое внешнее вмешательство в урегулирование
- 1848 г. В соответствии с одобренной на референдумах новой швейцарской конституцией учреждается национальное правительство (двухпалатное собрание, союзный совет, союзный трибунал), суверенитет делится между центральным правительством и кантонами и создается национальное гражданство, включающее право на передвижение и выбор места жительства по всей территории страны
- Февраль 1848 г. При известии о февральской революции в Париже силы демократов вторгаются в Невшатель (Нойенбург) из Шо-де-Фон и 2 марта учреждают республиканский режим в кантоне
- Апрель 1848 г. На референдуме в Невшателе республиканская конституция получает одобрение 5800 голосами против 4400; король Пруссии отвергает это решение
- Апрель 1848 г. Кантон Базель: когда Иоганн Людвиг Беккер начинает набор добровольцев в немец-

кий легион для оказания помощи революционерам в Бадене, федеральное правительство направляет войска для блокирования границ с Баденом и Эльзасом

1848 г.

С началом в марте революций в Германии немецкие рабочие в Швейцарии проводят митинги и организуются в поддержку революций, а в конце концов создают вооруженные отряды для поддержки революционеров в различных германских государствах.

Демократия и другие европейские режимы, 1815–2000 гг.

Базирующееся в Нью-Йорке мониторинговое агентство Freedom House использует следующее не слишком строгое определение демократии: демократия — это гражданское правительство, избранное на конкурентных выборах при всеобщем праве голоса взрослых членов населения страны. Сообразуясь с этим стандартом, Freedom House считает, что в 1900 г. из 55 независимых государств мира ни одно не было демократическим; ограничение права голоса по полу и/или имущественному цензу действовало во всех представительных режимах. По подсчетам Freedom House, в 1950 г. из 80 режимов демократическими были 22, а в 2001 г. из 192 режимов — 121 [Freedom House, 2002 (графики); Karatnysky, 2000, 7–9]. Отсюда, заключает Freedom House, следует, что мир в целом с 1900 по 1950 г. пережил умеренную демократизацию, после чего, во второй половине XX века, произошла массовая демократизация.

В число режимов, которые Freedom House считало демократическими в 2001 г., входят те, что существуют в таких расколотых и охваченных насилием странах, как Бангладеш, Бенин, Колумбия, Фиджи, Грузия, Гаити, Киргизия, Либерия, Монголия, Нигер, Сьерра-Леоне и Шри-Ланка. Согласно используемому в этой книге более жесткому критерию широких и равных

отношений рядовых граждан с агентами государственной власти, коллективного контроля над составом правительства, его политикой и вверенными ему ресурсами, а также защиты граждан от произвола агентов власти, ни один из этих режимов не набирает много очков. Миру еще предстоит пройти длинный путь до момента, когда большинство режимов введут широкие, равноправные, защищенные и эффективные демократические консультации. Коль скоро речь заходит о рейтинге, составленном Freedom House, демократия очевидным образом оказывается вопросом степени.

Признавая, по-видимому, недостаточность конкурентных выборов как главного показателя наличия (или отсутствия) демократии, Freedom House выстраивает более изощренные рейтинги политических прав и гражданских свобод. В этой двойной схеме страны по каждому из двух показателей получают оценку от 1 (высокая) до 7 (низкая). В таблице 7.1 перечислены вопросы, которые составители рейтинга задают в отношении каждого режима. Хотя нас, возможно, озадачит пренебрежение такими вопросами, как произвольное налогообложение, коррумпированность должностных лиц и неравенство отношения к воинской службе, этот опросный лист охватывает традиционный спектр демократических прав и свобод. Чем определеннее составители рейтинга могут сказать «да» по совокупности 20 сформулированных ими вопросов, тем шире политические права и гражданские свободы граждан, живущих в юрисдикции конкретных режимов. По процедуре, принятой Freedom House, компетентные составители рейтингов присваивают ответам на каждый вопрос значения от 0 до 4, соотносят полученные результаты с суждениями, касающимися особых обстоятельств, а затем выводят итоговые оценки.

Экскурсы в историю Ирландии и Швейцарии уже показали нам, что даже страны, набирающие 1 балл по шкале «Права» и 1 балл по шкале «Свободы» (а в 2001 г. Швейцария и Ирландия имели именно такие показатели), сильно недотягивают до пол-

Таблица 7.1. Перечень контрольных вопросов Freedom House, касающихся политических прав и гражданских свобод

Политические права

1. Избирается ли глава государства и/или глава правительства или другое высшее должностное лицо путем свободных и справедливых выборов?
2. Избирают ли представителей в законодательные органы путем свободных и справедливых выборов?
3. Справедливо ли избирательное законодательство, равны ли возможности кандидатов в проведении кампаний, справедливо ли проводятся голосования и подсчет голосов?
4. Могут ли избиратели наделить своих свободно избранных представителей реальной властью?
5. Имеют ли люди право на организацию разных политических партий или других политических группировок по своему выбору и является ли система открытой для развития или упадка таких конкурирующих партий или группировок?
6. Набирает ли оппозиция на выборах существенное число голосов, обладает ли оппозиция фактической властью и реальной возможностью увеличить поддержку среди избирателей и прийти к власти в результате выборов?
7. Свободны ли люди от господства военных, власти другой страны, тоталитарных партий, религиозных организаций, экономических олигархий или любой другой могущественной группы?
8. Обладают ли культурные, этнические, религиозные и иные меньшинства разумной степенью самоопределения, самоуправления, автономии или участия в процессе принятия решений через неформальный консенсус?
9. *(Необязательный вопрос, относящийся к традиционным монархиям, в которых нет партий или электорального процесса.)* Предусматривает ли система консультации с народом, поощряет ли политические дискуссии и дает ли право на обращение к монарху с петициями?
10. *(Необязательный вопрос.)* Проводит ли правительство или оккупирующая страна сознательную политику, направленную на изменение этнического состава населения страны или территории, таким образом, что это разрушает культуру или изменяет баланс политических сил в пользу другой группы?

Гражданские свободы

1. Существует ли свобода собраний, демонстраций и открытой публичной дискуссии?
-
-

Таблица 7.1 (окончание)

2. Существует ли свобода создания политических или квазиполитических организаций, в том числе политических партий, гражданских организаций или групп, созданных для достижения конкретных целей, и т. д.?
3. Существуют ли свободные профсоюзы и крестьянские организации или эквиваленты таких организаций и существуют ли эффективные коллективные договоры? Имеются ли свободные профессиональные или другие частные организации?
4. Независима ли судебная власть?
5. Господствует ли в гражданских и уголовных делах закон? Обладает ли население равенством перед законом? Находится ли полиция под прямым гражданским контролем?
6. Существует ли защита от политического террора, несправедливого лишения свободы, высылки из страны или пыток, осуществляемых группами, которые поддерживают систему или выступают против нее? Существует ли свобода от войны и восстаний?
7. Существует ли свобода от крайнего безразличия правительства и его коррумпированности?
8. Существует ли открытая и свободная частная дискуссия?
9. Существует ли автономия личности? Контролирует ли государство передвижение, выбор места жительства и выбор работы своих граждан? Существует ли свобода от воздействия на сознание и от чрезмерной зависимости от государства?
10. Надежно ли гарантированы права собственности? Имеют ли граждане право учреждать собственные предприятия? Находится ли частный бизнес под неоправданным влиянием правительственных чиновников, сил безопасности или организованной преступности?
11. Существуют ли личные социальные свободы, в том числе равноправие полов, свобода выбора супруга и свобода определять число детей в семье?
12. Существует ли равенство возможностей, включая свободу от эксплуатации или от зависимости от землевладельцев, работодателей, лидеров профсоюзов, должностных лиц или от других препятствий к участию в законных материальных благах?

Источник: Адаптировано по: [Karatnysky, 2000, 584–585].

ной демократии. Надо полагать, что составители рейтингов сравнивают режимы друг с другом, а не прилагают к ним жесткие абсолютные мерки. Возьмем, например, вопрос 7, относящийся к политическим правам: «Свободны ли люди от господ-

ства военных, власти другой страны, тоталитарных партий, религиозных организаций, экономических олигархий или любой другой могущественной группы?» Строго говоря, на этот вопрос применительно к любой стране мира следует дать ответ «нет»; в конце концов, «могущественные» группы господствуют над обширными сегментами населения повсеместно. А теперь посмотрим на вопрос 11, относящийся к гражданским свободам и устанавливающий весьма жесткий стандарт: *«Существуют ли личные социальные свободы, в том числе равноправие полов, свобода выбора супруга и свобода определять число детей в семье?»* При строгом, буквалистском ответе на этот вопрос придется сказать, что практически ни одна страна не может считаться демократической. Следовательно, эти рейтинги соотносят одни режимы с другими реально существующими режимами. По сравнению с гражданами, скажем, находящейся под тираническим правлением Бирмы, жители России обладают, по меньшей мере, какими-то политическими правами и гражданскими свободами. С такой поправкой порядок ранжирования Freedom House европейских режимов напоминает тот, который мы могли бы приписать защищенности консультаций, если бы обладали надежными нетрадиционными способами измерения широты, равенства, консультаций и защищенности.

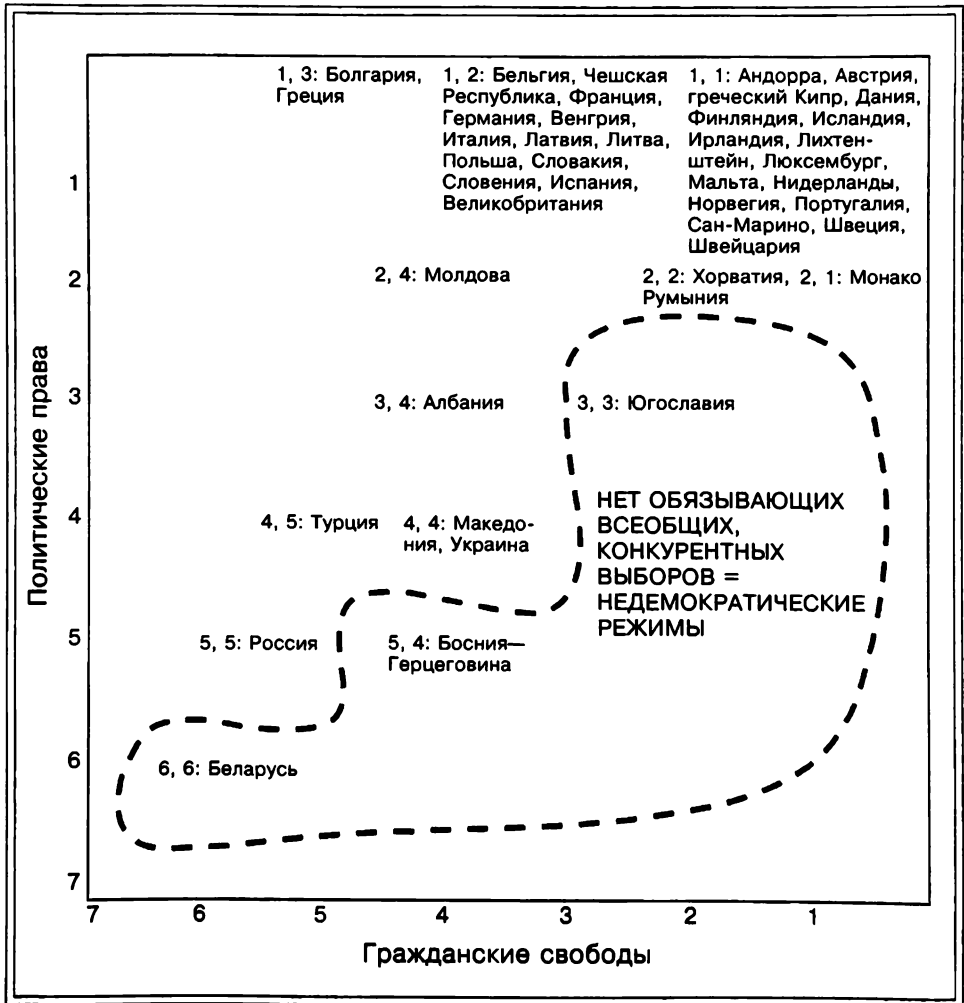
Места, которые занимают страны в рейтинге прав, определяются широтой, равенством и консультациями, тогда как рейтинг свобод построен на основании соблюдения принципа защищенности. Поэтому количественные изменения (права, помноженные на свободы) дают приблизительный критерий демократизации (положительное значение) или де-демократизации (отрицательное значение). Так, агентство Freedom House в 1973 г. дало Венгрии 6 баллов по правам и 6 по свободам, а комбинированный показатель в 1973 г. у Венгрии составил $6 \times 6 = 36$, тогда как в 2001 г. Венгрия получила, соответственно, 1 и 2 балла, набрав впечатляющее число очков по степени демократизации за период с 1973 по 2001 г. ($36 - 2 = 34$). Тем временем Россия

(которую до 1991 г. не рейтинговали отдельно) с 1991 по 2001 г. проделала путь от совокупной оценки $3 \times 3 = 9$ до $5 \times 5 = 25$, т.е. набрала ошеломляющее количество очков (–16) по свертыванию демократии.

В 2001 г. Freedom House классифицировало все европейские страны, за исключением Беларуси, Боснии—Герцеговины и Югославии (на рисунке 7.1 режимы этих трех стран вынесены в особую графу), как демократические. Во всех странах, кроме тройцы изгоев, имелись гражданские правительства, избираемые всеобщим голосованием взрослого населения на состязательных выборах. Однако эксперты Freedom House внесли в рейтинги политических прав и гражданских свобод гораздо больше нюансов. На рисунке 7.1 представлены рейтинги 43 европейских государств, от крошечных до огромных; 16 из них получили максимально высокий из возможных показателей: политические свободы — 1, гражданские свободы — 1. Андорра, Австрия, Греческая республика Кипр, Дания, Финляндия, Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Швеция и Швейцария были признаны заслуживающими самых высоких баллов и по шкале политических прав, и по шкале гражданских свобод. Еще 14 демократическим во всех отношениях странам были присвоены рейтинги, равные 1 и 2. Во всех странах были серьезные этнические конфликты и/или явная политическая дискриминация меньшинств. Собственно говоря, в эту группу входили все крупные демократические страны. Используя принятую мной терминологию, можно сказать, что в этих странах существуют вполне широкие, равные и обязательные политические права, но есть определенные проблемы с защищенностью.

По оценкам Freedom House, ни один из европейских режимов не идет ни в какое сравнение с режимами в Афганистане, Бирме, на Кубе, в Ираке, Северной Корее, Ливии, Саудовской Аравии, Судане, Сирии и Туркменистане. Все эти неевропейские режимы занимают самые нижние строки в рейтингах Freedom

House, т. е. имеют предельно низкий балл 7 по политическим правам и столь же катастрофически низкий показатель 7 по гражданским правам. Но среди европейских стран ниже всех оказалась Беларусь (6 и 6), а Молдова, Югославия, Албания,

Источник: Извлечения из доклада Freedom House за 2002 г.

Рисунок 7.1. Рейтинги европейских стран по степени обеспеченности политических прав и гражданских свобод, 2001 г.

Босния—Герцеговина, Македония, Украина, Турция и Россия оказались за пределами привилегированного круга режимов, дающих своим гражданам обширные политические права и гражданские свободы.

За исключением Турции, по состоянию на 2001 г. все находящиеся на нижних строках рейтинга европейские страны лишь недавно избавились от социализма. Из стран, режимы в которых назывались социалистическими или коммунистическими в 1989 г., Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения и — что более сомнительно — Хорватия и Румыния к 2001 г. оторвались от своих прежних товарищей, учредив институты, внешне кажущиеся демократическими. Политические проблемы Беларуси, Боснии—Герцеговины, Македонии, Украины, Югославии, Молдовы и России не коренятся, однако, в избытке социализма. В пределах очерченного нами пространства «дееспособность—защищенность» все эти страны застряли в зоне между мелкой тиранией и авторитаризмом (или соскользнули туда). Мелкие и крупные тираны блокировали продвижение этих стран к широте, равенству, защищенности и обязательности консультаций. Разумеется, многие из этих тиранов пришли из социалистических режимов. Но их страны удерживала от демократизации не приверженность социализму, а тирания.

Несмотря на сегодняшнюю незавершенность демократизации в Европе, континент в целом с 1650 по 2001 г. проделал впечатляющий путь в пределах пространства «дееспособность—защищенность». Что касается внутренней дееспособности правительств (контроля над ресурсами, деятельностью и людьми, находящимися на подчиненной им территории), то даже наименее дееспособные европейские государства ныне располагают возможностями, превосходящими те, которыми располагали государства-титаны 50-х годов XVII столетия. Большинство европейских режимов также значительно продвинулись по пути к защищенности консультаций. По отношению к остальному ми-

ру и к собственному прошлому большинство современных европейских режимов демонстрируют вполне широкие, равноправные и имеющие обязательную силу консультации и прочную защищенность. В Европейском союзе неправительственные организации и международные агентства прилагают однонаправленные усилия. Более того, мы, вероятно, увидим, как все новые и новые европейские режимы будут воспринимать по крайней мере внешние признаки демократии. Что произошло? Что происходит сейчас?

Предыдущие главы подготовили почву для ответов на эти вопросы. Анализ истории Нидерландов, Иберийского полуострова, Франции, Британии и Швейцарии указывает на то, что продвижения в пределах пространства «дееспособность—защищенность» в общем являются результатами политики, сопряженной с борьбой. В предшествующих главах выдвинуто утверждение, что широкие модели борьбы изменялись в зависимости от того, как соотносились принуждение, капитал и обязательства в разных частях Европы. Мы выдвинули предположение о том, что крайние значения любой из трех переменных (принуждения, капитала или обязательств) препятствуют демократизации. Мы выявили существенные сдвиги в арсеналах средств выдвижения требований, происходившие по мере демократизации, причем космополитичные, сложносоставные и автономные действия, соответствующие логике общественных движений и расширения гражданства, приобретали все большую важность и распространение. Мы утверждаем, что произошел серьезный сдвиг от укорененных, органичных сущностей к отвлеченным, которые превратились в основу публичного выдвижения политических требований, и что этот процесс также соответствует логике политики общественных движений и расширения гражданства.

Предшествующие главы, посвященные истории Франции и Британских островов в период с 1650 по 2000 г. и истории Швейцарии в 1830–1848 гг., также позволяют утверждать, что изме-

нения в публичной политике, связанные с интеграцией сетей доверия, изоляцией категориальных неравенств и сдвигами во внутренней динамике, способствовали демократизации и де демократизации предсказуемым образом. В число механизмов, способствовавших демократии, входили те, которые

- 1) уравнивали богатство, доходы, власть и престиж основных категорий населения;
- 2) отгораживали политику от категориального неравенства;
- 3) разрушали сети доверия, изолированные от публичной политики;
- 4) создавали сети доверия, включенные в политику;
- 5) напрямую расширяли участие в политической жизни;
- 6) уравнивали политическое участие;
- 7) усиливали коллективный контроль участников политического процесса над правительством;
- 8) препятствовали произвольному осуществлению власти агентами правительства.

Противоположные механизмы (например, умножение сетей доверия, действовавших за пределами публичной политики) более или менее симметрично способствовали де-демократизации. Группы механизмов 1 и 2 воздействовали на категориальное неравенство, 3 и 4 — на сети доверия. Группы 5–8 оказывали воздействие непосредственно на публичную политику и, таким образом, косвенно влияли и на отношения между гражданами и агентами правительства.

Далее, в предшествующих главах указано на то, что революция, завоевание, конфронтация и колонизация воздействовали на демократизацию и де-демократизацию, ускоряя те же изменения в сетях доверия, категориальном неравенстве, публичной политике, которые были причиной более медленных, постепенных сдвигов к демократии или от нее. Кроме того, детальное сопоставление истории Франции, Британских островов и Швей-

царии демонстрирует важность перегруппировок в военных и религиозных учреждениях как одной из причин демократизации и ее свертывания.

Теперь нам известно, что в период наполеоновских войн Европа утратила свои демократические завоевания, произошедшие до 1815 г. В краткосрочной перспективе война способствовала авторитаризму или мелкой тирании, заставив механизмы из группы 5–8 работать в противоположном направлении. Можно было бы предположить, что в конце наполеоновских войн Британские острова стояли на грани демократии. Но даже в Британии ситуация, сложившаяся в Ирландии, узость электората, отлучение крупных конфессиональных групп от государственных должностей и жесткий контроль над ассоциациями и собраниями, оставшиеся как наследие репрессий военного времени, заставляют нас не торопиться с выводами. Части Нидерландов, Франции и некоторые территории, захваченные французскими войсками, пережили моменты демократии до 1800 г., но там, где не возобладала мелкая тирания или не разразилась открытая гражданская война, произошло восстановление авторитарных форм правления. По минимальному (конкурентные выборы) или по максимальному варианту (политические права, помноженные на гражданские свободы) критериев Freedom House ни один европейский режим 1815 г. нельзя назвать демократическим. Поэтому мы возьмем за исходную временную точку развития европейских демократий 1815 г. Каким образом Европа перешла от разнообразных степеней авторитаризма и мелкой тирании, господствовавших в 1815 г., к вполне развитой демократии 2001 г.?

В этой главе данный вопрос не рассматривается столь же детально, как до того анализировалась история Франции, Британских островов и Швейцарии. Вместо этого здесь поставлен другой вопрос: соответствуют ли значительные различия во времени и траекториях демократизации и де-демократизации в Европе ответам, предложенным в предшествующих главах.

Приблизительная схема демократизации в Европе

В своем первом наброске того, что требует объяснения, мы будем опираться на фундаментальную работу Даниэле Карамани (2000), который обобщил европейский опыт избирательного права и выборов. Этот труд упорядочит наше исследование (Карамани ограничивается Западной Европой, но охватывает историю Норвегии, Италии, Испании, Швеции, Исландии, Финляндии, Португалии и Греции, в то же время не включая ряд других стран). Карамани дает обильную информацию об избирательном праве в 18 политических единицах (не все из них были автономными государствами в 1815 г., и границы всех рассматриваемых ученым государств претерпели, по меньшей мере, незначительные изменения за период, который охватывает эта работа). Карамани проводит различия между представительством, которым обладали классы в целом в учреждениях вроде штатов или ассамблей, и всеобщим парламентским представительством, т. е. избранием депутатов в национальное собрание электоратом, неважно, большим или малым. Оставляя в стороне не получившие продолжения ранние попытки учреждения подобных институтов вроде французского Национального собрания 1789 г., отметим на рисунке 7.2 буквой «А» начало постоянного парламентского представительства. Буквы «Б» и «В» на этом рисунке обозначают введение всеобщего избирательного права для мужчин и для женщин соответственно.

Разумеется, можно усомниться в датировках, предложенных Карамани. Норвегия до 1905 г. была зависимой от Швеции, и, следовательно, до 1905 г. у нее не было подлинно независимого национального парламента. Хотя в Финляндии действительно в 1906 г. была установлена демократическая конституция, сама Финляндия до 1917 г. оставалась частью Российской империи, и независимая демократия в этой стране стала реальностью лишь после Гражданской войны 1917–1918 гг. [Alapuro, 1988].

Луи Наполеон всеми доступными ему способами стремился скомпрометировать всеобщее избирательное право для мужчин, введенное революционным собранием в 1848 г., так что мы вполне могли бы датировать возникновение реального избирательного права для мужчин во Франции первыми годами существования Третьей республики. Италия как таковая до 1870 г. не была единой страной, поэтому датировать появление непрерывного парламентского представительства реформами 1848 г. в Пьемонте, видимо, преждевременно. Можно также заинтересоваться вопросом, не повредили ли случившиеся в XX веке периоды авторитаризма в таких странах, как Италия, Германия, Испания, Франция, и некоторых других парламентскому правлению настолько сильно, что, возможно, необходимо обозначить новые начальные точки после Второй мировой войны. И все же датировки Карамани, как правило, отмечают периоды устойчивых продвижений представительства настолько обоснованно, насколько это вообще возможно.

Три периферийных случая, когда избирательное право для мужчин возникло раньше постоянно функционирующих представительных органов — во Франции, Германии и (наиболее драматический пример) Греции, — были последствиями определенных моментов революций 40-х годов XIX века: новые режимы временно установили представительные законодательные органы и всеобщее избирательное право для мужчин, но затем к власти пришли авторитарные правители, разрушившие органы законодательной власти, но не уничтожившие выборы. Во Франции, как рассказано в главе 4, Луи Наполеон, совершив переворот в 1851 г., ликвидировал Национальное собрание, но не осмелился заново ввести имущественные цензы для мужчин-избирателей.

В Германии возникновение парламентского правления можно было бы датировать 1808 г., поскольку именно тогда в Пруссии были введены выборы в национальное собрание на основе широкого (хотя по-прежнему ограниченного имущественным

Десятилетие, начавшееся в:

Страна	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970
Великобритания			A									Б	В				
Швейцария				АБ													В
Норвегия	A									Б	В						
Бельгия			A							Б				В			
Люксембург				A								БВ					
Нидерланды				A								Б	В				
Италия				A								Б		В			
Дания				A								БВ					
Испания						АБ											В
Франция				Б			A							В			
Германия				Б			A					В					
Швеция						A						Б	В				
Исландия							A					БВ					
Австрия								Б	A				В				
Финляндия										АБВ							
Португалия												АБ					В
Ирландия												Б	АВ				
Греция				Б									A				В

A: начало непрерывного парламентского представительства

Б: введение всеобщего избирательного права для мужчин

В: введение избирательного права для женщин

Источник: Составлено на основе книги [Caramani, 2000, 52–53].

Рисунок 7.2. Представительство и избирательное право в некоторых европейских странах

цензом) избирательного права для мужчин. В период недолговечного объединения Германии в 1848 г. германский Союзный бундестаг предоставил избирательное право независимым взрослым мужчинам, хотя отдельные германские государства сохранили за собой право определять смысл понятий «независимый» и «взрослый». Тем не менее Карамани обоснованно датирует возникновение непрерывного парламентского правления в Германии в целом объединением Германии в 1871 г.

В Греции революционеры, в 20-х годах XIX века завоевавшие независимость в войне с Османской империей, временно

ввели представительное собрание, депутаты которого избирались на основе избирательного права для мужчин, хотя и опосредованного промежуточной инстанцией, выборщиками, представлявшими элиты. Но авторитарные режимы вскоре отказались от народного представительства. Греческие революционеры в 1843 г. восстановили избирательное право для мужчин и положили начало череде фактически бессильных законодательных собраний. Учитывая последующую бурную историю переворотов и революций, ответ на вопрос о том, когда же в Греции началось непрерывное парламентское правление, остается делом вкуса, но 1926 г., избранный Карамани, представляется обоснованной датой прихода к власти первого после упразднения монархии (1924 г.) законодательного собрания в результате всенародных выборов.

Графики, представленные на рисунке 7.2, указывают на несколько важных моментов.

- Что касается точек «А», «Б» и «В», то в подавляющем большинстве западноевропейских стран парламентское представительство началось при ограниченном электорате.
- Всеобщее избирательное право для мужчин (точки «Б»), появилось через десятилетия после введения парламентского представительства.
- Хотя в очень немногих странах всеобщее избирательное право для мужчин и женщин было введено одновременно, в целом женщины получили право голоса (точки «В») через десятилетия после того как его получили мужчины.
- Чем позже устанавливалось представительное правление, тем короче был период существования ограниченного избирательного права.
- Переходы к представительному правлению в разных странах сконцентрированы во времени. Это прежде всего 40-е годы XIX века (революции 1848 г. и их реформаторские аналоги)

и второе десятилетие XX века (Первая мировая война и ее последствия).

Таким образом, демократизация в Европе, отмеченная такими вехами, как введение парламентского представительства и всеобщего избирательного права, происходила рывками, неравномерно, причем этот процесс усиливался в периоды смуты в международных отношениях. Сходные ритмы прослеживаются в утверждении прав рабочих на создание организаций и на забастовки; признание этих прав приходится на революции 1848 г. и Первую мировую войну [Ebbinghaus, 1995]. Параллельно с этим происходили и изменения в сфере гражданских прав — утверждение свободы слова, печати, собраний и ассоциаций [Anderson, Anderson 1967, ch. 6]. Во всех этих отношениях кризисы режимов совпадали с мобилизацией, происходившей снизу вверх, что приводило к тому, что правящие классы шли на уступки.

Среди выявленных нами четырех процессов, способствующих ускорению демократизации, колонизация в Европе 1815–2000 гг. не играла сколько-нибудь важной роли. Однако конфронтация, завоевание и революция оказали серьезное влияние на ускорение демократизации в Европе. Например, во время Первой мировой войны и непосредственно после нее произошло наложение конфронтации, завоевания и революций. Из европейских государств в войну на той или другой стороне в конце концов были вовлечены Австрия, Бельгия, Болгария, Франция, Германия, Греция, Италия, Черногория, Португалия, Румыния, Россия, Сан-Марино, Сербия, Турция и Великобритания. Война и ее последствия привели к существенным сдвигам в политических режимах всех этих стран, прежде всего в широте, равенстве, консультациях и защищенности, не говоря уже о совокупной дееспособности государственной власти. Австро-Венгерская, Османская и Российская империи развалились. В Германии, Венгрии, Ирландии и России разразились революции и/или

гражданские войны. Повсеместно усилились массовые требования демократизации. Например, в течение десятилетия после Первой мировой войны все перечисленные на рисунке 7.2 страны, где еще не было всеобщего избирательного права для мужчин, ввели его, а большинство ввело и избирательное право для женщин.

По понятным причинам в сводке Карамани отсутствуют шесть малых западно- и южноевропейских государств (Андорра, греческий Кипр, Лихтенштейн, Мальта, Монако и Сан-Марино), которые включены в таблицы Freedom House. В целом эти малые государства следовали ритмам демократизации своих колониальных хозяев или ближайших соседей. Карамани также исключил еще 29 государств Центральной и Восточной Европы, учитываемых Freedom House. Поскольку почти во всех этих странах на протяжении длительных периодов между 1917 и 1991 гг. действовали социалистические режимы, датировка начала представительства и всеобщего избирательного права в этих странах оказывается особенно проблематичной. По большей части социалистические режимы в Европе ввели широкое избирательное право и номинально могущественные законодательные собрания, однако осуществляли жесткий контроль над выборами. Кроме того, при этих режимах парламенты были подчинены мощной исполнительной власти, опиравшейся на вездесущие государственные партии и столь же вездесущие органы государственной безопасности. И все же в период между мировыми войнами ряд стран, в которых позднее были установлены социалистические режимы (прежде всего Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва и Польша), прошли стадии сравнительно демократической политики.

Рассматривая весь спектр событий в Европе 1815–2000 гг., мы можем выделить четыре периода наибольшей концентрации переходов к демократии, добавив к 40-м годам XIX века и Первой мировой войне Вторую мировую войну и развал социалистических режимов, который начался с 1989 г. Вторая миро-

вая война завершилась переходом ряда центрально- и восточноевропейских стран к недемократическим формам социализма. Но в этот же период Германия, Австрия, Италия и Франция были вырваны из авторитаризма и перешли к беспокойной, но устойчивой демократии. При самом последнем всплеске демократизации обрушение Советского Союза и последовавший развал Югославии вызвали борьбу за власть по всей Центральной и Восточной Европе.

Итак, в истории Европы с 1815 по 2000 г. нельзя выявить один-единственный путь, необратимо ведущий к демократии. Почти каждая страна, осуществившая заметный сдвиг к широким, равным, защищенным консультациям в тот или иной отрезок времени, делала шаги вспять, к авторитаризму или мелкой тирании в последующие периоды. Европа в целом дает самые разнообразные возможности, для того чтобы проверить, действительно ли механизмы, сгруппированные под рубриками категориального неравенства, сетей доверия и публичной политики способствовали демократизации, а включение их в режиме «обратного хода» приводило к де-демократизации.

Россия, 1815–2000 гг.

Чтобы изучить процессы демократизации и де-демократизации в Европе, вкратце рассмотрим историю трех очень разных регионов в период с 1815 по 2000 г. — России, Балкан и Иберийского полуострова. В конце этого периода в России так и не была установлена действующая демократия. На Балканах существовали как неустойчивые демократические, так и явно недемократические режимы, а на Иберийском полуострове, после множества срывов процесса демократизации, последние четверть века прошли в условиях беспокойной, но необратимой демократии. Сравнение трех траекторий не позволит определить, работали ли указанные нами механизмы так, как пред-

полагают результаты анализа истории Франции, Британии и Швейцарии. Однако такое сравнение покажет, соответствуют ли различия этих трех регионов сути и логике доказательств, приведенных в моей книге. Движет ли борьба демократизацией и де-демократизацией? Оказывают ли конфронтация, завоевание и революции воздействие на демократизацию и де-демократизацию, ускоряя процессы, благодаря которым нарастают сдвиги в одних и тех же направлениях? Существенно ли различаются между собой путь «слабого государства», «сильного государства» и промежуточная траектория движения к защищенности консультаций и в противоположном направлении? По меньшей мере, в общих чертах история России, Балкан и иберийских стран после 1815 г. подтверждает эти ожидания.

В 1815 г. Россия вышла из наполеоновских войн истощенной, но номинально победоносной державой. С этого момента и до 2000 г. война в политической истории России играла двойственную роль. Российская (а затем советская) военная мощь росла на протяжении большей части рассматриваемого периода, в общем увеличивая дееспособность правительства по мере своего роста. Впрочем, именно из-за концентрации усилий на наращивании военной мощи правительство оставалось уязвимым к серьезным неудачам при военных поражениях. В моменты таких поражений и ослабления правительства постоянно происходили временные сдвиги к защищенности консультаций, которые упразднялись, как только правители восстанавливали контроль по вертикали. На протяжении большей части XIX века Российская империя энергично расширялась на север, восток и на подвластные Османской империи территории Причерноморья. В 20-х годах XIX века Российская империя отобрала у Персии и Османской империи различные районы Кавказа. В 1830–1831 и 1863–1864 гг. Россия подавила серьезные восстания в подчиненной ей Польше, выйдя из кризисов еще более сильной — и более репрессивной.

Однако в Крымской войне (1853–1856 гг.) Россия потерпела поражение от коалиции Франции, Британии и Османской империи. Разоблачение способности правительства совершать ошибки вызвало волну требований внутренних реформ. Вскоре царь Александр II пошел на уступки и осуществил административные реформы, освободив крепостных и введя представительные учреждения на местном уровне (*земства*). Неполная победа России в войне с турками в 1877–1878 гг. укрепила власть царя, но не смогла остановить распространение подрывных политических движений, в том числе террористических. В 1880 г. террористы взорвали бомбу в Зимнем дворце, а в 1881 г. убили императора Александра II.

Сокрушительный разгром России в русско-японской войне 1904–1905 гг., произошедший в разгар стремительной индустриализации России, положил начало новому циклу нападок на правительство, крайне умеренной реформе и реакции. В этом цикле арсенал средств выдвижения массовых требований объединил подпольные акции заговорщиков XIX века с элементами действий, характерных для общественных движений и уже известных в то время в Западной Европе. Убийство министра внутренних дел Вячеслава Плеве (1904 г.) и Кровавое воскресенье (расстрел в январе 1905 г. войсками петербургских рабочих, устроивших шествие к Зимнему дворцу, чтобы подать петицию царю) предшествовали массовым забастовкам, демонстрациям и восстаниям. Рабочие Санкт-Петербурга организовали совет — орган, координировавший их действия, а рабочие других городов последовали этому примеру. Первая волна движения достигла кульминации в октябре 1905 г., когда в стране прошла всеобщая забастовка. Царь Николай II издал Манифест о даровании конституции и назначил выборы в национальное собрание (Думу) на 1906 г.

Когда премьер-министр Сергей Витте, упрочив свое положение, отозвал войска с Дальнего Востока и арестовал 190 членов петербургского совета, рабочие Москвы вышли на улицы и

вступили в бой с императорскими войсками (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.). Но к моменту открытия Думы в мае 1906 г. правительство восстановило репрессивный аппарат. Роспуск царем зашедшей в тупик Думы в июле не вызвал особой реакции в стране. Чуть позднее, в том же 1906 г. лидер большевиков В. И. Ленин в работе, написанной в изгнании в Швейцарии, заявил:

Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение со стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание [*Ленин В. И. Уроки московского восстания // Ленин В. И. Сочинения. Л.: ОГИЗ, 1947. Т. 11. С. 145*].

Очередной временный сдвиг к защищенности консультаций завершился реакцией. По мнению Ленина, следующим шагом должно было стать народное восстание с перспективами перерастания в революцию.

На фоне нового цикла демократизации и реакции все предшествующие циклы показались мимолетными летними ненастьями. К началу Первой мировой войны Российская империя включала в себя территории, которые ныне известны миру как Финляндия, Балтийские государства, Беларусь, Украина и восточная Польша. На западе Россия граничила со своими противниками, Германией и Австро-Венгрией. Основные сражения на Восточном фронте в 1914–1916 гг. происходили преимущественно на территории Польши и Прибалтики. Крупные поражения, которые Россия понесла на юге (в Галиции и Буковине) в 1915 г., сделали более очевидной ее военную уязвимость. В 1916 г. Германия инспирировала восстания против русского правления и объявила о создании независимой Польши. Рус-

ские армии отступали, росло дезертирство, ширилось забастовочное движение рабочих, набирала силу общественная оппозиция царскому режиму.

До войны Санкт-Петербург был столицей России и главным звеном, связывавшим ее с Европой через Балтийское море. В начале войны царь изменил название столицы на Петроград (это название звучало не так по-немецки, как Санкт-Петербург). Но неблагодарные жители Петрограда возглавили оппозицию царскому режиму. В начале 1917 г. городские рабочие начали массовые забастовки, которые вскоре привели к общему восстанию войск гарнизона. В марте Дума ответила на императорский приказ о своем роспуске учреждением Временного правительства. Царь Николай отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, который вскоре также отрекся. Все это происходило на фоне забастовок, уличных боев и маневрирования фракций.

Позднее Лев Троцкий так описывал те дни в своей блистательной «Истории русской революции»:

Борьба в столице длилась не час и не два, а пять дней. Руководители пытались сдерживать ее. Массы отвечали усилением напора и шли вперед. Они имели против себя старое государство, за традиционным фасадом которого еще предполагалась могущественная сила, либеральную буржуазию с Государственной думой, с земским и городским союзами, с военно-промышленными организациями, академиями, университетами, разветвленной прессой; наконец, две сильные социалистические партии, которые натиску снизу противопоставляли патристическое сопротивление. В лице партии большевиков восстание имело наиболее близкую, но обезглавленную организацию, с раздробленными кадрами, со слабыми нелегальными ячейками. И тем не менее революция, которой в эти дни никто не ждал, развернулась и, когда наверху казалось, что движение уже угасает, она крутым подъемом, могущественной конвульсией обеспечила себе победу [Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М.: Терра, Республика, 1997].

В Петрограде погибло около 1500 человек, почти половина из них были солдаты гарнизона, сражавшиеся на стороне восставших или на стороне правительства. Дума учредила Временное правительство, состоявшее из либералов и консерваторов, но вскоре столкнулась с решительным сопротивлением со стороны Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Этот совет создал комитеты на заводах и в воинских частях, которые начали совместно действовать как контр-правительство.

Большинство в советах и комитетах получили левые социал-демократы, но в результате случившегося ранее раскола в социал-демократии возникли две враждовавшие друг с другом партии: сравнительно умеренные меньшевики и более радикально настроенные большевики. Большевики день ото дня набирали силу. Первая революционная ситуация (окончившаяся свержением царя) открыла путь второй революции (борьбе между Временным правительством и опиравшейся на советы оппозицией). Все эти события произошли в марте 1917 г. В течение апреля и мая радикальные лидеры вроде Ленина и Троцкого стали возвращаться в Россию из изгнания. По мере того как большевики организовывали внешнюю оппозицию Временному правительству, а меньшевики — внутреннюю, революционная ситуация стремительно изменялась. Параллельные советы возникли в Москве и в других местах, в том числе в воинских частях, на заводах и в крестьянских общинах по всей стране. Ряд бывших левых меньшевиков, в том числе Троцкий, примкнули к большевикам. Однако попытка большевиков силой захватить власть в июле 1917 г. провалилась. Ленину пришлось вернуться в подполье. Троцкий оказался в тюрьме.

Вопрос о том, что делать с большевиками, вызвал раскол в пережившем кризис правительстве. Когда вновь назначенный премьер-министр Александр Керенский отправил в отставку главнокомандующего Лавра Корнилова, сторонника жесткой линии, Корнилов предпринял неудачную попытку переворота.

Керенский изменил направление политики, освободил большевиков из тюрем и призвал петроградских рабочих спасти революцию. С этого момента большевики и их союзники, опиравшаяся на крестьян партия социал-революционеров, постоянно наращивали силы. Когда Керенский снова попытался закрыть большевистскую газету «Правда» и 5 ноября арестовал радикальных лидеров Петрограда, Троцкий и большевики прибегли к открытому сопротивлению. 6 и 7 ноября большевики и эсеры свергли Временное правительство и взяли власть в свои руки. Ленин вышел из подполья и присоединился к Троцкому в роли вождя нового режима. Керенский бежал на фронт, чтобы организовать там сопротивление, в роскошном седане под защитой ехавшего под американским флагом автомобиля американского посольства. События 6 и 7 ноября составили центральный эпизод большевистской революции (24–25 октября по российскому старому календарю).

Поздно вечером 7 ноября бурное заседание национального съезда Советов в Петрограде одобрило большевистский переворот, хотя в рядах делегатов наметились острые разногласия. Советы рабочих и солдатских депутатов оказались отрезанными от центральной власти, а крестьяне едва ли вообще получили голос в новом правительстве. Американский радикальный журналист Джон Рид, в книге «Десять дней, которые потрясли мир» оставивший отчет очевидца об Октябрьской революции, так описал эту сцену:

Непрерывный отдаленный гром артиллерийской стрельбы, непрерывные споры делегатов... Так, под пушечный гром в атмосфере мрака и ненависти, дикого страха и беззаветной смелости рождалась новая Россия [Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госиздат, 1959].

Пришедшие к власти большевики столкнулись с серьезными угрозами. Война продолжалась, а на большей части территории бывшей империи возникали национальные движения и

контрреволюционные армии. Троцкий взял на себя организацию большевистских вооруженных сил — Красной Армии. Одновременно новое правительство пыталось коллективизировать промышленность, землю и капитал. Крестьяне самовольно захватывали крупные поместья или земли собственных общин. В России, по большей части крестьянской стране, ноябрьские выборы в Учредительное собрание дали осязаемое большинство не большевикам, а эсерам. Но когда избранные члены нового органа собрались на заседание в январе 1918 г., красногвардейцы немедленно разогнали их. Большевики, по сути дела, выдавили своих партнеров-эсеров из центрального правительства и установили однопартийный контроль над ним.

Вскоре после захвата власти Троцкий вступил в переговоры о мире с Центральными державами в Брест-Литовске (ныне Беларусь, близ польской границы). В период между началом переговоров (3 декабря 1917 г.) и подписанием договора (3 марта 1918 г.) Россия потеряла принадлежавшие империи Польшу, Украину, Эстонию, Финляндию, Молдавию, Латвию, Литву, Грузию, Армению и Азербайджан. На некоторых из этих территорий власть установили местные повстанцы, другие были оккупированы Центральными державами. Более того, войска Центральных держав вскоре вторглись на территории собственно российской периферии. Гражданская война продолжалась до 1920 г. Но реорганизованная Красная Армия, возглавляемая Троцким, в конечном счете вернула большую часть территории бывшей империи. Красная Армия не отвоевала Финляндию, Польшу и Прибалтийские страны. Но к 1920 г. ее численность составляла 5 миллионов человек.

Под руководством Троцкого, который сотрудничал с Лениным, большевики (к тому времени известные как коммунистическая партия) внедрили в вооруженные силы и установили над ними контроль. В 20-е годы XX века, по мере демобилизации армии, возникло гражданское правление. Замкнутое на коммунистическую партию, оно включило многих ветеранов

войны в куда более централизованную систему власти, чем та, что существовала при царизме. После судорожных экспериментов с демократизацией коммунисты создали беспрецедентно авторитарный режим.

Обрушение советской системы

Произошедший через 70 лет после революции развал Советского Союза был подготовлен новой войной. В 1979 г., за 10 лет до распада, помощь, которую оказал Советский Союз исповедовавшим левые воззрения участникам военного заговора в Афганистане, казалась всего лишь еще одним столкновением в холодной войне. Но оно стало решающим. Поскольку США поддержали различные группировки афганских повстанцев, советские войска зашли в унизительный тупик.

Леонид Брежнев стал лидером коммунистической партии (и, следовательно, фактическим правителем Советского Союза) в 1964 г. Спустя 15 лет, в возрасте 73 лет, он все еще находился на посту правителя. Именно в это время началось советское вмешательство в дела Афганистана. При Брежневе в СССР были предприняты попытки стимулировать экономическое развитие посредством разных вариантов децентрализации и делегирования власти. В 1982 г. Брежнев умер. После быстрой смены нескольких лидеров в 1985 г. во главе партии стал сторонник либерализации Михаил Горбачев. Вскоре Горбачев развернул политику перестройки, сдвига экономики от военного производства к гражданскому, что должно было дать больше потребительских товаров лучшего качества и повысить производительность труда. Большую осторожность Горбачев проявил в осуществлении программы открытой общественной жизни (политики гласности). Он освободил политзаключенных, ускорил выдачу выездных виз евреям, ограничил военные расходы и вмешательство СССР в дела других стран и прекратил подавление требований

политической, этнической и религиозной автономии. Используя терминологию этой книги, можно сказать, что он сосредоточил внимание скорее на увеличении защищенности, нежели на обеспечении широты, равенства консультаций или на повышении их обязательной силы.

Сокращение контроля центра над производством, распределением и публичной политикой в конце концов способствовало целому ряду эффектов, ощутимых по всему Советскому Союзу. Большинство этих последствий оказались неожиданными для тех, кто их инициировал. При прежнем советском режиме в трудные времена граждане сплетали огромные сети бартера, контрабанды, взаимопомощи и недозволенного влияния — теневые сети доверия, отделенные от публичной политики. Эти сети обеспечивали выживание в условиях дефицита и жесткого бюрократического контроля. Но когда режим рухнул, они стали выходить на свет, мутировать и зачастую превращались в основу новых обязательств [Humphrey, 1999, 2001; Johnson, Kaufman, Ustenko, 1998; Ledeneva, 1998; Lonkila, 1999; Volkov, 2002; Woodruff, 1999].

После 1985 г. в СССР появилось множество мелких фирм, предпринимались попытки создать совместные предприятия с участием иностранного капитала. Платежи и поставки товаров организациям центрального правительства резко замедлились. Многие люди стали заменять официальную кредитно-денежную систему частными валютами и системами обмена. Другие попросту переводили принадлежавшие государству запасы и объекты в частные сети распределения, которые давали прибыль или поддерживали монополии. Существенные выгоды достались преимущественно управленцам, быстро соображавшим предпринимателям и членам организаций, которые уже обладали привилегированным доступом к пользовавшимся спросом товарам, объектам или иностранной валюте. В числе таких организаций очевидным образом оказалась и коммунистическая партия.

Все это происходило в момент, когда советское правительство пыталось интегрировать и освободить национальные рынки. Это означало снижение участия правительства в производстве и распределении товаров и услуг. В итоге способность центрального правительства вознаграждать своих сторонников заметно падала из месяца в месяц. В ответ на такое развитие событий чиновники и управляющие устроили своего рода массовое изъятие ресурсов из банка: если им предоставлялась возможность отвлечь активы в собственную пользу, они всегда и в возрастающих масштабах делали это. Они начали обворовывать государство [Solnick, 1998]. Чем больше крал один, тем больше причин для воровства появлялось у другого, и так продолжалось до тех пор, пока у государства не осталось активов. Вскоре значительная часть ресурсов, ранее принадлежавших правительству, перешла в частные руки.

На политическом фронте произошло параллельное падение центральной власти. Результаты экономической программы Горбачева оттолкнули от него три группы: 1) производителей, которые при прежнем режиме извлекали выгоды из военного производства, 2) потребителей, не получивших должного доступа к новым сетям распределения, 3) должностных лиц, бывшие полномочия которых оказались под угрозой. Новая политическая программа открыла возможности для критиков и соперников вроде Бориса Ельцина. Начав с Москвы, Ельцин установил власть над Российской Федерацией. Советскому режиму, в том числе Горбачеву, Ельцин противопоставил русский национализм. Горбачев попытался удержать под своим контролем подвергавшиеся нападкам, но пока сохранявшиеся военные и разведывательные органы, проводя по отношению к ним политику осторожного умиротворения и двусмысленности. Однако эта попытка вызвала отчуждение реформаторов, не принесла Горбачеву прочной поддержки консерваторов. Одновременно Горбачев запросил у съезда народных депутатов чрезвычайные полномочия, которые развязали бы ему руки для проведения

экономической трансформации. Заявка на независимую власть привела к тому, что Горбачев вступил в одинаково острый конфликт с соперниками-реформаторами, политическими либертарианцами и с защитниками старого режима.

Режим был разрушен оппортунизмом, порожденным учреждениями коммунистического режима. Русские коммунисты издавна управляли нерусскими частями страны путем кооптации лояльных местных лидеров. Режим интегрировал таких лидеров в коммунистическую партию, рекрутировал преемников из числа наиболее перспективных представителей определенных национальностей, но обучал их в России и прививал им привычку вести дела на русском языке. Кандидаты на посты региональных руководителей подолгу жили в Москве под строгим наблюдением. Те из них, кто обнаруживал сметку, жесткость и надежность, отправлялись на родину руководить местными коммунистическими партиями.

В то же время советское правительство отправило в национальные республики множество русских в качестве персонала новых промышленных предприятий, специалистов, администраторов, что способствовало распространению русского языка и культуры в качестве средства управления и межрегионального общения. При такой системе правления центральное правительство предоставляло региональным руководителям значительную автономию и военную поддержку на подконтрольных им территориях до тех пор, пока они гарантировали приток государственных доходов, товаров и призывников для службы в армии. На любого человека или группу, которые призывали к свободам, лежавшим за пределами этой системы, режим немедленно обрушивал репрессии. Подобная система могла эффективно работать при двух условиях: во-первых, лидеры в регионах получали от центра мощную поддержку и, во-вторых, у местных соперников этих региональных лидеров не было никаких возможностей обращаться за поддержкой к народу. Эти

условия существовали большую часть периода 30-х — начала 80-х годов XX века. Система сохранялась.

Но именно то, что составляло силу системы, и предредило ее падение. Горбачев и его соратники энергично способствовали оживлению и расширению политической дискуссии, уменьшили участие военных в политической власти, проявили терпимость к альтернативам коммунистическим структурам и заинтересованность в подлинно конкурентных выборах. В то же время советские руководители признали, что их возможности вознаграждать верных сторонников уменьшились. Они просили у граждан лояльности в трудные времена, но не давали гарантий того, что эта лояльность будет вознаграждена в будущем. В 1987 г. в стране поднялась волна народных требований гарантий религиозных и политических свобод. Настоящий же развал начался в течение двух последующих лет, когда лидеры националистов и лидеры, становившиеся националистами, лихо радочно расхватывали активы и автономию, которые должны были укрепить их позиции при новом режиме. Большинство тех, кто пришел к власти в бывших республиках СССР, еще при советском режиме занимали важные посты. Но даже материальные партийные функционеры стали позиционировать себя как независимых, реформаторов или националистов. И многие из них действительно преуспели.

Соответственно, по мере развала СССР и местные правители, и их соперники внезапно приобрели сильные побудительные мотивы к дистанцированию от центра. Большинство из них стало заручаться поддержкой народа. Честолюбивые региональные лидеры обрели свидетельства того, что они являются подлинными представителями населения своих республик, утвердили приоритетные права своих национальностей в пределах соответствующих административно-территориальных единиц СССР и потребовали новых форм автономии. В Прибалтийских республиках и республиках на западной и южной

границах СССР новые националисты делали политический капитал на возможности установления особых отношений с родственными государствами и организациями за пределами Советского Союза (со Швецией, Финляндией, Турцией, Ираном, Европейским сообществом и НАТО). Такие отношения давали рычаги политического воздействия и экономические возможности, которых уже не мог предоставить Советский Союз.

Временные горизонты стремительно сузились. Ни в большом, ни в малом люди не могли более рассчитывать на отдачу от долгосрочных вложений в существующую систему и переориентировались на краткосрочные выгоды и стратегии выхода из старой системы. На референдуме в марте 1991 г. Горбачев стремился получить одобрение нового Союзного договора, в рамках которого 15 республик обрели бы большую автономию, но союзное правительство сохранило бы верховенство в военных, дипломатических и экономических вопросах. Шесть республик (Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия) уже запустили процесс провозглашения своей независимости. Их руководители бойкотировали референдум. Результаты референдума в других республиках подтвердили раскол между Россией и нерусскими частями шаткой федерации. Действующие извне капиталисты, экономисты, специализирующиеся на развитии, мировые финансовые институты и державы вроде США, Турции, Ирана и ЕС спешно хватали доставшиеся им куски, одновременно стараясь ограничить распространение возникшей в СССР смуты.

Этническая сегментация, экономический развал, подрывавшие силы старого режима, и принципиальный отказ Горбачева от использования обычных для старого режима методов подавления трансформировали публичную политику. Помимо прочего, сочетание этих обстоятельств открыло возможности для развития движений правого толка. Многие наблюдатели и участники событий, разворачивавшихся в СССР, опасались того, что военные, разведывательные и партийные институты попытают-

ся обратить течение событий вспять. Как показала история, их опасения оказались оправданными. В августе 1991 г. самозванный ГКЧП отстранил Горбачева от власти. Впрочем, ГКЧП не удалось совершить переворот, сопротивлению которому в Москве возглавил Ельцин. В течение последующих четырех месяцев Ельцин стремился стать преемником Горбачева. Он хотел принять власть не в качестве партийного секретаря, а в качестве вождя конфедерации, которая сохраняла бы определенную экономическую, военную и дипломатическую власть над входящими в ее состав государствами. Но даже эта попытка закончилась ликвидацией СССР, на смену которому пришло неопределенное, раздираемое конфликтами Содружество. Балтийские государства полностью вышли из Содружества, тогда как другие бывшие советские республики заметались в поисках выхода из него.

Постсоциализм

Как только советский режим рухнул, русские националисты в самой России (в том числе оппортунист-националист Ельцин) столкнулись с исключительно сложной проблемой. С одной стороны, они требовали для русских права управлять Российской Федерацией, в которой на самом деле проживали миллионы людей, принадлежавших к нерусским меньшинствам. Это требование подтверждало принцип, в соответствии с которым на всей территории бывшего Советского Союза власть должна принадлежать титульным национальностям. С другой стороны, русские националисты яростно критиковали отношение к проживавшим вне Российской Федерации русским как к второсортному меньшинству. Например, в Эстонии, Литве, на Украине и в Казахстане проживали миллионы людей, называвших себя русскими.

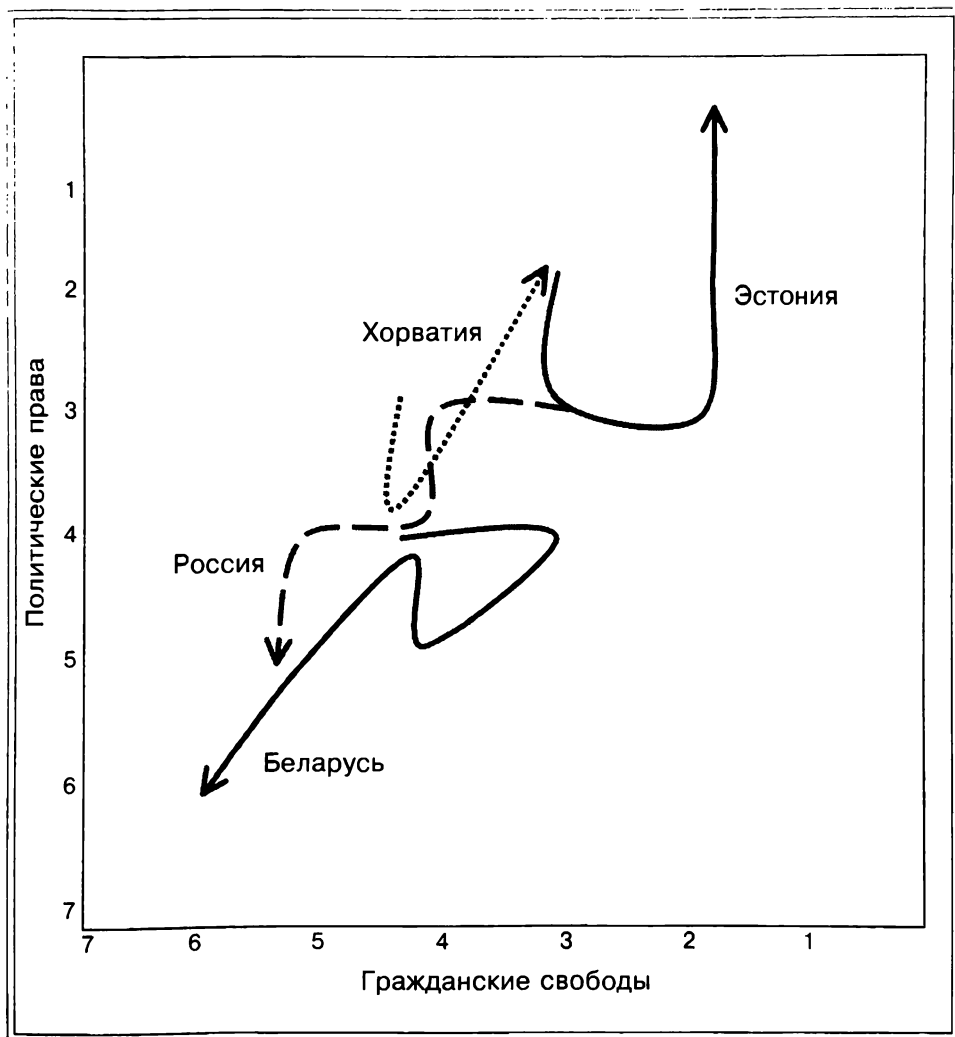
В новых независимых странах эти многочисленные русские внезапно оказались членами меньшинств, иногда весьма мно-

гочисленных. Перед ними стоял выбор: ассимиляция в титульную национальность, ущемление в правах и эмиграция. Российская Федерация выступила в роли их защитника. Неудивительно, что новые независимые соседи России часто обвиняли власти Российской Федерации в империализме. Довольно скоро великие западные державы объединились для реализации программы сдерживания России и вовлечения ее бывших сателлитов в сферу политического и экономического влияния Запада. Они стремились закрепить за собой возможности использования огромных ресурсов бывших советских территорий, например, принадлежащих Казахстану огромных запасов каспийской нефти. Возглавляемые США великие державы в одностороннем порядке закончили холодную войну. Экономика разваливалась на всей территории бывшего СССР, за исключением Балтийских государств. За период 1989–1998 гг. производство на этой территории сократилось примерно на 60% [Campos, Coricelli, 2002, 794]. Одновременно развалилось на части и то, что оставалось от советской системы экономического регулирования.

Никоим образом не следует думать, будто бы все постсоциалистические режимы затем стали демократизироваться [Fish, 2001]. Снова воспользовавшись критериями Freedom House, на рисунке 7.3 я показываю траектории эволюции четырех постсоциалистических стран в 1991–2001 гг. (Freedom House лишь в 1991 г. начала рассматривать Беларусь, Хорватию, Эстонию и Россию отдельно от прежних социалистических федераций, в которые входили эти страны.) Согласно рейтингам, приведенным на рисунке 7.3, в каждой из этих стран сначала произошло сокращение политических прав и/или гражданских свобод. Но, как показывают баллы, после окончания гражданской войны Хорватия совершила несколько важных шагов к демократии. Эстония поначалу ограничила политические права, но затем сделала резкий разворот, расширив гражданские свободы, а позднее и политические права; несмотря на дискриминационное отношение режима к весьма значительному русскому мень-

шинству, Эстония в рейтинге 2001 г. имеет баллы 1, 2, т.е. стоит в одном ряду с Францией, Германией и Великобританией.

Между тем Россия и особенно Беларусь двинулись в противоположном направлении, к ограничению политических прав и свертыванию гражданских свобод [Hanson, 2000; Tolz, 2000].

Источник: По материалам доклада Freedom House за 2002 г.

Рисунок 7.3. Траектории четырех постсоциалистических режимов, 1991–2001 гг.

В России войны, которые режим Ельцина—Путина ведет на Северном Кавказе, и подавление режимом оппозиции отбросили страну от демократизации, начатой Горбачевым. Ельцин и Путин направили все силы на восстановление внутренней дееспособности российского государства и укреплении его международных позиций. При этом они пожертвовали гражданскими свободами или, в более общем смысле, защищенностью консультаций. В российской публичной политике стали более заметны неравенства, обусловленные классовой или этнической принадлежностью. Российские граждане еще более явно отключили свои полуразрушенные сети доверия от публичной политики, а защищенность, широта, равенство и обязательная для сторон сила политического участия заметно уменьшились.

Президент Беларуси Александр Лукашенко пришел к власти на всенародных выборах 1994 г. под лозунгом искоренения коррупции. Но, едва упрочив свою власть, он ввел цензуру, разгромил независимые профсоюзы, фальсифицировал выборы и подчинил себе законодательное собрание, тем самым обесценив прежние небольшие демократические завоевания своей страны. Кэтлин Михалиско сообщает:

Менее чем через год после избрания на пост президента, в апреле 1995 г., ОМОН, действуя по приказу Лукашенко, избил депутатов от Народного фронта на ступенях здания Верховного Совета, что стало первым проявлением склонности режима к насилию. С тех пор специальные отряды министерства внутренних дел (ОПМОН) стали самым зримым напоминанием о том, как Лукашенко предпочитает разбираться со своими критиками. Эти соединения используются против мирных демонстрантов с возрастающей жестокостью и частотой. Согласно оценкам, за два года численность сил безопасности выросла до 180 тыс. человек, т. е. вдвое превысила численность вооруженных сил страны [Mihalisko, 1997, 237].

Использование специальных вооруженных сил для установления политического контроля — метод из старого восточноев-

ропейского репертуара. Постсоциалистические режимы, которые после 1991 г. пошли по пути де-демократизации, балансируют между диктатурой и гражданской войной.

Рисунок 7.3 иллюстрирует момент, который скрыто присутствует, но не бросается в глаза на рисунке 7.1. Режимы располагаются вдоль диагонали, обычно получая сходные баллы за политические права и за гражданские свободы. Более того, в рамках любого конкретного режима изменения в области политических прав и гражданских свобод, как правило, происходят в одном направлении — не в строгой взаимообусловленности, но более или менее синхронно. Говоря на языке этой книги, учреждение сравнительно широких, равных и имеющих обязательную силу консультаций с народом способствует укреплению защиты от произвола агентов правительственной власти, и наоборот. Этот процесс, как показывают нам противоречивые движения Беларуси, России, Эстонии и Хорватии, не совершенен, но его достаточно, для того чтобы демократизация протекала как одновременное увеличение политических прав и гражданских свобод. Как мы видели, это усиление зачастую происходит с поразительной стремительностью вследствие интенсивного конфликта.

Балканские страны

Пример Хорватии приводит нас на Балканы, гористый полуостров на юге Европы, омываемый Адриатическим, Средиземным и Черным морями. Как и Россия в более ранний период истории, до недавнего времени Балканы неоднократно становились жертвами завоеваний соседних (а иногда и собственно балканских) имперских держав, но никогда не попадали под длительный контроль какой-либо одной империи. Ближе всего к установлению полного господства над Балканами подошли османы, которые к концу XVII столетия завоевали почти весь

полуостров (в 1529 и 1683 гг. османские войска осаждали Вену, но оба раза были отброшены).

Но даже османы на большей части Балкан правили косвенно, взимая дань и забирая рабов, но сохраняя за местными вождами широкую автономию до тех пор, пока те в общем сотрудничали с империей. Примером крайнего проявления такой автономии была формально независимая республика Дубровник, которая платила дань, но сохраняла свободу торговли на Адриатике. В любом случае, на протяжении большей части периода с 1650 по 2000 г. гегемонию Османской империи оспаривали европейские великие державы. К 1815 г. османы потеряли территории на севере Балкан, подавили несколько восстаний в регионе, стали свидетелями возвышения местных военных вождей в Албании и Болгарии. Однако Османская империя оставалась господствующей державой на территории стран, ныне известных как Греция, Болгария, Румыния, Македония, Албания, Сербия, Черногория и Босния—Герцеговина. На тот момент балканские режимы находились в диапазоне от авторитарного правления (вблизи Стамбула) до окраинных мелких тираний — малолетних и подчеркнуто недемократичных.

Однако в течение последующего столетия европейские державы безжалостно потрепали Османскую империю. В 1821–1830 гг. они поддержали греков в войне за независимость, а затем неоднократно вмешивались в дела империи, принуждая ее предоставлять все большую автономию Румынии, Сербии, Черногории, Болгарии, Боснии и Герцеговине. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. решающим образом нарушила баланс сил, сначала установив угрожающее присутствие России на бывшей территории империи, а затем побудив Германию, Австрию, Великобританию, Францию и Италию созвать Берлинский конгресс для блокирования успехов России. В результате в 1878 г. Румыния, Сербия, Черногория и часть Болгарии обрели формальную независимость, тогда как Босния и Герцеговина (оставшиеся номинально под властью османов) стали австрийскими протек-

торатами. В последующие годы европейские державы вынудили османский режим упрочить права немусульманских меньшинств на территориях, оставшихся под властью империи. После балканских войн 1908–1913 гг. Османская империя утратила все свои владения в Европе за исключением узкой полосы, прилегающей к Стамбулу.

Борьба, происходившая с 1815 по 1913 г., изменила карту Балкан. Впрочем, эта борьба так и не установила где-либо в регионе жизнеспособную демократию. Жители Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины обрели некоторую защиту как подданные Австро-Венгерской империи, тогда как в Болгарии, Сербии и Греции формально демократические режимы то возникали, то исчезали. На протяжении XIX столетия регион в целом существовал в условиях недемократической мелкой тирании. И все же Балканы как поле боевых действий сыграли решающую роль в начале следующего большого раунда демократизации в Европе. Греко-турецкая война 1896 г., аннексия Боснии и Герцеговины Австрией в 1908 г., война, в которой Болгария, Сербия и Греция выступили против Османской империи в 1912 г., и вторая балканская война Сербии, Греции, Румынии и Османской империи против Болгарии (1913 г.) были следствием охватившей регион борьбы за власть и территории. Более того, Османская империя теряла почву в буквальном смысле этих слов; война 1913 г., например, привела к тому, что из империи была выделена независимая Албания.

К тому времени, когда боснийский националист убил австрийского эрцгерцога в Сараево (Босния) 28 июня 1914 г., боевые порядки уже были намечены. Австрийцы обвинили Сербию в том, что она помогала убийце из организации «Черная рука». Германские союзники заверили Австро-Венгрию, что окажут военную поддержку в случае войны с Сербией. После месяца лихорадочных международных переговоров Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Почти сразу же союзная Австрии Германия объявила войну России, Франции и Бельгии и начала

вторжение во Францию через Бельгию. В ответ на это в войну против Германии вступила Великобритания. Почти сразу же после этого Черногория объявила войну Австрии и Германии, Австрия — России, а Сербия — Германии. В течение пяти дней все крупные европейские страны и несколько малых государств Европы вступили в войну.

Конец войны привел к развалу Российской, Австро-Венгерской и Османской империй, к резкому изменению политической карты Европы, к серии революций и важному циклу демократизации. На Балканах самым значительным изменением стало образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, в котором доминировали сербы. Несмотря на упорное сопротивление хорватов, этому составному государству удавалось сохранять хаотичное подобие парламентского правления до 1929 г., когда король Александр установил диктатуру и переименовал страну в Югославию. Убийство короля в 1934 г. хорватским националистом поставило Югославию на грань войны с Венгрией, где нашел убежище убийца. На протяжении второй половины 30-х годов XX века в Югославии проводились неудачные эксперименты с демократическими формами правления. После окончания Второй мировой войны к власти в Югославии пришли партизаны, возглавляемые маршалом Тито и пользовавшиеся поддержкой Советского Союза.

Хотя сравнительно свободные выборы в учредительное собрание подтвердили господство находившегося под влиянием коммунистов Национального фронта Тито, Югославия вскоре превратилась в однопартийное государство советского типа. Дееспособность правительства резко возросла, чего не скажешь о защищенности консультаций. Несмотря на смерть Тито в 1980 г., до тех пор пока федерация не начала раскалываться в результате признания в 1990 г. независимости Словении другими государствами, ни одна из частей Югославии не продвинулась к демократии сколько-нибудь решающим образом. После гражданской войны и потери значительной части территории,

которая отошла Сербии, сходный путь от мелкой тирании к более дееспособному правительству и более защищенным консультациям проделала Хорватия.

Как показывает упомянутая выше сводная работа Карамани, в течение столетия после обретения независимости в 1830 г. Греция неоднократно устанавливала демократические формы правления, но обеспечить им долгое существование никогда не удавалось. После Первой мировой войны, разрушившей Османскую империю, греческие националисты попытались реализовать мечту многих в XIX веке и объединить все основные территории бывшей Османской империи, заселенные говорящими по-гречески, в том числе Стамбул, в единое государство. Поражение греков в ожесточенной греко-турецкой войне 1919–1922 гг. дискредитировало старую мечту и стремившийся осуществить ее режим. После того как король Георг II был свергнут военными (1923 г.), на плебисците 1924 г. в Греции была учреждена республика.

Затем страной номинально управлял парламент, но парламентское правление неоднократно прерывали вмешательства военных и периоды военного правления. Оккупация Греции Германией и Италией в 1941 г. послужила прологом к гражданской войне, которая закончилась лишь в 1949 г. В это время США оказывали большую помощь антикоммунистическим силам в Греции. Тем временем Югославия, все сильнее конфликтующая с Советским Союзом, закрыла границы для греческих повстанцев-коммунистов. С 1950 г. Греция существовала при нестабильных режимах и пережила военные перевороты 1967 и 1973 гг. В 1968 г. военная хунта начала осторожное восстановление гражданских свобод, стремясь таким образом завоевать доверие как в самой Греции, так и за ее пределами, и в 1971 г. приостановила действие военного положения на большей части территории страны. Но студенческие восстания 1973 г. привели к восстановлению военного положения.

В 60-х годах XX века среди греческих правых начался раскол на сторонников жесткой линии и военного правления и сторонников монархии [Diamandouros, 1986, 146–149]. Турецкое вторжение на Кипр (1974 г.) серьезно дискредитировало греческих военных. Хунта пала, и началось гражданское правление. Консервативная партия «Новая демократия», возглавляемая Константиносом Караманлисом (который спланировал и осуществил переход от военного правления в 1974 г., а в 1980 г. стал президентом страны), правила до 1981 г., когда греческие избиратели привели к власти социал-демократическую партию ПАСОК. Публичная политика в Греции начала напоминать политическую борьбу, происходящую в других европейских демократиях. По состоянию на 2001 г. Freedom House присвоила Греции 1 балл за политические права, но только 3 балла за гражданские свободы. Столь низкая оценка гражданских свобод в Греции обусловлена в основном дискриминацией, которой подвергаются в Греции мусульмане и цыгане, а также недавно прибывшие в страну иммигранты (см. также [Human Rights Watch, 2000, 271–272]).

В 2001 г. среди Балканских стран, по оценкам Freedom House, высоких баллов за права и свободы достигли лишь Словения, Хорватия, Румыния, Болгария и Греция. Словения вышла из состава Югославии быстро, а Хорватия — с большими трудностями. К 2001 г. в обеих странах существовали квазидемократические системы. Румыны, свергнувшие режим Чаушеску в результате переворота 1989 г., который стал одним из наиболее насильственных переходов от государственного социализма, вступила в период интенсивной внутренней борьбы, но после 1995 г. ситуация в стране, где, несмотря на сильную дискриминацию венгерского и цыганского меньшинства, возникло нечто вроде демократической публичной политики, стабилизировалась. Болгария (в 2001 г. получившая равные с Грецией баллы 2, 3) не уступала своим соседям по части дискриминации цыган и турок, а также серьезно ограничивала свободу слова и союзов.

Однако и Болгария отличалась от таких Балканских стран, как Сербия и Албания, поскольку ее система правления включала сравнительно широкие, равные, имеющие обязательную силу и защищенные консультации. Впервые в истории демократизация охватила значительную часть Балкан [Rakowska-Harmstone, 2000].

Иберийские страны

В главе 3 мы оставили Иберийский полуостров в 1850 г., в период экспериментов с демократическими формами правления. Некоторые из этих экспериментов получали поддержку вооруженных сил, но впоследствии часто происходили откаты к авторитаризму. Но чтобы иметь возможность сравнивать иберийские страны с Россией и Балканами, мы должны вернуться к концу наполеоновских войн. В 1815 г. Испания и Португалия только что освободились от французских завоевателей — в Испании была восстановлена монархия, а Португалия стала частью империи, центр управления которой временно находился в Бразилии. Король Жуан вернулся в Португалию в качестве конституционного монарха в 1820 г., оставив своего сына Педру править Бразилией. В 1822 г. Бразилия разорвала формальные узы с Португалией, лишив ее источника огромных доходов.

Несмотря на то что в 1814 г. в Испании и Португалии была восстановлена инквизиция, в обеих странах продолжалась конфискация собственности католической церкви, земель короны и крупных землевладельцев и передача конфискованного буржуазии, но не крестьянам. В обеих странах вооруженные силы еще более столетия продолжали вмешиваться в национальную политику. В обеих странах много раз вспыхивали гражданские войны, вызванные спорами о престолонаследии. Наконец, в обеих странах происходили стремительные смены режимов: от внешне демократических до корыстно олигархических, потен-

циально революционных и, наконец, авторитарных, причем во главе и революционных, и авторитарных режимов обычно стояли военные.

В XIX веке в Испании и Португалии значительную силу обрели социалистические, анархистские и либеральные политические движения. В ответ на это правящие классы не без опаски примкнули к авторитарным вождям. Развернулась инспирированная правительством пропагандистская война за сохранение социального и общественного порядка. Например, с 1870 по 1876 г. в Испании было опубликовано более 300 памфлетов, направленных против Интернационала, социализма и права на забастовки [González Calleja, 1998, 25]. Одновременно режимы предпринимали частые, но в конечном счете безуспешные попытки подавить активность рабочего класса [González Calleja, 1998, 219–302].

Несмотря на воинствующий настрой масс, до Первой мировой войны ни в Испании, ни в Португалии так и не возникли жизнеспособные демократические режимы. Во время Первой мировой войны Испания (формально сохранявшая нейтралитет) и Португалия (эпизодически вступавшая в войну на стороне Франции, но постоянно отвлекаемая от этого курса прогерманскими фракциями) неоднократно оказывались на грани гражданской войны. Борьба в Испании после Первой мировой войны достигла кульминации в 1923 г., когда Мигель Primo де Ривера осуществил переворот и правил до своей смерти в 1930 г. Затем, после периода массовой борьбы, король Альфонсо XIII восстановил номинально демократическую конституцию (1931 г.) и назначил выборы, на которых ошеломляющую победу одержали республиканцы и социалисты. Король бежал. По новой республиканской конституции, принятой в декабре 1931 г., была установлена формальная демократия, несмотря на острые разногласия между каталонскими автономистами и кастильскими централистами, с одной стороны, и проклерикальными и антиклерикальными силами — с другой.

При слабом, расколотом разногласиями центральном правительстве, которое не могло справиться с забастовками сельскохозяйственных рабочих и горняков и сепаратистскими движениями в Каталонии и Астурии, к концу 1934 г. республика практически прекратила существование. К 1935 г. значительные части армии (до того поразительно нейтральной) начали организовывать заговоры против режима. Хуан Линс отмечает:

Ситуация после 1934 г. была уникальной для демократических режимов, поскольку здесь революция сочеталась с неопределенными, непоследовательными попытками восстановить монархию (по меньшей мере, эти попытки воспринимались как таковые), что приводило не к установлению авторитарного режима, а к сохранению демократических правовых институтов, которые использовали чрезвычайные полномочия для репрессивных действий, но менее чем через полтора года после этого решились назначить выборы, закончившиеся победой нелояльной оппозиции. Психологическое воздействие, которое эта победа оказала на контрреволюционеров, почувствовавших угрозу со стороны победивших на выборах противников, и желание контрреволюционеров перевернуть столы создали ситуацию, не имевшую параллелей в странах с демократическими режимами [Linz, 1978, 191].

«Нелояльная оппозиция», в которой сошлись республиканцы, социалисты, синдикалисты и коммунисты, в 1936 г. образовала Народный фронт. Латентно распространявшийся военный мятеж в конце концов перерос в прямое нападение на это левое правительство и его преемников. Кровопролитная гражданская война 1936–1939 гг. завершилась победой генерала Франсиско Франко и учреждением нового авторитарного режима [Smith, 2000]. До конца режима Франко военные отвечали за политический сыск. Действительно, после 1969 г., по мере нарастания демонстраций и забастовок, возросло и число приговоров, вынесенных военными судами по обвинениям в «оскорблении вооруженных сил» [Ballbé, 1983, 450].

Продолжительная и устойчивая демократизация произошла в Испании только после смерти Франко в 1975 г. Но когда демократизация началась, она стала развиваться с головокружительной быстротой. В 1969 г. Франко назначил принца Хуана Карлоса де Бурбона своим преемником и наследником испанского престола. Через три года после смерти Франко король Хуан Карлос и его премьер-министр Адольфо Суарес через возрожденные кортесы провели ратификацию светской конституционной монархии, легализовали коммунистическую партию и восстановили электоральную борьбу за власть на национальном уровне. В 1977 г. Суаресу не удалось достичь соглашений с лидерами конкурировавших блоков, один из которых объединил предпринимателей, а другой — рабочих. Однако позднее Суарес достиг договоренности с основными левыми партиями, и в октябре 1978 г. был заключен пакт Монклоа, который подтвердил включение в публичную политику всех, кроме крайне правых и экстремистов-националистов. Пакт Монклоа обеспечил поддержку широкомасштабных экономических реформ парламентскими представителями организованных рабочих, которые за это получили государственные гарантии существенной помощи безработным.

На фоне массовых мобилизаций и насилия, развернутого баскскими националистами, возникло межклассовое согласие. Ситуацию обобщает Мануэль Перес Ледесма:

Как и в процессе других политических перемен, которые происходили в нашей стране, мобилизация масс и в этом случае сыграла решающую роль. Не только посредством прошедших в первые месяцы перехода от авторитаризма многочисленных демонстраций в поддержку свободы союзов, амнистии политических заключенных и признания автономии регионов, но и посредством волны забастовок, которые в начале 1976 г. блокировали минималистскую реформу, предложенную правительством Ариаса Наварро. Эта мобилизация вынудила но-

вого премьер-министра Адольфо Суареса ускорить процесс изменений [Pérez Ledesma, 1990, 242].

Тем не менее пакт 1978 г. разрешил кризис, который вполне мог привести к очередной гражданской войне.

Собственно говоря, через три года испанский режим пережил попытку военного переворота (1981 г.), в ходе которого депутаты кортесов в течение 18 часов были пленниками мятежников, а на улицы Валенсии были выведены танки. Леопольдо Кальво Сотелло, который приносил присягу в качестве премьер-министра в момент начала переворота, позднее назвал его «Ватерлоо франкизма», поскольку переворот продемонстрировал, что сторонники авторитаризма не имеют той поддержки в обществе, какой они долгое время пользовались [Alexander, 2002, 4]. Правительство стало гражданским: если при Франко треть министров составляли военные, то в период перехода удельный вес министров-военных снизился до 7%. Одновременно удельный вес министров из числа университетских профессоров вырос с 13 до 26% [Genieys, 1997, 234–235]. После выборов 1982 г., когда к власти пришло социал-демократическое правительство, Испания вступила в бурный период утверждения западноевропейских демократических порядков.

В Португалии Первая мировая война привела к периодам острой борьбы за контроль над правительством. Перевороты, убийства и восстания с 1915 по 1928 г. происходили с частотой примерно раз в год. Тем не менее с 1918 по 1926 г. в стране существовал неустойчивый республиканский режим. В 1926 г. к власти пришла более стабильная военная хунта. В 1932 г. не принадлежавший к военным экономист Антониу ди Оливейра Салазар получил от военных диктаторские полномочия. Салазар ввел квазидемократическую конституцию, но запретил всякую политическую оппозицию. Во время гражданской войны в Испании режим Салазара оказывал поддержку мятежникам Франко, приняв внешние формы фашистской публичной

политики, но во время Второй мировой войны разрешил союзникам по антигитлеровской коалиции разместить войска на Азорских островах.

Недееспособность Салазара (1968 г.) и его смерть в 1970 г. не потрясли португальский режим столь сильно, как смерть Франко потрясла испанский режим. Однако режим преемника Салазара, Марселлу Каэтану, несколько ослабил централизованный контроль, позволив антифашистской оппозиции выдвинуть своих кандидатов на выборах 1973 г. и допустив волну забастовок, начавшихся позднее в том же году. Новый режим начал вывод португальских войск из Гвинеи-Биссау, Кабо-Верде, Мозамбика, Сан-Томе и Принсипи и Анголы. Этот вывод спровоцировал военный переворот (1974 г.), который привел к власти не консерваторов, а хунту младших офицеров, придерживавшихся левых политических взглядов. На большей части территории страны ускорилась мобилизация масс [Downs, 1989]. Одновременно новое правительство национализировало множество предприятий.

Правительство, пользовавшееся поддержкой военных, тут же созвало учредительное собрание, которое приняло социал-демократическую конституцию и провело выборы. На них, к досаде военных правителей, победили центристы и умеренные социалисты. Второй военный переворот, организованный старшими армейскими офицерами умеренных взглядов (ноябрь 1975 г.), отстранил от власти радикальную хунту и, таким образом, привел к формированию нового социалистического правительства. Революционный совет, в котором преобладали военные, продолжал пользоваться правом вето на законы, принимаемые парламентом. Впрочем, под давлением основных европейских держав и США военные правители Португалии постепенно уступали место гражданским партиям [Diamandouros, 1997, 6–7]. Конституционная реформа 1982 г. упразднила Революционный совет и отлучила военных от непосредственного участия в публичной политике. К концу 70-х годов XX века Португалия отка-

залась от многовековой традиции вмешательства военных в политику. Строго говоря, сдвиг к защищенности консультаций в Португалии произошел раньше, чем в соседней ей Испании.

Россия, Балканы и страны Иберийского полуострова в сравнительной перспективе

По сравнению с другими европейскими странами Россия, Балканские и иберийские страны пришли к демократии поздно и неуверенно. К 2000 г. в России были состязательные выборы и всеобщее избирательное право, но она не смогла создать прочной системы защиты демократии или сравнительно равное участие меньшинств. На Балканах произошло разделение между меньшинством стран, переживавших решительную демократизацию, и большинством стран, в которых демократические институты либо слабы, либо вовсе не известны. Иберийские страны лишь недавно порвали с многовековой историей вмешательства военных в публичную политику и вышли из долгого периода колебаний между полудемократическими и авторитарными режимами. Эти три региона дают достаточно доказательств как возможности демократизации, так и ее тесной связи с политической борьбой.

Исходя из изложенной выше трактовки истории России, Балканских и иберийских стран, зададим вопрос: какую эффективность можно обоснованно придать механизмам, которые мы считаем решающе важными: изменениям сетей доверия, изменениям категориального неравенства, изменениям публичной политики и их взаимовлиянию? Говоря откровенно, никакую. Беглое изложение истории этих стран не позволяет настолько глубоко проникнуть в процессы перемен, чтобы это подтверждало или отвергало нашу гипотезу. Но этот экскурс просто задает программу дальнейшего исследования. Напри-

мер, он даст слабый намек на то, что повсеместно наблюдаемое в России обрушение системы социального обеспечения, поддерживаемой правительством, в сочетании с переформатированием отношений «покровитель—клиент» и структур взаимопомощи способствовало сегрегации межличностных сетей доверия от публичной политики, а также резкому снижению защищенности от произвола агентов правительства [Humphrey, 1999, 2001; Ledeneva, 1998; Varese, 2000, 2001; Volkov, 2002; Woodruff, 1999]. Только продолжение исследований на том уровне, на котором они проделаны в отношении истории Франции, Великобритании и Швейцарии, позволит прояснить связи между демократизацией, де-демократизацией и фундаментальными каузальными механизмами, предположительно действовавшими в других европейских странах.

Опыт России, Балканских и иберийских стран, тем не менее, занижает значение некоторых важных уроков, вынесенных из истории других европейских стран. Вопреки представлению о независимости национальных путей к демократии (или к авторитаризму), в этих странах, как и повсюду в Европе, большое значение имеют внешние факторы. Например, на Балканах быстрое признание Германией независимости Словении в 1990 г. не только ускорило распад Югославии, но и обеспечило покровительство словенским реформаторам. В 70-х годах XX века военное присутствие США на территории Испании и Португалии дало гарантии стабильности любых режимов, которые в то время пользовались поддержкой в этих странах [Powell, 2001]. Немецкие политические фонды в 70-х годах оказывали прямую поддержку сторонникам демократии в иберийских странах. Во всех этих регионах и по всей Европе ЕС осуществлял давление на правительства входящих в него стран, а также будущих членов, требуя от них принятия по меньшей мере внешних форм демократии.

Более того, за пределами России, Балкан и Иберийского полуострова оккупация европейских стран союзными войсками в

конце Второй мировой войны способствовала восстановлению демократических институтов во Франции, Германии, Италии и Австрии. Внешние факторы способствуют демократизации, если они запускают механизмы, которые изолируют категориальное неравенство от публичной политики, интегрируют сети доверия в публичную политику и непосредственно обеспечивают широкие, равные, защищенные и имеющие обязательную силу отношения между гражданами и агентами государственной власти.

Внешние силы оказывают воздействие на внутреннюю политику в ходе межгосударственных войн. Крупные войны оказывают удивительно сильное — как позитивное, так и негативное — влияние на перспективы демократии. Это воздействие проявляется в разных отношениях, потому что:

- они мобилизуют массы, вовлекают их в участие в политике (особенно, но не исключительно в качестве солдат), что рано или поздно приводит к массовым требованиям политических прав;
- по крайней мере поначалу — они обычно приводят к повышению дееспособности правительств;
- окончание войн сопровождается демобилизацией и вознаграждением за участие;
- государственный долг (чаще всего перед собственными гражданами) в ходе войн обычно резко увеличивается;
- военные поражения сопряжены с определенным сочетанием дезертирства, дискредитации существующих властей и иностранной оккупации.

В случае России наполеоновские войны, Крымская война, русско-японская война, Первая мировая война и афганская война самым серьезным образом сказались на дееспособности правительств и на их движении к защищенности консультаций или противоположную сторону. Войны обнаруживают свое влия-

ние через включение стандартных механизмов сетей доверия, категориального неравенства и публичной политики или через запуск этих механизмов в режиме обратного хода. В масштабах всей Европы наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны сыграли важную роль в продвижении (временном или долгосрочном) демократии.

Война важна и в другом отношении — по своему воздействию на политическую автономию вооруженных сил. Хотя в России вооруженные силы были подчинены гражданской власти вполне действенным образом уже к середине XIX века, только грандиозные усилия Троцкого предотвратили установление политического господства армий, захвативших Россию в 1917–1921 гг. Подчинение армии, флота и сил безопасности коммунистической партии никоим образом не гарантировало демократии, но по меньшей мере способствовало гражданскому правлению. (Тем не менее расформированные силы безопасности в 90-х годах XX века создавали угрозу политическим правам и гражданским свободам в России; см. [Varese, 2001; Volkov, 2002].) Опыт Балканских и иберийских стран демонстрирует препятствия, которые представляют политически автономные вооруженные силы для демократизации. Такие силы не только захватывают власть в собственных интересах, но и постоянно вступают в союз с могущественными классами, заинтересованными в подрыве демократического правления.

Несмотря на то что пример Швейцарии свидетельствует об обратном, опыт России, Балканских и иберийских стран подтверждает важность для демократизации сравнительно высокой дееспособности правительства. Разумеется, стремительное ослабление центрального правительства порой открывает путь демократическим революциям, как это было во Франции 1870–1871 гг. Финляндия и Балтийские государства вышли из состава Российской империи в 1917 г., обладая определенными демократическими порядками, пусть временными и неустойчивыми. Но в России, Венгрии и Германии (с неравными временными

интервалами) произошли революции, которые были ускорены развалом правительств под влиянием войны и привели к восстановлению авторитарных форм правления. После 1991 г. падение власти центрального правительства в России позволило мелкой тирании и гражданской войне обратить вспять ту небольшую демократизацию, которая произошла в 1985–1991 гг. в некоторых сегментах страны.

Испания и Португалия 70-х годов XX века, напротив, служат доказательством возможности стремительного перехода к демократическому гражданскому правлению там, где центральные правительства уже располагают возможностью гарантировать демократические права и обязанности. В этом отношении иберийские страны пошли по пути Франции и Британских островов, где наращивание дееспособности недемократических правительств заложило основы для последующей эффективной демократизации. При всей жестокости, проявившейся в других отношениях, движение к демократии по пути «сильного государства», по-видимому, способствует более прочным результатам, нежели движение к той же цели по пути «слабого государства». Опыт Швейцарии составляет, скорее, блистательное исключение, нежели яркий типичный пример.

Тем не менее демократизация, рассмотренная на протяжении всего периода с 1650 по 2000 г., представляется хрупким, незавершенным процессом, который зависит от множества обстоятельств и легко может быть обращен вспять. Как мы неоднократно видели, частично демократические режимы нередко становятся добычей жадных до власти хищников. Угрозы демократизации исходят как извне, так и изнутри режимов: демократию приносили в жертву национальной безопасности в годы Французской революции; она же оказывалась жертвой завоеваний, вроде оккупации Нидерландов нацистами. Из рассмотренных нами стран не только Бельгия и Нидерланды, но и Франция, Великобритания, Ирландия, Германия, Австрия, Балтийские страны, Югославия и большинство стран, после Второй миро-

вой войны принявших государственный социализм, пережили периоды значительной демократизации, в которых были фазы авторитаризма и/или мелкой тирании. Несмотря на оптимизм, характерный для составляемых Freedom House рейтингов, даже такие столпы европейской демократизации, как Великобритания и Франция, по-прежнему уязвимы для существенных откатов, вызванных ксенофобией и религиозными конфликтами.

В долгосрочной перспективе европейские революции в среднем способствовали демократизации тем, что приводили в действие три характерные группы механизмов — механизмы, изолирующие категориальное неравенство от публичной политики, интегрирующие сети доверия в публичную политику и способствующие расширению, уравниванию прав, усилению защищенности публичной политики и росту влияния публичной политики на действия правительства. И все-таки история впечатляюще часто показывает, что непосредственным, краткосрочным результатом революционных трансформаций, особенно революций, укрепляющих в процессе консолидации своих завоеваний дееспособность государства, оказываются авторитарные режимы. Весьма разные истории постсоциалистических режимов наглядно показывают, как реализуются подобные возможности.

Еще один вывод. Конституции сами по себе имеют меньшее значение, чем предполагает строго юридическое описание демократизации. В настоящее время почти у всех европейских государств есть формально демократические конституции, но на континенте по-прежнему существуют резкие различия в широте, равенстве, защищенности консультаций. Можно было бы попытаться объяснить эти различия спецификой национальной культуры или степенью развитости рыночных отношений. Но опыт истории европейских стран указывает на то, что национальная культура, степень развития рыночных отношений и прочие общие факторы такого рода оказывают влияние на демократизацию не напрямую, а через включение механизмов,

действующих в области сетей доверия, категориального неравенства и публичной политики.

Сходным образом модели демократической организации, по-видимому, сыграли особую роль в европейской демократизации. Роль эта заключалась не столько в том, что подобные организации каким-то образом добивались массовой поддержки и в силу этого становились бесспорной альтернативой более авторитарным режимам, сколько в том, что с их помощью, как правило, происходило разрешение кризисов. Мы видели, что восприятие демократических институтов в моменты кризисов происходило по трем сценариям: компромиссное урегулирование глубоких внутренних конфликтов (например, в Швейцарии 1848 г.); в результате притязаний элиты на внутреннюю и международную легитимность (например, в Испании 1978 г.); ценной иностранной военной оккупации (например, в Германии 1945 г.). Однако история России и Балканских стран отчетливо показывает, что даже разрешения кризиса путем принятия демократических форм недостаточно для установления стабильной демократии при отсутствии необходимых перемен в категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике.

Сходным образом преобладание демократической идеологии в истории демократизации Европы имеет гораздо меньшее значение, чем обычно полагают демократы, что поразительно в двух отношениях.

Во-первых, когда демократические порядки начинают казаться стабильными и неизбежными, олигархи и сторонники авторитарного правления, пусть нехотя, усваивают их с удивительной быстротой; демократизация в Испании и Португалии произошла не потому, что элиты, до того долгое время придерживавшиеся авторитаризма, вдруг поголовно изменили свои взгляды. Даже военные в иберийских странах, так долго бывшие опорой авторитарных режимов, в 70-х годах XX века быстро адаптировались к гражданскому правлению.

Во-вторых, крестьяне, рабочие и прочий плебс чаще поддерживают требования определенных форм справедливости (вроде защиты от эксплуатации со стороны работодателей, защиты личной собственности, свободы союзов и т. д.), нежели программы последовательной демократизации. Хотя подобные требования, если они успешно реализуются, обычно способствуют демократии и иногда выливаются в четкие требования демократии как таковой, зачастую они сочетаются с широкой гендерной дискриминацией, преследованием меньшинств и отказом в правах тем, кто считался недостойными бедняками.

Массовая, осознанная вера в демократию не выглядит необходимым условием демократизации, по крайней мере если судить по европейскому опыту.

Как я и обещал, мои общие очерки демократизации в России, на Балканах и на Иберийском полуострове не содержат того детализированного выявления способствующих демократии механизмов, которому посвящено рассмотрение истории Франции, Британских островов и Швейцарии. Тем не менее истории демократизации и де-демократизации в трех регионах обычно подтверждают важность основных совокупностей механизмов, которые уравнивают богатство, доходы, власть и престиж основных групп населения, отгораживают политику от категориального неравенства, создают сети доверия, подключенные к политике, непосредственно расширяют политическое участие, уравнивают права участвующих в политическом процессе, усиливают коллективный контроль участников политического процесса над правительством и/или препятствуют произвольному осуществлению власти агентами правительства.

В тех случаях, когда действуют механизмы, противоположные описанным (как это неоднократно происходило на Балканах и на Иберийском полуострове в кризисные периоды между 1815 и 1970 гг. и после 1989 г. в России и отдельных частях бывшей Югославии), это влечет за собой откат от демократизации.

Массированное свертывание демократии в недавнем прошлом должно служить нам напоминанием о том, что сама демократия остается оспариваемым, зависящим от многих обстоятельств результатом конфликтной политики.

Остальная Европа

В своем обзоре я пренебрег некоторыми европейскими режимами: существующими в северных странах, Германии, Австрии, Италии, Польше, Чехословакии, Венгрии и ряде малых стран. С 1650 по 2000 г. каждый из этих режимов шел к защищенности консультаций и от нее своим путем, несколько отличавшимся от пути других стран. Привел бы анализ этих режимов к существенному изменению выводов? Думаю, нет. Рассмотрим в качестве примера Италию, в истории которой обнаруживается поразительная последовательность поэтапного объединения мелких автономных режимов в процессе завоеваний, конфликтов и революций. Краткое изложение истории Италии с 1650 г. таково:

- ошеломляющее разнообразие тираний и олигархий в XVII и XVIII веках;
- французское завоевание, временное объединение страны и ее частичная демократизация при Наполеоне;
- сегментация и свертывание демократизации после 1815 г.;
- неустойчивая демократизация некоторых сегментов в период консолидации государства с 1848 г. до Первой мировой войны;
- граничивший с революцией конфликт во время и после Первой мировой войны;
- последующее формирование фашистского режима;
- разрушение этого режима во время Второй мировой войны;

- более прочная демократизация, начало которой положила оккупация страны союзниками в конце войны;
- установление уязвимой, специфической, но определенно демократической версии защищенности консультаций в послевоенные годы;
- устойчивые (пусть и меняющиеся) региональные различия в отношениях между провинциями и центральным правительством.

В Пьемонте умеренные уступки представительному правлению были сделаны в 1848 г. Эти сравнительно демократические учреждения сохранились, а Пьемонт стал ядром Италии, с 1859 г. переживавшей объединение. У Сицилии был совершенно иной опыт. Гарибальди, пользовавшийся широкой поддержкой буржуазии и безземельного крестьянства, превратил Сицилию в модель своей версии демократического национализма. Поражение, которое нанесли его движению пьемонтские войска при поддержке Франции в гражданской войне 1860–1862 гг., сдержало инициативу Гарибальди. В итоге юг Италии был интегрирован в новый режим на условиях, продиктованных Пьемонтом. Люси Райолл размышляет:

Принципиально разные отношения государства и общества — вот чем Сицилия отличалась от Пьемонта. В Сицилии эти отношения стали в основном результатом реформ, которые проводили Бурбоны в конце XVIII — начале XIX века. Ирония состоит в том, что попытки Бурбонов и правых осуществить реформы, которые, как они понимали, были условием сохранения власти над Сицилией, лишь усугубили проблему. Усиливая власть государства в аграрных районах, эти реформы одновременно вносили в местные общины новые элементы конфликта и усиливали позиции групп, наиболее заинтересованных в поддержании статус-кво. Административная централизация дополнила местное управление еще одним уровнем коррупции и сделала Сицилию не более, а менее управляемой по сравнению с прошлым [Riall, 1998, 228].

И все-таки, как впоследствии подчеркивал Литонио Грамши, такой недемократический исход дела был обусловлен поражением демократической революции, *la rivoluzione mancata* [Gramsci, 1952]. В этом и во многих других отношениях бурная история демократизации и де-демократизации в Италии также сводит воедино механизмы и процессы, которые, как мы видели, повсеместно действовали в других европейских странах, но в своеобразных сочетаниях и в иной последовательности.

Итальянский фашизм появился на свет как оголтело антидемократическое движение и привел к установлению крайне авторитарного режима. Однако, пойдя на частичную изоляцию существующих категориальных неравенств от публичной политики, частичное подавление и интеграцию ранее отделенных сетей доверия и насильственное установление авторитарного гражданства, фашизм изменил отношения между итальянцами и государством в направлениях, которые после военного поражения и иностранного завоевания способствовали демократизации. После краха фашистского режима в июле 1943 г. немецкие войска оккупировали почти весь Апеннинский полуостров, столкнувшись с организованным народным сопротивлением только в Неаполе. Союзникам потребовалось почти два года, для того чтобы, используя усиливающуюся помощь самих итальянцев, изгнать немцев из страны, построить связи между гражданским населением Италии и оккупационными войсками и тем самым обеспечить основу для взаимного доверия. Эти отношения и заложили хрупкие основы нового, демократического режима. В Италии, как и в других европейских странах, демократизацию продвигала борьба.

Европа и мир

Колонизация, завоевание, конфронтация и революции сыграли свою роль в распространении европейской демократизации за пределами Европы. Европейцы XIX века за пределами Европы способствовали одновременно и демократии, и тирании. Они распространяли демократию среди европейских колонистов и их потомков, но колонизированным народам навязывали тиранию. Можно выделить четыре способа колониального проникновения: 1) создание переселенческих колоний; 2) захват сложных экономик; 3) создание систем принудительного труда и 4) эксплуатация через слабый контроль (более сложную, но и более точную классификацию см.: [Abernethy, 2000, 55–63]).

Население территорий, которые превратились в переселенческие колонии, европейские державы уничтожили, поработили или загнали в гетто. Поначалу во всех районах массового европейского заселения в Северной и Южной Америке, Африке и Океании были установлены сравнительно авторитарные режимы; обычно на этих территориях вначале появлялись плантации, владения привилегированных компаний, колонии для ссыльных или территории, управляемые военными администрациями. Затем европейские поселенцы устанавливали частично демократические режимы для себя, но местному населе-

нию доступ в публичную политику открывали очень медленно и неохотно.

Захват сложных экономических систем происходил иначе и при гораздо меньшей плотности заселения колонизируемых территорий европейцами. В Африке и в особенности в Азии европейцы порой стремились выжимать доходы и устанавливать контроль над торговлей дифференцированных аграрных и промышленных систем, остававшихся преимущественно под управлением неевропейцев. Крайним примером подобной колонизации была Британская Индия. При таких обстоятельствах обычно возникали новые составные политические режимы, заимствовавшие некоторые организационные формы у колониальных держав и остававшиеся под их влиянием, но добивавшиеся значительной автономии еще до обретения независимости. Индийские активисты, связанные с Индийским национальным конгрессом (который был учрежден в 1885 г.), создавали организации, проводили петиционные кампании и агитации в Индии и в Великобритании задолго до получения Индией независимости от Великобритании в 1950 г.

В странах, где переселенцы строили экономику на основе принудительной эксплуатации юридически бесправной рабочей силы, будь то туземцы, иммигранты или ввезенная рабочая сила, движение к демократии происходило только в результате массовой борьбы за условия включения в политику этих людей и их потомков. Двумя противоположными примерами такой истории являются Гаити и Ямайка. В 90-х годах XVIII века народ Гаити сбросил европейское господство, но защищенность консультаций так и не укоренилась в этой стране, потому что вожди освободительного движения использовали остатки государственного аппарата в своих целях. Получившее поддержку Британии освобождение рабов на Ямайке (1834 г.) положило начало сопровождавшемуся борьбой движению к небезупречной, но подлинной демократии [Sheller, 2000]. В отличие от Гаити и Ямайки, переселенцы из Европы на территории будущих

США начали с уничтожения, искоренения и сегрегации местного населения и с построения в крупных регионах экономики, основанной на труде порабощенных африканцев. Впоследствии эти региональные различия привели к ужасной гражданской войне. Хотя массовая миграция освобожденных рабов и их потомков на север в конце концов ликвидировала острый контраст между трудом свободных белых и несвободных черных работников Юга, даже сегодня США сильно недотягивают до подлинной демократии в том, что касается прав афроамериканцев.

Параллель расколу между севером и югом возникла и в соседней Канаде, но это различие носит иной характер. Полоса к северу от того, что позднее стало границей Канады с США, очень напоминает север США: и там, и там туземное население было истреблено. В годы американской революции и в начале XIX века эта полоса привлекла множество поселенцев из США. Но на огромных просторах северной Канады европейцы селились лишь небольшими группами, как торговцы, горняки, солдаты и др. Здесь европейские поселенцы очень сильно зависели от индейского населения как от клиентов, работников и поставщиков самых необходимых товаров. В Канаде и в других местах, где колонисты в основном занимались торговлей и экспортом сырья, европейское население оставалось очень редким и незначительным. В целом в таких колониальных режимах демократизация была минимальной, а то и вовсе отсутствовала. В некоторых подобных колониях европейцы установили или поддерживали режимы местной тирании, в других — образовывали европейские анклав, связанные лишь экономическими и политическими отношениями с внутренними районами колоний. Любая демократизация, происходившая в таких европейских колониях, была результатом анти- или постколониальной борьбы. В разные периоды антиколониальные и постколониальные восстания потрясли Латинскую Америку, Африку, Азию и Океанию. К 2000 г. подавляющее большинство таких постко-

лониальных режимов установили формальные структуры демократического правления, но, несмотря на конкурентные выборы и гражданское правление, в этих странах защищенные консультации так и не появились.

При существенной помощи своих переселенческих колоний Европа после 1800 г. дала миру господствующие модели демократизации. Демократизирующиеся режимы, как правило, учреждали законодательные собрания, суды, органы исполнительной власти, конкурентные выборы, политические партии, вводили своды политических прав и государственные гарантии гражданских свобод. Более того, каждый из таких режимов делал это на свой лад. Несмотря на ограниченное число полноправных субъектов публичной политики, политические права и обязанности предоставлялись каждому отдельному человеку одновременно. Разумеется, эти страны признавали также право предприятий, семей, церквей, союзов и других коллективных образований (или лиц) на существование и ведение дел. В общем и целом такие организации не получали, однако, формального представительства, права голоса и прочих прав на демократическое участие. Действительно, самые демократичные режимы приложили значительные усилия к тому, чтобы ограничить влияние коллективных образований на личные политические права.

Европейская конституционная модель возобладала не потому, что воплощала единственный логически возможный вариант защищенности консультаций. Даже в рамках опыта Европы с формами высокоэффективной, индивидуалистической демократии иногда соперничали две другие группы программ и процедур. Первая из них требовала сегментации централизованных государств на самоуправляемые и внутренне демократические единицы (селения, регионы, кооперативы и религиозные общины). Религиозные общины в Европе, анархисты, коммунисты и радикальные демократы не раз мечтали о местной демократии, не обремененной конституциями и центральной властью. Вре-

мя от времени, пусть и ненадолго, они даже воплощали эти мечты в реальность. Множество коммун, возникших во Франции в 1871 г., были основаны на децентрализаторских грезах подобного рода. И совсем недавно, в 1975 г., после того как военная хунта, состоявшая из людей левых политических убеждений, взяла власть над центральным правительством, португальские революционеры фактически осуществили эксперимент с демократией мелких товаропроизводителей [Downs, 1989].

Европейские социалисты, напротив, изобретали и даже начинали претворять в жизнь коллективистские варианты демократизации. В Европе существовала старинная традиция представительства корпоративных образований в формальной публичной политике (Штаты, общины, гильдии, религиозные общины и т. д.). Социалисты использовали эту традицию в своих целях. Во многих моделях государственного социализма сравнительно широкие, равные, имеющие обязательную силу защищенные консультации получали не индивидуумы, а коллективы. В представлении социалистов, такие коллективы чаще всего принимали форму экономических единиц: заводов, хозяйств, производителей определенного товара и т. д. Порой в число таких коллективных образований входили национальности и/или местные сообщества.

Поначалу режимы государственного социализма XX века нередко осуществляли частичную демократизацию по сравнению с прежними авторитарными или олигархическими режимами. То, что все режимы государственного социализма впоследствии стали авторитарными, не отрицает логическую возможность демократизации на основе коллективного представительства. Действительно, верхние палаты в двухпалатных конституционных режимах действовали безусловно демократически в других отношениях и обычно уравнивали народное представительство нижних палат уступками традиционным элитам и региональным властям. Более того, политика общественных движений и групп, организованных вокруг опреде-

денных интересов, зачастую создавала полуформальные связи между коллективами и правительствами; например, организованные сельские производители вели переговоры с министрами сельского хозяйства, а организованные рабочие — с министрами труда. Несмотря на тяготение к индивидуальному гражданству, некоторые элементы коллективного представительства имели место.

Европа и ее переселенческие колонии создали модель индивидуалистической конституционной демократии, опирающейся на весьма дееспособное государство. (Для удобства последуем за Гильермо О'Доннеллом [Guillermo O'Donnell, 1999], который предложил называть европейские демократические режимы и их заморские аналоги в Америке и Океании «Северо-Запад»). После того как эта модель была создана, она возобладала во всем мире. Многие полагают, что это произошло потому, что все прочие варианты демократии страдали фатальными дефектами. Поскольку эксперименты в мире происходят лишь однажды, трудно отделить высокую эффективность от последствий политического и экономического господства Запада в течение основных периодов демократизации. По ходу истории признание Северо-Западом того или иного режима демократическим сулило очевидные преимущества для вождей такого режима. Признание происходило легче, если режим, добивающийся такого признания, воспринимал привычные организационные формы и процедуры, господствовавшие в демократиях Северо-Запада.

Действительно, страны Северо-Запада не просто создавали престижные модели демократии; они нередко их навязывали. Лоуренс Уайтхед указывает, что Британия, дав независимость своим колониям в бассейне Карибского моря, примирила британских избирателей с деколонизацией, настояв на введении вестминстерской политической модели в новых государствах; таким образом, после 1945 г. Тринидад, Барбадос, Сент-Лусия, Доминика и Антигуа в быстрой последовательности приняли

конституции, построенные по британской модели [Whitehead, 2001, 10]. Сходным образом США заставили находившиеся под их покровительством латиноамериканские государства (Доминиканскую Республику, Гренаду, Панаму, Никарагуа, Сальвадор и Гватемалу) организовать публичную политику по североамериканскому образцу, чтобы тем самым отграничить их от социалистической Кубы [Whitehead, 2001, 8]. Режимы не просто избрали наиболее привлекательные формы демократического правления, но и отреагировали на мощное внешнее давление.

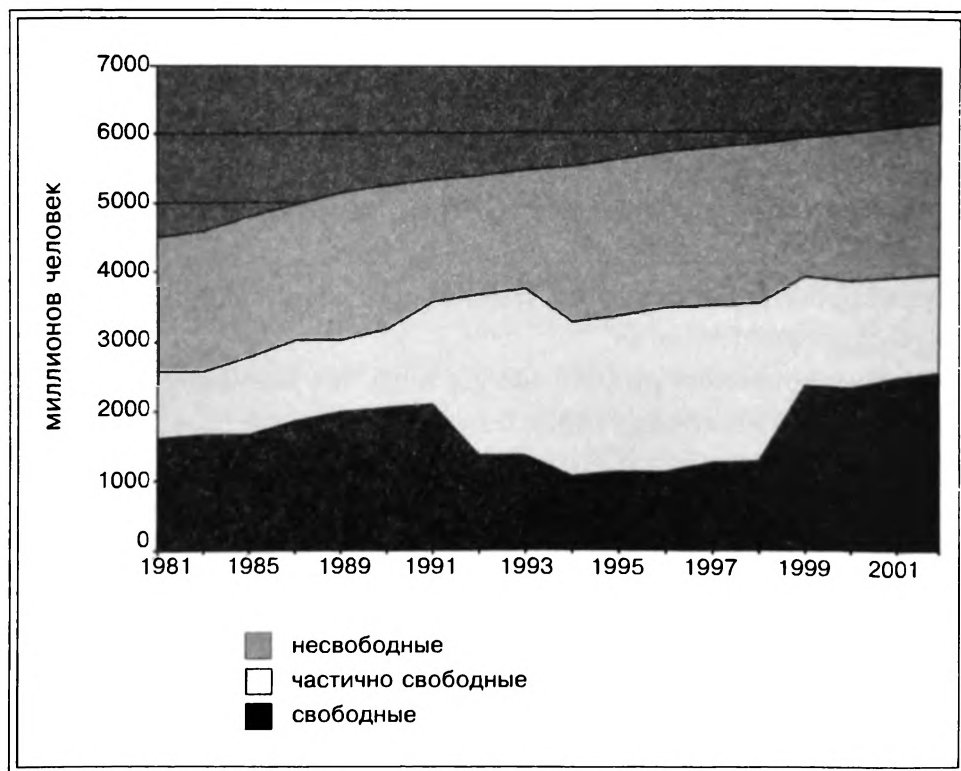
Огромное влияние демократических моделей Северо-Запада ставит перед нами два важных вопроса. Во-первых, до какой степени и каким образом страны, демократизировавшиеся позже других, смогли попросту заимствовать организационные формы и установить их, не пройдя через мучительные конфликты, связанные, как мы видели, с историей европейской демократизации? Если безболезненное заимствование имело место, то тогда возникают сомнения относительно той причинно-следственной связи между борьбой и демократией, которую я отстаивал в предыдущих главах. Такое заимствование должно, по меньшей мере, побудить нас задаться вопросом, почему европейцам так тяжело далось то, что так легко получили их наследники. И второй важный вопрос: действительно ли взаимодействие изменений категориального неравенства, сетей доверия и публичной политики в других странах происходило так же, как в Европе? Если взаимодействие было иным, то, возможно, оговоренные мною необходимые условия в конце концов не столь уж необходимы. Возможно, Европа в целом — особый случай, случай изобретателя, борющегося за признание своего открытия и обреченного наблюдать, как прибыль от изобретения получают другие люди, которым не надо было прилагать усилий, необходимых для совершения открытия.

Конфликтные переходы вне Европы

Впрочем, у нас есть причины сомневаться в таких простых ответах. Безболезненное заимствование? На ум не приходит ни одного случая подобного заимствования за пределами Северо-Запада. Реальная демократизация в Латинской Америке, Африке и Азии проходила крайне неравномерно, в результате завоеваний, конфликтов и/или революций. Конечно, в истории Японии, Кореи и Тайваня после Второй мировой войны демократизация сопряжена с ожесточенной борьбой и мощным вмешательством извне. Другие азиатские страны, Индонезия, Израиль, Монголия и Самоа, дают примеры связанной с жестокой борьбой и незавершенной демократизации. В Африке история Бенина, Ботсваны, Кабо-Верде, Ганы, Мадагаскара, Малави, Мали, Намибии, Сан-Томе и Принсипи, Сейшел и Южной Африки демонстрирует, что путь к демократии проходит через период борьбы и частых откатов [Bratton, van de Walle, 1997, 286]. В Латинской Америке даже сказочная демократизация Коста-Рики стала результатом урегулирования, последовавшего за гражданской войной [Yashar, 1997].

Рассмотрим историю конца XX века. На рисунке 8.1 показаны рейтинги Freedom House по всем независимым странам с 1981 по 2002 г. и доля мирового населения в каждой из трех категорий. По великодушным стандартам Freedom House, «свобода» означает, что рейтинги обеспечения политических прав и гражданских свобод режимами в среднем равняются 3 и менее баллам (например, 5,1; 4,2; 3,3 и т. д.); «частичная свобода» означает средний балл в диапазоне от 3,5 до 5,5, а «несвободные» страны набирают средний балл, превышающий значение 5,5. Как показано в главе 7, определение «свободный» приблизительно равно определению «демократический». Согласно этим стандартам, в начале рассматриваемого периода, т. е. в 1981 г., в демократических странах проживало 36% мирового населения. Самой низкой точки демократизация достигла в 1994 г.,

когда мир стал жертвой гражданских войн, геноцида и террора. В начале 1994 г., по оценкам Freedom House, лишь 19% населения Земли жили в условиях свободных режимов. Произошедшее в 1999 г. перемещение Индии из категории «частично свободные страны» в категорию «свободные страны» обеспечило явный и значительный прирост свободы после 1998 г. Благодаря этому рывку и некоторым более мелким передвижениям стран из одной группы в другую в конце 2002 г., по оценкам Freedom House, в свободных странах жил 41% населения мира. За тот же период доля мирового населения, живущего в не-

Источник: Freedom House, 2002.

Рисунок 8.1. Рейтинги Freedom House, приведенные к общей численности населения, 1981–2002 гг.

счастливых несвободных странах, несколько снизилась, с 42 до 35%. Эти сдвиги всегда происходили в результате острой борьбы. Демократия нигде и никому не доставалась дешево.

Из 192 режимов, включенных в перечень 2002 г., свободными признаны 86 (45%), 58 (30%) — частично свободными, а 48 (25%) — несвободными. На тот момент около половины живущих в условиях несвободы людей составляло, по оценке Freedom House, население Китая. Очевидно, что недемократически оставались и некоторые другие очень крупные государства. В разряд несвободных в 2002 г. специалисты Freedom House зачислили не только Китай (7 баллов за политические права, 6 — за гражданские свободы), но также Иран (6,6) и Пакистан (6,5). В Европе лишь маленькую Беларусь (получившую оценки 6 и 6) сочли несвободной страной [Freedom House, 2002]. Представляется крайне маловероятным, что в какой-либо из несвободных стран, крупных или малых, сколько-нибудь существенная демократизация произойдет без серьезной внутренней борьбы и/или без завоевания извне.

А что сказать о категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике? Без подробных исторических исследований, данные которых были использованы в предыдущих главах при реконструкции демократизации в европейских странах, трудно говорить о том, что механизмы и процессы, выявленные в Европе, сходным образом действуют и в других странах. Мы ищем сочетания механизмов, которые:

- 1) уравнивают богатство, доходы, власть и престиж основных групп населения стран (например, ликвидация государственного контроля, обеспечивающего неравноправие социальных групп);
- 2) изолируют публичную национальную политику от категориального неравенства (например, сокращение вооруженных сил, находящихся под частным контролем, или ограничение таких сил государственной властью);

- 3) ликвидируют сети доверия, изолированные от публичной политики (например, уничтожение или поглощение государством ранее автономных сетей отношений между покровителем и клиентами);
- 4) создают сети доверия, сопряженные с публичной политикой либо через прямые связи с правительством, либо через связи с признанными субъектами политики (например, увеличение ресурсов, выделяемых правительством на ограничение рисков и/или компенсацию ущерба, и создание соответствующих этим целям институтов);
- 5) непосредственным образом расширяют политическое участие (например, образование коалиций между неравноправными категориями и/или различными сетями доверия);
- 6) уравнивают политическое участие (например, посредничество коалиций между неравноправными группами и/или различными сетями доверия);
- 7) усиливают коллективный контроль участников политического процесса над правительством (например, кооптация или упразднение центром политических посредников, ранее пользовавшихся автономией);
- 8) препятствуют произвольному осуществлению власти правительственными агентами (например, бюрократическое сдерживание прежде автономных вооруженных сил).

Некоторую слабую надежду дает исследование, проведенное Адамом Пржеворски и его соавторами. Эта группа изучила, год за годом, выживание демократии и отступления от нее в 135 странах мира с 1950 по 1990 г. С точки зрения участников группы, демократия имеет электоральную форму: демократическими считаются «все режимы, которые проводят выборы, дающие оппозиции некоторый шанс на победу и приход к власти» [Przeworski et al., 1997, 295]. За 41 год, охваченный иссле-

дованием, произошло 50 переходов от не-демократии к демократии (в некоторых странах такие переходы случались по нескольку раз). Но за тот же период произошло и 40 переходов от демократии к не-демократии. Неустойчивость движений в ту и другую сторону, отслеженная нами во Франции после 1650 г., в 1950–1990 гг. повторяется в мире в целом.

Пржеворски и его соавторы ставят вопрос: какие характеристики режима позволяют прогнозировать сохранение демократии в данной стране в течение нескольких лет? В результате проведенного исследователями анализа установлено, что сильное позитивное значение имеют следующие условия: высокий доход на душу населения, сравнительно быстрый экономический рост, умеренная (не слишком низкая и не слишком высокая) инфляция, снижение неравенства доходов, наличие парламентского (желательно непрезидентского) режима и текущее соотношение демократии в регионе и в мире. Эти характеристики взаимодействуют друг с другом: например, хотя многие авторитарные режимы остаются авторитарными несмотря на интенсивный экономический рост, сохранение демократических режимов непосредственно зависит от уровня текущих доходов:

Особенно поразительно то, насколько уязвимыми оказываются бедные демократии в условиях кризисов. В бедных странах, где уровень дохода на душу населения ниже 2000 дол. США в год, за 107 лет, в течение которых произошло снижение дохода, 12 демократических режимов продержались не более одного года. В таких условиях ожидаемая продолжительность существования демократических режимов составляет около 9 лет. Даже в странах, где доход на душу населения составлял от 2001 до 6000 дол., падение доходов привело к краху шести демократических режимов за 120 лет: эти демократии могли рассчитывать на 20 лет существования. А затем, после достижения уровня дохода, равного 6055 дол., происходит чудо: за 252 года, в течение которых богатые демократии переживали

экономические кризисы, ни одна из них не рухнула (см. [Przeworski, Limongi, 1997, 165]); 6055 дол. — это уровень доходов в не самой бедной Аргентине в 1975 г., когда к власти в этой стране пришли военные).

Наша поглощенность европейской историей могла бы заставить нас выдвинуть возражения по поводу того, что не только внутренняя дезинтеграция, но и иностранное завоевание порой может вызвать резкие переходы от демократии к тирании, как это случалось в сравнительно богатых и сравнительно демократичных Франции, Бельгии и Нидерландах в 1940 г. Во время оккупации или под влиянием Германии все эти страны пережили переход от демократических к авторитарным режимам. Но откаты от демократии, изученные нами на примерах иберийских стран, Греции, Германии, Италии и других, в общем подтверждают то, что экономические кризисы в странах с низким уровнем доходов на душу населения создают угрозу для демократии.

Я вовсе не претендую на то, чтобы использовать выводы Пржеворски и его соавторов как подтверждение своей трактовки демократизации в Европе. Я всего лишь утверждаю, что моя трактовка дает возможности для интересной интерпретации выводов Пржеворски. Если логика приведенных в этой книге доказательств верна и общеприменима, то при более подробном рассмотрении подобных откатов от демократии должно обнаружиться и включение основных механизмов и процессов в режиме обратного хода. Мы увидим, что в сравнительно бедных, но сохраняющих демократическое устройство странах экономические кризисы способствуют усилению неравенства, распаду межклассовых коалиций, провалу государственных программ ограничения рисков, разрыву связей между сетями доверия и агентами государственной власти, появлению автономных политических посредников, ослаблению бюрократического контроля над вооруженными силами — и далее по списку.

В более общем плане во время кризисов мы должны обнаруживать усиливающиеся внедрение существующих категориальных неравенств в публичную политику, растущую изоляцию сетей доверия от публичной политики и прямые нападки на защищенность консультаций со стороны тех, кто раньше участвовал, пусть и скрепя сердце, в демократической политике (см. работу об изменениях в государственном управлении в 1948–1982 гг. [Arat, 1991, ch. 4, 5]). Мы видели проявления этих процессов во многих происходивших в Европе движениях от демократии. Если ориентироваться на историю Европы, то могущественные политические субъекты, немногочисленные, внутренне сплоченные и занимающие хорошее положение, для того чтобы использовать действия правительства в своих интересах (очевидный пример — крупные собственники и офицеры), более предрасположены к тому, чтобы выйти из демократического соглашения. По этой логике, демократии с более высоким уровнем дохода на душу населения преодолевают экономические кризисы без серьезной активизации уничтожающих демократию механизмов и процессов. Мы могли бы предположить, что такие режимы выживают как демократии, потому что в них кризисы генерируют солидарность и действия, направленные на преодоление кризисов.

Экстраполяции

Если бы мы могли ориентироваться на историю Европы... Положившись на фантастическую гипотезу о том, что наши объяснения демократизации и де-демократизации в Европе будут подтверждены более полными свидетельствами, попробуем представить, что значат эти объяснения для остального мира. Что нам следует искать за пределами Европы? Возвращаясь к сделанному ранее обобщению, можно сказать, что мы должны искать следующие узловые точки.

1. *Различные сочетания средств принуждения, капитала и обязательств, которые в разных регионах способствуют формированию существенно отличающихся друг от друга режимов и определяют направление изменений режимов в этих регионах.*

Как и в Европе, мы должны обнаружить, что а) там, где накопление и концентрация средств принуждения, капитала и обязательств носят сравнительно равномерный характер, дееспособность правительств начинает расти раньше и более высокими темпами; б) в этих пределах режимы в регионах с большей концентрацией средств принуждения приобретали более авторитарный характер; тогда как в) большая концентрация капитала и/или обязательств способствовала формированию режимов, характеризующихся чуть меньшей дееспособностью правительств и несколько большей защищенностью консультаций. Истории Франции с ее сильным правительством и Швейцарии с ее слабым правительством не повторятся за пределами Европы, но процессы, породившие эти два типа государств и правительств, распространены более широко.

2. *Траектории эволюции режимов в двухмерном пространстве, определяемом а) степенью дееспособности правительства и б) степенью защищенности консультаций, оказывают значительное влияние на демократические перспективы режимов и на характер возникших демократических режимов.*

Вне Европы нам следует также ожидать отклонений от пути «сильного» и «слабого» государств, причем траектории «слабого государства» с гораздо меньшей вероятностью приводят к демократии, поскольку слабые государства более подвержены риску фрагментации, установления эксплуататорской монополии и завоева-

ния. С учетом этого замечания за пределами Европы мы обнаружим приблизительные эквиваленты того пути «сильного государства», который прошли Британские острова.

3. В долгосрочной перспективе усиление дееспособности правительств и защищенности консультаций стимулируют друг друга, поскольку расширение правительства вызывает сопротивление, переговоры и заключение временных соглашений, с одной стороны, а с другой стороны, защищенность консультаций побуждает к требованиям расширения государственного вмешательства, которое способствует усилению дееспособности правительств.

Траектории, движение по которым действительно приводит к той или иной форме демократии, должны, таким образом, концентрироваться вдоль диагонали, пересекающей пространство защищенности консультаций, но эта концентрация наблюдается на стороне сильного государства. Хотя покровительство крупных держав, международная эксплуатация местных экономических ресурсов и защита со стороны международных организаций после Второй мировой войны, возможно, несколько изменили соотношение в пользу слабого государства, мы по-прежнему обнаружим преимущества движения к демократии по пути «сильного государства».

4. В крайних случаях, когда дееспособность правительства развивается сильнее и быстрее, чем защищенность консультаций, путь к демократии (если он вообще существует) проходит через авторитаризм; если же защищенность консультаций развивается сильнее и быстрее, чем дееспособность правительства, а режим выживает, то путь к демократии в этом случае пролегает через чрезвычайно рискованную зону наращивания дееспособности правительства.

Это утверждение очевидным образом вытекает из сформулированных ранее тезисов. Однако оно не означает, что авторитаризм является обязательной прелюдией к демократизации или что авторитарные режимы позволяют добиться более быстрого экономического роста, а потому в конечном счете благоприятствуют демократизации, хотя некогда такое мнение было широко распространено [Przeworski et al., 2000].

5. *Хотя организационные формы (выборы, сроки полномочий, представительство территорий, собрания, принимающие решения в результате дискуссий и т. д.), воспринятые демократизирующимися режимами, зачастую копируют или адаптируют институты, имеющие развитые прецеденты в селениях, городах, региональных правовых системах или существующие в режимах соседних стран, они почти никогда не вырастают непосредственно из этих институтов.*

Несмотря на то что лидеры новых государств часто претендуют на построение демократии на основе местных институтов, редко удается обнаружить, чтобы локальные или региональные версии этих институтов превращались в средства управления на национальном уровне. Так, даже в богатой традициями Мексике национальные политические формы, основанные на северо-западных моделях, сочетаются с множеством локальных политических структур, которые непосредственно не интегрированы в существующую на национальном уровне защищенность консультаций [Fox, 1994; Ortega Ortiz, 2001; Rubin, 1997].

6. *Создание гражданства — прав и обязанностей, связывающих целые группы подвластного режиму населения с правительственными агентами, — необходимое, но недостаточное условие демократизации.*

Мы повсеместно должны искать режимы, которые находятся в процессе перехода от укорененных к отвлеченным сущностям, составляющим основы прав и обязательств, причем по мере расширения защищенности консультаций широкие категории гражданства по меньшей мере частично вытесняют другие сущности. В строгом соответствии с европейским опытом религиозных критериев гражданства мы могли бы ожидать, что прямое представительство конфессиональных различий в публичной политике действительно создает серьезные препятствия демократизации и провоцирует острую борьбу на границе между включением в публичную политику и отлучением от нее.

7. *В режимах, характеризующихся высокой дееспособностью, иногда формируется недемократическое гражданство, а широкая интеграция граждан в такие режимы даже снижает уровень их демократичности или препятствует демократии.*

В странах, правительства которых удалось заполучить контроль над существенными концентрациями средств принуждения, капитала и/или обязательств (например, над вооруженными силами, основными экспортными товарами и/или над доминирующими религиозными организациями), мы обнаружим становление авторитарных режимов, где определения гражданства задаются сверху. Как и в Европе, за ее пределами немногие правители, в чьих руках оказались эффективные средства контроля над властью и ресурсами, предоставляют защищенные консультации и идут на подобные уступки лишь тогда, когда сталкиваются с неодолимым сопротивлением масс и/или с мощным давлением извне.

8. *Тем не менее при прочих равных условиях существование ранее учрежденного гражданства обычно способствует демократизации.*

Предшествующее уравнивание политических прав и обязательств в пределах больших групп населения увеличивает вероятность того, что кризисы и конфликты заставят режимы идти к защищенности консультаций. Например, Китай, как кажется, представляет собой случай невероятно упорного авторитаризма, однако проведенное коммунистами уравнивание прав и обязанностей для всех, кроме членов партийной элиты, дало толчок огромному количеству массовых акций и в конечном счете будет способствовать стремительному сдвигу к защищенности консультаций [Bernstein, Lü 200; Lee, 2002; O'Brien, 1996; Perry, 2002].

9. *И создание гражданства, и демократизация зависят от изменений в трех сферах — сферах категориального неравенства, сетей доверия и публичной политики, — а также от взаимодействия этих изменений.*

Как и в Европе после 1650 г., за пределами Европы мы рассчитываем обнаружить, что сочетание (и только сочетание) а) сегрегации публичной политики от категориального неравенства, б) интеграции сетей доверия в публичную политику, в) расширения, уравнивания и защищенности связей между главными субъектами политики способствует демократизации. Проверка истинности или ложности этого утверждения или его модификация потребуют интенсивных новых исследований демократизации за пределами Европы, а также нового истолкования существующих исследований истории неевропейских стран.

10. *Закономерности демократизации заключаются не в стандартной общей последовательности событий и не в существовании определенных достаточных условий, но в повторении действия каузальных механизмов, которые в разных комбинациях и последовательностях вызывают*

изменения в категориальном неравенстве, сетях доверия и публичной политике.

У нас есть основания полагать, что каузальные механизмы — как они сложились в описанные выше группы а), б) и в) в Европе, — сходным образом действовали и за ее пределами, например, сокращение или сдерживание государством вооруженных сил, находящихся под контролем частных лиц, повсеместно препятствовало транслированию категориального неравенства в публичную политику и что создание внешних гарантий исполнения обязательств, принятых на себя правительствами, повсеместно способствовало интеграции сетей доверия в публичную политику. И действительно, иными словами, оба эти пункта стали общим местом в современной научной литературе (см., например, [Linz, Stepan, 1996, 219–221; Sørensen, 1998, ch. 2]).

11. *При особых обстоятельствах революции, завоевания, конфронтации и колонизация ускоряют и усиливают действие некоторых из этих каузальных механизмов.*

Нам предстоит обнаружить, что кризис любого рода ускоряет демократизацию или свертывание демократии в той степени, в какой он активизирует или запускает в режиме обратного хода каузальные механизмы. Так, конфронтация должна продвигать демократизацию в той мере, в какой она создает межклассовые коалиции, в особенности те, в состав которых входят инакомыслящие члены правящего класса. И вновь проверка этого утверждения потребует либо новых исследований, либо серьезного пересмотра уже существующих.

12. *Почти все способствующие демократии каузальные механизмы сопряжены с массовой борьбой — политические субъекты предъявляют публичные коллективные требования другим субъектам, в том числе правительствен-*

ным агентам, — в качестве коррелятов, причин и следствий.

Борьба должна повсеместно сопутствовать демократизации. Разумеется, у нас нет оснований думать, что неевропейский мир движется к демократии упорядоченно и мирно (см., например [Auyero, 2001; Bratton, van den Walle, 1997; Gurr, 2000; Horowitz, 2001; Tilly, 2003c, ch. 3; Tishkov, 1997]).

13. *По ходу демократизации изменяются арсеналы методов борьбы (сочетания доступных методов выдвижения требований): от узколокальных, характерных для данной местности и бифуркационных взаимодействий, основанных главным образом на органических сущностях, к космополитическим, сложносоставным и автономным взаимодействиям, которые основаны по большей части на отвлеченных сущностях.*

За исключением впечатляющего исследования, которое Марк Бейссинджер посвятил развалу Советского Союза [Beissinger, 1993; 2001], никто не составил сколько-нибудь подробных каталогов событий, аналогичных тем, что использованы в этой книге при рассмотрении истории Нидерландов, Франции и Великобритании. Однако представляется, что формы выдвижения требований, характерные для общественных движений, распространились во всех переживающих демократизацию государствах мира [Edelman, 1999; 2001; Foweraker, Landman, 1997; Markoff, 1996b].

14. *До тех пор пока вооруженные силы сохраняют широкую политическую автономию, демократизация не прогрессирует.*

За пределами Европы это правило действует столь же эффективно, как и в Европе. Руководства по (обширной) литературе по этой теме см. [Feaver, 1999; Geddes, 1999].

15. *Интеграция конфессиональных сущностей в публичную политику, в особенности исключение целых больших групп из полноправного гражданства по религиозным причинам сходным образом составляет почти непреодолимый барьер для демократизации.*

Хотя примеры частичной демократии в Греческой республике Кипр, Индии и Израиле могут поколебать нашу уверенность в истинности данного тезиса, за пределами Европы он выглядит многообещающим обобщением. Для европейских постсоциалистических стран и мира в целом нам следует, несомненно, добавить к перечню дисквалифицирующих факторов расовую и этническую принадлежность; в таких странах, как Казахстан и Малайзия, правовой приоритет, отданный титульным национальностям (казахам и малайцам соответственно), серьезно препятствует демократизации. В целом история демократизации и де-демократизации европейских стран должна заставить нас усомниться в возможности общих предложений, направленных на ограничение конфликтов и содействие политической интеграции посредством разведения религиозных, этнических, расовых и других хорошо организованных общественных групп по разным нишам (в том числе территориальным) в рамках национальных режимов. Европейский опыт, напротив, дает основания предполагать, что частичная демократизация может произойти несмотря на исключение из числа граждан женщин — вероятно, потому что отстраненные от участия в политической жизни женщины оказывают некоторое политическое влияние через близких им мужчин.

16. *Отношения с другими странами и с международной системой в целом неоднократно оказывают влияние на пути и сроки демократизации или де-демократизации.*

Хотя это утверждение не отвечает на вопрос, *как* отношения с внешним миром влияют на демократизацию, этот принцип вне Европы действует сильнее, чем даже в самой Европе. Войны, колонизация, деколонизация, признание внешним миром и поддерживаемые извне внутренние мобилизации — все эти факторы наложили свой отпечаток на демократизацию и де-демократизацию в неевропейском мире. Например, американская оккупация оказала глубочайшее формирующее воздействие на демократизацию Японии после Второй мировой войны, тогда как в соседних с Японией Корее и на Тайване США вначале поддержали авторитарные режимы и лишь впоследствии взяли курс на демократизацию. В кризисные моменты режимы часто заимствуют модели политической организации извне, чтобы добиться хоть какого-то компромисса с национальными претендентами на власть ради внутри- и внешнеполитической легитимации и/или в качестве уступок иностранным государствам. Насколько хорошо действуют эти модели, зависит от все тех же трансформаций, которые мы внимательно изучили на примере Европы: от изменений в категориальном неравенстве, сетях доверия, публичной политике и от взаимодействия перемен в этих трех сферах.

Содействуя демократизации

За пределами Европы правительства по степени дееспособности варьируют от весьма дееспособных (как, например, в Китае) до крайне недееспособных (например, в Сьерра-Леоне). Предположим, вы хотите способствовать демократизации высокодееспособного недемократического режима. Какие практические рекомендации можно сделать на основании предварительных выводов этой книги? Прежде всего, вам следует подавить искушение заняться составлением конституционных про-

жектов, организацией выборов и установлением формальных структур, характерных для западных демократий. Вам следует также отказаться от модных программ вовлечения людей в добровольные объединения в надежде на построение таким образом «гражданского общества». В отсутствие других изменений такие соблазнительные виды вмешательства принесут больше вреда, чем пользы. Ваши усилия позволят властвующим элитам адаптировать новый государственный аппарат к своим интересам. Европейский опыт дал нам множество примеров того, что свертывание демократии часто происходит в процессе конституционного переустройства и расширения политического участия. Европейские авторитарные режимы зачастую энергично осуществляли и то и другое. Не стоит копировать опыт этих режимов.

Вместо этого вам следует начать с анализа действий существующего правительства: каков его персональный состав, каким образом эти люди приходят к власти, кому они подотчетны (если они вообще подотчетны кому-либо), как они контролируют ресурсы, деятельность и людей, живущих под юрисдикцией данного правительства? Особенно внимательно следует присмотреться к отношениям между гражданским персоналом правительства и группами, управляющими основными концентрациями средств принуждения, капитала и обязательств, — генералами, магнатами, священнослужителями. Вам следует продолжать изучение точек и линий пересечения категориального неравенства, сетей доверия и публичной политики. Только после этого можно начать помышлять о вмешательстве.

Например, вы обнаружили, что главные препятствия для демократизации заключаются в изоляции основных сетей доверия (основанных на кровнородственных связях, религии, кредитных отношениях, роде занятий и ритуальной солидарности) от публичной политики. В этом случае изобретите программы, создающие внешние гарантии правительственных обязательств перед гражданами. Помогите правительству усилить выполнение обязательств перед группами населения, на которые ранее

действие этих обязательств не распространялось. Увеличьте ресурсы, выделяемые правительством для снижения рисков и компенсации убытков. И работайте над интеграцией в публичную политику существующих сетей отношений между покровителями и клиентами, одновременно подрывая автономную власть этих покровителей. Короче, используйте имеющиеся отношение к делу каузальные механизмы как потенциальные точки вмешательства.

Но что, если вам приходится иметь дело с недемократическими режимами, которые, как в современных Сьерра-Леоне или Гаити, опираются на правительства с низкой дееспособностью? Ваша задача осложнится и потребует принятия неотложных мер. Безотлагательность решения будет обусловлена тем, что рядовые граждане недемократических режимов с низкой дееспособностью страдают от худших зол, которые несет с собой плохое правление, — от крайней нищеты, коррумпированности правителей, мародерствующих военных, мелких тиранов всякого рода, отвратительных общественных услуг и низкой государственной защиты от убийц, эксплуататоров и чиновников. Вам следует приложить еще большие усилия к тому, чтобы избежать соблазна форсировать конституционную реформу и создание добровольных объединений. Вместо этого ваша тяжелая работа будет заключаться в том, чтобы помочь режиму продвигаться вверх по диагонали «дееспособность—защищенность» без отклонений в авторитаризм.

И все-таки в недемократических режимах с низкой дееспособностью некоторые элементы работы очевидны, хотя крайне трудны и рискованны. Это:

- усиление защищенности рядовых граждан от хищников из правительства и вне его;
- предоставление гарантий и акцентирование реальной возможности и преимуществ справедливого отношения со стороны агентов правительства;

- ликвидация автономии вооруженных сил или сдерживание этой автономии посредством бюрократического контроля;
- обеспечение ответственного правительственного контроля над ценными и легко перемещаемыми ресурсами вроде полезных ископаемых и наркотиков;
- организация предоставления надежных, недорогих общественных услуг вроде образования, питьевой воды, электричества и телефонной связи;
- обеспечение мелких предпринимателей надежным доступом к кредитам и защита их бизнеса;
- образование коалиций между неравноправными группами и новых сетей доверия;
- установление связей с правительством снизу вверх, по мере того как сверху вниз вы выстраиваете надежную, справедливую систему налогообложения, инвестирования, отчетности и оказания услуг.

В процессе таких усилий вы, разумеется, можете найти причины, для того чтобы пренебречь моими предостережениями. Выборы и добровольные объединения могут стать ценными инструментами достижения одной или нескольких из этих трудных целей.

Поступая таким образом, вы, по сути дела, следуете основному учению в этой книге: выборы, добровольные ассоциации и институциональные формы сами по себе не составляют демократию. Тем не менее при определенных обстоятельствах они служат средствами, заставляющими режимы двигаться по направлению к широкой, равной, имеющей обязательную силу консультации с населением в целом, т. е. к демократии. Эти институты и формы являются организованными эквивалентами революций, конфронтации, колонизации и завоеваний, которые неоднократно ускоряли и активизировали процессы, благоприятствовавшие демократизации Европы в период с 1650 по

2000 г. Они способствуют изоляции категориальных неравенств от публичной политики, интеграции сетей доверия в публичную политику и изменению отношений между гражданами и агентами правительства в направлении их расширения, равноправия, защищенности и взаимных обязательств. Несомненно, эти процессы и в дальнейшем будут порождать борьбу и сопротивление. Но они указывают на возможность демократической реконструкции всего мира.

Библиография

- Abernethy David B.* The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires 1415–1908. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest / Eds. Dieter Rucht, Ruud Koopmans, Friedhelm Neidhardt. Berlin: Sigma, 1998.
- Adams Julia.* Trading States, Trading Places: The Role of Patrimonialism in Early Modern Dutch Development // Comparative Studies in Society and History, 1994, 36, p. 319–355.
- Agulhon Maurice.* La Sociabilité méridionale (Confréries et associations dans la vie collective en Provence orientale à la fin du 18e siècle). 2 vols. Aix-en-Provence: Publications des Annales de la Faculté des Lettres, 1966.
- Agulhon Maurice.* La République au village (Les populations du Var de la révolution à la seconde république). Paris: Plon, 1970 (a).
- Agulhon Maurice.* La Vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la révolution. Paris: Société des Études Robespierristes, 1970 (b).
- Agulhon Maurice.* Le Cercle dans la France bourgeoise 1810–1848: Étude d'une mutation de sociabilité. Paris: Armand Colin, 1977.
- Agulhon Maurice.* The French Republic 1819–1992. Oxford: Blackwell, 1993.
- Alapuro Risto.* State and Revolution in Finland. Berkeley: University of California Press, 1988.

- Alexander Gerard*. The Sources of Democratic Consolidation. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2002.
- Aminzade Ronald*. Ballots and Barricades: Class Formation and Republican Politics in France, 1830–1811. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- An Imperial State at War: Britain from 1689 to 1815 / Ed. Lawrence Stone. London: Routledge, 1994.
- Anderson Eugene N., Anderson Pauline R.* Political Institutions and Social Change in Continental Europe in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1967.
- Andrey Georges*. La Quête d'un État national // Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses / Ed. Jean-Claude Favez. Lausanne: Payot, 1986.
- Arat Zehra F.* Democracy and Human Rights in Developing Countries. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1991.
- Armitage David*. «The Projecting Age»: William Paterson and the Bank of England // History Today, 1994, 44, p. 5–10.
- Armstrong John A.* Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.
- Aron Jean-Paul, Dumont Paul, Le Roy Ladurie Emmanuel*. Anthropologie du conscrit français d'après les comptes numériques et sommaires du recrutement de l'armée 1819–1826. Paris: Mouton, 1972.
- Ashforth Adam*. The Politics of Official Discourse in 20th-century South Africa. Oxford: Clarendon, 1990.
- Aubrey John*. Brief Lives, Together with an Apparatus for the Lives of our English Mathematical Writers and the Life of Thomas Hobbes of Malmesbury / Ed. John Buchanan-Brown. London: Penguin, 2000.
- Auyero Javier*. Global Riots // International Sociology, 2001, 16, p. 33–53.
- Bairoch Paul*. Europe's Gross National Product, 1800–1975 // Journal of European Economic History, 1976, 5, p. 273–340.
- Bairoch Paul*. Cities and Economic Development. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Bairoch Paul, Levy-Leboyer Maurice*. Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. London: Macmillan, 1981.
- Ballbé Manuel*. Orden público y militarismo en la España constitucional (1812–1983). Madrid: Alianza, 1983.

- Barber Benjamin.* The Death of Communal Liberty: The History of Freedom in a Swiss Mountain Canton. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- Bartlett Robert.* The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 950–1350. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Bax Mart.* Harpstrings and Confessions: Machine Style Politics in the Irish Republic. Assen and Amsterdam: Van Gorcum, 1976.
- Bearman Peter S.* Desertion as Localism: Army Unit Solidarity and Group Norms in the U. S. Civil War // *Social Forces*, 1991, 70, p. 321–342.
- Bearman Peter S.* Relations into Rhetorics. Local Elite Social Structure in Norfolk, England, 1540–1640. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1993.
- Beddard Robert.* The Unexpected Whig Revolution of 1688 // *The Revolutions of 1688* / Ed. Robert Beddard. Oxford: Clarendon, 1991.
- Beissinger Mark.* Demise of an Empire-State: Identity, Legitimacy, and the Deconstruction of Soviet Politics // *The Rising Tide of Cultural Pluralism* / Ed. Crawford Young. Madison: University of Wisconsin Press, 1993.
- Beissinger Mark.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Bernstein Thomas P., Lü Xiaobo.* Taxation without Representation in Contemporary Rural China. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Beyond the Terror: Essays in French Regional and Social History, 1194–1811* / Eds. Gwynne Lewis, Colin Lucas. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Birmingham David.* A Concise History of Portugal. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Birnbaum Pierre.* Les Fous de la république: Histoire politique des Juifs d'Etat de Gambetta à Vichy. Paris: Fayard, 1992.
- Birnbaum Pierre.* L'Affaire Dreyfus: La République en peril. Paris: Découvertes Gallimard, 1994.
- Birnbaum Pierre.* Destins Juifs: De la révolution française à Carpentras. Paris: Calmann-Lévy, 1995.

- Birnbaum Pierre*. Le Moment antisémite: Un tour de la France en 1898. Paris: Fayard, 1998.
- Birnbaum Pierre*. Sur la corde raide: Parcours juifs entre exil et citoyenneté. Paris: Flammarion, 2002.
- Blickle Peter*. Unruhen in der ständischen Gesellschaft, 1300–1800 // Enzyklopädie Deutscher Geschichte. Vol. 1. München: Oldenbourg, 1988.
- Blochmans Wim*. Alternatives to Monarchical Centralisation: The Great Tradition of Revolt in Flanders and Brabant // Republiken und Republikanismus im Europa der Frühen Neuzeit / Ed. Helmut Koenigsberger. München: Oldenbourg, 1988.
- Blochmans Wim*. The Growth of Nations and States in Europe before 1800 // European Review, 1996, 4, p. 241–251.
- Bois Paul*. Aperçu sur les causes des insurrections de l'Ouest à l'époque révolutionnaire // Vendée-Chouannerie / Ed. J.-C. Martin. Nantes: Refflets du Passé, 1981.
- Böning Holger*. Der Traum von Freiheit und Gleichheit: Helvetische Revolution und Republik (1798–1803) — Die Schweiz auf dem Weg zur bürgerlichen Demokratie. Zürich: Orell Füssli, 1998.
- Bonjour Edgar, Offler H. S., Potter G. R.* A Short History of Switzerland. Oxford: Clarendon, 1952.
- Bourgeoisies de province et Révolution / Ed. Michel Vovelle. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1987.
- Braddick Michael J.* State Formation in Early Modern England c. 1550–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- te Brake Wayne*. Regents and Rebels: The Revolutionary World of the 18th Century Dutch City. Oxford: Blackwell, 1989.
- te Brake Wayne*. How Much in How Little? Dutch Revolution in Comparative Perspective // Tijdschrift voor Sociale Geschiedenis, 1990, 16, p. 349–363.
- te Brake Wayne*. Shaping History: Ordinary People in European Politics 1500–1700. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Bratton Michael, van de Walle Nicolas*. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

- Braun Rudolf.* Industrialisierung und Volksleben. Zürich: Rentsch, 1960.
- Braun Rudolf.* Sozialer und kultureller Wandel in einem ländlichen Industriegebiet. Zürich: Rentsch, 1965.
- Braun Rudolf.* Taxation, Sociopolitical Structure, and State-Building: Great Britain and Brandenburg-Prussia / Ed. Charles Tilly. The Formation of National States in Western Europe. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- Brewer John.* The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1183. New York: Knopf, 1989.
- Brock Michael.* The Great Reform Act. New York: Humanities Press, 1974.
- Bucher Erwin.* Die Geschichte des Sonderbundskrieges. Zürich: Berichthaus, 1974.
- Camino a la Democracia / Ed. Ortiz Ortega, Reynaldo Yunuen.* Mexico City: El Colegio de México, 2001.
- Campos Nauro E., Coricelli Fabrizio.* Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should // *Journal of Economic Literature*, 2002, 40, p. 793–836.
- Cannon John.* Parliamentary Reform, 1640–1832. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- de Capitani François.* Vie et mort de l'Ancien Régime // *Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses / Ed. Jean-Claude Favez.* Lausanne: Payot, 1986.
- Caramani Daniele.* The Nationalization of Electoral Politics: A Comparative and Historical Analysis of Territories, Elections, and Parties in Western Europe. Ph. D. dissertation, European University Institute, Florence, 1997.
- Caramani Daniele.* The Societies of Europe: Elections in Western Europe since 1815: Electoral Results by Constituencies. London: Macmillan, 2000.
- Caramani Daniele.* The Formation of National Electorates and Party Systems in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Carothers Thomas.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, 2002, 13, № 1, p. 5–21.

- Casparis John*. The Swiss Mercenary System: Labor Emigration from the Semi-Periphery // Review, 1982, 5, p. 593–642.
- Chanzeaux: A Village in Anjou* / Ed. Laurence Wylie. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.
- Chassin Charles-Louis*. La Préparation de la guerre de Vendée. 3 vols. Paris: Dupont, 1892.
- Cholvy Gérard*. Recrutement militaire et mentalités languedociennes au XIXe siècle. Essai d'interprétation // Centre d'Histoire Militaire et d'Études de Défense Nationale. Recrutement, Mentalités, Sociétés. Montpellier: Université Paul Valéry, 1974.
- Cittadinanze* / Eds. Simona Cerutti, Robert Descimon, Maarten Prak // *Quaderni Storici*, 1995, 30, № 89, p. 281–514.
- Civil Society before Democracy: Lessons from Nineteenth-Century Europe* / Eds. Nancy Bermeo, Philip Nord. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2000.
- Clark J. C. D.* English Society 1688–1832. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Clarke Aidan*. The Colonisation of Ulster and the Rebellion of 1641, 1603–1660 // *The Course of Irish History*. 4th ed. / Eds. T. W. Moody and E. X. Martin. Lanham, Md.: Roberts Rinehart, 2001.
- Colley Linda*. Britons: Forging the Nation 1707–1837. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Collier David, Levitsky Steven*. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*, 1997, 49, p. 430–451.
- Collier Ruth Berins*. Paths Toward Democracy: The Working Class and Elites in Western Europe and South America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Comninel George C.* Rethinking the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge. London: Verso, 1987.
- Contentious Europeans: Protest and Politics in an Emerging Polity* / Eds. Doug Imig, Sidney Tarrow. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2001.
- Craig Gordon A.* The Triumph of Liberalism: Zürich in the Golden Age, 1830–1869. New York: Scribner's, 1988.

- Cronin Maura.* «Of One Mind»? O'Connellite Crowds in the 1830s and 1840s / Eds. Peter Jupp, Eoin Magennis. *Crowds in Ireland c. 1720–1920.* London: Macmillan, 2000.
- Crotty Raymond D.* *When Histories Collide: The Development and Impact of Individualistic Capitalism.* Lanham, Md.: AltaMira, 2001.
- Dahl Robert A.* *On Democracy.* New Haven: Yale University Press, 1998.
- Daunton Martin.* *Trusting Leviathan: The Politics of Taxation in Britain, 1799–1914.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Davids Karel.* *Shifts of Technological Leadership in Early Modern Europe // A Miracle Mirrored: The Dutch Republic in European Perspective /* Eds. Karel Davids, Jan Lucassen. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Dawson Philip.* *Provincial Magistrates and Revolutionary Politics in France, 1789–1795.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972.
- Dekker Rudolf.* *Holland in beroering: Oproeren in de 17de en 18de eeuw.* Baarn: Amboeken, 1982.
- Dekker Rudolf.* *Women in Revolt: Popular Protest and Its Social Basis in Holland in the 17th and 18th Centuries // Theory and Society, 1987, 16, p. 337–362.*
- Deneckere Gita.* *Sire, het volk mort: Sociaal protest in België (1831–1918).* Antwerp: Baarn; Ghent: Amsab, 1997.
- Deutsch Karl.* *Die Schweiz als ein paradigmatischer Fall politischer Integration.* Bern: Haupt, 1976.
- Diamandouros P. Nikiforos.* *Regime Change and the Prospects for Democracy in Greece: 1974–1983 // Transitions from Authoritarian Rule: Southern Europe /* Eds. Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, Laurence Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
- Diamandouros P. Nikiforos.* *Southern Europe: A Third Wave Success Story // Consolidating the Third Wave Democracies: Regional Challenges /* Eds. Larry Diamond, Marc F. Plattner, Yun-han Chu, Hung-mao Tien. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Diamond Larry.* *Developing Democracy: Toward Consolidation.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- Díaz del Moral Juan.* *Historia de las agitaciones campesinas andaluzas —* Córdoba. 4th ed. Madrid: Alianza, 1984.

- Dodgshon Robert A.* The European Past: Social Evolution and Spatial Order. London: Macmillan, 1987.
- Downing Brian M.* The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Downs Charles.* Revolution at the Grassroots: Community Organizations in the Portuguese Revolution. Albany: State University of New York Press, 1989.
- Doyle William.* The Ancien Regime. Atlantic Highlands, N. J.: Humanities Press, 1986.
- Ebbinghaus Bernhard.* The Siamese Twins: Citizenship Rights, Cleavage Formation, and Party-Union Relations in Western Europe // *Citizenship, Identity and Social History* / Ed. Charles Tilly. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Edelman Marc.* Peasants against Globalization: Rural Social Movements in Costa Rica. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Edelman Marc.* Social Movements: Changing Paradigms and Forms of Politics // *Annual Review of Anthropology*, 2001, 30, p. 285–317.
- Egret Jean.* La Pré-révolution française. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.
- Evans Eric J.* The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain 1783–1870. London: Longman, 1983.
- Feaver Peter D.* Civil-Military Relations // *Annual Review of Political Science*, 1999, 2, p. 211–241.
- Fish M. Steven.* The Dynamics of Democratic Erosion // *Richard D. Anderson, Jr., et al.* Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Forrest Alan.* Society and Politics in Revolutionary Bordeaux. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- Forrest Alan.* Conscripts and Deserters: The Army and French Society during the Revolution and the Empire. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Foster R. E.* Modern Ireland 1600–1912. London: Penguin, 1989.
- Foweraker Joe, Landman Todd.* Citizenship Rights and Social Movements: A Comparative and Statistical Analysis. Oxford: Oxford University Press, 1997.

- Fox Jonathan.* The Difficult Transition from Clientelism to Citizenship: Lessons from Mexico // *World Politics*, 1994, 46, p. 151–184.
- Franzosi Roberto.* Narrative as Data: Linguistic and Statistical Tools for the Quantitative Study of Historical Events // *International Review of Social History*, 1998, 43, Supplement 6: *New Methods for Social History*, p. 81–104.
- Frèche Georges.* Toulouse et la région Midi-Pyrénées au siècle des Lumières (vers 1670–1789). Paris: Cujas, 1974.
- Freedom House.* Freedom in the World 2002: The Democracy Gap // www.freedomhouse.org/research/survey2002.htm, 29 March 2002.
- Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties* / Ed. Adrian Karatnycky. Piscataway, N. J.: Transaction, 2000.
- Frey Bruno S., Stutzer Alois.* What Can Economists Learn from Happiness Research? // *Journal of Economic Literature*, 2002, 40, p. 402–435.
- Gaillard Jeanne.* Communes de Province, Commune de Paris 1870–1871. Paris: Flammarion, 1971.
- Garrard John.* Democratization in Britain: Elites, Civil Society and Reform since 1800. New York: Palgrave, 2002.
- Geddes Barbara.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*, 1999, 2, p. 115–144.
- Genieys William.* Les Élités espagnoles face à l'état: Changements de régimes politiques et dynamiques centre-périphéries. Paris: L'Harmattan, 1997.
- Gentles Ian.* The New Model Army in England, Ireland and Scotland, 1645–1653. Oxford: Blackwell, 1992.
- Gentles Ian.* The Agreements of the People and Their Political Context 1647–1649 // *The Putney Debates of 1647: Army, the Levellers, and the English State* / Ed. Michael Mendle. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Gérard Alain.* «Par principe d'humanité...»: La Terreur et la Vendée. Paris: Fayard, 1999.
- Gildea Robert.* Marianne in Chains: In Search of the German Occupation 1940–1945. London: Macmillan, 2002.
- Gilliard Charles.* A History of Switzerland. London: George Allen & Unwin, 1955.

- Giugni Marco, Passy Florence.* Histoires de mobilisation politique en Suisse: De la contestation à l'intégration. Paris: L'Harmattan, 1997.
- González Calleja Eduardo.* La Razón de la fuerza: Orden público, subversión y violencia política en la España de la Restauración (1815–1911). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1998.
- González Calleja Eduardo.* El Máuser y el sufragio: Orden público, subversión y violencia política en la crisis de la Restauración. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1999.
- Gossman Lionel.* Basel in the Age of Burkhart: A Study in Unseasonable Ideas. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Gould Roger V.* Insurgent Identities: Class, Community, and Protest in Paris from 1848 to the Commune. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Gowa Joanne.* Ballots and Bullets: The Elusive Democratic Peace. Princeton: Princeton University Press, 1999.
- Gramsci Antonio.* La Questione meridionale. Rome: Rinascità, 1952.
- Greenberg Louis.* Sisters of Liberty: Paris, Marseille, Lyon and the Reaction to the Centralized State. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
- Greer Donald.* The Incidence of the Terror during the French Revolution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935.
- Gruner Erich.* Die Arbeiter in der Schweiz im 19. Jahrhundert. Bern: Francke, 1968.
- Gschwind Franz.* Bevölkerungsentwicklung und Wirtschaftsstruktur der Landschaft Basel im 18. Jahrhundert. Liestal: Kantonale Drucksachen- und Materialzentrale, 1977.
- Gullickson Gay L.* Unruly Women of Paris: Images of the Commune. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1996.
- Gurr Ted Robert.* Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 2000.
- Hanagan Michael.* Irish Transnational Social Movements, Deterritorialized Migrants, and the State System: The Last One Hundred and Forty Years // Mobilization, 1998, 13, p. 107–126.
- Hanson Philip.* Insiders, Mafiosi and Stationary Bandits: Some Stories about Russian Capitalism // European Democratization since 1800 / Eds. John Garrard, Vera Tolz, Ralph White. New York: St. Martin's, 2000.

- Harris Tim.* London Crowds in the Reign of Charles II: Propaganda and Politics from the Restoration until the Exclusion Crisis. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Hart Marjolein.* «The Devil or the Dutch»: Holland's Impact on the Financial Revolution in England, 1643–1694 // Parliaments, Estates and Representation, 1991, 11, p. 39–52.
- Hart Marjolein.* The Making of a Bourgeois State: War, Politics and Finance during the Dutch Revolt. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Hart Peter.* The Geography of Revolution in Ireland 1917–1923 // Past & Present, 1997, 155, p. 142–176.
- Head Randolph C.* Early Modern Democracy in the Grisons: Social Order and Political Language in a Swiss Mountain Canton, 1470–1620. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Herr Richard.* Rural Change and Royal Finances in Spain at the End of the old Regime. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Hinde Wendy.* Catholic Emancipation: A Shake to Men's Minds. Oxford: Blackwell, 1992.
- Historias Regionales — Historia Nacional: La Confederación Helvetica / Eds. Joseba Agirreazkuenaga, Mikel Urquijo. Bilbao: Servicio Editorial, Universidad del País Vasco, 1994.
- Hobbes Thomas.* Behemoth or the Long Parliament / Ed. Ferdinand Tönnies. Chicago: University of Chicago Press, 1990 (written about 1668, first authorized publication 1682).
- Hoffman Philip T., Postel-Vinay Gilles, Rosenthal Jean-Laurent.* Priceless Markets: The Political Economy of Credit in Paris. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Hohenberg Paul M., Hollen Lees Lynn.* The Making of Urban Europe 1000–1950. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985.
- van Honacker Karin.* Lokaal Verzet en Oproer in de 17de en 18de Eeuw: Collectieve Acties tegen het centraal gezag in Brussel, Antwerpen en Leuven. Heule: UGA, 1994.
- van Honacker Karin.* Résistance locale et émeutes dans les chef-villes brabançonnes aux XVIIe et XVIIIe siècles // Revue d'Histoire Modernes et Contemporaine, 2000, 47, p. 37–68.

- Hood James N.* Protestant-Catholic Relations and the Roots of the First Popular Counter-Revolutionary Movement in France // *Journal of Modern History*, 1971, 43, p. 245–275.
- Hood James N.* Revival and Mutation of Old Rivalries in Revolutionary France // *Past & Present*, 1979, 82, p. 82–115.
- Horowitz Donald L.* *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Human Rights Watch.* *World Report 2000*. New York: Human Rights Watch, 2001.
- Humphrey Caroline.* Traders, «Disorder» and Citizenship Regimes in Provincial Russia // *Uncertain Tradition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / Eds. Michael Burawoy, Katharine Verdery. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1999.
- Humphrey Caroline.* Inequality and Exclusion: A Russian Case Study of Emotion in Politics // *Anthropological Theory*, 2001, 1, p. 331–353.
- Hunt Lynn.* *Revolution and Urban Politics in Provincial France: Troyes and Reims, 1786–1790*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1978.
- Hunt Lynn.* *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Huntington Samuel P.* *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
- Jackson Julian.* *France: The Dark Years, 1940–1944*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Jessenne Jean-Pierre.* *Pouvoir au village et révolution: Artois, 1760–1848*. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1987.
- Johnson Martin Phillip.* *The Paradise of Association: Political Culture and Popular Organizations in the Paris Commune of 1871*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.
- Johnson Simon, Kaufman Daniel, Ustenko Oleg.* Formal Employment and Survival Strategies after Communism // *Transforming Post-Communist Political Economies* / Eds. Joan M. Nelson, Charles Tilly, Lee Walker. Washington, D. C.: National Academy Press, 1998.
- Joris Elisabeth.* Auswirkungen der Industrialisierung auf Alltag und Lebenszusammenhänge von Frauen im Zürcher Oberland (1820–1940) //

- Historias Regionales -- Historia Nacional: La Confederación Helvética / Eds. Joseba Agirreazkuenaga, Mikel Urquijo. Bilbao: Servicio Editorial, Universidad del País Vasco, 1994.
- Joris Elisabeth, Witzig Heidi. Brave Frauen, Aufmüpfige Weiber: Wie sich die Industrialisierung auf Alltag und Lebenszusammenhänge von Frauen auswirkte (1820–1940). Zürich: Chronos, 1992.
- Jupp Peter. British Politics on the Eve of Reform: The Duke of Wellington's Administration, 1828–1830. London: Macmillan, 1998.
- Kaiser Robert J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Kalb Don. Frameworks of Culture and Class in Historical Research // Theory and Society, 1993, 22, p. 513–537.
- Kalb Don. Expanding Class: Poiver and Everyday Politics in Industrial Communities, the Netherlands, 1850–1950. Durham, N. C.: Duke University Press, 1997.
- Kearney Hugh. The British Isles: A History of Four Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Kellenbenz Hermann. The Rise of the European Economy: An Economic History of Continental Europe from the Fifteenth Century. London: Weidenfeld and Nicolson, 1976.
- Kelly Patrick. Ireland and the Glorious Revolution: From Kingdom to Colony / Ed. Robert Beddard. The Revolutions of 1688. Oxford: Clarendon, 1991.
- Keogh Dermot. Ireland at the Turn of the Century: 1994–2001 // The Course of Irish History. 4th ed. / Eds. T. W. Moody, E. X. Martin. Lanham, Md.: Roberts Rhinehart, 2001.
- Khazanov Anatoly M. After the USSR: Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison: University of Wisconsin Press, 1995.
- Kindleberger Charles P. World Economic Primacy: 1500 to 1990. New York: Oxford University Press, 1996.
- Kishlansky Mark. A Monarchy Transformed: Britain 1603–1714. London: Allen Lane/Penguin Press, 1996.

- Kivelson Valeric*. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // *Journal of Modern History*, 2002, 74, p. 465–489.
- Kohn Hans*. Nationalism and Liberty: The Swiss Example. London: George Allen & Unwin, 1956.
- Kriesi Hanspeter*. Political Mobilization and Social Change: The Dutch Case in Comparative Perspective. Aldershot: Avebury, 1993.
- Kriesi Hanspeter*. Entscheidungsstrukturen und Entscheidungsprozesse in der Schweizer Politik. Frankfurt: Campus, 1980.
- Kriesi Hanspeter*. AKW-Gegner in der Schweiz. Eine Fallstudie zum Aufbau des Widerstands gegen das geplante AKW in Graben. Diessenhofen: Verlag Rüegger, 1981.
- Kriesi Hanspeter, Koopmans Ruud, Duyvendak Jan Willem, Giugni Marco*. New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.
- Kriesi Hanspeter, Levy René, Ganguillet Gilbert, Zwicky Heinz*. Politische Aktivierung in der Schweiz, 1945–1978. Diessenhofen: Verlag Rüegger, 1981.
- van der Laarse Robert*. Bearing the Stamp of History: The Elitist Route to Democracy in the Netherlands // *European Democratization since 1800* / Eds. John Garrard, Vera Tolz, Ralph White. New York: St. Martin's, 2000.
- Lafargue Jérôme*. La Commune de 1871 ou l'ordre improbable // *Désordre(s)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1997.
- Lafargue Jérôme*. La Protestation collective. Paris: Nathan, 1998.
- Landes David S*. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York: Norton, 1998.
- Langford Paul*. Public Life and the Propertied Englishman, 1689–1798. Oxford: Clarendon, 1991.
- Ledeneva Alena V*. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Lee Ching Kwan*. From the Specter of Mao to the Spirit of the Law: Labor Insurgency in China // *Theory and Society*, 2002, 31, p. 189–228.
- Lees Lynn, Tilly Charles*. Le Peuple de juin 1848 // *Annales; Economies, Sociétés, Civilisations*, 1974, 29, p. 1061–1091.

- Leff Lisa Moses.* Jewish Solidarity in Nineteenth-Century France: The Evolution of a Concept // *Journal of Modern History*, 2002, 74, p. 33–62.
- Le Goff T. J. A., Sutherland D. M. G.* The Revolution and the Rural Community in Eighteenth-Century Brittany // *Past & Present*, 1974, 62, p. 96–119.
- Le Goff T. J. A., Sutherland D. M. G.* The Social Origins of Counter-Revolution in Western France // *Past & Present*, 1983, 99, p. 65–87.
- Le Goff T. J. A., Sutherland D. M. G.* Religion and Rural Revolt in the French Revolution: An Overview // *Religion and Rural Revolt* / Eds. János M. Bak, Gerhard Benecke. Manchester: Manchester University Press, 1984.
- Lenin V. I.* Selected Works, 3 vols. New York: International, 1967.
- Lepetit Bernard.* Fonction administrative et armature urbaine: Remarques sur la distribution des chefs-lieux de subdélégation en France à l'Ancien Régime // *Institut d'Histoire Économique et Sociale de l'Université de Paris I. Recherches et Travaux*, 1982, 2, p. 19–34.
- Lepetit Bernard.* Les Villes dans la France moderne (1740–1840). Paris: Albin Michel, 1988.
- Lerner Marc H.* Privileged Communities or Equal Individuals: The Political Culture of *Freiheit* and *Liberté* in the Swiss Public Arena, 1798–1847. Ph.D. dissertation, Columbia University, 2003.
- Les Résistances à la Révolution / Eds. François Lebrun, Roger Dupuy. Paris: Imago, 1985.
- Levi Margaret.* Consent, Dissent, and Patriotism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Levi Margaret, Stoker Laura.* Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*, 2000, 3, p. 475–508.
- Lewis Gwynne.* The Second Vendée: The Continuity of Counter-Revolution in the Department of the Card, 1789–1815. Oxford: Clarendon, 1978.
- Lijphart Arend.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Linz Juan.* From Great Hopes to Civil War: The Breakdown of Democracy in Spain // *The Breakdown of Democratic Regimes. Europe* / Eds. Juan J. Linz, Alfred Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

- Linz Juan J., Stepan Alfred.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
- Lissagaray Prosper-Olivier.* Histoire de la Commune de 1871. Paris: Maspéro, 1969.
- Locke John.* Treatise of Civil Government and a Letter Concerning Toleration. New York: Appleton-Century-Crofts, 1937. First published in 1689.
- Lonkila Markku.* Social Networks in Post-Soviet Russia: Continuity and Change in the Everyday Life of St. Petersburg Teachers. Helsinki: Kikimora, 1999.
- Loret Jean.* La Muze historique ou recueil des lettres en vers contenant les nouvelles du temps écrites à son Altesse Mademoiselle de Longueville, depuis duchesse de Nemour (1650–1665). 4 vols. Paris: Jannet, 1857.
- Lucas Colin.* The Structure of the Terror: The Example of Claude Javogues and the Loire. Oxford: Oxford University Press, 1973.
- Luebke David Martin.* His Majesty's Rebels: Communities, Factions, and Rural Revolt in the Black Forest, 1725–1745. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1997.
- Lynch John.* The Hispanic World in Crisis and Change, 1598–1700. Oxford: Blackwell, 1992.
- Lynn John.* The Bayonets of the Republic: Motivation and Tactics in the Army of Revolutionary France, 1791–1794. Urbana: University of Illinois Press, 1984.
- Lynn John.* Giant of the Grand Siècle: The French Army 1610–1715. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Lyons Martyn.* Revolution in Toulouse: An Essay on Provincial Terrorism. Bern: Lang, 1978.
- Lyons Martyn.* Révolution et terreur à Toulouse. Toulouse: Privat, 1980.
- Macleán Fitzroy.* Scotland: A Concise History. 2nd revised ed. London: Thames & Hudson, 2000.
- Mamdani Mahmood.* Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Princeton: Princeton University Press, 1996.

- Mamdani Mahmood*. Beyond Settler and Native as Political Identities: Overcoming the Political Legacy of Colonialism // *Comparative Studies in Society and History*, 2001, 43, p. 651–664.
- Mann Michael*. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, 1993.
- Margadant Ted*. French Peasants in Revolt: The Insurrection of 1851. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Margadant Ted*. Urban Rivalries in the French Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Markoff John*. The Abolition of Feudalism: Peasants, Lords, and Legislators in the French Revolution. University Park: Pennsylvania State University Press, 1996 (a).
- Markoff John*. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. Thousand Oaks, Calif.: Pine Grove Press, 1996 (b).
- Marrus Michael R., Paxton Robert O*. Vichy France and the Jews. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1995.
- Martin Jean-Clément*. La Vendée et la France. Paris: Seuil, 1987.
- Martínez Dorado Gloria*. La Formación del estado y la acción colectiva en España: 1808–1845 // *Historia Social*, 1993, 15, p. 101–118.
- Marx Anthony W*. Making Race and Nation: A Comparison of the United States, South Africa, and Brazil. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- McAdam Doug, Tarrow Sidney, Tilly Charles*. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- McCarthy John D., McPhail Clark, Smith Jackie*. Images of Protest: Estimating Selection Bias in Media Coverage of Washington Demonstrations 1982 and 1991 // *American Sociological Review*, 1996, 61, p. 478–499.
- McPhee Peter*. Les Formes d'intervention populaire en Roussillon: L'Exemple de Collioure, 1789–1815 // Centre d'Histoire Contemporaine du Languedoc Méditerranéen et du Roussillon: Les pratiques politiques en province à l'époque de la révolution française. Montpellier: Publications de la Recherche, Université de Montpellier, 1988.

- Merriman John M.* The Agony of the Republic: The Repression of the Left in Revolutionary France, 1848–1851. New Haven: Yale University Press, 1978.
- Mihalisko Kathleen J.* Belarus: Retreat to Authoritarianism // Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus, and Moldova Eds. Karen Dawisha, Bruce Parrott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Mill John Stuart.* A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Method of Scientific Investigation. 8th ed. New York: Harper & Brothers, 1887.
- Mjøset Lars.* The Irish Economy in a Comparative Institutional Perspective. Dublin: National Economic and Social Council, 1992.
- Mjøset Lars.* Le Monde. La Banalisation des actes antijuifs, nouvelle cause de tensions urbaines // Le Monde Interactif, 2002, 18 February.
- Morgan Edmund S.* Inventing the People: The Rise of Popular Sovereignty in England and America. New York: Norton, 1988.
- Mouvements populaires et conscience sociale, XVIe–XIXe siècles / Ed. Jean Nicolas. Paris: Maloine, 1985.
- Muir Edward.* Ritual in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Muldrew Craig.* The Economy of Obligation. London: Macmillan, 1998.
- Nabholz Hans, von Muralt Leonhard, Feller Richard, Bonjour Edgar.* Geschichte der Schweiz. 2 vols. Zürich: Schultheiss, 1938.
- O'Brien Kevin.* Rightful Resistance // World Politics, 1996, 49, p. 31–55.
- O'Donnell Guillermo.* Counterpoints: Selected Essays on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1999.
- O'Ferrall Fergus.* Catholic Emancipation: Daniel O'Connell and the Birth of Irish Democracy 1820–1830. Dublin: Gill & Macmillan, 1985.
- O'Gorman Frank.* Voters, Patrons, and Parties: The Unreformed Electoral System of Hanoverian England 1734–1832. Oxford: Clarendon, 1989.
- Olzak Susan.* Analysis of Events in the Study of Collective Action // Annual Review of Sociology, 1989, 15, p. 119–141.
- O'Neill Joseph.* Blood-Dark Track: A Family History. London: Granta, 2001.

- On Measuring Democracy: Its Consequences and Concomitants / Ed. Alex Inkeles. New Brunswick, N. J.: Transaction, 1991.
- Outram Quentin*. The Demographic Impact of Early Modern Warfare // *Social Science History*, 2002, 26, p. 245–272.
- Ozouf-Marignier Marie-Vic*. De l'universalisme constituant aux intérêts locaux: Le Débat sur la formation des départements en France (1789–1790) // *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*, 1986, 41, p. 1193–1214.
- Palmer R. R.* The Age of the Democratic Revolution. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1959, 1964.
- Palmer R. R.* The Fading Dream: How European Revolutionaries Have Seen the American Revolution // *The Walter Prescott Webb Memorial Lectures: Essays on Modern European Revolutionary History* / Eds. Bede K. Lackner, Kenneth Roy Philp. Austin: University of Texas Press, 1977.
- Pepys Samuel*. The Shorter Pepys / Ed. Robert Latham. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Pérez Ledesma Manuel*. Estabilidad y conflicto social: España, de los iberos al 14-D. Madrid: Editorial NEREA, 1990.
- Perry Elizabeth J.* Challenging the Mandate of Heaven: Social Protest and State Power in China. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 2002.
- Petitfrère Claude*. Blancs et bleus d'Anjou (1789–1793). Paris: Maloine, 1979.
- Petitions in Social History / Ed. Lex Heerma van Voss // *International Review of Social History*, 2001, Supplement 9, entire issue.
- Phillips John A.* The Great Reform Bill in the Boroughs: English Electoral Behaviour, 1818–1841. Oxford: Clarendon, 1992.
- Phillips John A., Wetherell Charles*. The Great Reform Bill of 1832 and the Rise of Partisanship // *Journal of Modern History*, 1991, 63, p. 621–646.
- Pomeranz Kenneth*. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Powell Charles*. International Aspects of Democratization: The Case of Spain // *The International Dimensions of Democratization: Europe and the Americas* / Ed. Laurence Whitehead. Oxford: Oxford University Press, 2001.

- Prak Maarten*. Citizen Radicalism and Democracy in the Dutch Republic: The Patriot Movement of the 1780s // *Theory and Society*, 1991, 20, p. 73–102.
- Prak Maarten*. Burghers into Citizens: Urban and National Citizenship in the Netherlands during the Revolutionary Era (c. 1800) / Eds. Michael P. Hanagan, Tilly Charles. *Expanding Citizenship, Reconfiguring States*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1999.
- Price Richard*. *British Society, 1680–1880: Dynamism, Containment and Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Protest Event Analysis / Eds. Dieter Rucht, Ruud Koopmans // *Mobilization* 4, 1999, № 2, entire issue.
- Przeworski Adam, Limongi Fernando*. Modernization: Theories and Facts // *World Politics*, 1997, 49, p. 155–183.
- Przeworski Adam, Alvarez Michael, Cheibub José Antonio, Limongi Fernando*. What Makes Democracies Endure? // *Consolidating the Third Wave Democracies* / Eds. Larry Diamond, Marc F. Plattner, Yun-han Chu, Hung-mao Tien. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Przeworski Adam, Alvarez Michael, Cheibub José Antonio, Limongi Fernando*. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Putnam Robert D*. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.
- Raeff Marc*. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanics and Russia, 1600–1800*. New Haven: Yale University Press, 1983.
- Rakowska-Harmstone Teresa*. Post-Communist East-Central Europe: Dilemmas of Democratization // *European Democratization since 1800* / Eds. John Garrard, Vera Tolz, Ralph White. New York: St. Martin's, 2000.
- Ranum Orest*. *The Fronde: A French Revolution 1648–1652*. New York: Norton, 1993.
- Ray James Lee*. Does Democracy Cause Peace? // *Annual Review of Political Science*, 1998, 1, p. 26–46.
- Reed John*. *Ten Days That Shook the World*. London: Penguin, 1977 (first published in 1919).

- Retak Joachim.* A Very Civil War: The Swiss Sonderbund War of 1847. Boulder, Colo.: Westview, 1993.
- Repertoires and Cycles of Collective Action / Ed. Mark Traugott. Durham, N. C.: Duke University Press, 1995.
- Resistance, Representation, and Community / Ed. Blickle Peter. Oxford: Clarendon, 1997.
- Riall Lucy.* Sicily and the Unification of Italy: Liberal Policy and Local Power 1859–1866. Oxford: Clarendon, 1998.
- Ringrose David.* Spain, Europe and the «Spanish Miracle» 1700–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Rokkan Stein, Urwin Derek W.* Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism / Eds. Stein Rokkan, Derek W. Urwin. London: Sage, 1982.
- Rosanvallon Pierre.* Le Sacre du citoyen: Histoire du suffrage universel en France. Paris: Gallimard, 1992.
- Rosenband Leonard N.* Social Capital in the Early Industrial Revolution // Journal of Interdisciplinary History, 1999, 29, p. 435–458.
- Rosenberg Harriet G.* A Negotiated World: Three Centuries of Change in a French Alpine Community. Toronto: University of Toronto Press, 1988.
- Rougerie Jacques.* Procès des Communards. Paris: Julliard, 1964.
- Rougerie Jacques.* Paris libre 1811. Paris: Seuil, 1971.
- Rubin Jeffrey W.* Decentering the Regime: Ethnicity, Radicalism, and Democracy in Juchitán, Mexico. Durham: Duke University Press, 1997.
- Rueschemeyer Dietrich, Huber Stephens Evelyne, Stephens John D.* Capitalist Development and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Ruff Julius R.* Violence in Early Modern Europe, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Ruffieux Roland.* La Suisse des Radicaux, 1848–1914 // Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses / Ed. Jean-Claude Favez. Lausanne: Payot, 1986.
- Rule James B., Tilly Charles.* 1830 and the Un-Natural History of Revolution // Journal of Social Issues, 1972, 28, p. 49–76.

- Russell Conrad*. The Crisis of Parliaments: English History 1509–1660. Oxford: Oxford University Press, 1971.
- Sauter Beat Walter*. Herkunft und Entstehung der Tessiner Kantonsverfassung von 1830. Zürich: Schulthess, 1972.
- Schultz Patrick*. La Décentralisation administrative dans le département du Nord (1790–1793). Lille: Presses Universitaires de Lille, 1982.
- Schumpeter Joseph A*. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper & Brothers, 1942.
- Scott Jonathan*. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Scott William*. Terror and Repression in Revolutionary Marseilles. New York: Barnes & Noble, 1973.
- Shapiro Gilbert, Markoff John*. Revolutionary Demands: A Content Analysis of the Cahiers de Doléances of 1789. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998.
- Shapiro Gilbert, Markoff John*. Officially Solicited Petitions: The Cahiers de Doléances as a Historical Source // Petitions in Social History / Ed. Lex Heerma van Voss // International Review of Social History. Supplement 9, 2001, p. 79–106.
- Sheller Mimi*. Democracy after Slavery: Black Publics and Peasant Radicalism in Haiti and Jamaica. Warwick University Caribbean Studies. London: Macmillan, 2000.
- Shorter Edward, Tilly Charles*. Les Vagues de grèves en France // Annales; Economies, Sociétés, Civilisations, 1973, 28, p. 857–887.
- Shorter Edward, Tilly Charles*. Strikes in France, 1830–1968. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Smith Angel*. The Corporatist Threat and the Overthrow of the Spanish Second Republic / European Democratization since 1800 / Eds. John Garrard, Vera Tolz, Ralph White. New York: St. Martin's, 2000.
- Solnick Steven L*. Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.
- Sørensen Georg*. Democracy and Democratization: Processes and Prospects in a Changing World. Boulder, Colo.: Westview, 1998.

- Steinberg Jonathan*. Why Switzerland? 2nd Ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Stone Bailey*. The Parlement of Paris, 1774–1789. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981.
- Suny Ronald Grigor*. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993.
- Suny Ronald Grigor*. Ambiguous Categories: States, Empires, and Nations // Post-Soviet Affairs, 1995, 11, p. 185–196.
- Suter Andreas*. Der Schweizerische Bauernkrieg von 1653: Politische Sozialgeschichte — Sozialgeschichte eines politischen Ereignisses. Tübingen: Bibliotheca Academica Verlag, 1997.
- Sutherland D. M. G.* The Chouans: The Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford: Clarendon, 1982.
- Tanner Albert*. Spulen — Weben — Sticken: Die Industrialisierung in Appenzell Ausserrhoden. Zurich: Juris Druck, 1982.
- Tarrow Sidney*. Power in Movement. 2nd Ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- The Politics of Race, Class and Nationalism in 20th-century South Africa / Eds. Marks Shula, Trapido Stanley*. London: Longman, 1987.
- Tilly Charles*. Britain Creates the Social Movement // Social Conflict and the Political Order in Modern Britain / Eds. James Cronin and Jonathan Schmeer. London: CroomHelm, 1982.
- Tilly Charles*. The Contentious French. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
- Tilly Charles*. Popular Contention in Great Britain, 1758–1834. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- Tilly Charles*. Parliamentarization of Popular Contention in Great Britain, 1758–1834 // Theory and Society, 1997, 26, p. 245–273.
- Tilly Charles*. Durable Inequality. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Tilly Charles*. Historical Analysis of Political Processes / Ed. Jonathan H. Turner. Handbook of Sociological Theory. New York: Kluwer/Plenum, 2001 (a).

- Tilly Charles*. Mechanisms in Political Processes // Annual Review of Political Science, 2001 (b), 4, p. 21–41.
- Tilly Charles*. Event Catalogs as Theories // Sociological Theory, 2002 (a), 20, p. 248–254.
- Tilly Charles*. Stories, Identities, and Political Change. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2002 (b).
- Tilly Charles*. Changing Forms of Inequality // Sociological Theory, 2003 (a), 21, p. 31–36.
- Tilly Charles*. Inequality, Democratization, and De-Democratization // Sociological Theory, 2003 (b), 21, p. 37–43.
- Tilly Charles*. The Politics of Collective Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (c).
- Tilly Charles*. When Do (and Don't) Social Movements Promote Democratization? // Social Movements and Democracy / Ed. Pedro Ibarra. New York: Palgrave, 2003 (d).
- Tilly Charles, Wood Lesley*. Contentious Connections in Great Britain, 1828–1834 // Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action / Eds. Mario Diani and DougMcAdam. New York: Oxford University Press, 2003.
- Tilly Charles, Tilly Louise A., Tilly Richard*. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
- Tishkov Valery*. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame. London: Sage, 1997.
- Tishkov Valery*. Ethnic Conflicts in the Former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research, 1999, 36, p. 571–591.
- Tocqueville Alexis de*. Correspondance d'Alexis de Tocqueville et de Francisque de Corcelle. Vol. 15. Paris: Gallimard, 1983. Oeuvres Complètes.
- Tocqueville Alexis de*. Oeuvres. Vol. 1 / Ed. Andre Jardin. Paris: Gallimard, 1991.
- Tolz Vera*. Russia's Democratic Transition and Its Challenges // European Democratization since 1800 / Eds. John Garrard, Vera Tolz, Ralph White. New York: St. Martin's, 2000.

- Townshend Charles*. The Culture of Paramilitarism in Ireland // Terrorism in Context / Ed. Martha Crenshaw. University Park: Pennsylvania State University Press, 1995.
- Trechsel Alexander*. Feuerwerk Volksrechte: Die Volksabstimmungen in den scheinzerischen Kantonen 1970–1996. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 2000.
- Trotsky Leon*. The History of the Russian Revolution. London: Victor Gollancz, 1965 [См. рус. изд.: *Троцкий Л.* История русской революции. М.: Терра — Книжный клуб, 1997].
- Vanhanen Tatu*. A New Dataset for Measuring Democracy, 1810–1998 // Journal of Peace Research, 2000, 37, p. 251–265.
- Varese Federico*. Pervasive Corruption // Economic Crime in Russia / Eds. Alena Ledeneva, Marina Kurkchian. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
- Varese Federico*. The Russian Mafia: Private Protection in a New Market Economy. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Vernon James*. Politics and the People: A Study in English Political Culture c. 1815–1867. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Volkov Vadim*. Violent Entrepreneurs: The Use of Force in the Making of Russian Capitalism. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2002.
- de Vries Jan*. The Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- de Vries Jan*. European Urbanization, 1500–1800. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.
- de Vries Jan, van der Woude Ad*. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Wahrnehmungsformen und Protestverhalten: Studien zur Lage der Unterschichten im 18. und 19. Jahrhundert / Ed. Puls Detlev. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1979.
- Watkins Susan Cotts*. From Provinces into Nations. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Wells Charlotte C*. Law and Citizenship in Early Modern France. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.

- Westrich Sal Alexander.* The Ormée of Bordeaux: A Revolution during the Fronde. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1972.
- Whitehead Laurence.* Three International Dimensions of Democratization // The International Dimensions of Democratization. Expanded edition / Ed. Laurence Whitehead. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Wiegandt Ellen.* The Jura Question: A Challenge to Swiss Ethnic Peace / Eds. David Howell, Gert von Pistohlkors, Ellen Wiegandt. Roots of Rural Ethnic Mobilisation. New York: New York University Press, 1992.
- Wirtschaftler Elise Kimerling.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997.
- Woloch Isser.* Jacobin Legacy: The Democratic Movement under the Directory. Princeton: Princeton University Press, 1970.
- Woloch Isser.* The New Regime. Transformations of the French Civic Order, 1789–1820s. New York: Norton, 1994.
- Woodruff David.* Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999.
- Wyrsch Paul.* Der Kanton Schwyz äusseres Land 1831–1833. Lachen: Gutenberg // Schwyzer Hefte, 1983, vol. 28.
- Yashar Deborah J.* Demanding Democracy: Reform and Reaction in Costa Rica and Guatemala, 1810s–1950s. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997.
- Zaret David.* Origins of Democratic Culture: Printing, Petitions, and the Public Sphere in Early-Modern England. Princeton: Princeton University Press, 2000.

ISBN 078-6-7508-0734-0

0 78 6 7508 0734 0

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ТИЛЛИ ЧАРЛЬЗ

БОРЬБА И ДЕМОКРАТИЯ В ЕВРОПЕ, 1650–2000 ГГ.

*Выражаем признательность ЗАО «Олимп—Бизнес»
за помощь в подготовке издания*

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
НАТАЛЬЯ РАЩУПКИНА

Корректоры
НАДЕЖДА АНТОНОВА
ТАТЬЯНА НАРЫШКИНА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 23,0
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1087. Заказ № 1998

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6